

ISSN 2587-8123 (Print)
ISSN 2658-5995 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2024

Том 23. № 3

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

THE LOWER VOLGA
ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2024

Volume 23. No. 3

THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2024. Vol. 23. No. 3

Academic Periodical

First published in 1998

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-68211** of December 27, 2016)

The journal is included in the following Russian and international databases: **Scopus**, **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **AWOL** (USA), **DOAJ** (Sweden), **MIAR** (Spain), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain)

Editorial Staff:

M.A. Balabanova – Dr. Sc., Prof., Chief Editor (Volgograd);
M.V. Krivosheev – Cand. Sc., Deputy Chief Editor (Volgograd);

K.S. Kovaleva – Executive Secretary (Volgograd);

V.I. Moiseev – Assistant Editor (Volgograd);

N.G. Glazkova – Cand. Sc., Assoc. Prof., Editor of English Texts (Volgograd);

V.M. Klepikov – Cand. Sc., Assoc. Prof. (Volgograd);

E.V. Pererva – Cand. Sc. (Volgograd);

A.N. Dyachenko (Volgograd);

N.M. Malov – Cand. Sc. (Saratov);

V.N. Myshkin – Cand. Sc. (Samara)

A.S. Skripkin – Dr. Sc., Prof. (Chief Editor of the Periodical from 1998 to 2021) is permanently included in the Editorial Board by the decision of the Academic Council of the Volgograd State University due to his outstanding contribution to the Journal’s development

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-35. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: nav@volsu.ru

Journal Website: <https://nav.jvolsu.com>

English version of the Website:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

Editorial Board:

Dr. Sc., Prof. *A.I. Aybabin* (Simferopol); Dr. Sc. *A.Yu. Alekseev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Acad. of RAS *Kh.A. Amirkhanov* (Moscow); Cand. Sc. *A.V. Borisov* (Pushchino); Dr. Sc., Acad. of RAS *A.P. Buzhilova* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *M.S. Gadzhiev* (Makhachkala); Dr. Sc. *I.P. Zasetzkaya* (Saint Petersburg); Dr. Sc. *E.D. Zilivinskaya* (Moscow); Dr. Sc., Corr. Member of RAS *A.I. Ivanchik* (Moscow); Docteur habilité *M.M. Kazanskiy* (Paris, France); Dr. Sc. *A.G. Kozintsev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *L.N. Koryakova* (Yekaterinburg); Dr. Sc., Assoc. Prof. *V. Kulchar* (Szeged, Hungary); Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don); Cand. Sc. *V.Yu. Malashev* (Moscow); Cand. Sc., Prof. *I.I. Marchenko* (Krasnodar); Dr. Sc., Prof. *S.Yu. Monakhov* (Saratov); Dr. Sc., Prof. *N.L. Morgunova* (Orenburg); Dr. Sc. *M.G. Moshkova* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *L.F. Nedashkovsky* (Kazan); Dr. Sc., Prof., Corr. Member of RAS *N.V. Polosmak* (Novosibirsk); Cand. Sc. *B.A. Raev* (Rostov-on-Don); Dr. Sc. *N.N. Seregin* (Barnaul); Dr. Sc. *M.Yu. Treister* (Bonn, Germany); Dr. Sc., Prof. *A.M. Khazanov* (Madison, USA); Dr. Sc., Prof. *I.N. Khrapunov* (Simferopol)

Editors, Proofreaders: *A.O. Akimova*, *N.M. Vishnyakova*
Making up and technical editing by *O.N. Yadykina*

Passed for printing on July 2, 2024.

Date of publication: , 2024. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 16.1. Published pages 17.3.

Number of copies 500 (1st printing 1–27 copies).

Order . «C» 24.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2024. Т. 23. № 3

Научный журнал

Основан в 1998 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИИ № ФС77-68211 от 27 декабря 2016 г.)

Журнал включен в следующие российские и международные базы данных: **Scopus**, **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **РИНЦ** (Россия), **AWOL** (США), **DOAJ** (Швеция), **MIAR** (Испания), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания)

Редакционная коллегия:

М.А. Балабанова – д-р ист. наук, проф., главный редактор (г. Волгоград);

М.В. Кривошеев – канд. ист. наук, заместитель главного редактора (г. Волгоград);

К.С. Ковалева – ответственный секретарь (г. Волгоград);

В.И. Моисеев – технический секретарь (г. Волгоград);

Н.Г. Глазкова – канд. ист. наук, доц., редактор текстов на английском языке (г. Волгоград);

В.М. Клепиков – канд. ист. наук, доц. (г. Волгоград);

Е.В. Перерва – канд. ист. наук (г. Волгоград);

А.Н. Дьяченко (г. Волгоград);

Н.М. Малов – канд. ист. наук (г. Саратов);

В.Н. Мышкин – канд. ист. наук (г. Самара)

А.С. Скрипкин – д-р ист. наук, проф. (главный редактор журнала с 1998 по 2021 г.) решением Ученого совета Волгоградского государственного университета навечно включен в состав редакционной коллегии в связи с огромным вкладом в развитие журнала

Адрес редакции и издателя:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет

Тел.: (8442) 40-55-35. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: nav@volsu.ru

Сайт журнала: <https://nav.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

Редакционный совет:

д-р ист. наук, проф. *А.И. Айбабин* (г. Симферополь);

д-р ист. наук *А.Ю. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);

д-р ист. наук, акад. РАН *Х.А. Амирханов* (г. Москва);

канд. биол. наук *А.В. Борисов* (г. Пушкино); д-р ист.

наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва); д-р ист.

наук, проф. *М.С. Гаджиев* (г. Махачкала); д-р ист.

наук *И.П. Засецкая* (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук

Э.Д. Зилвинская (г. Москва); д-р ист. наук, чл.-кор.

РАН *А.И. Иванчик* (г. Москва); д-р хаб. *М.М. Казан-*

ский (г. Париж, Франция); д-р ист. наук *А.Г. Козин-*

цев (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук, проф.

Л.Н. Корякова (г. Екатеринбург); канд. ист. наук, доц.

В. Кульчар (г. Сегед, Венгрия); д-р ист. наук *С.И. Лу-*

кьяшко (г. Ростов-на-Дону); канд. ист. наук *В.Ю. Ма-*

лашев (г. Москва); канд. ист. наук, проф. *И.И. Мар-*

ченко (г. Краснодар); д-р ист. наук, проф. *С.Ю. Мо-*

нахов (г. Саратов); д-р ист. наук, проф. *Н.Л. Моргу-*

нова (г. Оренбург); д-р ист. наук *М.Г. Мошкова*

(г. Москва); д-р ист. наук, проф. *Л.Ф. Недашковский*

(г. Казань); д-р ист. наук, проф., чл.-кор. РАН *Н.В. По-*

лосьямак (г. Новосибирск); канд. ист. наук *Б.А. Ра-*

ев (г. Ростов-на-Дону); д-р ист. наук *Н.Н. Серегин*

(г. Барнаул); д-р ист. наук *М.Ю. Трейстер* (г. Бонн,

Германия); д-р ист. наук, проф. *А.М. Хазанов*

(г. Мэдисон, США); д-р ист. наук, проф. *И.Н. Хра-*

пунов (г. Симферополь)

Редакторы, корректоры: *А.О. Акимова*,

Н.М. Вишнякова

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 02.07 2024 г.

Дата выхода в свет: . 2024 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 16,1.

Уч.-изд. л. 17,3. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–27 экз.).

Заказ . «С» 24.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Богданаши А.В., Китов Е.П.
Половозрастная структура населения
потоповской и синташтинской культур
позднего бронзового века
по материалам погребальных памятников
Волго-Уральского региона 5

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Вооружение
меотских всадников IV в. до н.э.
(по материалам Прикубанского могильника) 21

*Березина Н.Я., Абрамова А.Н., Авакян А.К.,
Иванов А.В., Мармер И.Л., Гиря Е.Ю.*
Первая находка трепанации черепа
на материалах меотского могильника
(могильник Старокорсунского городища № 2,
Краснодарский край) 38

Малашев В.Ю., Кривошеев М.В. К атрибуции
некоторых групп катакомбных памятников
юга Восточной Европы
второй половины III – начала V века 52

Мальшев А.Б., Ракушин А.И.
Средневековые кочевнические памятники
Саратовской области домонгольского времени 79

ПУБЛИКАЦИИ

Выборнов А.А., Хохлов А.А., Бородулин К.И.
Мезолитические погребения Волго-Уралья 130

Клепиков В.М. Статусное
среднесарматское погребение
из могильника Ковалевка
в Волгоградской области 143

*Разуваев Ю.Д., Меркулов А.Н., Нелюбов С.А.,
Неретина Ю.А.* Бескурганый могильник
сарматского времени
на Малом Сторожевом городище
в Среднем Подонье 157

CONTENTS

ARTICLES

Bogdanash A.V., Kitov E.P.
Age and Sex Structure of the Population
of the Potapovo and Sintashta Cultures
in the Late Bronze Age
Based on the Materials of Funerary Monuments
from the Volga-Ural Region 5

Limberis N.Yu., Marchenko I.I. Armament
of the Maeotian Horsemen of the 4th Century BC (Based
on Materials from the Prikubansky Burial Ground) 21

*Berezina N.Ya., Abramova A.N., Avakyan A.K.,
Ivanov A.V., Marmer I.L., Giryay E.Yu.*
The First Cranial Trepanation Find
in a Meotian Burial Ground
(Starokorsunskiy Settlement No. 2,
Krasnodar Region) 38

Malashev V.Yu., Krivosheev M.V. Revisiting the Issue
of Attribution of Some Catacomb Monuments Groups
from the South of Eastern Europe
in the Late 3rd – early 5th Centuries 52

Malyshev A.B., Rakushin A.I.
Pre-Mongolian Medieval Nomadic Monuments
from the Saratov Region 79

PUBLICATIONS

Vybornov A.A., Khokhlov A.A., Borodulin K.I.
Mesolithic Burials of the Volga-Urals 130

Klepikov V.M. A High-Status
Middle Sarmatian Burial
from the Kovalevka Burial Complex
in the Volgograd Region 143

*Razuvaev Yu.D., Merkulov A.N., Nelyubov S.A.,
Neretina Yu.A.* Kurganless Cemetery
of the Sarmatian Times
on the Maloe Storozhevoe Hillfort
in the Middle Don Basin 157

www.volsu.ru

СТАТЬИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.1>

UDC 572.02:902/904

LBC 63.44

Submitted: 19.10.2023

Accepted: 20.05.2024

**AGE AND SEX STRUCTURE OF THE POPULATION
OF THE POTAPOVO AND SINTASHTA CULTURES
IN THE LATE BRONZE AGE BASED ON THE MATERIALS
OF FUNERARY MONUMENTS FROM THE VOLGA-URAL REGION ¹**

Artem V. Bogdanash

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

Egor P. Kitov

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the gender and age structure of the population of the Potapovo and Sintashta cultures in the late Bronze Age based on anthropological materials from a cemetery in the Volga-Ural region. According to archaeological data, both of them belong to a single cultural block; nevertheless, issues of their correlation and primacy in the time of origin are still debatable. 336 markers of gender and age definition in the individuals were applied. Calculations of the main demographic indicators were carried out; histograms of the ratio of age and gender groups were constructed for each culture under consideration. Using the principal components method, an intergroup comparison was carried out on demographic indicators of 31 series in the south of Eastern Europe and Transcaucasia. The indicators of the Potapovo and Sintashta groups have high infant mortality. At the same time, more even ratios of sex and age classes were noted for the Sintashta group of the Trans-Urals. In contrast to Potapovo, a more favorable external and internal social situation for the Sintashta population is assumed. A comparison of demographic indicators against a broader geographical and chronological background demonstrates, firstly, the convergence of the Potapovo and Sintashta groups, the manifestation of similar trends among subsequent series of log culture in the same region, and, on the contrary, sharp differences with the data of the previous pastoral Yamno-Poltavka population. Thus, the demographic indicators of the Potapovo and Sintashta cultures can symbolize the transition to new ethno-cultural living conditions, to the beginning of the formation of stationary geographical points, to the gradual settling of collectives.

Key words: paleodemography, sex and age structure, Potapovo culture, Sintashta culture, mortality tables, mortality rates, age cohorts of the population.

Citation. Bogdanash A. V., Kitov E. P., 2024. Polovozrastnaya struktura naseleniya potapovskoy i sintashtinskoy kul'tur pozdnego bronzovogo veka po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov Volgo-Ural'skogo regiona [Age and Sex Structure of the Population of the Potapovo and Sintashta Cultures in the Late Bronze Age Based on the Materials of Funerary Monuments from the Volga-Ural Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 3, pp. 5-20. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.1>

© Богданаш А. В., Китов Е. П., 2024

**ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ
ПОТАПОВСКОЙ И СИНТАШТИНСКОЙ КУЛЬТУР
ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ
ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА¹**

Артем Васильевич Богданаш

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

Егор Петрович Китов

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе анализируется половозрастная структура населения потаповской и синташтинской культур позднего бронзового века по антропологическим материалам погребальных памятников Волго-Уральского региона. По данным археологии обе они относятся к единому блоку культур, но вопросы их соотношения и первенства во времени происхождения по-прежнему дискуссионные. Использовано 336 определений пола и возраста индивидов. Произведены расчеты основных демографических показателей, построены гистограммы соотношения возрастных классов и гендерных долей для каждой из рассматриваемых культур. По методу главных компонент проведено межгрупповое сравнение по демографическим показателям 31 серии юга Восточной Европы и Закавказья. Показатели потаповской и синташтинской групп имеют сходства и различия. Для каждой из групп характерна высокая детская смертность. Более ровные соотношения половозрастных классов отмечены для синташтинской группы Зауралья. Вместе с данными по археологическим представлениям о большей устойчивости керамического производства у населения синташты, а также минимальное количество наблюдений травматических повреждений на антропологических материалах в отличие от потаповского, предполагается более благоприятная внешняя и внутренняя социальная обстановка для этого населения. Сравнение демографических показателей на более широком географическом и хронологическом фоне демонстрирует, во-первых, сближение потаповской и синташтинской групп, проявление похожих тенденций среди последующих по времени серий срубной культуры этого же региона и, напротив, резкие различия с данными предшествующего скотоводческого ямно-полтавкинского населения. Таким образом, демографические показатели потаповской и синташтинской культур могут символизировать переход к новым этнокультурным условиям жизни, к началу формирования стационарных поселений.

Ключевые слова: палеодемография, половозрастная структура, потаповская культура, синташтинская культура, таблицы смертности, показатели смертности, возрастные когорты.

Цитирование. Богданаш А. В., Китов Е. П., 2024. Половозрастная структура населения потаповской и синташтинской культур позднего бронзового века по материалам погребальных памятников Волго-Уральского региона // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 3. С. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.1>

Введение и историография

Памятники (XXI–XIX вв. до н.э.) потаповского на Средней Волге и синташтинского в Южном Зауралье культурных типов открывают поздний период эпохи бронзы, характеризующийся новыми социальными, хозяйственными и технологическими преобразованиями [Васильев и др., 1994; Зданович, 1997]. Заметным их отличием от памятников предшествующего, в частности ямно-полтавкинского вре-

мени, является большее количество захоронений под курганными насыпями. Демографические исследования начального этапа эпохи поздней бронзы впервые были приведены в работе по материалам могильника Потаповка I Самарского Заволжья. Была отмечена высокая доля умерших в детском возрасте (65,8%), большинство людей не доживало до постпубертатного периода и вероятность дожить до зрелого возраста выше у индивидов мужского пола [Яблонский, Хохлов, 1994].

Результаты исследования памятника Каменный амбар синташтинской культуры продемонстрировало еще большую долю умерших детей (89 %) от общего количества индивидов [Ражев, Епимахов, 2004]. На основании этого авторы предложили версию, по которой высокая детская смертность могла быть вызвана вспышками инфекционного антропоозонного заболевания типа ящура или близкой к нему болезни. Альтернативная точка зрения была предложена другими исследователями [Рыкушина, 2003; Куприянова, 2004; Хохлов, 2010], причиной стало возможное влияние каких-либо специфических детских заболеваний типа кори, краснухи и др. Было также отмечено, что высокая детская смертность – нормальное явление как для древних, так и современных, в частности оседлых, обществ вследствие естественного отбора, меньшей физиологической устойчивости детей к стрессовым факторам среды [Хохлов, 2010].

Помимо поиска причин высокой детской смертности, вызванной различными заболеваниями, также исследовались вопросы преднамеренного отбора места захоронения для умерших, в данном случае выделения сепаратных детских кладбищ [Грязнов, 1956; Молодин, 1984; Кирюшин, 1995], или специальных детских участков [Матющенко, 1994]. Для территорий Волго-Уралья существование такого явления было показано на массовых материалах срубной культуры [Хохлов, 2003].

Исследователями потаповских и синташтинских памятников также рассматривались и частные вопросы демографии населения с выходом на социальную структуру общества [Епимахов, Берсенева, 2012; Lindstrom, 2002; Куприянова, Зданович, 2015; Берсенева, 2019].

К настоящему времени получены новые материалы (мог. Степное, Малоюлдашево, Кутулук I), с учетом которых сформированы дополнительные представления об антропологической и социальной структуре населения, оставившего памятники потаповского и синташтинского типов, разработаны более объективные методы анализа источников [Евгеньев и др., 2016]. Это позволяет вернуться к изучению демографии данных обществ.

Целью данной работы является определение половозрастной структуры населения потаповской и синташтинской культур поздне-

го бронзового века по материалам погребальных памятников Волго-Уральского региона, выявление демографических особенностей каждой из них на фоне синхронных и более ранних популяций бронзового века.

Материалы и методика исследования

Для анализа половозрастных характеристик населения потаповской и синташтинской культур были использованы данные по 336 индивидам: 87 – потаповская культура, 249 – синташтинская культура (табл. 1).

Для уточнения возрастной структуры популяций индивиды потаповской и синташтинской культур были распределены на 11 возрастных классов (в годах): 0–4, 5–9, 10–14, 15–19, 20–24, 25–29, 30–34, 35–39, 40–44, 45–49, старше 50 лет. Подсчитаны процентные соотношения мужчин, женщин и детей, на основании которых были построены гистограммы распределения индивидов согласно возрастным когортам (рис. 1–4). Рассчитан ряд других показателей, используемых для построения таблиц смертности, принятых в палеодемографических исследованиях (табл. 2, 3).

По методу главных компонент (программа Statistica 8.0) с использованием данных, полученных с помощью компьютерной версии ACHERON (разработка Д.В. Богатенкова) [Алексеева и др., 2003], проведено межгрупповое сравнение между сериями эпохи бронзы Восточной Европы (табл. 4). Общая численность суммарной серии составила более 1200 половозрастных определений. Были использованы как опубликованные [Алексеева и др., 2003; Громов, Хохлов, 2018], так и неопубликованные данные авторов публикации.

Сравнение проводилось по пяти основным показателям: средний возраст умерших в группе женщин без учета детей и подростков (AAf, лет), средний возраст умерших в группе мужчин без учета детей и подростков (AAm, лет), процентное соотношение полов (PSRm, %), показатель детской смертности (PCD), доля индивидов старше 50 лет (C50+) (табл. 5).

Исследование и результаты

На основании половозрастных определений были построены графики динамики пока-

зателей возраста смертности потаповской (рис. 1–2) и синташтинской культуры (рис. 3–4).

Исходя из имеющихся данных по индивидам потаповской культуры, наибольшее их количество приходится на детский возраст (0–9 лет) – 70,7 %. В выборке зрелой части населения (старше 15 лет) фиксируется преобладание мужчин (58,5 %) над женщинами. Средняя продолжительность жизни без учета детей в этой группе небольшая (34,7 года), отдельно для женщин – 33,4 года, а для мужчин – 37,3 лет (табл. 3).

На графике распределения умерших по возрастам (рис. 1) наибольшие пики приходятся на детский период 0–9 лет, а наименьшие на оптимально физиологически зрелый возраст жизни (25–34 года). Можно отметить некоторое увеличение доли умерших в раннем ювенальном возрасте (15–19 лет), причем за счет именно женской части, которая повышена и для первой половины последующего этапа (25–29 лет). Для последнего фиксируется минимальная представительность возрастного интервала 25–34 года, что может объясняться численностью серии. Отмечается очевидное доминирование мужской части населения над женской в возрасте 35–49 лет, особенно в начале этого интервала (35–39 лет). Относительно женской группы населения начиная с возраста 40–44 года их доля растет, превалируя над умершими мужчинами на старческом этапе жизни (50+). Так, женщины, достигнув зрелого возраста (40–44 года), вероятно, имели высокий шанс дожить до преклонных лет.

В материалах синташтинской культуры также фиксируется высокая детская смертность (59,2 %), но она ниже, чем в потаповской группе. Почти тождественное значение преобладания мужчин (59,7 %) над женщинами. Чуть ниже, чем в потаповской группе, средняя продолжительность жизни без учета детей (31,7 год); также средний возраст смерти мужчин выше (33,3 года), чем у женщин (29,6 лет).

На графике (рис. 3) возрастная динамика показателей смертности населения для сводной группы памятников синташтинской культуры Волго-Уральского региона демонстрирует изменение данных от пика в возрастной когорте 0–4 с резким снижением к когорте 10–14 лет и плавным выбытием населения

от возрастной группы 15–19 лет к 50+, что свидетельствует о представительности серии. Так же, как и для потаповской группы, отражены высокие пики смертности для детского возраста (0–9 лет).

Наблюдаются отличия в представительности мужчин и женщин при рассмотрении разных возрастных категорий (рис. 4). Во-первых, доля индивидов молодого возраста (25–34 года) здесь довольно представительна, причем численно доминирует над последующими возрастными интервалами (старше 34+). И здесь же нужно отметить более высокую смертность женщин по сравнению с мужчинами в более широком диапазоне (20–34 года). Во-вторых, в пожилой части населения (старше 35 лет) доля мужчин заметно выше.

Отмеченные различия между синташтинской и потаповской группами, могут быть связаны с меньшими количественными показателями (почти втрое) волго-уральской группы. Между тем, все же можно отметить, что показатели смертности для зауральской группы отличаются: ниже детская смертность, большая доля женщин по сравнению с мужчинами в 1-й период зрелого возраста (20–34 лет), сравнительно сбалансированная представительность мужчин во всех возрастных категориях. Вероятно, это связано с большей встречаемостью травм боевого происхождения в потаповской группе – 21,2 % [Хохлов, Китов, 2019, с. 276], в то время как в синташтинской травмы боевого происхождения единичны.

Единичные фиксации боевого травматизма, более устойчивое, единообразное керамическое производство у зауральцев [Васильев и др., 1994], представительный комплекс поселенческих и погребальных памятников может свидетельствовать о более стабильной и благополучной жизни и меньшей социальной напряженности в зауральской группе.

По пяти демографическим показателям, общим для мужчин и женщин, проведено межгрупповое сопоставление 31 серии эпохи раннего металла юга Восточной Европы и Закавказья (табл. 4) методом главных компонент. В ГК 1 максимальные нагрузки ложатся на четыре показателя: детской смертности, средний возраст смерти без учета детей в муж-

кой группе, средний возраст смерти без учета детей в женской группе, показатель доли индивидов старше 50 лет (табл. 5). В ГК 2 наиболее весомыми показателями оказались: средний возраст смерти без учета детей в женской группе и индивидов данного пола (PSRm) по мужской группе.

На основе этих данных был построен график распределения серий соответственно их координатам (рис. 5). В левой части концентрируются группы ямной (№ 2–8) и катакомбной (№ 18–20) культур ранней и средней бронзы степей и лесостепей юга Восточной Европы. В отдалении от них расположились серии Пластуновского I могильника Краснодарского края (№ 1) и криволукской культуры Нижнего Поволжья (№ 29).

В правой части графика ближе к центру фиксируется некоторое скопление, в основе которого серии из районов Краснодарского и Ставропольского края (№ 10, 11, 15–17, 21, 23–25). Именно здесь располагаются серии потаповской (№ 14) и синташтинской (№ 28) культур Волго-Уралья, а также группы раннего и среднего этапов развития срубной культуры Самарского Поволжья (№ 26, 27).

Различия в положении серий, с одной стороны, ямно-катакомбного круга степных культур и, с другой, последующих по времени потаповской и синташтинской, обусловлены достоверно различающимися демографическими показателями. У вторых выше смертность детей, относительно меньше возраст жизни мужчин и женщин, малая доля индивидов, доживавших до старческого возраста. Различия между этими хронологически разделенными обществами достаточно велики и по культурному содержанию, истории развития [Васильев и др., 1994; Зданович, 1997], а также антропологическому составу [Хохлов, 1998; 2017]. Для групп ямно-полтавкинского круга с подвижным типом хозяйства обнаруживаются в основном небольшие могильники, половозрастной состав погребенных в которых не отражает демографическую структуру популяции [Громов, Хохлов, 2018].

Специфика половозрастной структуры погребенных в потапово-синташтинских курганах указывает на существование в среде оставившего их населения собственных пред-

ставлений о погребальных традициях, особой социальной организации и хозяйственного уклада жизни. Близость этих серий на графике, в том числе с сериями срубной культуры, отражает, прежде всего, закрепившуюся тенденцию среди населения последующего этапа поздней бронзы создания многомогильных курганов. Население срубной культуры, как известно [Васильев, 2010], вело оседлый тип хозяйства и, видимо, хоронило умерших преимущественно в одном месте в течение периода функционирования поселения. Соответственно этому меняются половозрастные показатели, представительная численность которых, с учетом всех раскопанных курганов некрополя, дает хорошую основу для реконструкции демографической структуры живого населения.

Цифры большой детской смертности на протяжении всего периода поздней бронзы (диапазон в исследуемых сериях 30–80 %), от появления в Волго-Уралье потапово-синташтинского населения до финального этапа существования популяций срубной культуры (как минимум 500 лет), позволяют говорить об отсутствии какой-либо одной причины для такого высокого показателя. Едва ли это можно связывать исключительно с влиянием зоонозного заболевания (ящура) или какими-либо сугубо детскими заболеваниями. В последнее время появилась информация о нахождении на костных образцах срубной культуры Самарского Поволжья (могильник Михайловский II) штамма чумы [Spyrou et al., 2018]. Кроме того, влияние каких-либо эпидемий не может считаться единственным фактором высокой смертности детской части населения в популяциях поздней бронзы региона. Вероятно, здесь следует также учитывать антисанитарию и голод, способствующие возникновению самых разнообразных причин для развития специфических и неспецифических заболеваний организма человека.

Исходя из половозрастных структур популяций бронзового века юга Восточной Европы, время появления в Волго-Уралье памятников потаповской и синташтинской культур символизирует переход к новым этнокультурным условиям жизни, к началу формирования стационарных поселений.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 22-18-00194 «Эпохальная трансформация культурного и физического облика населения юга Среднего Поволжья и Приуралья в период неолит – ранний железный век по источникам археологии, антропологии, генетики».

The project was carried out with the financial support of the RSF 22-18-00194 “The Epochal Transformation of the Cultural and Physical Appearance of the Population from the South of the Middle Volga region and Cis-Urals region in the Neolithic and Early Iron Age according to Archeological, Anthropological and Genetics Sources”.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Перечень материалов из могильников потаповской и синташтинской культур

Table 1. List of materials from the burial grounds of the Potapovo and Sintashta cultures

№	Памятник	Кол-во скелетов
Потаповская культура		
1	Потаповка I	44
2	Грачевка II	24
3	Утевка VI	19
<i>Всего</i>		87
Синташтинская культура		
1	Каменный Амбар-5	95
2	Танаберген II	52
3	Кривое Озеро	43
4	Большекараганский могильник	28
5	Восточно-Курайли I	24
6	Кутулук I	7
<i>Всего</i>		249

Таблица 2. Палеодемографические характеристики суммарной группы памятников потаповской культуры

Table 2. Paleodemographic features of the total group of monuments of the Potapovo culture

Основные палеодемографические характеристики	Суммарно *	Мужчины	Женщины	Взрослые **
Реальный объем выборки (Nr), чел.	87,0	12,0	8,5	25,5
Средний возраст смерти в группе (A), лет	13,7	37,3	33,4	34,7
Средний возраст смерти без учета детей (AA), лет	34,7	37,3	33,4	34,7
Показатель детской смертности (PCD), %	70,7	–	–	–
Показатель детей в интервале 0–1 от NCD (PBD), %	11,4	–	–	–
Соотношение полов (SR), %	141,1	–	–	141,1
Показатель индивидов данного пола (PSR), %	–	58,5	41,5	–
Ожидаемая продолжительность жизни в интервале 0–4 (E0), лет	13,7	–	–	–
Ожидаемая продолжительность жизни в 15–19 лет (E15), лет	19,7	22,3	18,4	19,7
Ожидаемая продолжительность жизни в 20–24 года (E20), лет	20,6	20,1	22,0	20,6
Средний возраст смерти при 20 % PCD (A20), лет	28,7	31,0	28,2	28,7
Средний возраст смерти при 30 % PCD (A30), лет	25,8	27,6	24,8	25,8
Средний возраст смерти при 40 % PCD (A40), лет	21,2	24,3	22,0	21,2
Длина поколения (T), лет	27,57	27,66	27,66	27,57
Общий показатель рождаемости (CBR)	0,073	0,045	0,054	0,051
Среднегодовой уровень фертильности (B)	6,42	25,75	18,70	21,92
Общий репродуктивный уровень (GRR)	5,46	1,36	1,87	1,60
Общий размер семьи без учета детей (MFS), чел.	6,8	2,0	2,0	2,0
Общий размер семьи с учетом детей (TCFS), чел.	10,9	2,7	3,7	3,2
Доля индивидов старше 15 лет (CA), %	29,3	100,0	100,0	100,0
Доля «активного» населения (CF), %	25,6	91,7	78,4	87,3
Доля индивидов старше 50 лет (C50+), %	3,7	8,3	21,6	12,7
Коэффициент «активного» населения (DR)	2,91	0,09	0,27	0,15

Примечания. * – общее количество индивидов, по которым имеются половозрастные определения, в том числе отдельно только «возраста» для детей; ** – показатель по мужчинам, женщинам, включая индивидов, пол которых сомнителен.

Notes. * – the total number of individuals for whom there are sex and age definitions, including separately only “age” for children; ** – an indicator for men and women, including individuals whose gender is uncertain.

Таблица 3. Палеодемографические характеристики суммарной группы памятников синташтинской культуры

Table 3. Paleodemographic features of the total group of monuments of the Sintashta culture

Основные палеодемографические характеристики	Суммарно *	Муж.	Жен.	Взрослые **
Реальный объем выборки (N _г), чел.	249,0	47,0	31,7	101,6
Средний возраст смерти в группе (A), лет	16,0	33,3	29,6	31,7
Средний возраст смерти без учета детей (AA), лет	31,7	33,3	29,6	31,7
Показатель детской смертности (PCD), %	59,2	–	–	–
Показатель детей в интервале 0–1 от NCD (PBD), %	12,1	–	–	–
Соотношение полов (SR), %	148,0	–	–	148,0
Показатель индивидов данного пола (PSR), %	–	59,7	40,3	–
Ожидаемая продолжительность жизни в интервале 0–4 (E0), лет	16,0	–	–	–
Ожидаемая продолжительность жизни в 15–19 лет (E15), лет	16,7	18,3	14,6	16,7
Ожидаемая продолжительность жизни в 20–24 года (E20), лет	15,3	16,5	11,5	15,3
Средний возраст смерти при 20 % PCD (A20), лет	26,3	27,9	24,9	26,3
Средний возраст смерти при 30 % PCD (A30), лет	23,6	24,8	22,2	23,6
Средний возраст смерти при 40 % PCD (A40), лет	19,4	21,9	19,7	19,4
Длина поколения (T), лет	26,37	26,68	25,37	26,37
Общий показатель рождаемости (CBR)	0,062	0,055	0,068	0,060
Среднегодовой уровень фертильности (B)	7,84	21,03	17,50	19,21
Общий репродуктивный уровень (GRR)	4,47	1,67	2,00	1,82
Общий размер семьи без учета детей (MFS), чел.	4,9	2,0	2,0	2,0
Общий размер семьи с учетом детей (TCFS), чел.	8,9	3,3	4,0	3,6
Доля индивидов старше 15 лет (CA), %	40,8	100,0	100,0	100,0
Доля «активного» населения (CF), %	37,2	89,7	95,1	91,3
Доля индивидов старше 50 лет (C50+), %	3,6	10,3	4,9	8,7
Коэффициент «активного» населения (DR)	1,69	0,11	0,05	0,10

Примечания. * – общее количество индивидов, по которым имеются половозрастные определения, в том числе отдельно только «возраста» для детей; ** – показатель по мужчинам, женщинам, включая индивидов, пол которых сомнителен.

Notes. * – the total number of individuals for whom there are sex and age definitions, including separately only “age” for children; ** – an indicator for men and women, including individuals whose gender is uncertain.

Таблица 4. Перечень сравнительных материалов эпохи бронзы юга Восточной Европы для межгруппового сопоставления

Table 4. Comparative materials list dating back to the Bronze Age from the south of Eastern Europe for intergroup correlation

№	Группа	Культура	Территория	Исследователь
1	Пластуновский I (ЭРБ)	майкоп, ямная, новосвободненская	Россия, Краснодарский край, Низовья Кочетов	[Алексеева и др., 2003]
2	Ямники Украины (Ингульская группа)	ямная	Украина, степь и лесостепь	[Алексеева и др., 2003]
3	Ямники Украины (Ю-В группа)	ямная	Украина, степь и лесостепь	[Алексеева и др., 2003]
4	Ямники Украины (Центр, группа)	ямная	Украина, степь и лесостепь	[Алексеева и др., 2003]
5	Ямники Украины (С-В группа)	ямная	Украина, степь и лесостепь	[Алексеева и др., 2003]
6	Урало-Илекская группа памятников ямной культуры	ямная	Россия, Оренбургская, Челябинская области. Западный Казахстан	[Громов, Хохлов, 2018]
7	Самаро-Сокская группа памятников ямной культуры	ямная	Россия, Самарская область	[Громов, Хохлов, 2018]

Окончание таблицы 4

End of Table 4

№	Группа	Культура	Территория	Исследователь
8	Поволжская группа памятников ямной культуры	ямная	Россия, Самарская, Волгоградская, Саратовская области	[Громов, Хохлов, 2018]
9	Старонижестеблиевская 1	новосвободненская, новотиторовская, восточно-приазовская и батуриная	Россия, Краснодарский край, Среднее течение Понуры	[Алексеева и др., 2003]
10	Олений 1	новотиторовская	Россия, Краснодарский край, верховья Понуры	[Алексеева и др., 2003]
11	Пластуновский 1	новотиторовская	Россия, Краснодарский край, низовья Кочетов	[Алексеева и др., 2003]
12	Великент III (захоронение 11)	кура-аракская	Россия, Дагестан, р-н Дербента	[Алексеева и др., 2003]
13	Великент IV-IVa (захоронение 1)	кура-аракская	Россия, Дагестан, р-н Дербента	[Алексеева и др., 2003]
14	Сводная группа памятников потаповской культуры Волга-Уральского региона	потаповская	Россия, Самарская область	Материалы авторов
15	Лебеди 1	новотиторовская, восточно-приазовская, батуриная и ямная	Россия, Краснодарский край, верховья Понуры	[Алексеева и др., 2003]
16	Мапаи 1	новотиторовская, восточно-приазовская, батуриная и срубная	Россия, Краснодарский край, низовья р. Понуры	[Алексеева и др., 2003]
17	Степной 1	восточноприазовская, батуриная и срубная	Россия, Краснодарский край, верховья р. Челбас	[Алексеева и др., 2003]
18	КТК Украины (С-В группа)	катакомбная	Украина, степь и лесостепь	[Алексеева и др., 2003]
19	КТК Украины (Ю-В группа)	катакомбная	Украина, степь и лесостепь	[Алексеева и др., 2003]
20	КТК Украины Ингульская группа)	катакомбная	Украина, степь и лесостепь	[Алексеева и др., 2003]
21	Олений 1	СБ Прикубанья	Россия, Краснодарский край, верховья Понуры	[Алексеева и др., 2003]
22	Пластуновский 1	СБ Прикубанья	Россия, Краснодарский край, Низовья Кочетов	[Алексеева и др., 2003]
23	Восточномалайский 1	восточноприазовская, батуриная и срубная	Россия, Краснодарский край, Низовья Понуры	[Алексеева и др., 2003]
24	Олений 1	ПБ Прикубанья	Россия, Краснодарский край, верховья Понуры	[Алексеева и др., 2003]
25	Клин Яр 3-4 (кобан)	кобанская	Россия, Ставропольский край, р-н Кисловодска	[Алексеева и др., 2003]
26	Сводная группа памятников раннего этапа срубной культуры	срубная	Россия, Самарская область	Материалы авторов
27	Сводная группа памятников развитого этапа срубной культуры	срубная	Россия, Самарская область	Материалы авторов
28	Сводная группа памятников синташтинской культуры Волга-Уральского региона	синташтинская	Россия, Челябинская, Оренбургская, Самарская области	Материалы авторов
29	Криволукская культура (Смеловский могильник)	криволукская	Россия, Саратовская область	Материалы авторов
30	Покровская культура (Смеловский могильник)	покровская	Россия, Саратовская область	Материалы авторов
31	Срубная культура (Смеловский могильник)	срубная	Россия, Саратовская область	Материалы авторов

Таблица 5. Нагрузки на демографические показатели двух главных компонент

Table 5. Demographic pressure of the two main components

Признаки	Главные компоненты	
	ГК1	ГК2
Показатель детской смертности (PCD), %	0,634463	-0,225734
Средний возраст смерти без учета детей в мужской группе (AAm), лет	-0,952239	-0,136087
Средний возраст смерти без учета детей в женской группе (AAf), лет	-0,606743	-0,660779
Показатель индивидов данного пола (PSRm) по мужской группе, %	-0,350540	0,742832
Доля индивидов старше 50 лет (C50+), %	-0,675271	0,187921

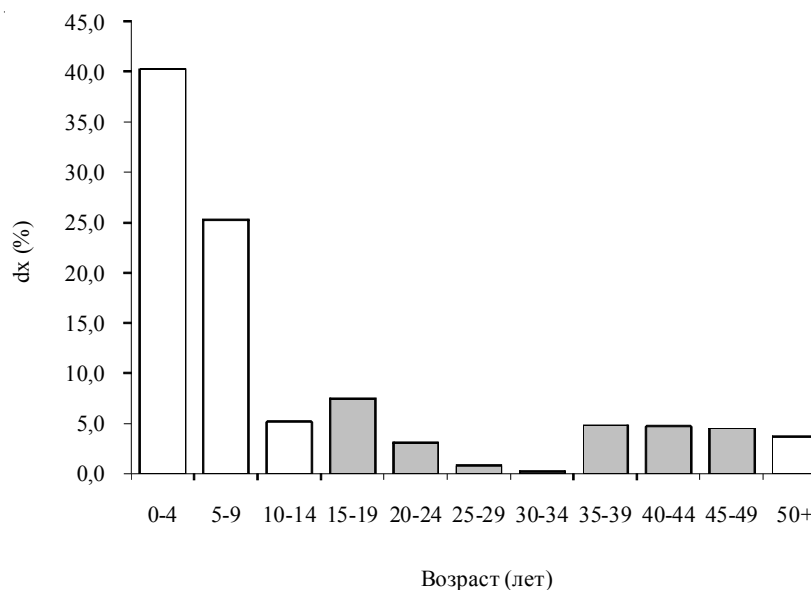

Рис. 1. Возрастная динамика показателей смертности населения для сводной группы памятников потаповской культуры Волго-Уральского региона:

светлые колонки – детский, подростковый и старческий возрасты;
 темные колонки – «активное» население

Fig. 1. Age dynamics of population mortality rates for the consolidated group of monuments of the Potapovo culture of the Volga-Ural region:

light columns – childhood, adolescence, and old age;
 dark columns – active population

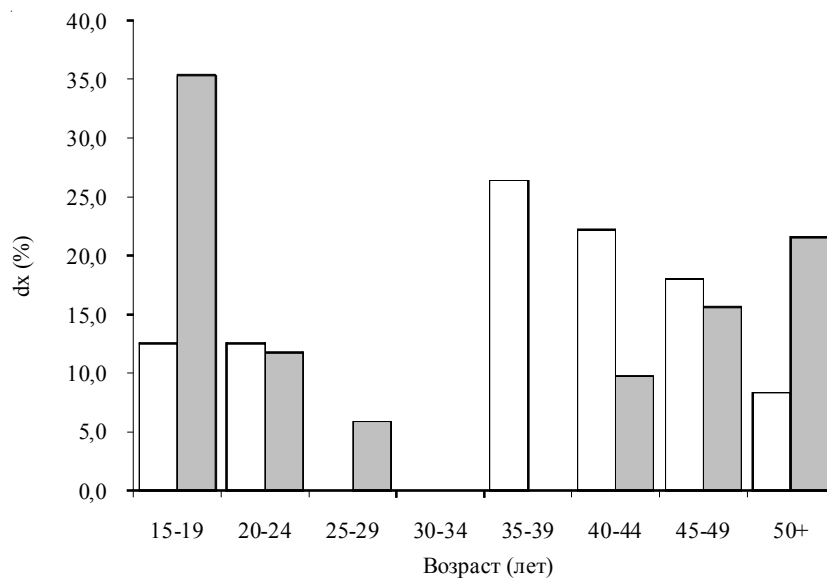

Рис. 2. Динамика показателей смертности мужчин и женщин сводной группы памятников потаповской культуры Волго-Уральского региона в группе значения dx:

светлые колонки – мужчины; темные колонки – женщины

Fig. 2. Dynamics of mortality rates for men and women of the combined group of monuments of the Potapov culture of the Volga-Ural region in the group of dx values:

light columns – men; dark columns – women

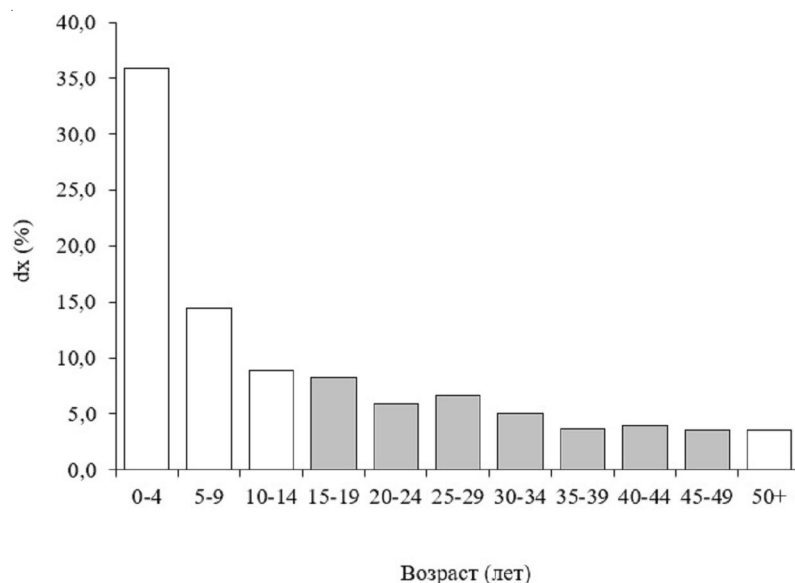

Рис. 3. Возрастная динамика показателей смертности населения для сводной группы памятников синташтинской культуры Волго-Уральского региона – 249 чел.:

светлые колонки – детский, подростковый и старческий возрасты; темные колонки – «активное» население

Fig. 3. Age dynamics of population mortality rates for the consolidated group of monuments of the Sintashta culture of the Volga-Ural region in 249 people:

light columns – childhood, adolescence, and old age; dark columns – active population

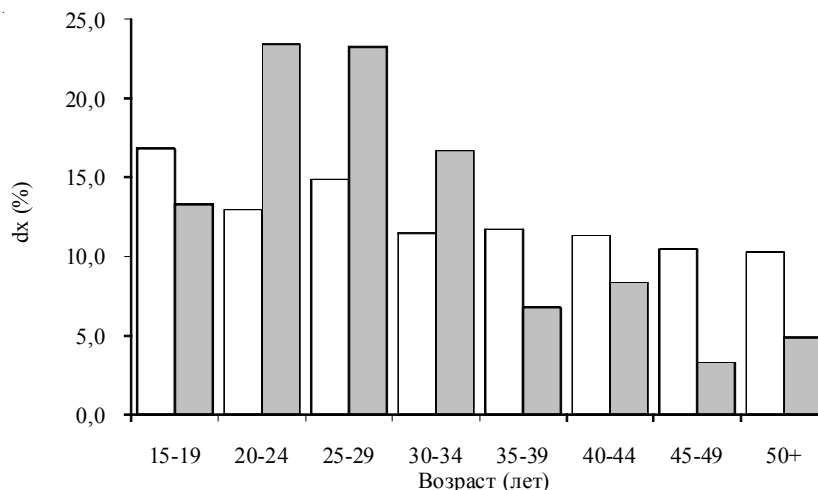

Рис. 4. Динамика показателей смертности мужчин и женщин сводной группы памятников синташтинской культуры Волга-Уральского региона в группе значения dx:

светлые колонки – мужчины; темные колонки – женщины

Fig. 4. Dynamics of mortality rates for men and women of the combined group of monuments of the Sintashta culture of the Volga-Ural region in the group of dx values:

light columns – men; dark columns – women

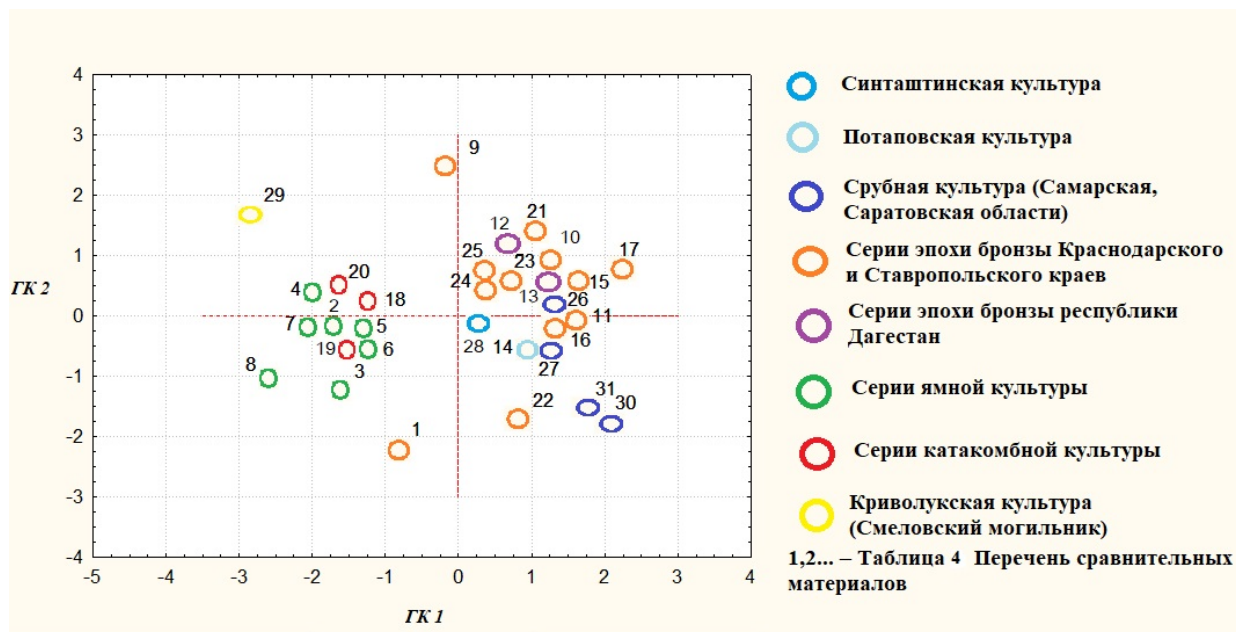

Рис. 5. График распределения сопоставляемых серий в пространстве 1 и 2 главных компонент
Примечание. Нумерация серий представлена в таблице 4.

Fig. 5. Graph of the Distribution of Compared Series in the Space of 1 and 2 Principal Components
Note. The series numbering is presented in table 4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Лебединская Г. В., 2003. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М. : Науч. мир. 131 с.
- Берсенева Н. А., 2019. Возрастная и гендерная дифференциация в обществах Южного Урала II тыс. до н.э. (по материалам погребальных памятников) : дис. ... д-ра ист. наук. Т. 1. Екатеринбург. 410 с.
- Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П., 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара : Самар. ун-т. 208 с.
- Васильев И. Б., 2010. Срубная культура лесостепного Поволжья и Приуралья // Краеведческие записки: 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Вып. 15. Самара : Офорт. С. 64–86.
- Громов А. В., Хохлов А. А., 2018. Половозрастная структура погребенных в могильниках ямной культуры раннебронзового века Поволжья и Приуралья // Кунсткамера. Вып. 1. С. 78–86. DOI: <https://doi.org/10.31250/2618-8619-2018-1-78-86>
- Грязнов М. П., 1956. История древних племен Верхней Оби по материалам раскопок близ с. Большая Речка. Материалы и исследования по археологии СССР. № 48. М. ; Ленинград : АН СССР. 228 с.
- Евгеньев А. А., Купцова Л. В., Мухаметдинов В. И., Рослякова Н. В., Усачук А. Н., Файзуллин И. А., Хохлов А. А., 2016. Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. Оренбург : Центр ОГАУ. 196 с.
- Епимахов А. В., Берсенева Н. А., 2012. Вариативность погребальной практики синташтинского населения (поиск объяснительных моделей) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 11, вып. 3. С. 148–170.
- Зданович Д. Г., 1997. Синташтинское общество : социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск : ЧелГУ. 93 с.
- Кирюшин Ю. Ф., 1995. Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...» : сб., посвящ. памяти этнографов Г.Н. Грачевой и В.И. Васильева. Барнаул : АГУ. С. 58–74.
- Куприянова Е. В., 2004. К вопросу о причинах детских коллективных захоронений в некрополях бронзового века Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы II Рег. науч.-практ. конф. Челябинск : ЧГУ. С. 82–84.
- Куприянова Е. В., Зданович Д. Г., 2015. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VI. Челябинск : Энциклопедия. 196 с.
- Матющенко В. И., 1994. Эпоха бронзы. Лесная и лесостепная полоса // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та. С. 73–112.
- Молодин В. И., 1984. Особенности погребального обряда детских захоронений андроновцев Барабинской лесостепи (по материалам могильника Преображенка-3) // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : Изд-во ЧелГУ. С. 37–44.
- Ражев Д. И., Епимахов А. В., 2004. Феномен многочисленности детских погребений в могильниках эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 5. С. 107–113.
- Рыкушина Г. В., 2003. Антропологическая характеристика населения эпохи бронзы Южного Урала по материалам могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск : Южно-Урал. кн. изд-во. С. 345–360.
- Хохлов А. А., 1998. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпохи неолита-бронзы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 23 с.
- Хохлов А. А., 2003. Демографические особенности населения эпохи бронзы бассейна реки Самары // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара : Изд-во СГПУ. С. 112–125.
- Хохлов А. А., 2010. Демографические процессы в северной половине Волго-Уралья в эпохи энеолита-бронзы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург ; Самара ; Донецк : Рифей. С. 133–167.
- Хохлов А. А., 2017. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита-бронзового века). Самара : Изд-во СГПУ. 368 с.
- Хохлов А. А., Китов Е. П., 2019. Дефекты травматического происхождения на палеоантропологических материалах эпохи раннего металла Волго-Уралья // Stratum Plus. № 2. С. 267–280.

- Яблонский Л. Т., Хохлов А. А., 1994. Новые краниологические материалы эпохи бронзы Самарского Заволжья // Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара : Самар. ун-т. С. 186–205.
- Lindstrom R. W., 2002. Anthropological Characteristics of the Population of the Bolshekaragansky Cemetery, Kurgan 25 // Аркаим : некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во. С. 159–164.
- Spyrou M. A., Tukhbatova R. I., Wang C. C., Valtueña A. A., Lankapalli A. K., Kondrashin V. V., Tsybin V. A., Khokhlov A. A., Kühnert D., Herbig A., Bos K. I., Krause J., 2018. Analysis of 3800-Year-Old *Yersinia Pestis* Genomes Suggests Bronze Age Origin for Bubonic Plague // *Nature Communications*. Vol. 9. Art. 2234. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41467-018-04550-9>

REFERENCES

- Alekseeva T.I., Bogatenkov D.V., Lebedinskaya G.V., 2003. *Antropo-ekologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo nekropolya Mistikhali)* [Anthropo-Ecological Research (Based on Materials from the Medieval Necropolis of Mistikhali)]. Moscow, Nauch. mir Publ. 131 p.
- Berseneva N.A., 2019. *Vozrastnaya i gendernaya differentsiatsiya v obshhestvakh Yuzhnogo Urala II tys. do n.e. (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov)* [Age and Gender Differentiation in the Societies of the Southern Urals of the 2nd Millennium BC (Based on Materials from Funeral Monuments). Doct. hist. sci. diss.], vol. 1. Ekaterinburg. 410 p.
- Vasil'ev I.B., Kuznetsov P.F., Semyonova A.P., 1994. *Potapovskiy kurgannyi mogil'nik indoiranskikh plemen na Volge* [Potapovo Kurgan Cemetery of Indo-Iranian Tribes on the Volga]. Samara, Samara University. 208 p.
- Vasiliev I.B., 2010. Srubnaya kul'tura lesostepnogo Povolzh'ya i Priural'ya [Srubnaya Culture of the Forest-Steppe Volga Region and the Urals]. *Kraevedcheskie zapiski : 40 let Srednevolzhskoy arheologicheskoy ekspeditsii* [Local History Notes: 40 Years of the Middle Volga Archaeological Expedition], iss. 15. Samara, Ofort Publ., pp. 64–86.
- Gromov A.V., Khokhlov A.A., 2018. Polovozrastnaya struktura pogrebennykh v mogil'nikakh yamnoy kul'tury rannebronzovogo veka Povolzh'ya i Priural'ya [Age and Sex Structure of the Yamnaya Culture Inhumations from the Volga-Ural Region]. *Kunstkamera* [Kunstkamera], iss. 1, pp. 78–86. DOI: <https://doi.org/10.31250/2618-8619-2018-1-78-86>
- Gryaznov M.P., 1956. *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po materialam raskopok bliz s. Bol'shaya Rechka* [History of the Ancient Tribes of the Upper Ob Based on Materials from Excavations Near the Village Big River]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, no. 48. Moscow, Leningrad, Nauka Publ. 228 p.
- Evgeniev A.A., Kuptsova L.V., Mukhametdinov V.I., Roslyakova N.V., Usachuk A.N., Fayzullin I.A., Khokhlov A.A. *Poselenie Maloyuldashevo I epohi neolita i pozdney bronzy v Zapadnom Orenburzh'e* [Settlement of Maloyuldashevo I of the Neolithic and Late Bronze Age in Western Orenburg Region]. Orenburg, OrenSAU Center. 196 p.
- Epimakhov A.V., Berseneva N.A., 2012. Variativnost' pogrebal'noy praktiki sintashtinskogo naseleniya (poisk obyasnitel'nykh modeley) [Variability of Burial Practices of the Sintashta Population (Search for Explanatory Models)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology], vol. 11, iss. 3, pp. 148–170.
- Zdanovich D.G., 1997. *Sintashtinskoe obshchestvo: sotsial'nye osnovy «kvazigorodskoy» kul'tury Yuzhnogo Zaural'ya epokhi sredney bronzy* [Sintashta Society: Social Foundations of the “Quasi-Urban” Culture of the Southern Trans-Urals of the Middle Bronze Age]. Chelyabinsk, CSU. 93 p.
- Kiryushin Yu.F., 1995. Osobennosti pogrebal'nogo obryada i pogrebal'noy posudy andronovskoy kul'tury [Features of the Funeral Rite and Funeral Wares of the Andronovo Culture]. *«Moya izbrannitsa nauka, nauka, bez kotoroy mne ne zhit'»: sb., posvyashch. pamyati etnografov G.N. Grachyovoy i V.I. Vasil'eva* [“My Chosen One is Science, Science, Without which I Cannot Live”. Collection Dedicated to the Memory of Ethnographers G.N. Gracheva and V.I. Vasilyev]. Barnaul, ASU, pp. 58–74.
- Kupriyanova E.V., 2004. K voprosu o prichinakh detskikh kollektivnykh zakhoroneniyy v nekropol'yakh bronzovogo veka Yuzhnogo Zaural'ya [On the Question of the Reasons for Children's Collective Burials in Bronze Age Necropolises of the Southern Trans-Urals]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale* [Ethnic Interactions in the Southern Urals]. Chelyabinsk, CSU, pp. 82–84.

- Kupriyanova, E.V., Zdanovich, D.G., 2015. *Drevnosti lesostepnogo Zaural'ya: mogil'nik Stepnoe VI* [Antiquities of the Forest-Steppe Trans-Urals: Stepnoe VI Cemetery]. Chelyabinsk, Encyclopedia Publ. 196 p.
- Matyushhenko V.I., 1994. Epokha bronzy. Lesnaya i lesostepnaya polosa [Bronze Age. Forest and Forest-Steppe Zone]. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia]. Tomsk, TSU, pp. 73-112.
- Molodin V.I., 1984. Osobennosti pogrebal'nogo obryada detskikh zakhoroneniy andronovtsev Barabinskoy lesostepi (po materialam mogil'nika Preobrazhenka-3) [Peculiarities of the Funeral Rite of Children's Burials of Andronovo Residents of the Barabinsk Forest-steppe (Based on Materials from the Preobrazhenka-3 Cemetery)]. *Bronzovyy vek Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya* [Bronze Age of the Ural-Irtysh Interfluve]. Chelyabinsk, CSU, pp. 37-44.
- Razhev D.I., Epimakhov A.V., 2004. Fenomen mnogochislennosti detskikh pogrebeniy v mogil'nikakh ehpokhi bronzy [The Phenomenon of the Large Number of Children's Burials in the Burial Grounds of the Bronze Age]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], iss. 5, pp. 107-113.
- Rykushina G.V., 2003. Antropologicheskaya kharakteristika naseleniya ehpokhi bronzy Yuzhnogo Urala po materialam mogil'nika Krivoje Ozero [Anthropological Characteristics of the Bronze Age Population of the Southern Urals Based on Materials from the Krivoje Ozero Cemetery]. *N.B. Vinogradov. Mogil'nik bronzovogo veka Krivoje Ozero v Yuzhnom Zaural'e* [N.B. Vinogradov. Bronze Age Cemetery Krivoje Ozero in the Southern Trans-Urals]. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural. kn. izd-vo Publ., pp. 345-360.
- Khokhlov A.A., 1998. *Paleoantropologiya pogranych'ya lesostepi i stepi Volgo-Ural'ya v ehpokhi neolita-bronzy: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Paleoanthropology of the Borderland Forest-Steppe and Steppe of the Volga-Ural Region in the Neolithic-Bronze Era. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow. 23 p.
- Khokhlov A.A., 2003. Demograficheskie osobennosti naseleniya ehpokhi bronzy basseyna reki Samary [Demographic Features of the Bronze Age Population of the Samara River Basin]. *Material'naya kul'tura naseleniya basseyna reki Samary v bronzovom veke* [Material Culture of the Population of the Samara River Basin in the Bronze Age]. Samara, SSPU, pp. 112-125.
- Khokhlov A.A., 2010. Demograficheskie protsessy v severnoy polovine Volgo-Ural'ya v ehpokhi ehneolita-bronzy [Demographic Processes in the Northern Half of the Volga-Ural Region in the Eneolithic-Bronze Era]. *Koni, kolesnitsy i kolesnichie stepy Evrazii* [Horses, Chariots and Charioteers of the Eurasian Steppes]. Ekaterinburg, Samara, Donetsk, Rifey Publ., pp. 133-167.
- Khokhlov A.A., 2017. *Morfogeneticheskie protsessy v Volgo-Ural'e v epokhu rannego golotsena (po kraniologicheskim materialam mezolita-bronzovogo veka)* [Morphogenetic Processes in the Volga-Ural Region in the Early Holocene (Based on Craniological Materials of the Mesolithic-Bronze Age)]. Samara, SSPU. 368 p.
- Khokhlov A.A., Kitov E.P., 2019. Defekty travmaticheskogo proiskhozhdeniya na paleoantropologicheskikh materialakh ehpokhi rannego metalla Volgo-Ural'ya [Traumagenic Defects in the Early Metal Age Human Osseous Sample from the Volga-Urals Region]. *Stratum Plus*, no. 2, pp. 267-280.
- Yablonskiy L.T., Khokhlov A.A., 1994. Novye kraniologicheskie materialy ehpokhi bronzy Samarskogo Zavolzh'ya [New Craniological Materials from the Bronze Age of the Samara Trans-Volga Region]. *Potapovskiy kurganniy mogil'nik indoiranskikh plemen na Volge* [Potapovo Burial Mound of Indo-Iranian Tribes on the Volga]. Samara, SSU, pp. 186-205.
- Lindstrom R.W., 2002. Anthropological Characteristics of the Population of the Bolshekaragansky Cemetery, Kurgan 25. *Arkaim: nekropol' (po materialam kurgana 25 Bol'shekaraganskogo mogil'nika)* [Arkaim: Necropolis (Based on Materials from Kurgan 25 of the Bolshekaragansky Cemetery)], book 1. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural. kn. izd-vo Publ., pp. 159-164.
- Spyrou M.A., Tukhbatova R.I., Wang C.C., Valtueña A.A., Lankapalli A.K., Kondrashin V.V., Tsybin V.A., Khokhlov A.A., Kühnert D., Herbig A., Bos K.I., Krause J., 2018. Analysis of 3800-Year-Old Yersinia Pestis Genomes Suggests Bronze Age Origin for Bubonic Plague. *Nature Communications*, vol. 9, art. 2234. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41467-018-04550-9>

Information About the Authors

Artem V. Bogdanash, Postgraduate Student, Volga-Ural Center for Paleoanthropological Research, Samara State University of Social Sciences and Education, Maksima Gorkogo St, 65/67, 443099 Samara, Russian Federation, bogdanashav@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1241-2510>

Egor P. Kitov, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of Human Ecology, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninskiy, 32A, 119334 Moscow, Russian Federation, kadet_eg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0159-3288>

Информация об авторах

Артем Васильевич Богданаш, аспирант Волго-Уральского центра палеоантропологических исследований, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. Максима Горького, 65/67, 443099 г. Самара, Российская Федерация, bogdanashav@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1241-2510>

Егор Петрович Китов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра антропоэкологии, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, просп. Ленинский, 32А, 119334 г. Москва, Российская Федерация, kadet_eg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0159-3288>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.2>

UDC 930.26 (470+571)
LBC 63.48(2)

Submitted: 18.05.2024
Accepted: 01.07.2024

ARMAMENT OF THE MAEOTIAN HORSEMEN OF THE 4th CENTURY BC (BASED ON MATERIALS FROM THE PRIKUBANSKY BURIAL GROUND)¹

Natalia Yu. Limberis

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Ivan I. Marchenko

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. The horsemen, whose graves were discovered in the Prikubansky burial ground, represented the elite of the Maeotian army. Weapons were found in 28 burials. The main types of weapons were iron swords, spearheads, and arrowheads. Swords of the Sindo-Maeotian type were found in 26 burials, and in four burials there were two swords of different lengths. The swords differ in the blade width, the design of the transition space between the guard and the blade, and the shape of the bar-shaped pommel. Spearheads could be found in all the burials. Typically, a set consisted of 4–6 both heavy and light spearheads of various types. One dart tip was found among the spear tips in the three sets. Arrowheads were discovered in twenty burials. Sets of arrows consisted of various numbers of pieces, from a few to several dozens. Mostly, iron three-blade arrowheads were used (415 specimens), bronze (three-blade and triangular) were practically out of use (25 specimens), and bone bullet-shaped ones were represented by isolated finds. The arrows were placed in quivers, which were placed next to or under the sword. In the burials with two swords, there were two quivers. Specific types of weapons are long combat knives (30–42 cm) with bone handles found in seven burials. A set of combat knives could consist of 2–4 pieces. On the grounds of the position in the burial, it can be assumed that the knives were located in a special compartment of the quiver, in a case on the sheath of the sword, or in special wooden sheaths. The equipment of the horsemen included iron axes in the two burials. The dating of the equestrian assemblages is based on a narrow chronology of Greek amphorae from different centers of production, which are present in each burial. The high percentage of horseman complexes among the military burials of the Prikubansky necropolis is probably connected with the location of this group of the Maeotian population near the eastern border of the Asian Bosphorus.

Key words: Kuban region, Maeotians, burial ground, horsemen's burials, swords, spearheads, dartheads, arrowheads, combat knives, axes.

Citation. Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2024. Vooruzhenie meotskih vsadnikov IV v. do n. e. (po materialam Prikubanskogo mogil'nika) [Armament of the Maeotian Horsemen of the 4th Century BC (Based on Materials from the Prikubansky Burial Ground)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 3, pp. 21–37. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.2>

УДК 930.26 (470+571)
ББК 63.48(2)

Дата поступления статьи: 18.05.2024
Дата принятия статьи: 01.07.2024

ВООРУЖЕНИЕ МЕОТСКИХ ВСАДНИКОВ IV в. до н.э. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРИКУБАНСКОГО МОГИЛЬНИКА)¹

Наталья Юрьевна Лимберис

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Иван Иванович Марченко

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Всадники, погребения которых исследованы в Прикубанском могильнике, представляли собой элиту меотского войска. В 28 погребениях было найдено оружие. Основными видами вооружения

были железные мечи, наконечники копий и наконечники стрел. Мечи синдо-меотского типа встречены в 26 погребениях, причем в четырех погребениях – по два меча разной длины. Мечи различаются по ширине клинка, оформлению перехода от клинка к основанию рукояти и форме брусковидного навершия. Наконечники копий сопровождали все погребения. Средний комплект состоял из 4–6 наконечников копий разных типов, как тяжелых, так и легких. В трех наборах среди наконечников копий находилось по одному наконечнику дротика. Наконечники стрел присутствовали в 20 погребениях. Наборы стрел включали от нескольких штук до нескольких десятков экземпляров. В основном использовались железные трехлопастные наконечники стрел (415 экз.), бронзовые (трехлопастные и трехгранные) практически вышли из употребления (25 экз.), а костяные пулевидные представлены единичными находками. Стрелы помещались в колчанах, которые укладывались рядом с мечом или под ним. В погребениях с двумя мечами было по два колчана. Специфический вид вооружения представляют собой длинные боевые ножи (30–42 см) с костяными рукоятями, встреченные в семи погребениях. Комплект боевых ножей мог состоять из 2–4 экземпляров. Судя по положению в погребении, ножи располагались в особом отделении колчана, в футляре на ножнах меча или в специальных деревянных ножнах. В двух погребениях в комплект вооружения всадников входили железные топоры. Датировки всаднических комплексов опираются на узкую хронологию греческих амфор разных центров производства, которые присутствуют в каждом погребении. Высокий процент всаднических комплексов среди воинских погребений Прикубанского некрополя, возможно, связан с расположением этой группы меотского населения у восточной окраины Азиатского Боспора.

Ключевые слова: Прикубанье, меоты, грунтовый могильник, погребения всадников, мечи, наконечники копий, наконечники дротиков, наконечники стрел, боевые ножи, топоры.

Цитирование. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2024. Вооружение меотских всадников IV в. до н.э. (по материалам Прикубанского могильника) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 3. С. 21–37. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.2>

В IV в. до н.э. на меотских некрополях правобережья Кубани резко возрастает численность погребений всадников. Особенно наглядно свидетельствуют об этом материалы из Прикубанского могильника, который находится в Красноармейском районе у хут. Прикубанский и был исследован Краснодарской археологической экспедицией КубГУ в 1998–2001 годах. Здесь было раскопано более 30 погребений всадников: в основном это мужчины в возрасте от 20 до 50 лет, хотя три скелета были определены с большой долей вероятности как женские [Лимберис, Марченко, 2016, с. 245–246]. Целые туши взнузданных лошадей укладывали слева или справа от погребенного. В большинстве случаев всадника сопровождала одна лошадь, но в погребениях 209 и 405 их было по две. Есть и погребения без лошади, но с предметами конской упряжи (88, 167, 171, 202)².

Многочисленный и разнообразный инвентарь погребений нередко включал дорогую для меотов чернолаковую посуду [Лимберис, Марченко, 2010] и нарядную бронзовую конскую упряжь в зверином стиле [Лимберис, Марченко, 2018a]. Во все погребения всадников ставились амфоры с вином, в основном по две. В погребениях 138, 159, 224 встречено по три

амфоры, в погребениях 171, 195, 324, 328 – по одной. Хронологический анализ амфорной тары позволил узко датировать комплексы, преимущественно в пределах четверти IV в. до н.э. и даже менее [Монахов и др., 2021, прил. 5] (табл. 1). Неудивительно, что эти богатые захоронения часто подвергались полному или частичному ограблению в древности. Особый интерес для изучения всадничества у меотов представляют захоронения с собаками (всего их 10), которые подчеркивали высокий социальный статус погребенных [Лимберис, Марченко, 2021].

Оружие было найдено в 28 всаднических погребениях.

Мечи (рис. 1) встречены в 26 погребениях (не было их только в ограбленных в древности погребениях 324 и 402). Как правило, лежали они слева от скелета, вдоль руки или вдоль руки и ноги, острием к стопам. Расположение меча острием к голове отмечено только в погребении 235. В ряде случаев мечи также находились слева, но в других местах: на руке, наискосок (171, 202); наискосок у бедра, рукоять на тазе (78); вдоль ноги, которая изначально была согнута в колене, а затем перекрывала меч (88); на ноге, слегка наискосок, рукоять на колене (352); в ногах, ниже стоп

(167, 265). Иногда мечи укладывали между ног погребенного, наискосок (103, 172), причем в первом случае ноги погребенного были скрещены в голених. Положение меча справа от погребенного зафиксировано лишь в погребении 195 – вдоль руки, с внутренней стороны, рукоять – выше плеча. В комплексах 224, 328, 405, 427 воинов-всадников сопровождали по 2 меча, также лежавших слева: один – у руки, второй – у ноги, вдоль или наискосок.

Типология мечей из Прикубанского могильника, изложенная в небольшой работе [Лимберис, Марченко, 2018б, с. 253–255], в настоящее время нас не совсем удовлетворяет, поэтому мы не станем к ней обращаться вплоть до уточнения и полной доработки. Сейчас же ограничимся кратким описанием основных признаков и некоторых особенностей этого вида оружия. Все мечи синдо-меотского типа, то есть без перекрестия, с брусковидным навершием, длинные (от 52 до 88 см), с узким или широким клинком. В тех погребениях, где было по два меча, один всегда длиннее другого. Основание клинка у рукояти («плечики») оформлялось по-разному: края срезались под прямым или тупым углом или же плавно переходили в рукоять. Как рудименты металлического перекрестия можно рассматривать слабовыраженные выступы на «плечиках» клинка, отмеченные на узких мечах из погребения 8 кургана 3 и грунтового погребения 159. Можно также предположить, что эти выступы служили для накладного деревянного перекрестия, следы которого не сохранились. Клинок одного из мечей из погребения 224 у основания рукояти украшен узкой серповидной накладкой, развернутой концами вниз, но не выступающей за края клинка. Она не могла выполнять защитных функций перекрестия, а лишь являлась его имитацией.

Среди наверший преобладают узкие брусковидные прямоугольного или округлого сечения, в основном прямые, но встречаются также несколько выгнутые или вогнутые сверху, а также угловатые навершия со слабо выступающими краями. Обычно отрезки бруска наваривались на конец рукояти. Опять же, выделяется меч из погребения 224, узкое железное навершие которого, обтянутое тонкой бронзовой пластиной, насажено на штырь

рукояти, причем сам штырь выступает наружу. По этой же технологии были изготовлены навершия двух мечей из меотского кургана IV в. до н.э. у пос. Водный [Лимберис и др., 2020, с. 154, рис. 7,4,5].

Другой, менее распространенный вариант наверший – округлые или овальные в плане, с выступающими краями. Третий вариант – цельнокованные навершия, представляющие собой трапециевидно раскованный конец рукояти.

Следы каких-либо накладок на рукояти мечей, кроме деревянных, не выявлены, но у меча из погребения 352 на рукояти с цельнокованным навершием имеются три расположенных по длине отверстия с заклепками, которые предназначались для их крепления. Специально отметим особенность меча из погребения 39, рукоять которого расположена под небольшим углом к клинку.

О наличии деревянных ножен можно судить по тлену, сохранившемуся на некоторых клинках. Меч же из погребения 88 находился в деревянных ножнах, обложенных тонким листом металла, о чем свидетельствует древесный тлен, прослеженный под железной обивкой. В нижней части клинка меча из погребения 405 имеется маленькое сквозное отверстие, в которое вставлен тонкий железный штырь. О функциональном назначении этого штыря судить сложно. Предположительно, штырь мог использоваться для крепления меча в деревянных ножнах большого размера, чтобы он не болтался при ходьбе и, что особенно важно, при верховой езде.

Наконечниками копий сопровождалась все погребения всадников (всего 138 экз.), причем копия никогда не укладывались в погребение по одному. Минимальное количество наконечников встречено в погребениях 39, 103, 195 (не считая дротика) – по 2 шт., а в 33, 171, 296 – по 3 шт. В погребениях 209 и 235 было найдено по 8–9 шт., а максимальный набор из погребения 405 включал 10 наконечников копий (рис. 4,4–13). В подавляющем же большинстве погребений (всего 20) присутствовал средний комплект наконечников копий, состоящий из 4–6 шт. (рис. 3,5,6,10–12). Как правило, копия укладывались справа, острием к голове погребенного. Обычно наконечники лежали «пучком» у правой плечевой кости,

вплотную к ней, или немного выше плечевого сустава. Встречаются и случаи положения копий слева. В погребении 195 наконечники копий (и дротика) находились выше левого плечевого сустава (при этом меч лежал справа). В погребениях 159 и 296 наконечники располагались на некотором расстоянии от левой плечевой кости, причем между рукой и копьями лежал меч. В погребениях 129 и 427 основные комплекты из 4 наконечников копий и одного дротика также находились у правого плеча. Однако еще по одному наконечнику копий лежало слева: в погребении 129 – на месте отсутствовавшей рукояти меча, как бы замещая ее (втулка находилась под мечом), а в погребении 427 – на краю большой миски, подставленной под череп и плечи погребенного.

Необычно выглядит расположение 3 наконечников копий в погребении 171. Все они находились в разных местах: один – справа от миски, стоявшей под черепом, втулкой к ногам погребенного, второй – также справа, вплотную к черепу (втулкой в миске), острием к ногам, третий – на левой стопе погребенного, втулкой к голове. В частично ограбленном в древности погребении 103 два фрагментированных наконечника копий также находились слева, на значительном расстоянии от левой плечевой кости. Похоже, что они были отброшены грабителями, так как череп и правая часть скелета были разрушены.

Наконечники копий из Прикубанского могильника (наряду с материалами из других памятников правобережья Кубани) были использованы нами для разработки типологии и хронологии этого обязательного для меотских воинов вида вооружения. Возможно, наша классификация излишне подробна, однако она работает, и немногочисленные пробелы в типологической таблице постепенно заполняются. По основным признакам выделены **отделы** по форме пера (I – ланцетовидные; II – листовидные; III – треугольные и ромбовидные), которые делятся на **типы** по оформлению перехода от втулки к перу и основанию пера (I – тип 1; II – типы 1–5; III – типы 1–5). По сечению пера определены **подтипы** (I – плоское; II – линзовидное; III – ромбовидное; IV – с ребром жесткости), а по длине втулки – **варианты** (1 – короткая; 2 – длинная).

Хронология же опирается на узко датирующиеся комплексы [Лимберис, Марченко, 2006, с. 152, рис. 1, 2], и в настоящее время может быть скорректирована в связи с уточнением датировок амфорной тары.

Наконечники отдела I малочисленны: найдено 6 экз. в пяти погребениях (129, 171, 195, 209, 274), где они сочетаются с листовидными (отдел II) и треугольными (отдел III).

Наиболее распространенными были наконечники отдела II (77 экз.), которые найдены во всех погребениях, а некоторые наборы состоят только из листовидных наконечников разных типов, подтипов и вариантов (10 комплексов). Наконечники отдела III присутствуют в наборах намного реже (20 экз. из 15 комплексов). В погребении 39 был найден наконечник с треугольным пером линзовидного сечения, высокими срезами пера и длинной втулкой (III, 4, II, 2), особенностью которого является бронзовое кольцо, охватывающее основание втулки.

Из четырех выделяемых нами по сечению пера подтипов самыми редкими являются наконечники с ребром жесткости (подтип IV): 4 экз. листовидной формы (3/8, 33, 88, 209) и 1 ланцетовидный (209).

Размерный ряд наконечников копий позволяет выделить среди них легкие и тяжелые разновидности (в своей классификации 2006 г. мы этого не учитывали). Легкими мы предлагаем считать наконечники до 30 см длиной (в среднем – 23–28 см), которые могли использоваться как метательное оружие. Тяжелые копья (более 30 см) применялись в ближнем бою, длина наиболее крупных экземпляров могла достигать 47–53 см (такие наконечники встречены в погребениях 78, 224, 236, 324). В большинстве комплектов легкие и тяжелые наконечники сочетались. Однако в некоторых погребениях присутствовали только тяжелые наконечники (33, 39, 171, 172, 296, 402, 405).

Подтоки в виде цилиндрической втулки, немного сужающейся к основанию, были найдены в погребениях 39 (целый, длина – 6,6 см, верхний диаметр – 2,7 см) и 138 (сохранившаяся длина – 6 см, диаметр – 2 см). По форме они повторяют «цилиндроконические» подтоки, встречающиеся в скифских памятниках [Мелюкова, 1964, с. 45, табл. 14, 11, 14]. Положе-

ние подтоков, находившихся на расстоянии 1,4 м и 1,35 м от втулок наконечников копий, позволяет восстановить общую длину копья, которая, учитывая размеры наконечников, составляла около 2 метров.

Наконечники дротиков, найденные в трех погребениях, лежали вместе с наконечниками копий, по одному экземпляру в общем комплекте: 129 (4 копья + дротик), 195 (2 копья + дротик), 427 (4 копья + дротик). Наконечник дротика, в отличие от наконечника копья, имеет трехчастную структуру: короткая расширенная втулка переходит в длинный, тонкий, круглого сечения стержень, оканчивающийся маленьким пером. По форме пера нами были выделены типы этого редкого для IV в. до н.э. вида метательного оружия [Лимберис, Марченко, 2012, с. 411–413, рис. 1]. В погребении 427 найден наконечник с узким листовидным пером (тип II) длиной 34,8 см (рис. 2,17). Два других наконечника дротиков имеют маленькое треугольное перо с короткими опущенными жальцами (подтип IIIa). Наконечник из погребения 129 – целый, длиной 41,6 см (рис. 2,16), от второго, из погребения 195, сохранились только втулка со стержнем длиной 29,9 см, так как перо разрушилось (рис. 2,18). Ранее IV в. до н.э. дротики у меотов пока не зафиксированы. Листовидные наконечники дротиков, возможно, произошли от легких метательных копий и могли быть разработаны меотами самостоятельно. Жаловидные наконечники похожи на скифские [Мелюкова, 1964, с. 44, табл. 14,13,15,16], но, в отличие от них, имеют более тонкий стержень, сильнее расширяющийся к втулке.

Наконечники стрел (рис. 2,4–9) присутствуют в 20 комплексах. Количество наконечников стрел в погребениях варьируется от 1 экз. (195) до 79 экз. (209). По одному наконечнику стрелы было найдено в погребениях 195 (железный) и 402 (бронзовый). Маленькие наборы включали от 2 до 10 экз., средние – от 13 до 22 экз., большие – от 31 до 59 экз.

В основном, судя по расположению наконечников стрел *in situ* (в ряд, остриями в одну сторону, как правило, у острия или нижней части клинка меча), стрелы помещались в колчанах, но, возможно, могли лежать и без колчана, если погребение сопровождалось небольшим количеством стрел (1–4 экз.). Кол-

чан укладывался под меч или рядом, независимо от того, где находился меч, даже если в стороне от погребенного, как, например, в погребениях 167 и 265, где мечи располагались в ногах. В погребении 195 единственный железный наконечник лежал у острия меча, как бы обозначая наличие колчана.

В трех погребениях было по два колчана со стрелами. Причем один набор стрел всегда больше второго. В погребении 209 оба колчана связаны с одним мечом. Большой набор включал 58 железных и 1 бронзовый, а средний – 20 железных наконечников стрел. Наконечники большого набора лежали на железных панцирных пластинах у средней части клинка меча справа и слева, остальные – в ряд ниже острия меча.

В двух других погребениях было по два меча, с каждым из которых был связан индивидуальный колчан. Средний набор из 5 бронзовых и 17 железных наконечников стрел, а также маленький из 5 железных сопровождали погребение 224. В погребении 427 большой набор состоял из 46 экз., а маленький – из 7 экз. железных наконечников стрел.

В погребении 405, при наличии двух мечей, колчан был только один и состоял из 6 железных наконечников (рис. 4,2).

В погребении 336 стрелы с железными (7 экз.) и бронзовыми (5 экз.) наконечниками были разложены двумя пучками слева от меча и направлены остриями к его концу: железные наконечники лежали у верхней части клинка, а бронзовые – в 10 см от его нижней части.

В погребении 78 наконечники стрел (3 бронзовых и 1 железный) были разбросаны у острия меча.

В погребении 402, где не было ни меча, ни колчана, единственный бронзовый наконечник стрелы лежал вместе с наконечниками копий. Кроме того, есть случаи, когда наконечники стрел лежали не только около меча, но и в других местах: в 274 – между бедренными костями (2 экз.) и у левой голени (1 экз.), в 296 – вместе с костями животного (1 экз.), у правой голени (1 экз.), у левой голени с обеих сторон (2 экз.).

Подавляющее большинство наконечников стрел (415 экз.) – железные, и встречены они в 19 погребениях (кроме 402). Все они –

втульчатые трехлопастные, представленные (за двумя исключениями) единственным типом, – с треугольной головкой. Головка может быть короткой (около половины общей длины наконечника или меньше) или удлиненной (более половины общей длины). И те и другие наконечники бывают как узкими, так и широкими, то есть довольно сильно расширенными в основании. Широкое основание пера наиболее характерно для наконечников с короткой головкой, тогда как у наконечников с удлиненной головкой перо в основании, как правило, узкое, расширенное встречается редко. Лопасты у основания чаще всего срезались под тупым углом к втулке, реже – под прямым. Не исключено, что у некоторых наконечников основания лопастей были срезаны вверх или закруглялись, но это визуально установить трудно, так как они могли быть и обломаны. Втулки цилиндрические или немного расширяющиеся к основанию. Средняя длина наконечников с короткой головкой составляет 2,3–2,8 см и редко достигает 3 см. Для наконечников с удлиненной головкой характерны более крупные размеры – в среднем от 3,2 см до 3,9 см, а в погребении 296 встречен наконечник длиной 5 см. Однако попадаются и более мелкие – длиной 2,3–2,8 см. К единичным экземплярам относятся два трехлопастных наконечника редких форм. В наборе погребения 39 среди наконечников с маленькими головками присутствовал довольно крупный наконечник длиной 3,9 см с листовидной в плане головкой. В состав одного из колчанов погребения 224 входил наконечник со сводчатой головкой и очень короткой втулкой (общая длина – 2,7 см, длина втулки – 0,5 см).

Бронзовые наконечники использовались намного реже (всего 25 экз.). В 7 погребениях (3/8, 39, 78, 159, 209, 224, 336) они встречаются в колчанах вместе с железными – от 1 до 7 экз. в наборе. Как уже отмечалось, только в погребении 336 бронзовые наконечники стрел (5 экз.) лежали отдельным пучком, а единственный бронзовый наконечник из погребения 402 был положен рядом с наконечниками копий. Все наконечники четко распределяются по отделам, типам и вариантам, выделенным А.И. Мелюковой на материале скифских памятников Северного Причерноморья [Мелюкова, 1964, с. 16, рис. 1], но определенные

хронологические группы для нас в данном случае не имеют принципиального значения, так как подавляющее большинство комплексов с наконечниками стрел (кроме 3/8) узко датируются по найденным в погребениях амфорам.

Наиболее ранним является единственный двухлопастный наконечник (отдел I, тип 2, вар. 1), найденный в погребении 336 вместе с одним трехлопастным (отдел II, тип 6, вар. 4а) и двумя трехгранными (отдел III, тип 7, вар. 1, 7). Трехлопастных наконечников (отдел II) во всаднических колчаных наборах найдено мало (8 экз.), в основном они встречены по одному в каждом наборе (3/8 – тип 3, вар. 3; 78 – тип 4, вар. 10а; 209 – тип 4, вар. 9), и только в погребении 39 их 4 экз. – по два каждого варианта (тип 6, вар. 4, 7).

Трехгранные наконечники (отдел III, всего – 16 экз.), кроме погребения 336, были встречены по одному экземпляру разных типов и вариантов еще в пяти комплексах: 39 (тип 6, вар. 3, вар. 4, тип 9, вар. 2а), 78 (тип 3, вар. 1; тип 7, вар. 3), 159 (тип 1, вар. 2), 402 (тип 7, вар. 6). Но в одном из наборов погребения 224 их было 6 экз. (тип 3, вар. 5 – 3 экз., а также по одному наконечнику типа 5, вар. 3, 5а и типа 7, вар. 7а). Нужно отметить, что в погребениях 159, 224, 402 присутствовали только трехгранные наконечники стрел, а в погребениях 39, 78 и 336 сочетались трехгранные и трехлопастные.

Преобладают бронзовые наконечники со скрытой втулкой, а наконечники с выделенной втулкой очень редки (5 экз.). По одному экземпляру встречены в погребениях 3/8 (трехлопастной), 209 (трехлопастной) и 159 (трехгранный). В погребении 78 наконечников с выделенной втулкой было два: из них один – трехгранный с очень короткой втулкой, второй – трехлопастной, с очень длинной втулкой, более чем в два раза превышающей размеры головки. Трехлопастные наконечники (отдел II) типа 4 с длинной втулкой и небольшой головкой А.И. Мелюкова выделила в редкий вариант 10а, отмечая, что они встречаются на Кубани, Нижнем Дону и в Нижнем Поднепровье [Мелюкова, 1964, с. 29, рис. 1]. Несколько экземпляров аналогичных бронзовых наконечников стрел были найдены в одном из курганов (каком именно – неизвестно), раскопанных Н.И. Веселовским у ст-цы

Елизаветинской в период 1913–1917 годов³. В меотских грунтовых могильниках подобные наконечники стрел нам не встречались.

Костяные пулевидные наконечники стрел с зауженным концом встречены только в двух наборах вместе с железными и бронзовыми (39 – 1 экз., 159 – несколько шт., рассыпались). Один наконечник аналогичного типа присутствует в наборе из 10 костяных наконечников, найденных в Елизаветинском кургане 4 (он же «Южный») 1913 года⁴. Других меотских комплексов, где были бы встречены подобные наконечники стрел, мы не знаем. Костяные наконечники вообще, в том числе и пулевидные, крайне редко использовались не только меотами, но и скифами и савроматами [Мелюкова, 1964, с. 19, 29, табл. 6, 15, 16, 9, P2, 3; Смирнов, 1961, с. 36, 61], однако в Прикубанье отдельные экземпляры встречаются и в сарматское время [Марченко, 1996, с. 61, рис. 16, 40].

Все три вида наконечников стрел (бронзовые, железные и костяные) сочетались только в двух комплексах (39, 159).

Боевые ножи (рис. 2,10–14), найденные в семи погребениях всадников (39, 209, 224, 235, 236, 296, 352), отличаются от обычных ножей большим размером (общая длина клинка с рукоятью у целых экземпляров составляет примерно от 30 см до 42 см). Большой комплект из 4 боевых ножей присутствовал в погребении 244. Кроме того, туда входило и 2 коротких ножа. В погребении 39 и 352 найдено по два боевых ножа, которым сопутствовали обычные короткие ножи. В остальных погребениях боевые ножи встречены по одному экземпляру и не всегда в паре с короткими. О назначении длинных ножей как боевого оружия свидетельствует их положение в погребении: обычно рядом с мечом и наконечниками стрел. В погребении 173 (это не всадник) боевой нож лежал под мечом, возможно, в отдельном футляре на деревянных ножнах меча. В погребениях 235, 296, 352 ножи располагались рядом с мечом, но на расстоянии, в отдельных деревянных ножнах. В погребениях 39, 244 и 236 ножи явно были связаны с колчаном, так как перекрывали наконечники стрел. Это позволяет предположить наличие в колчане специального отделения.

По форме и сечению клинка боевые ножи делятся на два варианта: 1 – однолезвийные с прямым клинком, сужающимся на конце со

стороны спинки; 2 – обоюдоострые, с равномерно сужающимся к концу клинком. Ножи второго варианта встречены только в погребениях 224 (2 экз.) и 296 (1 экз.). Рукоятки ножей обычно оформлялись костяными накладками, которые крепились при помощи 2–4 железных заклепок к длинному черенку. У некоторых ножей, судя по сохранившемуся тлену, накладки рукоятки были деревянными [Лимберис, Марченко, 2018в, с. 221–223].

Топоры входили в комплект оружия двух захоронений. Располагались они слева от погребенного, то есть с той же стороны, где меч и наконечники стрел. В погребении 209 топоров было два. Маленький плоский топор-тесло (рис. 2,3) лежал у острия меча, перекрытый наконечниками стрел. Второй – массивный клиновидный топор (рис. 2,2), располагался напротив голени и был развернут клином к голове погребенного, проушным отверстием сверху, то есть изначально был поставлен вертикально. В погребении 336 большой топор-кирка (рис. 2,1) с довольно широкой и тонкой обушной частью лежал у левого плеча, причем его тонкое клиновидное лезвие находилось под плечевой костью [Лимберис и др., 2020, с. 153].

Таким образом, в подавляющем большинстве погребений основной оружейный комплект всадника состоял из меча, копий и стрел.

Главным видом оружия был меч без перекрестия, с брусковидным навершием так называемого «синдо-меотского» типа [Смирнов, 1980]. Подавляющее количество находок таких мечей происходит из памятников правобережья и левобережья Кубани (то есть с исконно меотской территории). Это убедительно доказывает их местное происхождение и дает основание называть просто «меотскими» [Эрлих, 1991, с. 77]. И.С. Каменецкий же считал название «синдо-меотский» неудачным потому, что синды – это одно из меотских племен [Каменецкий, 2011, с. 266]. Тем не менее этот термин прочно (и, во-видимому, навсегда) укоренился в научной литературе.

В количественном же отношении на первое место в вооружении всадников все-таки выходят копья. Значение этого оружия для военного дела меотов переоценить невозможно, так как речь идет не о 2–3 наконечниках в погребении, а о больших (до 10 экз.) наборах тяжелых пик и легких метательных копий.

В эти наборы крайне редко входили и дротики, которые некоторые исследователи считают специфически меотским оружием, заимствованным боспорскими греками [Нефедкин, 2004, с. 229; Каменецкий, 2011, с. 273]. Однако это предположение никак не подтверждается редкими находками наконечников дротиков в меотских погребениях IV в. до н.э. Материалы из Прикубанского могильника показывают, что в первой половине – середине IV в. до н.э. меоты уже были знакомы с этим видом оружия дальнего боя, но массово его не применяли, отдавая предпочтение металлическим копьям. В Пашковском могильнике 6 наконечники дротиков были встречены в погребениях 102 (с бронзовыми наконечниками стрел), а также в погребениях 83 и 101 с амфорами Книда последней трети – конца IV – начала III в. до н.э. [Анфимов, 1972, с. 81; Улитин, 2004, с. 151, 171, 174]. В Закубанье нам известны две ранние находки дротиков: в основной могиле Курджипского кургана последней четверти IV в. до н.э. [Галанина, 1980, с. 54, 55, 97, кат. № 64] и в ритуальном комплексе кургана 3 (вторая половина IV – начало III в. до н.э.) Тенгинского городища II [Эрлих, 2011, с. 45, 81 рис. 87,11]. Более интенсивно этот вид оружия использовался меотами в III–I в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2012, с. 413].

Лук и стрелы не были обязательной частью экипировки всадников, но все-таки являлись одним из основных видов оружия дальнего боя, наряду с мечами и наконечниками копий. Бронзовые наконечники скифских типов уже в первой половине IV в. до н.э. были практически полностью вытеснены трехлопастными железными. Всадников не обязательно хоронили с полным колчаном: иногда это был пучок из нескольких стрел или всего одна символическая стрела.

Боевые ножи, кроме Прикубанского могильника, были встречены в погребениях 41в и 242в IV в. до н.э. некрополя Старокорсунского городища № 2 [Лимберис, Марченко, 2007, с. 72, 91, рис. 26,2, 28,3]. Как гипотетический прототип меотских боевых ножей можно рассматривать однолезвийные кинжалы с костяными накладками на рукояти и слегка изогнутым клинком, известные среди древностей иллиро-фракийского круга [Мелюкова, 1979, с. 95, рис. 32,7]. Позднее боевые ножи

появились и у сарматов Прикубанья, которые могли перенять этот вид оружия у меотов, о чем свидетельствует наличие таких ножей в катакомбе II в. до н.э. из Карстового кургана [Марченко, 1996, с. 87, рис. 73].

В боевую экипировку всадников иногда входили и топоры. Являясь универсальным орудием, они могли использоваться и как рабочий инструмент, и как оружие рубяще-ударного типа. Среди синхронных меотских памятников той же локальной группы, что и Прикубанский могильник, топоры известны пока только в четырех комплексах из кургана у пос. Водный [Лимберис и др., 2020, с. 153–154, рис. 7,1–3].

Хронология амфорной тары (табл. 1) показывает, что основное количество всаднических погребений приходится на первую половину IV в. до н.э., некоторые комплексы могут заходить и в начало третьей четверти. Но погребения позднее третьей четверти среди них отсутствуют. Однако это не значит, что их не было на могильнике, который функционировал до начала III в. до н.э., так как памятник раскопан не полностью. По сравнению с другими грунтовыми могильниками правобережья Кубани, в Прикубанском некрополе отмечается наиболее высокий процент всаднических комплексов среди воинских погребений IV в. до н.э. Вероятно, это связано с расположением этой группы меотского населения у восточной окраины Азиатского Боспора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда и Кубанского научного фонда «Меотские всадники Кубани VI в. до н.э. – III в. н.э.» (проект № 24-18-20014).

The study was carried out under the grant of the Russian Science Foundation and the Kuban Science Foundation “Meotian horsemen of Kuban VI c. B.C. – III c. A.D.” (Project No. 24-18-20014).

² Погребения всадников без оружия и захоронения лошадей, где не было скелета человека, мы в настоящей работе не рассматриваем.

³ Наконечники (5 аналогичных экз.) хранятся в Гос. Эрмитаже (Ку 1913–17, 1/96). Благодарим хранителя Елизаветинской коллекции старшего научного сотрудника отдела ОАВЕиС Т.В. Рябкову за предоставленную нам возможность ознакомиться с материалом.

⁴ Хранение Ку 1913, 4/363 Гос. Эрмитажа.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Хронология амфор из погребений всадников Прикубанского могильника

Table 1. Chronology of amphorae from the horsemen's graves of the Prikubansky burial ground

№ погр.	Центр производства и номера амфор по каталогу	Дата
К. 3, п. 8	Гераклея – НР.15, I-A; Синопа – Sn.14, II-A	380-е – 370 гг.
33	Синопа – Sn.16, II-A Икос – Ik.6, группа I	370-е – 350 гг.
39	Менда – Md.37, II-C неустановленный центр пр-ва – Un.4	360–340 гг.
78	Фасос – Th.5, II-B-1 Менда – Md.21, II-C	395–380 гг.
88	Фасос – Th.1, I-B-3 Менда – Md.18, II-C; неустановленный центр пр-ва – Un.3	380-е – 360 гг.
103	Кос – Ks.1, I-A Книд – Kn.14, II-B	350–325 гг.
129	Фасос – Th.37, II-B-2 Менда – Md.64, II-C	375–340 гг.
138	Фасос – Th.28, II-B-2 Менда – Md.31, II-C, Книд – Kn.8, I-A	375–350 гг.
159	Фасос – Th.20, II-B-2; Книд – Kn.2, I-A; Синопа – Sn.17, II-A	360-е – 350 гг.
167	Гераклея – НР.1, тип I; Менда – Md.4, II-B	390-е – 380 гг.
171	Аканф – Ак.3, тип I	375–325 гг.
172	Менда – Md.11, II-B; Md.23, II-C	370-е гг.
195	Неустановленный центр пр-ва – Un.1	400–360 гг.
202	Книд – Kn.6, I-A; Kn.7, I-A	360-е – 350 гг.
209	Менда – Md.22, II-C Синопа – Sn.1, I-A	385–370 гг.
224	Фасос – Th.30, II-B-2 Книд – Kn.4, I-A; Kn.5, I-A	360-е – 350 гг.
235	Гераклея – НР.34, I-A; Менда – Md.39, II-C	360-е гг.
236	Книд – Kn.3, I-A; Синопа – Sn.23, II-A	360-е – 350 гг.
265	Менда – Md.16, II-B; Md.41, II-C	360-е – 350 гг.
274	Неустановленный центр пр-ва – Un.9, Менда – Md.13, II-B	370-е гг.
296	Менда – Md.32, II-C; Синопа – Sn.4, I-A	370-е – 365 гг.
324	Менда – Md.8, II-B	380-е гг.
328	Фасос – Th.13, II-B-2	380-е гг.
336	Менда – Md.43, II-C; неустановленный центр пр-ва – Un.11	375–350 гг.
352	Гераклея – НР.12, тип I Менда – Md.14, II-B	370-е гг.
402	Кос – Ks.2, I-A	375–340 гг.
405	Менда – Md.46, II-C; Md.47, II-C	375–350 гг.
427	Гераклея – НР.39, I-A; Икос – Ik.14, группа II	355–340 гг.

Примечание. Составлено по: [Монахов и др., 2021].

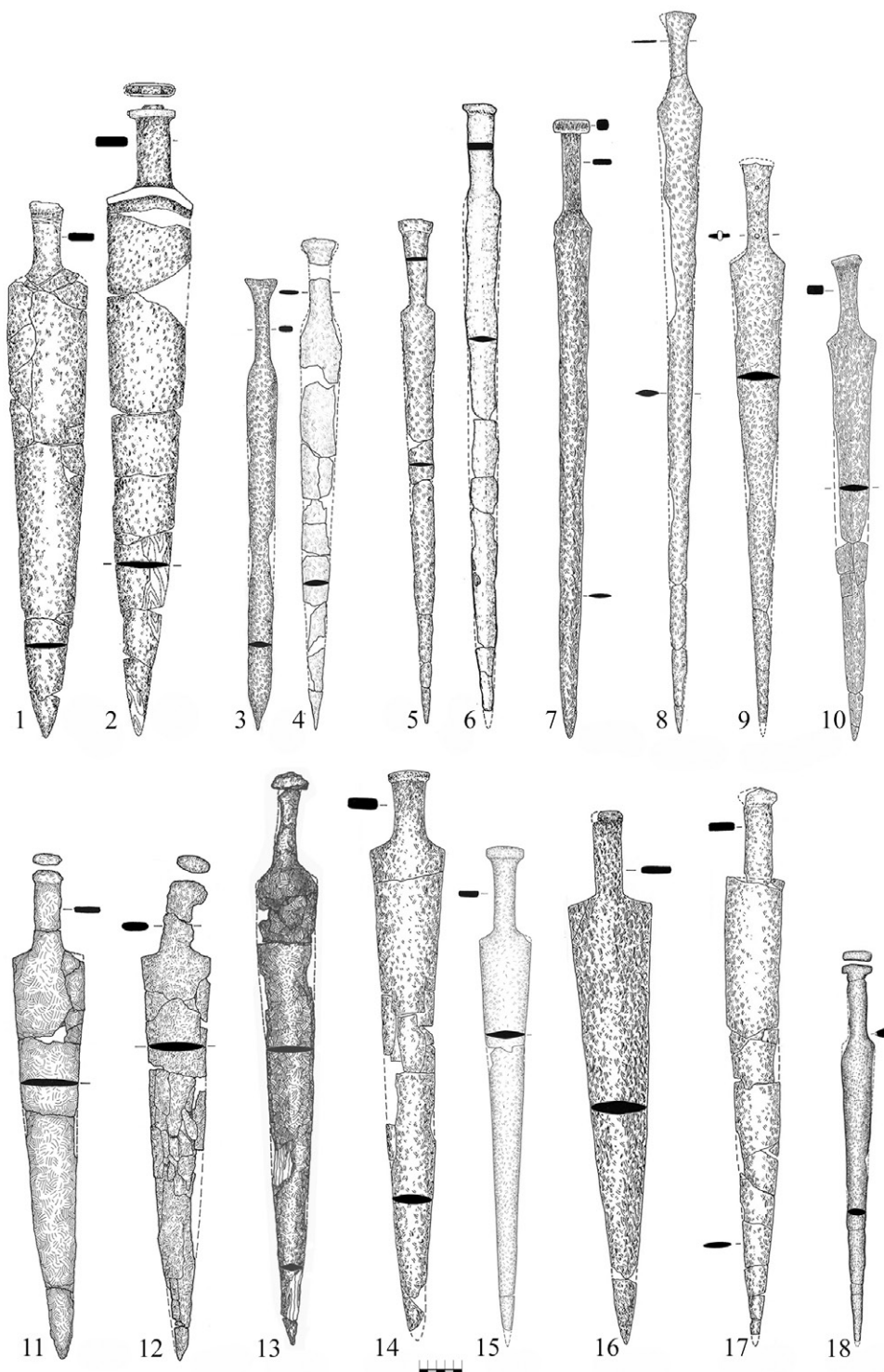

Рис. 1. Железные мечи синдо-меотского типа из всаднических погребений Прикубанского могильника:

1, 2 – 224; 3, 4 – 328; 5, 6 – 427; 7 – 171; 8 – 274; 9 – 352; 10 – 159; 11 – 33;
12 – 39; 13 – 88; 14 – 209; 15 – 336; 16 – 335; 17 – 167; 18 – 236

Fig. 1. Iron swords of the Sindo-Maeotian type from the horsemen's graves of the Prikubansky burial ground:

1, 2 – 224; 3, 4 – 328; 5, 6 – 427; 7 – 171; 8 – 274; 9 – 352; 10 – 159; 11 – 33;
12 – 39; 13 – 88; 14 – 209; 15 – 336; 16 – 335; 17 – 167; 18 – 236

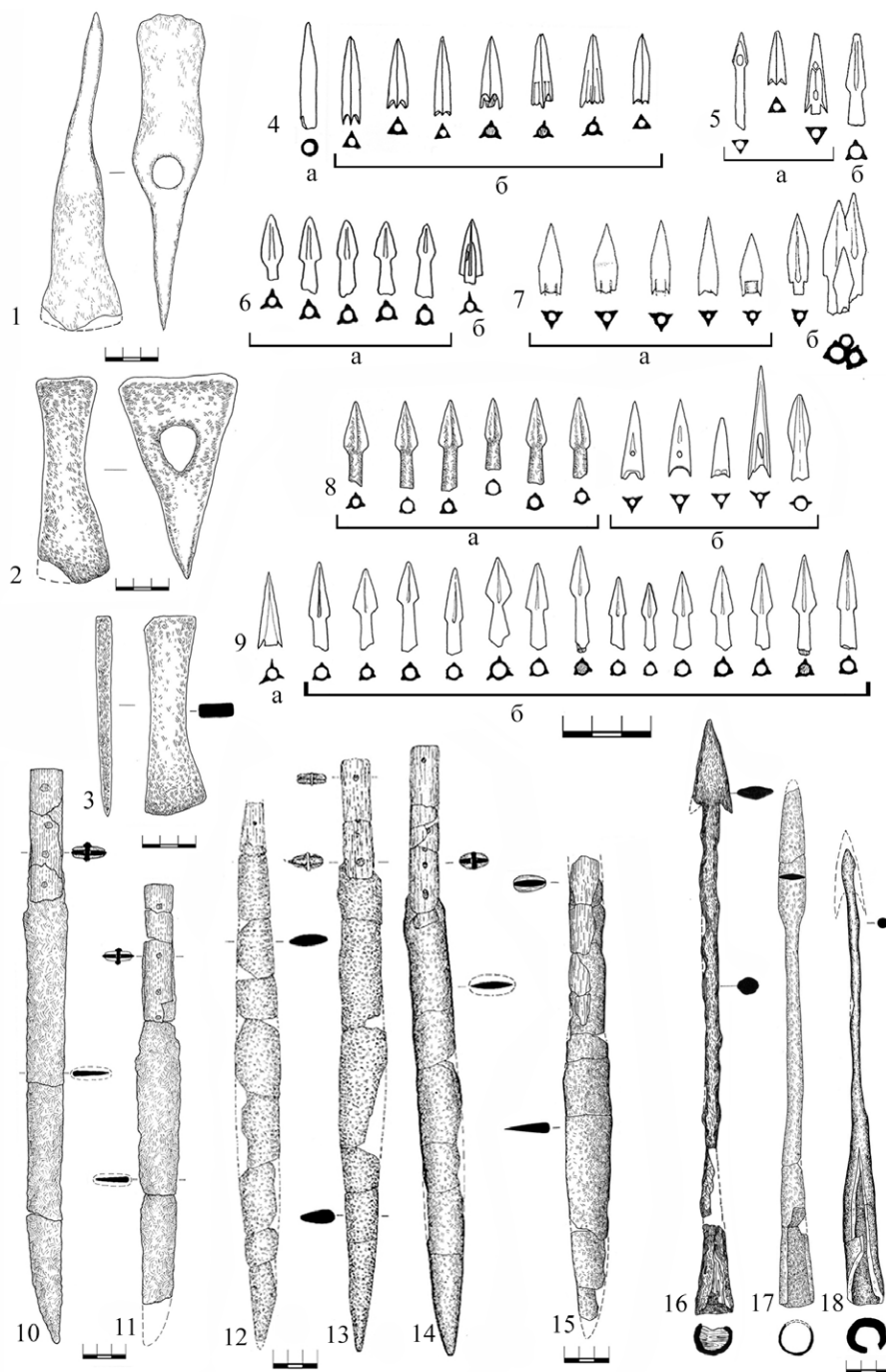

Рис. 2. Виды вооружения из всаднических погребений Прикубанского могильника:
 1–3 – топоры железные (1 – 336; 2, 3 – 209); 4–9 – наконечники стрел (4 – 39: а – кость, б – бронза;
 5 – 78: а – бронза, б – железо; 6 – 88: а – железо, б – бронза; 7 – 224: а – бронза, б – железо;
 8 – 336: а – железо, б – бронза; 9 – 209: а – бронза, б – железо); 10–15 – железные боевые ножи
 с костяными рукоятями (10, 11 – 39; 12–14 – 224; 15 – 236); 16–18 – железные наконечники дротиков
 (16 – 129; 17 – 427; 18 – 195)

Fig. 2. Types of weapons from the horsemen's graves of the Prikubansky burial ground:
 1–3 – iron axes (1 – 336; 2, 3 – 209); 4–9 – arrowheads (4 – 39: а – bone, б – bronze;
 5 – 78: а – bronze, б – iron; 6 – 88: а – iron, б – bronze; 7 – 224: а – bronze, б – iron;
 8 – 336: а – iron, б – bronze; 9 – 209: а – bronze, б – iron); 10–15 – iron combat knives
 with bone handles (10, 11 – 39; 12–14 – 224; 15 – 236); 16–18 – iron dart tips
 (16 – 129; 17 – 427; 18 – 195)

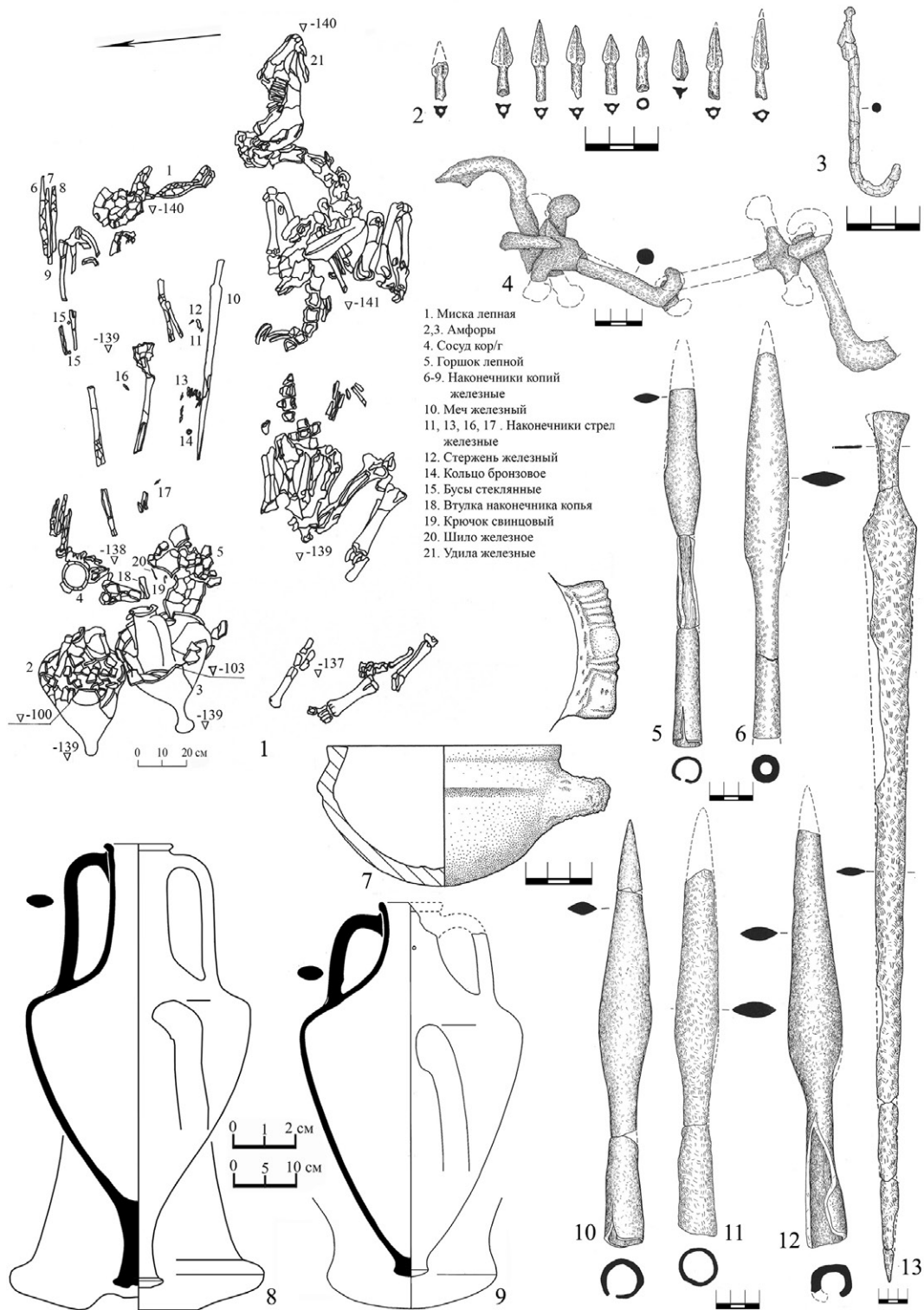

Рис. 3. Прикубанский могильник, погребение 274:

1 – план погребения (на плане: 1–21 – погребальный инвентарь); 2 – наконечники стрел;
3 – крючок свинцовый; 4 – удила с псалями; 5, 6, 10–12 – наконечники копий; 7 – ковш красноглиняный;
8, 9 – амфоры; 13 – меч (2, 4–6, 10–13 – железо)

Fig. 3. Prikubansky burial ground, grave 274:

1 – grave plan (on the plan: 1–21 – grave items); 2 – arrowheads; 3 – lead hook; 4 – bits with check-pieces;
5, 6, 10–12 – spearheads; 7 – red-clay dipper; 8, 9 – amphorae; 13 – sword (2, 4–6, 10–13 – iron)

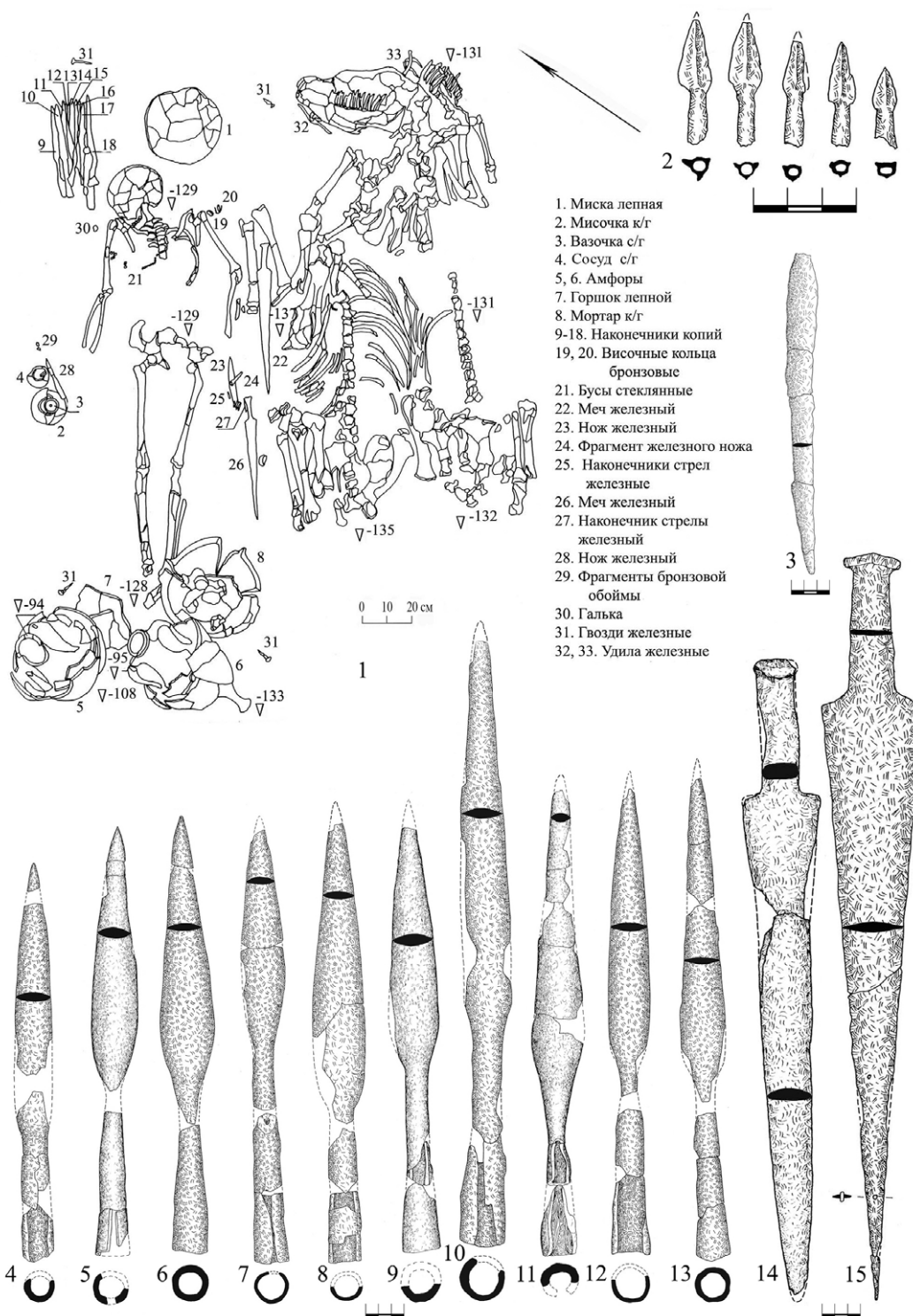

Рис. 4. Прикубанский могильник, погребение 405:

1 – план погребения (на плане: 1–33 – погребальный инвентарь); 2 – наконечники стрел; 3 – нож; 4–13 – наконечники копий; 14, 15 – мечи (2–15 – железо)

Fig. 4. Prikubansky burial ground, grave 405:

1 – grave plan (on the plan: 1–33 – grave items); 2 – arrowheads; 3 – knife; 4–13 – spearheads; 14, 15 – swords (2–15 – iron)

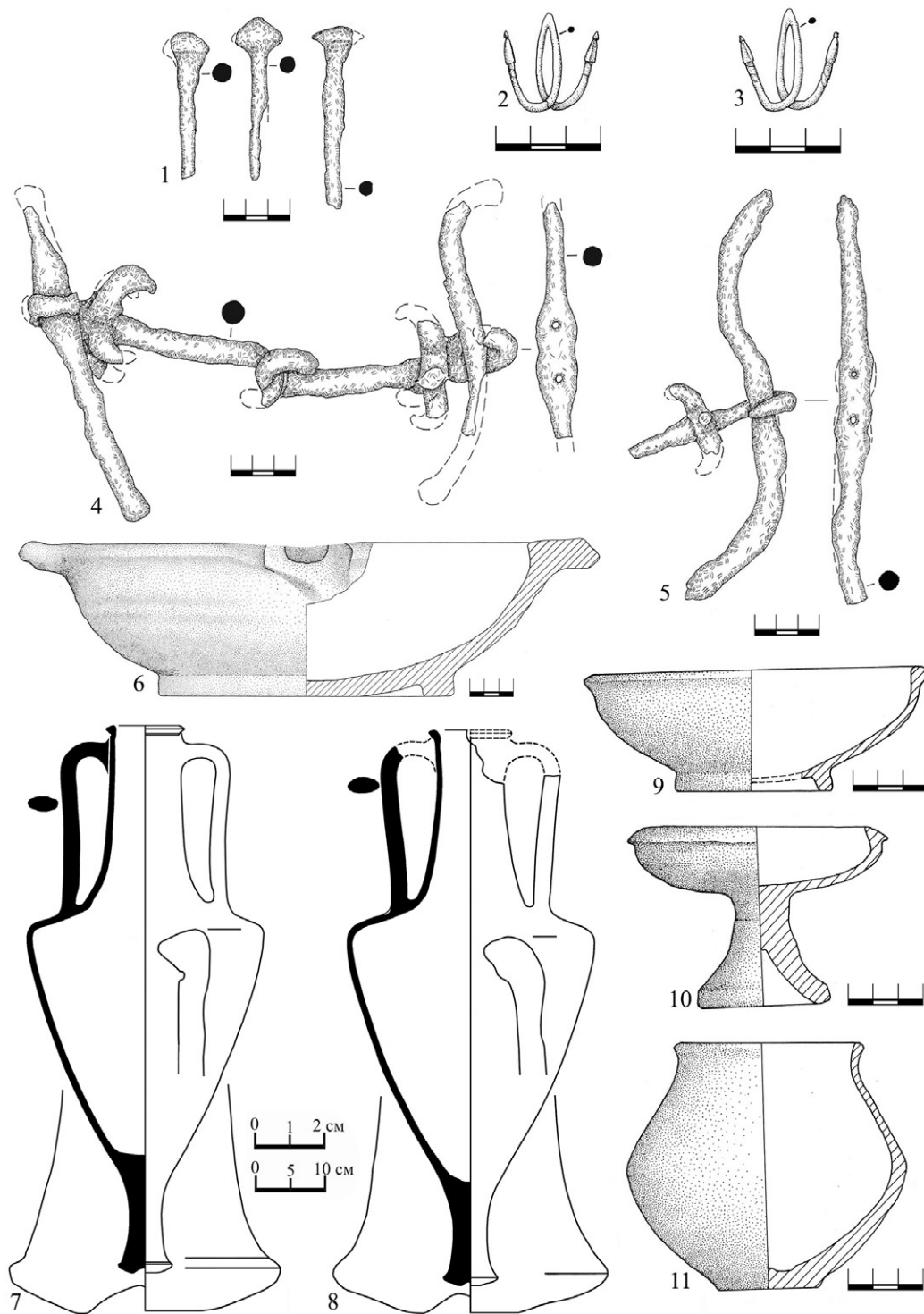

Рис. 5. Прикубанский могильник, погребение 405:

1 – гвозди; 2, 3 – височные кольца (бронза); 4, 5 – удила и псалии (1, 4, 5 – железо); 6 – mortar красноглиняный; 7, 8 – амфоры; 9 – миска красноглиняная; 10, 11 – сосуды сероглиняные

Fig. 5. Prikubansky burial ground, grave 405:

1 – nails; 2, 3 – ear rings (bronze); 4, 5 – bits with check-pieces (1, 4, 5 – iron); 6 – red-clay mortar; 7, 8 – amphorae; 9 – red-clay bowl; 10, 11 – grey-clay vessels

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анфимов Н. В., 1972. Отчет за 1972 год о раскопках Пашковского шестого могильника // Архив ИА РАН. Р-1. № 6219, 6219в.
- Галанина Л. К., 1980. Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV века до н.э. Л. : Искусство. 127 с.
- Каменецкий И. С., 2011. История изучения меотов. М. : ТАУС. 384 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2006. Типология и хронология меотских железных наконечников копий из памятников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 6. Краснодар : КубГУ. С. 152–181.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2007. Раскопки могильника Старокорсунского городища № 2 в 2006 г. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 7. Краснодар : КубГУ. С. 70–150.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2010. Расписные и чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника (атрибуция и хронология) // Древности Боспора. Т. 14. М. : ИА РАН. С. 322–356.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2012. Меотские дротики // Золото, конь и человек : сб. ст. к 60-летию А.В. Симоненко. Киев : Скиф. С. 411–415.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2016. Меотские всадники на восточной границе Боспора // Элита Боспора и боспорская элитарная культура : материалы Междунар. круглого стола, 22–24 нояб. 2016 г. СПб. : ПАЛАЦО. С. 245–250.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2018а. Хронология погребений с конской упряжью в зверином стиле из Прикубанского могильника // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 23, № 3. С. 99–113. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.9>
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2018б. Меотские мечи из Прикубанского могильника // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира : материалы Междунар. науч. конф. Ч. 2. СПб. : СПбГУ. С. 253–257.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2018в. Боевые ножи меотов // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» : материалы Междунар. науч. конф., Карачаевск, 22–29 апр. 2018 г. Карачаевск : Карачаево-Черкес. гос. ун-т им. У.Д. Алиева. С. 221–223.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2021. Погребения меотских всадников в сопровождении собак из Прикубанского могильника // *Stratum plus*. № 3. С. 131–150.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Кондратенко А. В., 2020. Погребения меотских всадников с боевыми топорами из Прикубанского могильника // Археологическое наследие. № 1 (3). С. 152–167.
- Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар : КубГУ. 358 с.
- Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов. САИ. Вып. Д1-4. М. : Наука. 91 с., 23 табл.
- Мелюкова А. И., 1979. Скифия и фракийский мир. М. : Наука. 256 с.
- Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б., 2021. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н.э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына. Саратов : Волга. 324 с.
- Нефедкин А. К., 2004. К вопросу об интерпретации изображения воина на одной стеле из Керчи // Боспорский феномен : проблемы хронологии и датировки памятников : материалы Междунар. науч. конф. Ч. 1. СПб. : Гос. Эрмитаж. С. 225–231.
- Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. МИА. № 101. М. : АН СССР. 172 с.
- Смирнов К. Ф., 1980. О мечях синдо-меотского типа // Краткие сообщения института археологии. Вып. 162. С. 38–45.
- Улитин В. В., 2004. Амфоры Пашковского могильника № 6 // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 4. Краснодар : КубГУ. С. 146–185.
- Эрлих В. Р., 1991. Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М. : Б. и. С. 77–99.
- Эрлих В. Р., 2011. Святилища некрополя Тенгинского городища II. IV в. до н.э. М. : Наука. 212 с.

REFERENCES

- Anfimov N.V., 1972. Otchyot za 1972 god o raskopkakh Pashkovskogo shestogo mogil'nika [Report on the Excavations of the Pashkovsky Sixth Burial Ground for 1972]. *Arkhiv IARAN*, R-1, no. 6219, 6219B.
- Galanina L.K., 1980. *Kurdzhipskiy kurgan. Pamyatnik kul'tury prikubanskikh plemyon IV veka do n.e.* [Kurdjip Kurgan. Cultural Monument of the Kuban Tribes of the 4th Century BC]. Leningrad, Iskusstvo Publ. 127 p.
- Kamenetsky I.S., 2011. *Istoriya izucheniya Meotov* [The History of Maeotians Studies]. Moscow, TAUS Publ. 384 p.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2006. Tipologiya i hronologiya meotskih zheleznyh nakonechnikov kopiy iz pamyatnikov pravoberezh'ya Kubani [Typology and Chronology of Maeotian Iron Spearheads from Monuments of the Right Bank of the Kuban]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on Archaeology of the Kuban Region], iss. 6. Krasnodar, KubSU, pp. 152-181.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2007. Raskopki mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2 v 2006 g. [The Excavations of Burial Ground of Starokorsunskaya Settlement 2 in 2006]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on Archaeology of the Kuban Region], iss. 7. Krasnodar, KubSU, pp. 70-150.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2010. Raspisnye i chernolakovye sosudy iz Prikubanskogo mogil'nika (atributsiya i khronologiya) [Painted and Black-Glazed Vessels from the Prikubansky Burial Ground (Attribution and Chronology)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus], vol. 14. Moscow, IARAS, pp. 322-356.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2012. Meotskie drotiki [The Maeotian Darts]. *Zoloto, kon'i chelovek: sb. st. k 60-letiyu A.V. Simonenko* [Gold, Horse and Man. Collection of Articles for the 60th Anniversary of A.V. Simonenko]. Kiev, Skif Publ., pp. 411-415.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2016. Meotskie vsadniki na vostochnoy granitse Bospora [Maeotian Horsemen on the Eastern Border of the Bosphorus]. *Elita Bospora i bosporskaya elitarnaya kul'tura: materialy Mezhdunar. kruglogo stola, 22–24 noyab. 2016 g.* [Bosporan Elite and its Culture. Proceedings of the International Round Table. November 22-24, 2016]. Saint Petersburg, PALACCO Publ., pp. 245-250.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2018a. Hronologiya pogrebeniy s konskoy upryazh'yu v zverinom stile iz Prikubanskogo mogil'nika [Chronology of the Burials with Animal-Style Horse Harness from the Prikubansky Burial Ground]. *Vestnik VolGU. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnisheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations.], vol. 23, no. 3, pp. 99-113. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.9>
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2018b. Meotskie mechi iz Prikubanskogo mogil'nika [The Maeotian Swords from the Prikubansky Burial Ground]. *Bosporskiy fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [The Bosporan Phenomenon. General and Peculiar Features of Historical and Cultural Space in the World of Classical Antiquity. Proceedings of the International Conference], pt. 2. Saint Petersburg, SPbSU, pp. 253-257.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2018v. Boevye nozhi meotov [The Combat Knives of the Maeotians]. *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. XXX «Krupnovskie chteniya»: materialy Mezhdunar. nauch. konf., Karachaevsk, 22–29 apr. 2018 g.* [Caucasus in the System of Cultural Relations of Eurasia in Atiquity and the Middle Ages. XXX “Krupnov Readings”. Proceedings of the International Scientific Conference, Karachaevsk, April 22–29, 2018]. Karachaevsk, Karachaevo-Cherkes. gos. un-t im. U.D. Alieva, pp. 221-223.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2021. Pogrebeniya meotskikh vsadnikov v soprovozhdenii sobak iz Prikubanskogo mogil'nika [The Graves of Maeotian Horsemen with Dogs from the Prikubansky Burial Ground]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 131-150.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., Kondratenko A.V., 2020. Pogrebeniya meotskikh vsadnikov s boevymi toporami iz Prikubanskogo mogil'nika [The Graves of Maeotian Horsemen with Battle Axes from the Prikubansky Burial Ground]. *Arkheologicheskoe nasledie* [Archaeological Heritage], no. 1 (3), pp. 152-167.
- Marchenko I.I., 1996. *Siraki Kubani (Po materialam kurgannykh pogrebenij Nizhnej Kubani)* [Siraci of the Kuban (On the Materials of Burial Mounds of the Lower Kuban)]. Krasnodar, KubSU. 358 p.
- Melyukova A.I., 1964. *Vooruzhenie skifov* [The Armament of the Scythians]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. Д1-4. Moscow, Nauka Publ. 91 p., 23 tabl.
- Melyukova A.I., 1979. *Skifiya i frakiyskiy mir* [Scythia and the Thracian World]. Moscow, Nauka Publ. 256 p.

- Monakhov S. Yu., Marchenko I.I., Limberis N. Yu., Kuznetsova E. V., Churekova N.B., 2021. *Amfory Prikubanskogo nekropolya IV – nachala III v. do n.e. iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika im. E.D. Felitsyna* [Amphorae of the Prikubansky Necropolis of the 4th – early 3rd century BC (from the Collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn)]. Saratov, Volga Publ. 324 p.
- Nefyodkin A.K., 2004. K voprosu ob interpretatsii izobrazheniya voina na odnoy stele iz Kerchi [About the Interpretation of the Image of a Warrior on One Stele from Kerch]. *Bosporskiy fenomen: problemy hronologii i datirovki pamyatnikov: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [The Phenomenon of Bosporan Kingdom: Problems of Chronology and Dating. Proceedings of the International Conference], pt. 1. Saint Petersburg, State Hermitage, pp. 225-231.
- Smirnov K.F., 1961. *Vooruzhenie savromatov* [The Armament of the Savromats]. *Materialy i issledovaniya po Arkheologii SSSR*, no. 101. 172 p.
- Smirnov K.F., 1980. O mechakh sindo-meotskogo tipa [On Swords of the Sindo-Maeotian Type]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 162, pp. 38-45.
- Ulitin V.V., 2004. Amfory Pashkovskogo mogil'nika № 6 [Amphorae of the Pashkovsky Burial Ground No. 6]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on Archaeology of the Kuban Region], iss. 4. Krasnodar, KubSU, pp. 146-185.
- Ehrlich V.R., 1991. Meotskie mechi iz Zakuban'ya [Maeotian Swords from Trans-Kuban]. *Drevnosti Severnogo Kavkaza i Prichernomor'ya* [Antiquities of the North Caucasus and of the Black Sea Region]. Moscow, s. n., pp. 77-99.
- Ehrlich V.R., 2011. *Sviatilishcha nekropolya Tenginskogo gorodischa II. IV v. do n.e.* [The Shrines in the Necropolis of the 2nd Tenginskaya Settlement 4th Century BC]. Moscow, Nauka Publ. 212 p.

Information About the Authors

Natalya Yu. Limberis, Senior Researcher, Scientific Research Institute of Archaeology, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, limberis2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0395-315X>

Ivan I. Marchenko, Candidate of Sciences (History), Professor, Department of World History and International Relations, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7319-5214>

Информация об авторах

Наталья Юрьевна Лимберис, старший научный сотрудник НИИ археологии, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, limberis2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0395-315X>

Иван Иванович Марченко, кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7319-5214>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.3>

UDC 572.024
LBC 28.71

Submitted: 24.04.2024
Accepted: 01.07.2024

THE FIRST CRANIAL TREPANATION FIND IN A MEOTIAN BURIAL GROUND (STAROKORSUNSKIY SETTLEMENT No. 2, KRASNODAR REGION)¹

Nataliya Ya. Berezina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Aleksandra N. Abramova

Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn,
Krasnodar, Russian Federation

Artem K. Avakyan

PRODIS.NDT LLC, Moscow, Russian Federation

Aleksei V. Ivanov

Southern Regional Center for Archaeological Research LLC, Krasnodar, Russian Federation

Inna L. Marmer

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

Evgeny Yu. Girya

Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. A young woman's skeleton dating back to the Meotian archaeological culture was studied during the investigation of the paleoanthropological series of the burial ground of the Starokorsunsky settlement No. 2. The burial ground is located in the Krasnodar Territory and is dated to the 4th century BC – 2nd century AD, while the burial under discussion dates back to the 2nd century BC – 2nd century AD. A trepanation hole with signs of healing was found on the skull of a young female of 17–25 years of age. In order to describe the pathological changes recorded on the cranial vault recommendations applied in modern paleoanthropology were used. Differential diagnosis was performed using descriptive macroscopic and X-ray diagnostic methods. It was possible to establish that the trepanation hole was made at least several years before the death of the individual. We suggested that the reason for the operation could be early synostosis of the skull sutures, and this manipulation was designed to reduce intracranial pressure and headaches caused by it. The article discusses the likely origins of medical skills for surgical manipulation. It is concluded that so far the data obtained do not allow us to speak unequivocally about the acquisition of medical knowledge by Meots from residents of the Asian Bosphorus or from the Sarmatian environment.

Key words: paleopathology, Meotes, archaeology, trepanation, craniosynostosis, Prikubanye, early Iron Age.

Citation. Berezina N.Ya., Abramova A.N., Avakyan A.K., Ivanov A.V., Marmer I.L., Girya E.Yu., 2024. Pervaya nahodka trepanatsii cherepa na materialah meotskogo mogil'nika (mogil'nik Starokorsunskogo gorodishcha № 2, Krasnodarskiy kray) [The First Cranial Trepanation Find in a Meotian Burial Ground (Starokorsunskiy Settlement No. 2, Krasnodar Region)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 3, pp. 38-51. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.3>

УДК 572.024
ББК 28.71

Дата поступления статьи: 24.04.2024
Дата принятия статьи: 01.07.2024

**ПЕРВАЯ НАХОДКА ТРЕПАНАЦИИ ЧЕРЕПА
НА МАТЕРИАЛАХ МЕОТСКОГО МОГИЛЬНИКА
(МОГИЛЬНИК СТАРОКОРСУНСКОГО ГОРОДИЩА № 2,
КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ)¹**

Наталья Яковлевна Березина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Александра Николаевна Абрамова

Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына,
г. Краснодар, Российская Федерация

Артем Каренович Авакян

ООО «ПРОДИС.НДТ», г. Москва, Российская Федерация

Алексей Владимирович Иванов

ООО «Южный региональный центр археологических исследований», г. Краснодар, Российская Федерация

Инна Лазоревна Мармер

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Евгений Юрьевич Гиря

Институт истории материальной культуры Российской академии наук,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Материалом для настоящего исследования послужил скелет молодой женщины, обнаруженный при изучении палеоантропологической серии меотской археологической культуры с территории могильника Старокорсунского городища № 2. Могильник находится в Краснодарском крае и имеет датировку VI в. до н.э. – III в. н.э. Обсуждаемое погребение датируется II в. до н.э. – II в. н.э. На черепе молодой женщины (17–25 лет) было обнаружено трепанационное отверстие со следами заживления. Для описаний патологических изменений, зафиксированных на своде черепа, использовались рекомендации, применяемые в современной палеоантропологии. Дифференциальная диагностика была выполнена с помощью описательного макроскопического и рентгенодиагностических методов. В результате удалось установить, что трепанационное отверстие было проделано минимум за несколько лет до смерти индивида. Высказано предположение, что одной из возможных причин для проведения операции стал ранний синостоз швов черепа и данная манипуляция была призвана снизить внутричерепное давление и головные боли, вызываемые им; хотя не исключается и устранение последствий травмы черепа. В статье обсуждаются вероятные истоки медицинских навыков для хирургической манипуляции. Делается вывод, что пока данные не позволяют однозначно говорить о получении меотами медицинских знаний от жителей Азиатского Боспора или же из сарматской среды.

Ключевые слова: палеопатология, меоты, археология, трепанация, краниосиностоз, Прикубанье, ранний железный век.

Цитирование. Березина Н. Я., Абрамова А. Н., Авакян А. К., Иванов А. В., Мармер И. Л., Гиря Е. Ю., 2024. Первая находка трепанации черепа на материалах меотского могильника (могильник Старокорсунского городища № 2, Краснодарский край) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 3. С. 38–51. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.3>

Юг европейской части России – одна из территорий, где существование традиции трепанации зафиксировано на антропологических материалах начиная с V тысячелетия до н.э. – эпохи энеолита и позднее на протяжении всей эпохи бронзы: от ее ранних этапов до финала [Медникова, 2001; Gresky et al., 2016]. В эпоху раннего железного века индивиды с трепанациями в обозначенном регионе встречаются реже. Описано несколько случаев, датирующихся савромато-сарматским временем, выполненных в техниках скобления-прорезания, сверления и сверления-прорезания [Перерва и др., 2020]. Следы заживления отмечены только в тех случаях, когда операция была выполнена в технике скобления-прорезания. Все трепанации, совершенные с применением сверления интерпретируются авторами публикаций как посмертные манипуляции с ритуальными целями.

Для меотской археологической культуры до настоящего времени не было известно ни одного случая трепанации, несмотря на большое количество исследованных городищ и могильников, что определяет актуальность данного исследования.

Несмотря на то что именно меотская культура является одной из наиболее изученных на территории Прикубанья, а археологические работы на памятниках этой культуры ведутся уже около 100 лет [Лимберис, Марченко, 2012, с. 5], музейных палеоантропологических коллекций, доступных для работы исследователям разного профиля, очень мало. Причины этому можно искать в общей плохой сохранности скелетных останков, широко известной специалистам, работающим на юге России (см. напр.: [Пежемский, 2000; Добровольская, 2016]). Одна из наиболее хорошо изученных на сегодняшний день меотских серий происходит с территории могильника Старокорсунского городища № 2. Полученная в ходе раскопок Краснодарской археологической экспедиции на базе Кубанского государственного университета, она, благодаря деятельности руководителей экспедиции И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис, была тщательно сохранена и сегодня доступна для исследователей. В последние годы данная серия широко изучается специалистами-антропологами по классическим и новейшим методикам.

Краниометрическими исследованиями материалов могильника с предварительной реставрацией черепов занималась М.А. Балабанова. Благодаря проделанной работе, данный материал удалось вписать в круг тем по палеоантропологии раннего железного века Прикубанья [Балабанова, 2013].

Е.В. Перерва изучал травматические повреждения и некоторые признаки стресса на скелетах, происходящих с территории могильника Старокорсунского городища № 2, а также дискретно-варьирующие признаки (далее – ДВП) на черепе и костях посткраниального скелета. Сравнительный анализ признаков физиологического стресса позволил автору найти аналогии с земледельческим населением средней части и юга Восточной Европы, а низкая встречаемость боевых ранений указала на мирную специализацию большей части населения [Перерва, 2005, с. 210]. Изучение морфологии скелетной системы и частот ДВП были продолжены одним из авторов настоящей работы [Абрамова, 2017; 2018; 2021]. Полученные данные по краниометрии, остеометрии и краниофенетике были проанализированы на фоне других серий раннего железного века [Абрамова, 2022].

Данная публикация посвящена исследованию одного индивида из этой серии, в частности обсуждению особенностей трепанационного отверстия, обнаруженного нами на черепе.

Материалы и методы

Старокорсунское городище № 2 и прилегающий к нему могильник существовали с начала VI в. до н.э. до III в. н.э. Его обитателей сегодня мы знаем под экзонимом «меоты», а особенности материальной культуры данных племен позволили ученым выделить их в отдельную меотскую археологическую общность, существовавшую с IX в. до н.э. до середины III в. н.э. Могильник располагается близ станицы Старокорсунской (г.о. Краснодар, Краснодарский край) (рис. 1). Погребения в основном совершались в простых грунтовых ямах, однако встречаются и подбойные погребения, а также катакомбы [Лимберис, Марченко, 2011, с. 194–195]. Погребение, о котором пойдет речь в настоящем исследовании (№ 44 (375в)), было

разрушено в древности, из-за чего скелет лежал не в анатомическом порядке, а инвентарь отсутствовал. Также не удалось проследить форму погребальной конструкции. Поэтому датировка погребения, по мнению автора раскопок, укладывается в весьма широкие рамки: II в. до н.э. – II в. н.э. [Лимберис, 2021, с. 30–31, 57]. Из текста отчета следует, что разрушение погребения произошло в результате сооружения более поздней могильной конструкции (№ 50 (381в)), которая, благодаря присутствию большого количества инвентаря, в том числе и двух амфор, была датирована в рамках конца IV – начала III в. до н.э. [Лимберис, 2021, с. 55]. Из этого можно было бы заключить, что обсуждаемое погребение должно было быть совершено раньше даты момента совершения погр. 50. Однако глубина залегания, местоположение и расстояние между обозначенными погребениями делают предположение о том, что одно погребение было разрушено другим, маловероятным. Таким образом, скорее всего, погребения 44 (375в) было разрушено в результате каких-либо действий, возможно грабительских, и не связано с сооружением ямы погребения 50 (381в). В данном случае, поскольку погребение было безынвентарным, за основу датировки была взята предложенная автором раскопок дата.

Половозрастные определения проводились по стандартным методикам по костям черепа и посткраниального скелета [Алексеев, Дебец, 1964; Brothwell, 1981; Szilvássy, 1988; Ubelaker, 1978]. Для описания патологических изменений структуры кости использовались методики и рекомендации А.П. Бужиловой и М.Б. Медниковой [Бужилова, 1995; Бужилова и др., 1998; Медникова, 2001].

Для дифференциальной диагностики применялись описательный макроскопический и рентгенодиагностический методы исследования, подробная фотофиксация². Компьютерная томография была выполнена на настольной системе микрофотографии ПРОДИС.Компакт (компания «Промышленные диагностические системы и технологии» Продис НДТ) в комплектации: детектор ПРОДИС.Марк 2430Т, источник UNMS-U130В и ПАК объемного анализа VolAn. Режим съемки: КЛКТ с угловым шагом 0,15 градусов, напряжение источника 130 кВ, размер вокселя 32 мкм.

Результаты

Погребенная – женщина 17–25 лет. На сохранившихся зубах верхней и нижней челюстей был обнаружен зубной камень в слабой степени развития. Кариеса, абсцессов, эмалевой гипоплазии и прижизненных сколов эмали отмечено не было. Стертость зубов слабая и соответствует возрасту. О молодом возрасте индивида говорит и отсутствие синостозирования апофиза грудного позвонка. Средний возраст синостозирования составляет 13–16 лет, но этот признак довольно вариабельный.

Сохранность черепа хорошая, комплектность неполная. Сохранились правая теменная и чешуя затылочной костей, левая теменная сохранилась от сагиттального шва до верхней височной линии, левая височная кость отсутствует, правая височная кость утратила большую часть чешуи. От лобной кости сохранился небольшой фрагмент чешуи, примыкающий к венечному шву. Лицевой скелет представлен только крупным фрагментом нижней челюсти с зубами.

На правой теменной кости было обнаружено овальное отверстие, примыкающее к лямбдовидному шву и ориентированное длинной осью перпендикулярно лямбдовидному шву (рис. 2).

Макроскопическое исследование костей свода черепа в области трепанационного отверстия было осложнено тафономическими процессами, а именно – минеральными отложениями, покрывающими значительную часть наружной и внутренней поверхности черепа. Для обследования трепанированной области было принято решение очистить минеральный налет. Расчистка была проведена реставратором Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук МАЭ РАН И.Л. Мармер. В ходе визуального обследования перед началом работ было выявлено, что область вокруг трепанационного отверстия подвергалась большей деструкции в ходе археологизации из-за меньшей плотности новообразованной компактной костной ткани по его краю. Нарастание известковой корки на слабой поверхности привело к образованию многочисленных трещин и каверн, заполненных минеральными отложениями.

ями. Такое состояние материала исключило возможность химической очистки, так как растворение отложений привело бы к разрушению кости. Из-за высокой прочности известковых отложений был выбран метод механической расчистки при помощи бормашинки с использованием шлифовальных алмазных насадок. Перед расчисткой было проведено укрепление черепа синтетической смолой Paraloid B-72 погружением. Известковые корки препятствовали повсеместному проникновению полимера, поэтому раскрытие поверхности сопровождалось дополнительной пропиткой расчищенных участков. В результате путем тонкого послойного сошлифовывания минеральной корки удалось обнажить участок поверхности и проявить морфологию края отверстия.

Размеры отверстия составили 22×17 мм. Край пологий и равномерно сужен от периферии к центру, его ширина примерно 7 мм по всей окружности от начала модифицированной области до перфорации. Край дефекта на всем протяжении покрыт компактной тканью с наружной и внутренней сторон, диплоэ не прослеживается. Трасологический анализ модифицированного края трепанационного отверстия показал, что собственно следы воздействия хирургических инструментов, как вид изменения рельефа исходной естественной поверхности, на обсуждаемом фрагменте черепа отсутствуют. В результате заживления и образования костной мозоли трепанационное отверстие сохранило лишь форму, рельеф поверхностей которой имеет чисто биологическое происхождение. Это обстоятельство значительно сужает возможности доказательной интерпретации процессов, связанных со способами проведения операции. Тем не менее, поскольку костная мозоль перекрыла все поверхности операционной травмы достаточно ровным тонким слоем, анализ формы операционного отверстия также может оказаться полезным.

Внешний диаметр отверстия крупнее внутреннего. Со стороны эндокрана никаких сколов и неровностей в области перфорации не зафиксировано. Нет никаких оснований предполагать применение сверления. Отсутствие прямых линий в очертаниях отверстия и его асимметричный профиль (верхний про-

дольный край несколько более крутой, в сравнении с более пологим нижним) исключают его создание путем резания-пиления. Трепанационные отверстия с асимметричным профилем бортов уже описывались одним из авторов данного исследования при изучении черепов из некрополя греко-римского времени Дейр Эль Банат на окраине города Файюм в пустыне Сахара [Васильев и др., 2021]. Они были выполнены орудием с острым прямым долотовидным лезвием, в результате чего контуры трепанационных отверстий приобрели угловатые, ломаные очертания. На одном из черепов, без следов заживления операционной травмы, были прослежены даже следы сколов с поверхности верхней пластины компакты черепа.

На фрагменте черепа из Старокорсунского могильника мы не наблюдаем ни следов отщепления компакты, ни характерных форм поверхности – углублений от фасеток и остатков выпуклостей межфасеточных ребер. Пологие гладкие изогнутые плоскости бортов отверстия, плавные дугообразные очертания продольных и поперечных краев, вполне однозначно свидетельствуют об иной морфологии их образования (см.: [Васильев и др., 2021, с. 126]). В данном случае – о строгоматериально-скобляющей кинематике движений орудия. По классификации Ф.П. Лисовски такая форма краев дефекта характерна для трепанации, выполненной в технике прорезания или комбинации скобления и прорезания [Lisowski, 1967].

Судя по состоянию компакты, операция прошла успешно и задолго до смерти пациента. Следов воспалительных процессов ни в области отверстия, ни на других частях черепа не отмечено. На сохранившихся частях свода в ходе визуального осмотра отмечается одна особенность – полная облитерация всех швов черепа, кроме чешуйчатого.

Для изучения внутренней структуры кости, определения наличия или отсутствия линейных переломов свода черепа, а также неструктивного исследования поверхности под минеральными отложениями, фрагмент свода черепа подвергли компьютерной микротомографии (рис. 3). Виртуальный срез, проведенный перпендикулярно краю трепанационного отверстия, показал, что компактная

ткань покрывает всю площадь модифицированной кости, линейные переломы свода отсутствуют, а минеральные отложения не только затагнули поверхность, но и проникают в глубину костной ткани до диплоэ (рис. 3, с).

Обсуждение

Похожий случай трепанации был описан для молодого мужчины, погребенного в могильнике Быково в Волгоградской области и датированного савроматским временем (VI–IV вв. до н.э.) [Перерва и др., 2020, с. 144]. Авторы работы считают, что индивид также надолго пережил операцию, его трепанационное отверстие находилось, как и в случае с индивидом из могильника Старокорсунского городища № 2, на правой теменной кости и было выполнено в схожей технике, а операция была проведена с лечебными целями, возможно, для устранения последствий травмы. На сохранившихся костях черепа молодой женщины из могильника Старокорсунского городища № 2 не было отмечено следов травм, хотя полностью исключить дырчатый перелом свода черепа из дифференциальной диагностики мы не можем.

Состояние края модифицированной кости, на всем протяжении покрытой компактной тканью, свидетельствует о том, что операция была совершена не меньше, чем за 2 года до смерти индивида [Barbian, Sledzik, 2008; Steyn et al., 2014], учитывая его молодой возраст и потенциал к быстрому ремоделированию. Отсутствие выраженных воспалительных процессов, как в области отверстия, так и на всей остальной сохранившейся части черепа, свидетельствует о том, что операция не была спровоцирована воспалением и не стала его причиной. Одним из факторов, наряду с травмой ассоциированным с возможной причиной проведения операции, может быть раннее сращение швов черепа. Краниосиностозы в детском возрасте приводят к различным изменениям формы черепа, связанным с ранним закрытием одного шва, его части, или же нескольких швов сразу [Суфианов и др., 2015]. Судя по форме сохранившейся части свода черепа изучаемого индивида, заметных патологических деформаций у нее не было. Процесс естественной облитерации швов чаще

всего происходит в определенной последовательности, начинаясь в среднем между 20 и 30 годами в обелионной части стреловидного шва и частично в височной части венечного шва, полное закрытие швов отмечается с большей частотой после 50 лет [Зайченко и др., 2011]. Индивидуальная вариабельность в скорости облитерации швов довольно высока [Никитюк, 1960], но юный возраст исследуемого индивида (17–25 лет) склоняет нас к мысли о равномерном патологическом раннем закрытии швов в периоде второго детства – пубертатного возраста. Головной мозг и, соответственно, череп практически достигают своих дефинитивных размеров в периоде первого детства [Безруких и др., 2003]. Тем не менее последнее незначительное увеличение размеров головы происходит в подростковом возрасте в период полового созревания. При закрытых к этому возрасту швах черепа, ростовые процессы могли сопровождаться сильными головными болями, которые и послужили причиной для трепанации. Стоит, однако, отметить, что пальцевидных вдавлений на внутренней поверхности черепа, которые обычно сопутствуют повышенному внутричерепному давлению, на теменных и затылочных костях отмечено не было, лобная кость не сохранилась.

Похожий случай трепанации, связанный с ранней облитерацией швов черепа, описывают С.М. Слепченко с соавторами. Ими был изучен череп ребенка 8–10 лет, происходящий из раннесредневекового могильника Притоболья [Слепченко и др., 2013]. Здесь ранняя облитерация сагиттального шва черепа, вероятно, была спровоцирована искусственной кольцевой деформацией, что привело к повышению внутричерепного давления. По всей видимости, для облегчения состояния ребенка, ему была проведена трепанация левой теменной кости, которую, судя по отсутствию следов заживления, ребенок не пережил.

Заключение

До последнего времени черепа с трепанационными отверстиями с территории Юга европейской части России, датирующиеся ранним железным веком, были известны только из памятников, оставленных сарматскими

племенами (см. список: [Перерва и др., 2020, с. 146]). В этих работах авторы связывают появление необходимых для проведения трепанации навыков с греческим влиянием на скифо-сарматский мир. В настоящем исследовании впервые обсуждается трепанация черепа, принадлежавшего молодой женщине, погребенной на территории могильника, оставленного представителями меотской археологической культуры. Редкость находки предполагает отсутствие устойчивой традиции операций такого рода в меотской среде. Локализация памятника допускает как тесные связи с греками, так и активное взаимодействие с варварским миром кочевников. Трудно оценить уровень взаимодействия меотов с греками. Нет никаких сомнений, что торговые связи с меотской “глубинкой” у греков появляются очень рано. Греческий импорт в погребениях Старокорсунского городища фиксируется уже в VI–V вв. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2015, с. 300]. Еще более сложным представляется вопрос о взаимодействии меотов с сираками. Часть авторов считает, что сарматское проникновение в меотскую среду происходит не ранее II в. до н.э. (см., напр.: [Анфимов, 1985; 1986; Берлизов и др., 1995]). Другие же склоняются к версии о том, что кочевники сарматского круга проникают в степи Кубани уже в IV в. до н.э., а в III в. до н.э. происходит укрепление меото-сиракского союза (или завоевание сарматами меотов) с постепенным ослаблением торговых отношений с Боспорским царством [Анфимов, 1951; Смирнов, 1952, с. 3; Десятчиков, 1974, с. 13–14; Марченко, 1996]. Косвенно о столкнове-

ниях меотов с сарматами свидетельствует появление в это время укрепленных городищ [Виноградов, 1965, с. 112; Марченко, 1996, с. 116]. По датировке, способу исполнения, и, вероятно, причине проведения, трепанация, обнаруженная на могильнике Старокорсунского городища № 2 аналогична случаю, обнаруженному в могильнике Быково. Учитывая тесные взаимодействия меотов с Боспором, операция могла быть произведена пришлым в среду меотов жителем Боспорского царства, не исключен также и вариант проникновения медицинских знаний из сарматской среды. Трепанационное отверстие могло быть выполнено и одним из представителей меотской общности. Так как на сегодняшний день антропологически данное население изучено слабо, пока этот вопрос остается открытым.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФ № 22-18-00108 «Северный Кавказ в эпоху поздней бронзы и раннего железа: люди, кони, металл».

The paper was prepared as a part of the Russian Science Foundation project No. 22-18-00108 “The North Caucasus in the Late Bronze and Early Iron ages: people, horses, metal”.

² Исследование проводилось при поддержке ЦКП МГУ «Технологии получения новых наноструктурированных материалов и их комплексное исследование», национального проекта «Наука» и Программы развития МГУ.

Research was carried out under partial support of the MSU Shared Research Equipment Center “Technologies for obtaining new nanostructured materials and their complex study”, National Project “Science” and the MSU Program of Development.

ПРИЛОЖЕНИЯ

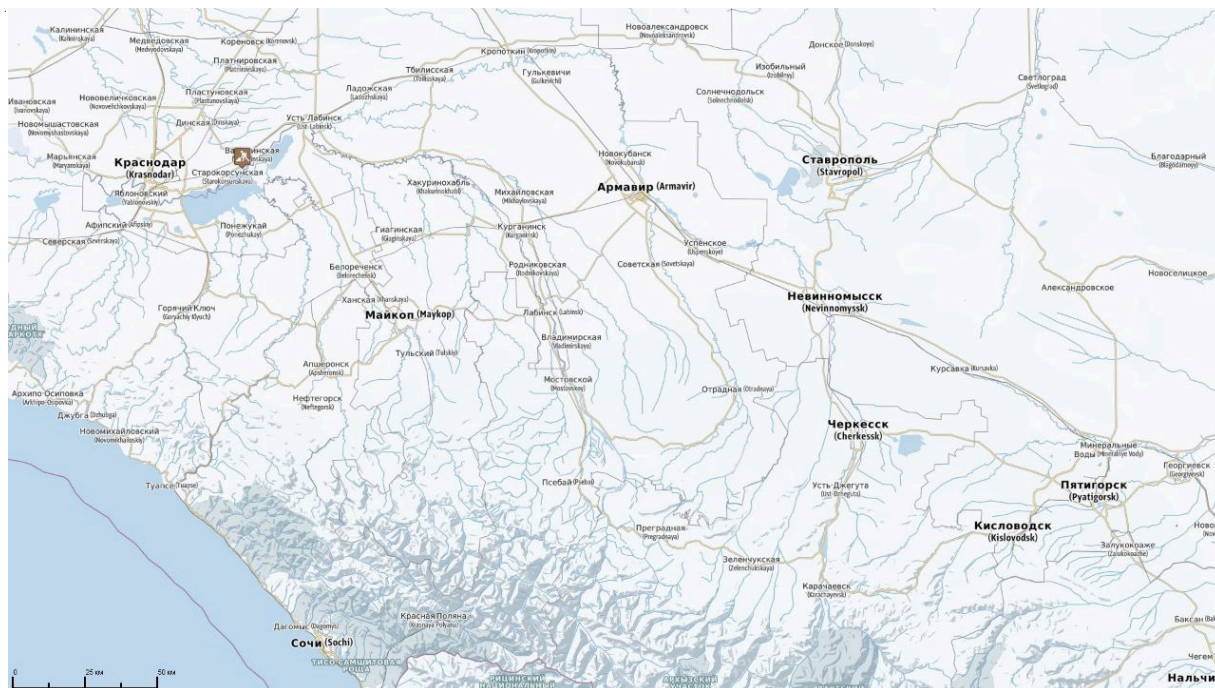

Рис 1. Локализация памятника
Fig. 1. Localization of the site

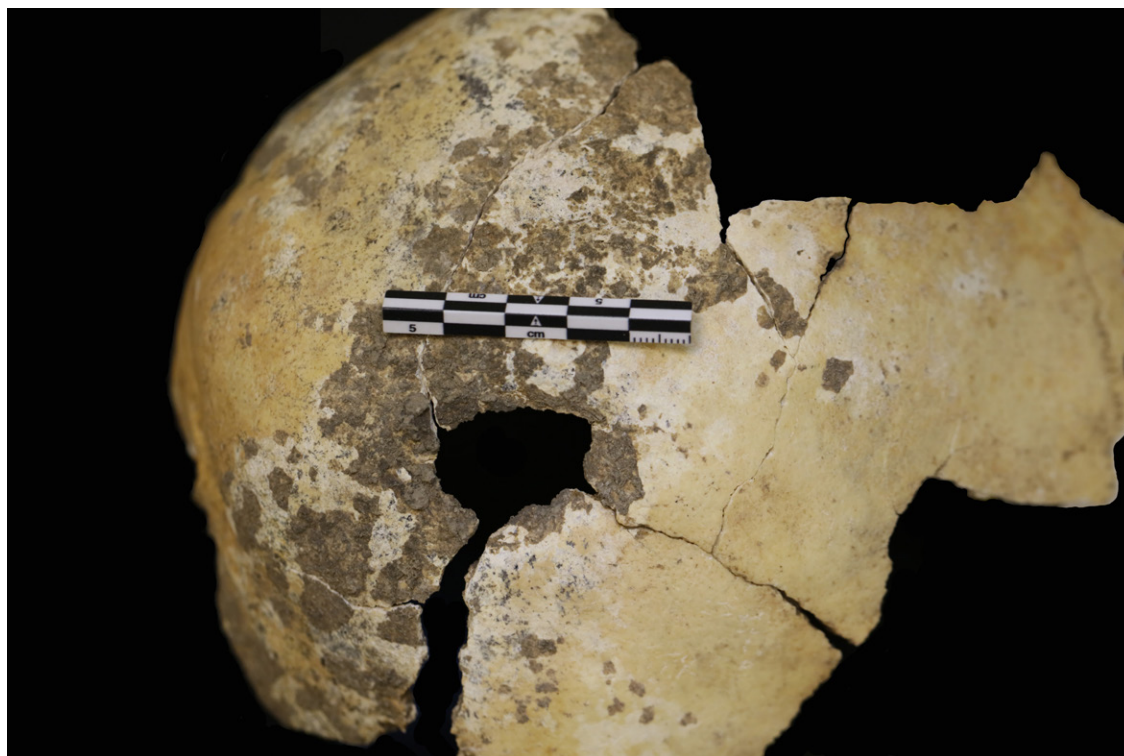

Рис. 2. Свод черепа с трепанационным отверстием, вид со стороны правой теменной кости.
Женщина 17–25 лет
Fig. 2. Trepanation of the cranial vault, view from the right parietal bone. Female of 17–25 years old

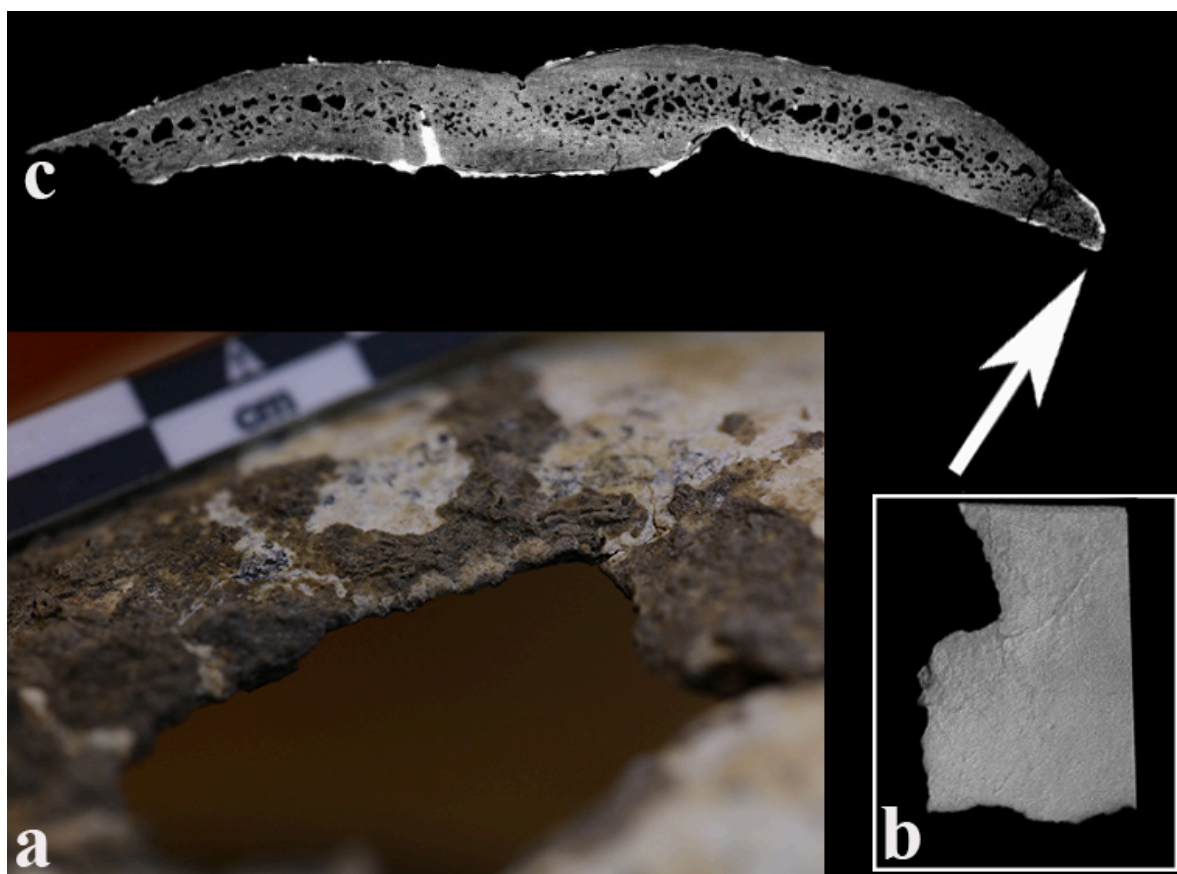

Рис. 3. Состояние края трепанационного отверстия:

a – детальная фотография поверхности края, компактный слой кости виден на всем его протяжении;
b – результат микрофотографии фрагмента черепа; *c* – виртуальный срез, перпендикулярный краю трепанации

Примечание. Основание стрелки и ее конец отмечают одну и ту же область на разных проекциях томограммы.

Fig. 3. Condition of the edge of the trepanation hole:

a – photograph of the edge surface, a compact layer of bone is visible throughout its entire length;
b – the microtomography result of the skull fragment; *c* – a virtual slice perpendicular to the edge of trepanation

Note. The base of the arrow and its end mark the same area on different projections of the tomogram.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова А. Н., 2017. Остеологическая характеристика меотов Прикубанья IV в. до н.э. – III в. н.э. // Вестник антропологии. Вып. 2 (38). С. 5–19.
- Абрамова А. Н., 2018. Сравнительная остеологическая характеристика меотов Прикубанья IV в. до н.э. – III в. н.э. // Вестник антропологии. Вып. 2 (42). С. 42–55.
- Абрамова А. Н., 2021. Население Прикубанья раннего железного века по данным краниофенетики (предварительные данные) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 2. С. 66–80. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.4>
- Абрамова А. Н., 2022. Население Прикубанья раннего железного века по данным скелетной системы (VI в. до н.э. – III в. н.э.): дис. ... канд. ист. наук. Волгоград. 326 с.
- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М. : Наука. 128 с.
- Анфимов Н. В., 1951. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. № 23. С. 155–207.
- Анфимов И. Н., 1985. Об этнических процессах на Средней Кубани в I в. до н.э. – III в. н.э. // Проблемы археологии и этнографии. Вып. III. Л. : Изд-во ЛГУ. С. 64–70.
- Анфимов И. Н., 1986. Курганный комплекс сарматского времени из бассейна р. Кирпили // Новое в археологии Северного Кавказа. М. : Наука. С. 183–190.
- Балабанова М. А., 2013. Антропология меотского населения Кубани (по материалам могильника Старокорсунского городища № 2) // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар : Экоинвест. С. 21–25.
- Безруких М. М., Сонькин В. Д., Фарбер Д. А., 2003. Возрастная физиология (физиология развития ребенка). М. : Академия. 416 с.
- Берлизов Н. Е., Каминская И. В., Каминский В. Н., 1995. Сарматские памятники Восточного Закубанья // Историко-археологический альманах. Армавир ; М. С. 120–132.
- Бужилова А. П., 1995. Древнее население: палеопатологические аспекты исследования. М. : ИА РАН. 189 с.
- Бужилова А. П., Козловская М. В., Медникова М. Б., 1998. Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М. : Старый сад. 260 с.
- Васильев С. В., Гирия Е. Ю., Боруцкая С. Б., 2021. Техника трепанации у жителей Файюмского оазиса (Египет) в греко-римское время // Вестник антропологии. № 3. С. 125–133. DOI: <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2021-3/125-133>
- Виноградов В. Б., 1965. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // Советская археология. № 1. С. 108–121.
- Десятчиков Ю. М., 1974. Процесс сарматизации Боспора : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 22 с.
- Добровольская М. В., 2016. Опыт изучения скелетных материалов из склепов римского времени Восточного некрополя Фанагории // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 244. С. 299–309.
- Зайченко А. А., Коченкова О. В., Анисимова Е. А., Анисимов Д. И., Лукин О. Ю., 2011. Закономерности облитерации зубчатых швов черепа человека (обзор) // Саратовский научно-медицинский журнал. № 7 (3). С. 567–572.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2011. Подбойно-катакомбные погребения из меотских могильников правобережья Кубани // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН. С. 186–200.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2012. Меотские древности VI–V вв. до н.э. : по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани. Краснодар : Традиция. 316 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2015. Два типа чернолаковых чаш из меотских погребений правобережья Кубани // Античный мир и археология : межвуз. сб. науч. тр. № 17. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. С. 299–317.
- Лимберис Н. Ю., 2021. Отчет Краснодарской археологической экспедиции о раскопках восточной части могильника Старокорсунского городища №2 в 2020 году (г. Краснодар, Карасунский округ). Т. 1 // Архив НИИ археологии КубГУ. 144 с.
- Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар : КубГУ. 338 с.

- Никитюк Б. А., 1960. О закономерностях облитерации швов на наружной поверхности мозгового отдела черепа человека // Вопросы антропологии. Вып. 2. С. 115–121.
- Медникова М. Б., 2001. Трепанации у древних народов Евразии. М. : Науч. мир. 304 с.
- Пежемский Д. В., 2000. Информативность скелетных останков плохой сохранности (по материалам некрополя Сиреневая бухта) // Российская археология. № 4. С. 64–76.
- Перерва Е. В., 2005. К вопросу о некоторых антропологических особенностях меотского населения, оставившего могильники Старокорсунского городища № 2 (палеопатологический аспект) // Четвертая археологическая конференция : тез. и докл. Краснодар. С. 208–211.
- Перерва Е. В., Березина Н. Я., Кривошеев М. В., 2020. Трепанации савромато-сарматского времени по материалам с территории Нижнего Поволжья // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 48, № 2. С. 140–148. DOI: 10.17746/1563-0102.2020.48.2.140-148
- Слепченко С. М., Пошехонова О. Е., Скочина С. Н., 2013. К вопросу о медицинских знаниях раннесредневекового населения Притоболья (по материалам могильника Устюг-1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1 (20). С. 58–66.
- Смирнов К. Ф., 1952. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. 46. М. : АН СССР. С. 3–18.
- Суфианов А. А., Гаибов С. С.-Х., Суфианов Р. А., Иванова Н. Е., 2015. Клиническая картина несиндромальных краниосиностозов у детей раннего возраста // Журнал неврологии и психиатрии. № 8. С. 18–22. DOI: 10.17116/jnevro20151158118-22
- Brothwell D. R., 1981. Digging Up Bones. Natural History Museum Publications: L. : Trustees of British Museum. 208 p.
- Barbian L. T., Sledzik P. S., 2008. Healing Following Cranial Trauma // Journal of Forensic Sciences. № 53 (2). P. 263–268.
- Gresky J., Batieva E., Kitova A., Kalmykov A., Belinskiy A., Reinhold S., Berezina N., 2016. New Cases of Trepanations from the 5th to 3rd Millennium BC in Southern Russia in the Context of Previous Research: Possible Evidence for a Ritually Motivated Tradition of Cranial Surgery? // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 160. P. 665–682. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.22996>
- Lisowski F. P., 1967. Prehistoric and Early Historic Trepanation // Diseases in Antiquity. Springfield : Ch. C. Thomas. P. 651–672.
- Szilvássy J., 1988. Altersdiagnose am Skelett // Anthropologie. Handbuch der vergleichenden Biologie des Menschen. Bd. I, 1. N. Y., Stuttgart. P. 421–443.
- Steyn M., De Boer H. H., Van der Merwe A. E., 2014. Cranial Trauma and the Assessment of Posttraumatic Survival Time // Forensic Science International. Vol. 244. P. 25–29. DOI: 10.1016/j.forsciint.2014.08.021
- Ubelaker D. H., 1978. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation. Chicago : Adline Publishing Company. 172 p.

REFERENCES

- Abramova A.N., 2017. Osteologicheskaya harakteristika meotov Prikuban'ya IV v. do n.e. – III v. n.e. [Osteometric Characteristic of the Kuban Meotians of VI Century BC – III AD]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology], iss. 2 (38), pp. 5-19.
- Abramova A.N., 2018. Sravnitel'naya osteologicheskaya kharakteristika meotov Prikuban'ya IV v. do n.e. – III v. n.e. [Comparative Osteometric Characteristic of Kuban Meotians in VI Century BC – III AD]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology], iss. 2 (42), pp. 42-55.
- Abramova A.N., 2021. Naselenie Prikuban'ya rannego zheleznogo veka po dannym kraniofenetiki (predvaritel'nye dannye) [Craniophenetic Features of Cis-Kuban Population of the Early Iron Age (Preliminary Data)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 2, pp. 66-80. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.2.4>
- Abramova A.N., 2022. *Naselenie Prikuban'ya rannego zheleznogo veka po dannym skeletnoy sistemy (VI v. do n.e. – III v. n.e.): dis. ... kand. ist. nauk* [The Population of the Kuban Region of the Early Iron Age According to the Skeletal System (VI Century BC – III Century AD). Diss. cand. hist. sci.]. Volgograd. 326 p.

- Alekseev V.P., Debetz G.F., 1964. *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranio-metry. Methodology of Anthropological Research]. Moscow, Nauka Publ. 128 p.
- Anfimov N.V., 1951. Meoto-sarmatskiy mogil'nik u stanitsy Ust'-Labinskoy [Meoto-Sarmatian Burial Ground near the Village of Ust-Labinskaya]. *Materialy po arheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnyuyu epokhu* [Materials for the Archaeology of Northern Black Sea Region at Antique Epoch]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, iss. 23. Moscow, Nauka Publ., pp. 155-207.
- Anfimov I.N., 1985. Ob etnicheskikh protsessah na Sredney Kubani v I v. do n.e. – III v. n.e. [On Ethnic Processes in the Middle Kuban in the 1st BC – 3rd AD]. *Problemy arheologii i etnografii* [Problems of Archeology and Ethnography], iss. III, Leningrad, LSU, pp. 64-70.
- Anfimov I.N., 1986. Kurgannyi kompleks sarmatskogo vremeni iz basseyna r. Kirpili [The Kurgan Complex of the Sarmatian Period from the Kirpili River Basin]. *Novoe v arheologii Severnogo Kavkaza* [New in the Archeology of the North Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., pp. 183-190.
- Balabanova M.A., 2013. Antropologiya meotskogo naseleniya Kubani (po materialam mogil'nika Starokorsunskogo gorodisch'a № 2) [Anthropology of the Meotic Population of Kuban (with Particular Reference to the Materials from the Cemetery of the Starokorsunskoe Settlement no. 2)]. *Shestaya Mezhdunarodnaya Kubanskaya arheologicheskaya konferentsiya* [The 6th International Kuban Archaeological Conference]. Krasnodar, Ecoinvest Publ., pp. 21-25.
- Bezrukih M.M., Son'kin V.D., Farber D.A., 2003. *Vozrastnaya fiziologiya (fiziologiya razvitiya rebenka)* [Age Physiology (Physiology of Child Development)]. Moscow, Akademiya Publ. 416 p.
- Berlizov N.E., Kaminskaya I.V., Kaminskiy V.N., 1995. Sarmatskie pamyatniki Vostochnogo Zakuban'ya [Sarmatian Monuments of Eastern Kuban Region]. *Istoriko-arheologicheskii al'manah* [Historical and Archaeological Almanac]. Armavir, Moscow, pp. 120-132.
- Buzhilova A.P., 1995. *Drevnee naselenie: (Paleopatologicheskie aspekty issledovaniya)* [Ancient Population: (Paleopathological Aspects of the Study)]. Moscow, IA RAS. 189 p.
- Buzhilova A.P., Kozlovskaya M.V., Mednikova M.B., 1998. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy* [Historical Human Ecology. Methods of Biological Research]. Moscow, Staryy sad Publ. 260 p.
- Vasil'ev S.V., Giryа E.Yu., Borutskaya S.B., 2021. Tekhnika trepanatsii u zhitel'ey Fayumskogo oazisa (Egipet) v greko-rimskoe vremya [Trepanation Technique Among the Inhabitants of the Fayum Oasis (Egypt) in Greco-Roman Times]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], no. 3, pp. 125-133. DOI: 10.33876/2311-0546/2021-3/125-133
- Vinogradov V.B., 1965. Sirakskiy soyuz plemen na Severnom Kavkaze [The Sirak Union of Tribes in the North Caucasus]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology], no. 1, pp. 108-121.
- Desyatchikov Yu.M., 1974. *Process sarmatizatsii Bospora: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Process of Sarmatization of the Bosphorus. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow. 22 p.
- Dobrovol'skaya M.V., 2016. Opyt izucheniya skeletnykh materialov iz sklepov rimskogo vremeni Vostochnogo nekropolya Fanagorii [Experience of Studying Skeletal Remains from the Roman Period Vaults in the Phanagoria Eastern Necropolis]. *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], no. 244, pp. 299-309.
- Zaychenko A.A., Kochenkova O.V., Anisimova E.A., Anisimov D.I., Lukin O.Yu., 2011. Zakonomernosti obliterations zubchatykh shvov cheloveka (obzor) [Patterns of Obliteration of Dentate Sutures of the Human Skull (Review)]. *Saratovskiy nauchno-meditsinskiy zhurnal* [Saratov Journal of Medical Science], no. 7 (3), pp. 567-572.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2011. Podboyno-katakombnye pogrebeniya iz meotskikh mogil'nikov pravoberezh'ya Kubani [Recess Catacomb Burials from the Meotian Burial Grounds on the Right Bank of the Kuban]. *Pogrebal'nyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii. Materialy i issledovaniya po arheologii Yuga Rossii* [The Funeral Rite of the Early Nomads of Eurasia. Materials and Research on the Archaeology of the South of Russia]. Iss. III. Rostov-on-Don, SSC RAS, pp. 186-200.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2012. *Meotskie drevnosti VI–V vv. do n.e.: po materialam gruntovykh mogil'nikov pravoberezh'ya Kubani* [Meotian Antiquities of the 6-5th Centuries BC: Based on the Materials of the Ground Cemeteries of the Right Bank of the Kuban]. Krasnodar, Traditsiya Publ. 316 p.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2015. Dva tipa chernolakovykh chash iz meotskikh pogrebeniy pravoberezh'ya Kubani [Two Types of Chernolak Bowls from the Meotian Burials on the Right Bank of the Kuban]. *Antichnyy mir i arheologiya* [The Ancient World and Archaeology], no. 17. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, pp. 299-317.

- Limberis N. Yu., 2021. Otchet Krasnodarskoy arheologicheskoy ekspeditsii o raskopkah vostochnoy chasti mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha No. 2 v 2020 godu (g. Krasnodar, Karasunskiy okrug) [The Report of the Krasnodar Archaeological Expedition on the Excavations of the Eastern Part of the Burial Ground of the Starokorsunsky Settlement No. 2 in 2020 (Krasnodar, Karasunsky District)], vol. 1. *Arhiv NII arheologii KubGU*. 144 p.
- Marchenko I.I., 1996. *Siraki Kubani (po materialam kurgannyh pogrebeniy Nizhney Kubani)* [Siraki Kuban (Based on the Materials of the Burial Mounds of the Lower Kuban)]. Krasnodar, KubSU. 338 p.
- Nikityuk B.A., 1960. O zakonomernostyah obliterationshiv na naruzhnoy poverhnosti mozgovogo otdela cherepa cheloveka [On the Patterns of Suture Obliteration on the Outer Surface of the Cerebral Part of the Human Skull]. *Voprosy antropologii* [Issues of Anthropology], iss. 2, pp. 115-121.
- Mednikova M.B., 2001. *Trepanatsii u drevnih narodov Evrazii* [Trepanations Among the Ancient Peoples of Eurasia]. Moscow, Nauch. mir Publ. 304 p.
- Pezhemskiy D.V., 2000. Informativnost' skeletnykh ostankov plohoi sohrannosti (po materialam nekropolya Sirenevaya buhta) [The Problem of Informativeness of Skeletal Remains in Poor Stat of Preservation (Sirenevaya Puhta Necropolis)]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 64-76.
- Pererva E.V., 2005. K voprosu o nekotorykh antropologicheskikh osobennostyakh meotskogo naseleniya, ostavivshogo mogil'niki Starokorsunskogo gorodishcha № 2 (paleopatologicheskii aspekt) [On the Issue of Some Anthropological Features of the Meotian Population that Left the Cemeteries of the Starokorsunskoe Settlement no. 2 (Paleopathological Aspect)]. *Chetvertaya arkheologicheskaya konferentsiya: tezisy i doklady* [Fourth Archaeological Conference: Abstracts and Reports]. Krasnodar, pp. 208-211.
- Pererva E.V., Berezina N.Ya., Krivosheev M.V., 2020. Trepanatsii savromato-sarmatskogo vremeni po materialam s territorii Nizhnego Povolzh'ya [Trepanations in Sauromato-Sarmatian Crania from the Lower Volga]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia], vol. 48, no. 2, pp. 140-148. DOI: <http://dx.doi.org/10.17746/1563-0102.2020.48.2.140-148>
- Slepchenko S.M., Poshekhonova O.E., Skochina S.N., 2013. K voprosu o meditsinskikh znaniyakh rannesrednevekovogo naseleniya Pritobol'ya (po materialam mogil'nika Ustyug-1) [On the Issue of Medical Knowledge of the Early Medieval Population of the Pritobolye (Based on the Materials of the Ustyug-1 Burial Ground)]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii], iss. 1 (20), pp. 58-66.
- Smirnov K.F., 1952. Osnovnye puti razvitiya meoto-sarmatskoy kul'tury Srednego Prikuban'ya [The Main Ways of Development of the Meoto-Sarmatian Culture of the Middle Kuban Region]. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications on Reports and Field Studies of the Institute of the History of Material Culture], iss. 46. Moscow, AS USSR, pp. 3-18.
- Sufianov A.A., Gaibov S.S.-H., Sufianov R.A., Ivanova N.E., 2015. Klinicheskaya kartina nesindromal'nykh kraniosinostozov u detey rannego vozrasta [The Clinical Picture of Nonsyndromic Craniosynostosis in Children]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii* [Journal of Neurology and Psychiatry], no. 8, pp. 18-22. DOI: [10.17116/jnevro20151158118-22](https://doi.org/10.17116/jnevro20151158118-22)
- Brothwell D.R., 1981. *Digging Up Bones*. London, Trustees of British Museum. 208 p.
- Barbian L.T., Sledzik P.S., 2008. Healing Following Cranial Trauma. *Journal of Forensic Sciences*, no. 53 (2), pp. 263-268.
- Gresky J., Batieva E., Kitova A., Kalmykov A., Belinskiy A., Reinhold S., Berezina N., 2016. New Cases of Trepanations from the 5th to 3rd Millennia BC in Southern Russia in the Context of Previous Research: Possible Evidence for a Ritually Motivated Tradition of Cranial Surgery? *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 160, pp. 665-682. DOI: <https://doi.org/10.1002/ajpa.22996>
- Lisowski F.P., 1967. Prehistoric and Early Historic Trepanation. *Diseases in Antiquity*. Springfield, Ch. C. Thomas, pp. 651-672.
- Szilvássy J., 1988. Altersdiagnose am Skelett. *Anthropologie. Handbuch der vergleichenden Biologie des Menschen*. Bd. I, 1. New York, Stuttgart, pp. 421-443.
- Steyn M., De Boer H.H., Van der Merwe A.E., 2014. Cranial Trauma and the Assessment of Posttraumatic Survival Time. *Forensic Science International*, vol. 244, pp. 25-29. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2014.08.021>
- Ubelaker D.H., 1978. *Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation*. Chicago, Adline Publishing Company. 172 p.

Information About the Authors

Nataliya Ya. Berezina, Candidate of Sciences (Biology), Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya St, 11, 125009 Moscow, Russian Federation, berezina.natalia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5704-9153>

Aleksandra N. Abramova, Candidate of Sciences (History), Head of the Department of Archaeological Funds, Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn, Gimnazicheskaya St, 67, 350000 Krasnodar, Russian Federation, abramovasacha0902@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6390-0845>

Artem K. Avakyan, Head of the Tomography Department, PRODIS.NDT LLC, Mironovskaya St, 33, Bld. 26, 105318 Moscow, Russian Federation, aak@prodis.tech, <https://orcid.org/0009-0004-6430-8490>

Aleksei V. Ivanov, Archaeologist, Southern Regional Center for Archaeological Research LLC, Gagarina St, 248, 350049 Krasnodar, Russian Federation, ivanov_arx@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7993-3086>

Inna L. Marmer, Restorer, Laboratory of Restoration and Conservation, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences of the Russian Academy of Sciences, Universitetskaya Emb., 3, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, imarm@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2370-9023>

Evgeny Yu. Girya, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Experimental Traceological Laboratory, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya Emb., 18A, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, kostionki@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2037-9826>

Информация об авторах

Наталья Яковлевна Березина, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник НИИ и Музея антропологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, 13, 125009 г. Москва, Российская Федерация, berezina.natalia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5704-9153>

Александра Николаевна Абрамова, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологических фондов, Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, ул. Гимназическая, 67, 350000 г. Краснодар, Российская Федерация, abramovasacha0902@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6390-0845>

Артем Каренович Авакян, руководитель направления томографии, ООО «ПРО-ДИС.НДТ», ул. Мироновская, 33, стр. 26, 105318 г. Москва, Российская Федерация, aak@prodis.tech, <https://orcid.org/0009-0004-6430-8490>

Алексей Владимирович Иванов, археолог, ООО «Южный региональный центр археологических исследований», ул. Гагарина, 248, 350049 г. Краснодар, Российская Федерация, ivanov_arx@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7993-3086>

Инна Лазаревна Мармер, художник-реставратор лаборатории реставрации и консервации, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук, Университетская наб., 3, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, imarm@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2370-9023>

Евгений Юрьевич Гиря, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Экспериментально-трассологической лаборатории, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Дворцовая наб., 18, Литер А, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, kostionki@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2037-9826>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.4>

UDC 902.21(4)“02/04”
LBC 63.48(4)

Submitted: 02.05.2024
Accepted: 20.05.2024

REVISITING THE ISSUE OF ATTRIBUTION OF SOME CATACOMB MONUMENTS GROUPS FROM THE SOUTH OF EASTERN EUROPE IN THE LATE 3rd – EARLY 5th CENTURIES

Vladimir Yu. Malashev

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Mikhail V. Krivosheev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The catacomb funerary ritual had a widespread occurrence among the southern Eastern European population in late Roman times and at the beginning of the Great Migration Period. The Alan culture monuments of the 2nd – 4th centuries AD from the North Caucasus and the “Alans-Tanaites” nomadic culture of the late 3rd – 4th centuries AD feature the burial ritual most widely and vividly. Evidently, the migration occurred in a westerly direction from the “Alan-Tanaitian” culture area in the late 3rd century, resulting in the appearance of a group of under-kurgan burials in the steppe zone of the Dniester-Danube interfluvium. It is possible that the people who left these kurgans in the 4th century were assimilated by the Chernyakhov culture bearers and switched to a sedentary lifestyle, having lost the kurgan funeral ritual (Belen’koe burial ground) but retained the catacomb burial structure of almost predominantly type II. The catacomb burials under the kurgans graphically feature the Alans-Tanaites fate after the encounter with the Huns, who defeated and subjugated the Alans-Tanaites, partly incorporating the vanquished population into their military and political union. The Alans-Tanaites took part in the campaign in Transcaucasia and Western Asia as part of the Hunnic army (395–398), as evidenced by the specific forms of the catacombs in the kurgans of the Palasa-Syrt burial ground from the Western Caspian region. A group of kurgan catacombs in the Middle Don and the Left Bank of the Dnieper features the partial outflow of the Alans-Tanaites from the Volga-Don steppes under the pressure of the Huns in the course of their expansion. A part of the Alans-Tanaites participated in the movement of the Huns to the west, as evidenced by the catacombs in the Budzhak steppe dating back to the last quarter of the 4th century.

Key words: under-kurgan catacombs, Northern Black Sea region, North-Eastern Caucasus, late 3rd century – early 5th century, Alans-Tanaites.

Citation. Malashev V.Yu., Krivosheev M.V., 2024. K atributsii nekotorykh grupp katakombnykh pamyatnikov yuga Vostochnoy Evropy vtoroy poloviny III – nachala V veka [Revisiting the Issue of Attribution of Some Catacomb Monuments Groups from the South of Eastern Europe in the Late 3rd – early 5th Centuries]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 3, pp. 52-78. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.4>

УДК 902.21(4)“02/04”
ББК 63.48(4)

Дата поступления статьи: 02.05.2024
Дата принятия статьи: 20.05.2024

К АТРИБУЦИИ НЕКОТОРЫХ ГРУПП КАТАКОМБНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ III – НАЧАЛА V ВЕКА

Владимир Юрьевич Малашев

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Михаил Васильевич Кривошеев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Обряд захоронения в катакомбах имел широкое распространение у населения юга Восточной Европы в позднеримское время и в начале эпохи Великого переселения народов. Наиболее массово и ярко он представлен в памятниках аланской культуры Северного Кавказа II–IV вв. и кочевнической культуре «алан-танаитов» второй половины III – IV века. Очевидно, из ареала культуры «алан-танаитов» во второй половине III в. произошла миграция в западном направлении, результатом которой стало появление в степной зоне Днестро-Дунайского междуречья группы подкурганых захоронений. Вероятно, население, оставившее эти курганы, в IV в. было ассимилировано носителями черняховской культуры и перешло к оседлому образу жизни, утратив курганный обряд (могильник Беленькое), но сохранив тип погребального сооружения в виде катакомбы, почти исключительно типа II. Катакомбные подкурганые захоронения хорошо фиксируют судьбу алан-танаитов после столкновения с гуннами. Гунны разгромили и подчинили алан-танаитов, включив часть побежденных в свое военно-политическое объединение. В составе гуннского войска аланы-танаиты участвовали в походе в Закавказье и Переднюю Азию (395–398 гг.), о чем свидетельствуют специфические формы катакомб в курганах Паласа-сыртского могильника в Западном Прикаспии. Отток части аланов-танаитов из волго-донских степей под давлением гуннов и в контексте их экспансии маркирует группа подкурганых катакомб Среднего Дона и Левобережья Днепра. Часть алан-танаитов участвовала в движении гуннов на запад, на что указывают катакомбы последней четверти IV в. в Буджакской степи.

Ключевые слова: подкурганые катакомбы, Северное Причерноморье, Северо-Восточный Кавказ, вторая половина III – начало V в., аланы-танаиты.

Цитирование. Малашев В. Ю., Кривошеев М. В., 2024. К атрибуции некоторых групп катакомбных памятников юга Восточной Европы второй половины III – начала V века // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 3. С. 52–78. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.4>

В предыдущей статье [Малашев, Кривошеев, 2023] нами были рассмотрены памятники волго-донских и северокавказских степей середины III – IV века. Акцент в той работе был сделан на анализе конструкции погребальных сооружений и особенностях погребального обряда. На основе проведенного анализа и ранее предложенного выделения их в самостоятельную культурную группу, генетически связанную с аланской и позднесарматской культурами [Малашев, 2009, с. 50; 2010, с. 128–129], им дано название, учитывающее хронологическую и территориальную привязку, дополненную исторической интерпретацией – *памятники степного Волго-Донья и Предкавказья середины III – IV в. (культура «алан-танаитов»)*. Двумя основными компонентами в сложении данных памятников являются субстратный позднесарматский культурный комплекс и культура мигрантов – носителей аланской культуры Северного Кавказа. Признаками, связывающими эту группу с аланской культурой, являются: катакомбы типа I [Смирнов, 1972; Мошкова, Малашев, 1999] с положением погребенного перпендикулярно длинной оси входной ямы, наличие ровиков, устройство тайников с парадной конской сбруей, органические подстилки в камере. Устойчивые связи алан-танаитов с аланской «метрополией» (центральны-

ми и восточными районами Северного Кавказа) отражаются в доминировании ее керамической продукции, а также распространении некоторых групп металлического инвентаря, в том числе фибул (ряда вариантов сильно профилированных и лучковых двухчленных), зеркал с центральной петлей, игольников, шильев, туалетных наборов. Признаки, связывающие с позднесарматской культурой: формирование катакомб типов II, IV, I/IV и V как результат синтеза традиции захоронения в катакомбе с положением погребенного головой в северный сектор, деформация черепов, наличие в составе инвентаря курильниц, оселков, пряслиц, а также присутствие костей животных (напутственной пищи). В результате имел место синтез традиций двух основных культурных комплексов¹, на основе которого формируется самостоятельная группа памятников, территориально обособленных степными районами Нижнего Дона, Нижней Волги и Предкавказья (совр. Ростовская, Волгоградская, Саратовская области, Ставропольский край и Республика Калмыкия), связанных обрядовыми признаками и существовавших в середине III – IV века.

Вопрос об исторических судьбах населения, оставившего памятники степного Волго-Донья и Предкавказья середины III – IV в. (культура «алан-танаитов»), был лишь частич-

но намечен в предыдущей публикации [Малашев, Кривошеев, 2023, с. 274]. Остановимся на нем более подробно и рассмотрим археологические свидетельства присутствия носителей данного культурного комплекса на территории Северо-Восточного Кавказа (Западного Прикаспия) и Северного Причерноморья² (Левобережья Днепра, Днестро-Дунайского междуречья и Среднего Дона).

Западный Прикаспий. Опорным памятником Западного Прикаспия финала позднесарматского времени – начала эпохи Великого переселения народов с датировкой середина IV – первая половина / середина V в. и одним из системообразующих в культурной группе памятников типа Львовские – Паласа-сырт является Паласа-сыртский могильник (рис. 1, I). Кратко приведем главные выводы, касающиеся культурной атрибуции Паласа-сыртского могильника и ранее представленные в публикациях: [Малашев, 2008; 2016, с. 54–57; Малашев и др., 2015, с. 79–87, 118].

Основной массив катакомбных захоронений могильника можно рассматривать в рамках двух основных типов – I и IV. Катакомбы типа I представляют наиболее распространенный тип погребальных сооружений (54 %). По комплексу признаков, связанных с их конструкцией и некоторыми чертами обряда, они соответствуют погребальным традициям аланской культуры раннего этапа. Катакомбы типа IV и подбой в совокупности составляют 30 %, ямы – около 10 %. Группа погребений в катакомбах типа IV, подбоях и ямах восходит к обрядовым традициям Львовских некрополей (Львовский Первый – 2, Львовский Первый – 4) и генетически связана с ними. Таким образом, в основе погребального обряда Паласа-сыртского могильника прослеживаются два компонента: один из них в конечном итоге восходит к традициям среднесарматской культуры, представленным в предшествующее время в Львовских могильниках (погребения в катакомбах типа IV, подбоях и ямах), другой – к обряду аланской культуры раннего этапа (погребения в катакомбах типа I).

Помимо выше описанных основных типов погребальных сооружений, в Паласа-сыртском могильнике присутствует небольшая выборка катакомб редких типов I/IV, II и V.

Пять катакомб относятся к типу I/IV [Гмыря, 1993, рис. 8,2; 9,2; 27,3; Гмыря, 2015, рис. 5; Малашев и др., 2015, рис. 13, с. 79; Малашев, Кривошеев, 2023, с. 270]³; особенности их конструкции имеют общие признаки с катакомбами как типа I, так и типа IV (рис. 2, 1–4). Две катакомбы атрибутируются как тип V [Гмыря, 1993, рис. 10,2; Малашев и др. 2015, рис. 15] (рис. 2, 5, 6). За исключением одного комплекса, все курганы, содержавшие эти типы катакомб, находятся на территории Северной группы могильника. Ориентировка входных ям – меридиональная. Вход в камеру находился в СЗ углу входной ямы. Ориентировка погребенных – в южный сектор. Датирующиеся комплексы, кроме одного случая [Гмыря, 2015, рис. 5], не заходят в V век.

Следует отметить, что в выборке погребальных комплексов Львовских могильников изредка встречаются катакомбы типов I/IV [Абрамова и др., 2000, рис. 49,7; 2004, рис. 64,2] и V [Абрамова и др., 2000, рис. 29,2] с ориентировкой погребенных в южный сектор.

В составе памятников степного Волго-Донья и Предкавказья середины III – IV в. н.э. также фиксируются катакомбы типов I/IV и V – соответственно 4 и 3 комплекса. Входные ямы ориентированы меридионально. Вход в камеру, как правило, находился в СЗ углу входной ямы. Ориентировка погребенного (в южный сектор) фиксируется в одном случае. Было отмечено, что данные типы можно рассматривать как отклонение от стандарта катакомб типа IV или его синтеза с типом I и, очевидно, отражают выработку новых форм камерных могил, адаптируя подбойную конструкцию к катакомбе [Малашев, Кривошеев, 2023, с. 270, 273].

С одной стороны, наличие этих соответствий может отражать связь данных групп населения между собой, с другой – редкие типы катакомб I/IV и V, имеющие вход с угла входной ямы (СЗ), могли возникать конвергентно и в культурной группе Львовские – Паласа-сырт, и в памятниках степного Волго-Донья и Предкавказья середины III – IV в. (культура «алан-танаитов») как результат корректировки ориентировки камеры и погребенного вследствие не точно сориентированной входной ямы. В конечном итоге они являют-

ся отклонением от стандарта типов I и IV⁴, а не самостоятельным конструктивным решением формы катакомбы в виде устойчивого сочетания признаков, в отличие от типа II. Но при этом одинаковое конструктивное решение в виде единого способа корректировки позволяет предполагать неслучайность данного совпадения.

Катакомбы типа II в Паласа-сыртском могильнике [Гмыря, 2012, рис. 17; 2013, рис. 2, 4, 13] представлены 4 погребениями и зафиксированы на компактном участке южной группы памятника (рис. 3). Ориентировка входных ям – меридиональная. Вход в камеру, как правило, находился в северной стенке (ССВ, С, ССЗ) входной ямы, в одном случае – в ЮЮЗ стенке. Ориентировка погребенных – головой в северный и южный сектор – поровну. Почти все погребения ограблены, инвентарь невыразительный. Датированный комплекс [Гмыря, 2012, рис. 17] может оцениваться как конец IV – первая половина V века.

Катакомбы типа II в Паласа-сыртском могильнике ранее рассматривались как отклонение от стандарта типа I [Малашев и др., 2015, с. 84; Малашев, 2016, с. 56]. Теперь они могут иметь другое объяснение. Ближайшими аналогиями им являются катакомбы данного типа в составе памятников степного Волго-Донья и Предкавказья середины III – IV века [Малашев, Кривошеев, 2023, с. 268–269]. У них доминирует меридиональная ориентировка входных ям с камерой, расположенной почти всегда у северных стенок. Преобладающая ориентировка погребенных – в северный сектор; дважды зафиксировано положение головой на юг.

Как уже говорилось, двумя основными компонентами в сложении памятников степного Волго-Донья и Предкавказья середины III – IV в. являлись субстратный позднесарматский культурный комплекс и культура мигрантов – носителей аланской культуры Северного Кавказа. Формирование катакомб типа II в данной культурной группе связывается с адаптацией престижного способа захоронения в катакомбе (типа I) к обрядовым традициям позднесарматской культуры в виде ориентировки погребенного в северный сектор [Малашев, Кривошеев, 2023, с. 273–274].

Исходя из этого, наличие катакомб типа II в Паласа-сыртском могильнике может

быть связано с появлением на территории Западного Прикаспия группы носителей культурного комплекса, оставившей памятники степного Волго-Донья и Предкавказья середины III – IV в. (культура «алан-танаитов») и инкорпорировавшейся в культурно близкое (общность происхождения обоих, связанных с аланской культурой) население.

Дополнительно следует отметить, что в двух катакомбах (типов I и II) Паласа-сыртского могильника обнаружены лепные курильницы низкой усечено-пирамидальной формы [Гмыря, 2013, рис. 3,8; Малашев и др., 2015, рис. 83,1]. В целом они ассоциируются с курильницами позднесарматского времени, несколько отличаясь от последних более крупными размерами в плане и, относительно этих размеров, меньшей высотой. Важно, что подобные курильницы не известны в комплексах Львовских могильников, а в контексте раннего этапа аланской культуры встречены только в одном погребении на Среднем Тереке, датированном финалом первой половины III в. [Малашев, 2019, рис. 912,4, 913,20]. При этом они являются достаточно распространенным предметом инвентаря (около 11 % комплексов)⁵ в катакомбных памятниках степного Волго-Донья и Предкавказья середины III – IV в. [Малашев, Кривошеев, 2023, с. 272], что позволяет ассоциировать их с традициями именно этого населения.

Для понимания исторического контекста, с которым могут быть связаны отмеченные выше редкие типы катакомб и находки курильниц в Паласа-сыртском могильнике, рассмотрим данные некоторых письменных источников, касающиеся похода гуннов именно⁶ 395–398 (397) годов. Приведем эти сведения, цитируя информацию по А.Г. Фурасеву [Фурасев, 2012, с. 450].

1. «Церковная история» Филосторгия, книга XI: гунны, «перейдя через реку Танаид... через Великую Армению ворвались в... Мелитину. Отсюда они напали на Евфратскую область, проникли до Килесирии и, пройдя через Киликию, произвели невероятное избиение людей» (Philostorgius, *Historia ecclesiastica* XI, 8).

2. «Письма» Св. Иеронима. В письме 77 сообщается, что от крайних пределов Меотиды вырвались рои гуннов и, пройдя через Александровы запоры Кавказа, наполнили все

«резней и ужасом». «Римское войско тогда отсутствовало и удерживалось в Италии гражданскими войнами» (Hieronimus, Epistolae 77). Письмо 60: «напущенные на нас из самых далеких скал Кавказа... северные волки в короткое время обрыскали столь обширные провинции... Осаждена Антиохия и остальные города» (Hieronimus, Epistolae 60).

3. Клавдий Клавдиан сообщает о нападении северных варваров, прошедших через «Каспийские ворота и Армянские снега», на сокровища римского Востока (Claudius Claudianus, In Rufinum. Liber II, 22–30). В другом своем произведении он сообщает о неудачной борьбе восточно-римской армии под началом префекта Евтропия с гуннами, которые опустошают Сирию и Каппадокию и уведут рабов «за Киммерийские болота, в Скифские леса» (Claudius Claudianus, In Eutropium. Liber I, 242–250)».

Та же информация – по С.В. Ярцеву и В.Г. Зубареву [Ярцев, Зубарев, 2020, с. 561].

1. «Весь Восток задрожал при внезапно разнесшихся вестях, что от крайних пределов Меотиды, между ледяным Танаисом и свирепыми народами массагетов, где Александровы запоры сдерживают дикие племена скалами Кавказа, вырвались рои гуннов, которые, летая туда и сюда на быстрых конях, все наполняли резней и ужасом» (Hier. Ep., 77, 8).

2. Пройдя «Каспийским проходом, по неоткрытым тропам, сквозь армянские снежные кручи» (Claud. In Rufin., II, 26–36).

Акцентируем внимание на сведения Клавдия Клавдиана, который прямо указывает в качестве места передвижения участников набега «Каспийские ворота».

В качестве места для прохода гуннской конницы в ходе набега 395–398 гг. исследователи рассматривали как Дербентский, так и Дарьяльский проходы [Ярцев, Зубарев, 2020, с. 562]. В частности, в пользу Дербентского прохода, как пути и в Закавказье – Переднюю Азию, и обратно, высказывался Т.А. Габуев [Габуев, 2014, с. 83–86]. Проведенный М.С. Гаджиевым и И.Г. Семеновым анализ письменных источников и исторической ситуации привел их к выводу, что участники похода использовали в качестве дороги на юг Дарьяльское ущелье с последующим продвижением через территорию Картлийского царства; обратная

дорога пролегла через Дербентский проход [Гаджиев, Семенов, 2009, Раздел 2.3, с. 11–20].

Тем, кто имел возможность видеть оба варианта пути даже в современном виде, становятся видны их достоинства и недостатки. Дарьяльский проход является горным ущельем с каменистой поймой р. Терек, крутыми склонами и перевалом на высоте около 2500 м, и вполне очевидно, что переход конных отрядов через него создавал сложности. Дербентский проход (шириной в настоящее время от крепости Нарын-кала до моря около 3 км) представляет собой наклонную от основания Джалганского хребта равнину, достаточно удобную для прохождения конного войска, которое при желании могло здесь продвигаться буквально линейным построением. Есть основания считать, что ширина Дербентского прохода во время совершения рассматриваемой военной акции была даже шире современной⁷. Кроме того, по М.С. Гаджиеву, до 440-х гг., когда при Ездигерде II была создана мощная оборонительная система между горами и морем в Дербентском проходе, он не был защищен фортификацией (см. список публикаций на эту тему в [Малашев и др., 2015, с. 153]). Таким образом, ландшафтная специфика данного района являлась значительно более благоприятной для конного перехода, нежели Дарьяльский проход.

Рассмотрим те редкие археологические свидетельства, относящиеся ко времени совершения рассматриваемого вторжения, происходившего, предположительно, через Дарьяльский проход.

1. Некрополь Брутского городища. На примыкающей к городищу территории основной части некрополя (могильник Брут 2) фиксируются три периода его использования, по современным хронологическим оценкам (вторая половина II – середина III в.; последние десятилетия IV – первая половина V в.; последняя треть VI – начало VII в.)⁸, отражающие основные фазы функционирования могильника, связанные с жизнью на городище, и, очевидно, обусловленные историческими событиями в регионе [Габуев, Малашев, 2009, с. 143]. Второй период, предположительно, мог отражать нестабильную военно-политическую ситуацию в начале гуннского времени и возобновление использования могильника на

ближайших к городищу участках в последних десятилетиях IV – первой половине V в., что связано с возрождением жизни на памятнике после какой-то кризисной ситуации. Элитарный участок некрополя гуннского времени (могильник Брут 1) содержит лишь один комплекс, датирующийся по пряжкам [Габуев, 2014, рис. 26–28, 30] последними десятилетиями IV – началом V века. Однако данные факты сложно связать непосредственно с событиями 395–398 годов.

2. Зильгинское городище и его некрополь (Бесланский могильник). На городище, в верхних напластованиях (пласт 4 при мощности слоя на данном участке около 2,5 м), в слое разрушения жилого или хозяйственного сооружения, в виде небольшого скопления были обнаружены железные черешковые трехлопастные наконечники стрел с ромбической головкой [Зиливинская, 1988, рис. 250, 251, 1]. С точки зрения датировки данная находка не имеет узкой привязки и может относиться ко всему гуннскому и более позднему времени. На участке Бесланского могильника, примыкающего к неукрепленной части городища, комплексы гуннского времени (в отличие от некрополя Брутского городища) отсутствовали, при наличии захоронений последней четверти VI – начала VII в. [Коробов, Малашев, 2023, с. 271–272]; они неизвестны также на южной и восточной периферии некрополя. Отметим, что при исследованиях 2020 г. Зильгинского городища [Чшиев, 2021, с. 16–17, илл. 7, 8, 10, 11] выявлены погребения середины – второй половины V в. н.э., впущенные в культурный слой, что фиксирует использование данной, пришедшей в запустение, части памятника под некрополь после какой-то «стрессовой» ситуации. Исходя из сказанного, сложно связывать приведенные факты, в том числе находку наконечников стрел, конкретно с событиями 395 года.

3. Группа комплексов, датирующихся последними десятилетиями IV – первыми десятилетиями V в., присутствует также в выборке погребений Змейского раннеаланского могильника [Малашев и др., 2022]. Отметим, что часть их находится на участке некрополя, содержавшего более ранние захоронения, что ассоциируется с ситуацией на некрополе Брутского городища.

Судя по археологическим и письменным источникам, допуская с серьезными сомнениями Дарьяльский проход как направление похода в Закавказье и Переднюю Азию, значительно более вероятно выглядит маршрут вдоль Западного Прикаспия через Дербентский проход, через который пролегал и обратный путь.

Исходя из вышесказанного, мы имеем три археологических соответствия времени похода 395–398 гг.:

1) типологический состав катакомб, в первую очередь катакомб типа II, и находки курильниц (в том числе в катакомбе типа II) в Паласа-сыртском могильнике корреспондируются с обрядовыми признаками памятников степного Волго-Донья и Предкавказья середины III – IV в. (культура «алан-танаитов»);

2) хронология наиболее поздних подкурганых катакомб степного Волго-Донья, оцениваемых финалом IV в. [Малашев, Кривошеев, 2023, с. 269], соответствует по времени походу 395–398 (397) гг.;

3) исходная территория, упоминаемая в письменных источниках (Танаис, крайние пределы Меотиды), совпадает с основным ареалом распространения памятников степного Волго-Донья («алан-танаитов»), а промежуточные ориентиры (Александровы запоры Кавказа и Каспийские ворота, Каспийский проход) – с локализацией Паласа-сыртского могильника к югу от Дербента.

Подводя итоги, вполне допустимо считать, что в составе гуннского объединения, совершившего поход 395–398 (397) гг., могло присутствовать сохранившееся до финала IV в. население Волго-Донских степей («аланы-танаиты»), что подтверждается присутствием редких для Паласа-сыртского могильника типов катакомб. В дополнение к этому стоит напомнить информацию Аммиана Марцеллина для предшествующего рассматриваемому походу времени: «...гунны, пройдя через земли алан, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе» (Аmm. Marc. XXXI,3). Можно предположить, что часть участников похода 395–398 гг. по

его завершении могла остаться на территории «Страны маскутов» в Западном Прикаспии и, как говорилось выше, влиться в состав культурно близкого (и этнически родственного) населения, связанного общностью происхождения с носителями аланской культуры.

Степная полоса Северного и Северо-Западного Причерноморья. Отдельную и интересную с точки зрения интерпретации и анализа культурного контекста группу памятников составляют подкурганые катакомбные погребения Северного и Северо-Западного Причерноморья второй половины III – начала V века.

В целом, погребения второй половины III – начала V в., связываемые с кочевническим населением в этих регионах, представлены двумя массивами: это подкурганые комплексы Левобережья Днестра – Среднего Дона (рис. 1, 2–10, 4) и группа подкурганых захоронений Днестро-Дунайского междуречья (рис. 1, 11–16, 5) [Simonenko, 1995, с. 347–357; Симоненко, 2011; Гудкова, Редина, 1999; Васильев, Дзиговский, 2001–2002; Васильев, 2020].

Стоит отметить, что в степной зоне Северного Причерноморья, по обоим берегам Днестра, во второй половине II – первой половине III в. отмечается крайне незначительное количество кочевнических курганов, которое находит объяснение в оттоке населения с этих территорий [Симоненко, 1993, с. 118]. Наиболее западным памятником второй половины II – первой половины III в., уверенно связываемым с позднесарматским культурным комплексом, можно считать курганный могильник Шевченко в Южном Донбассе [Шепко, 1987; Кривошеев, Малашев, 2019]. Далее к западу, до Днестра, курганы позднесарматского времени крайне редки [Симоненко, 1993, с. 95]. Объяснение такой ситуации пока предложить сложно. Тем более это вызывает вопросы, что в урало-волго-донских степях, в том числе в соседних районах, в Нижнем Подонье, динамично развивается позднесарматская культура [Малашев, Кривошеев, 2022].

После середины III в. и до конца IV столетия в приднепровских степях и в Днепро-Днестровском междуречье кочевнических курганов не встречено⁹. Предположительно, это могло быть связано с началом процесса формирования объединения, в котором готы

играли ведущую военно-политическую роль, и с оформлением отождествляемой с ними черняховской культуры. Данные процессы могли вызвать дестабилизационные явления, приведшие к оттоку кочевого населения из региона во второй половине III века. Другая причина, которая могла повлиять на оставление кочевниками этого региона, – это природно-климатические изменения, связанные с тенденцией к чрезмерному увлажнению климата, негативно повлиявшие в это время на экономический базис кочевников обширных пространств степной и лесостепной зоны от Западной Сибири до Северного Причерноморья [Кривошеев, Борисов, 2019; 2023].

Вернемся к подкурганым погребениям Северного Причерноморья второй половины III – начала V века. В обеих упомянутых группах курганных памятников Левобережья Днестра – Среднего Дона и Днестро-Дунайского междуречья доминирует катакомбная конструкция погребальных сооружений и отмечается некоторое количество синхронных подбойных погребений [Васильев, Дзиговский, 2001–2002].

Подкурганые захоронения *Левобережья Днестра и Среднего Дона* немногочисленны и насчитывают 13 погребальных комплексов (рис. 1, 2–10, 4): Дмухайловка, курган 13; Колпаковка, курганы 4 и 8; Моспинская, курган 1; Вербки, курган 3; Лимаревка, курган 1; Лосево, курган 3; Сторожевое, курганы 2, 8 и 11¹⁰; Кантемировка, курганы 1 и 3; Воронцовка [Шалобудов и др., 1983, рис. 2; Simonenko, 1995, fig. 5–7; Выборный, Ключнева, 1998; Обломский, 2002, рис. 91–93; Коваленко, Луговий, 2008, рис. 2; 2009, с. 176; 2016, рис. 4, 5; Березуцкий, Медведев, 2015]. Более половины из них в древности подверглись ограблению.

В 6 случаях погребения совершены в катакомбах типа I (рис. 4, 1–3). Входные ямы ориентированы меридионально; камеры овальной формы примыкают к северным стенкам входных ям, за исключением катакомбы с детским захоронением из Вербков, где камера находилась у ЮЮЗ стенки. Погребенные укладывались перпендикулярно длинной оси входной ямы (по длинной оси камеры) и были ориентированы широтно; в ненарушенных комплексах они лежали: головой в западный сек-

тор (налево от входа в камеру) – 2 случая; в восточный сектор (направо от входа в камеру) – 1 случай.

Погребения в катакомбах типа II (рис. 4, 4, 5) зафиксированы также в 6 случаях. Входные ямы ориентированы меридионально; камеры овальной (3 случая) или прямоугольной / трапециевидной (2 случая) формы примыкали к северным стенкам входных ям. Судя по приведенному описанию катакомбы у с. Воронцовка Купянского района Харьковской области [Обломский, 2002, с. 81], она относится к типу II, но отличается от остальных в данной выборке широтной ориентировкой; камера находилась у западной стенки входной ямы. Ориентировка погребенных в ненарушенных комплексах – головой в северный сектор (2 случая).

Одно из погребений (Кантемировка курган 1) было совершено в широком подбое, ориентированном длинной осью по линии СЗ-ЮВ; ниша находилась у ЮЗ стенки.

Судя по инвентарю, в данной выборке преобладают мужские захоронения. Несколько комплексов не имеют оснований для датировки вследствие ограбления в древности или невыразительности погребального инвентаря. Остальные погребения датируются не ранее второй половины IV в. или уже ранним гуннским временем – последней четвертью IV – первой третью V века [Гороховский, 1988; Gorokhovskiy, 1992; Simonenko, 1995, S. 347–348; Казанский, Мастыкова, 1999, с. 121, 123–124; Обломский, 2002, с. 81–82; Гавритухин, Обломский, 2007, с. 11, 13, 27–28, 40; Березуцкий, Медведев, 2015]. Скорее всего, погребения без выразительного инвентаря, и комплексы, имеющие дату в рамках второй половины IV в., исходя из общего контекста, могут быть соотнесены также уже с гуннским временем. Конструкция катакомб и ряд обрядовых черт дают основания связывать происхождение группы комплексов Левобережья Днепра и Среднего Дона с памятниками степного Волго-Донья и Предкавказья середины III – IV в. (культура «алан-танаитов»), а с учетом хронологической оценки считать их появление к западу от Дона результатом гуннской экспансии и, как следствие, перемещением части алан-танаитов на соседние территории. Добавим, что в двух комплексах встречена керамика, являющаяся продукцией про-

изводственных центров раннего этапа аланской культуры Северного Кавказа [Выборный, Ключнева, 1998, табл. XXVIII, 24, 25; Березуцкий, Медведев, 2015, рис. 5, 1–3]. Данная посуда, имеющая серии аналогий как на территории «метрополии» (в контексте аланской культуры), так и в памятниках степного Волго-Донья и Предкавказья середины III – IV в., также выступает как показатель миграционного характера населения, оставившего рассматриваемые захоронения Левобережья Днепра и Среднего Дона. Добавим, что группу подкуранных катакомб Левобережья Днепра с нижнедонским культурным массивом соотносил А.В. Симоненко [Симоненко, 2001, с. 89], а М.М. Казанский и А.В. Мастыкова отмечали, что появление таких захоронений, как в Кантемировке (курганы 1 и 3) и Дмухайловке (курган 13), относится ко времени после 375 г. и связано с разгромом готов гуннами и аланами [Казанский, Мастыкова, 1999, с. 125].

В *Днестро-Дунайской группе* памятников нами учтено 20 подкуранных катакомбных погребений, датирующихся второй половиной III – IV века (рис. 1, 11–16, 5). Все относятся к катакомбам типа II (рис. 5). Конструктивные особенности могил, состав инвентаря и оценка хронологии комплексов из могильников Владычень, Чауш, Фрикацей, Казаклия, Градешка, Кубей уже неоднократно получали характеристику и детальный разбор в литературе [Simonenko, 1995; Васильев, Дзиговский, 2001–2002; Васильев, 2020].

Во всех случаях входные ямы были ориентированы меридионально; камеры имели прямоугольную, трапециевидную или квадратную форму. В большинстве случаев камеры примыкали к северным стенкам входных ям, в двух случаях – к южным, и в одном – к западной. Большая часть погребений ограблена в древности. Там, где это удалось установить, погребенные ориентированы головой в северный сектор, ногами ко входу; во всех случаях камеры примыкали к северным стенкам входных ям. В кургане 6 Фрикацей входная яма была ориентирована широтно, камера примыкала с востока и имела квадратную форму; положение и ориентировка погребенного вследствие ограбления не устанавливается.

По соотношению глубины, длины и ширины входных ям и камер А.А. Васильев в этой группе выделил два варианта катакомб: первый – преимущественно с узкими камерами, равными по ширине или незначительно превышающими входные ямы (рис. 5, 1–3); второй – с камерами квадратной формы, значительно превышающими ширину входных ям (рис. 5, 4–6) [Васильев, 2020, с. 421–422].

Помимо подкурганых катакомбных погребений, в указанных могильниках обнаружены и синхронные подбойные захоронения, которые, несмотря на ограбление, нередко содержали выразительный материал, указывающий на всаднический статус погребенных (Градешка, кург. 7; Курчи, кург. 16) [Васильев, Дзиговский, 2001–2002].

Среди кочевнических древностей Днестро-Дунайского междуречья второй половины III – IV в. А.А. Васильев и А.Н. Дзиговский предложили выделить три хронологические группы памятников. Первую группу они связали со второй половиной III в. (ближе к концу столетия), вторую – с началом IV в., третью – с концом IV в. [Васильев, Дзиговский, 2001–2002, с. 331].

Нам представляется в целом оправданным предложенный подход А.А. Васильева и А.Н. Дзиговского. Однако анализ рассматриваемых материалов, в том числе с учетом особенностей погребальной обрядности комплексов, позволяет рассматривать первую и вторую хронологические группы в едином контексте и расширить хронологические рамки этой единой группы до второй половины III – второй четверти IV века. К ней стоит отнести как катакомбные захоронения варианта 1 по А.А. Васильеву, так и подбойные погребения на этой территории.

Вторая группа захоронений, конструктивно и хронологически отличная от первой и относящаяся к концу IV в., представлена исключительно катакомбами второго варианта по А.А. Васильеву (6 погребений) [Васильев, 2020] ¹¹.

Оформление в Днестро-Дунайском междуречье группы памятников, состоящей из катакомб II типа и подбойных могил, датирующихся второй половиной III – второй четвертью IV в., по мнению большинства исследователей, связана с проникновением на эту

территорию кочевников, которые являлись мигрантами с территории донских степей и Предкавказья ¹² [Гудкова, Редина, 1999, с. 190; Симоненко, 2011, с. 176], из ареала распространения памятников культуры «алан-танаитов». К этой группе относятся комплексы как в подбойных могилах, так и в катакомбах II типа с меридиональной ориентировкой входных ям и камер.

Появление данных групп номадов в Днестро-Дунайском междуречье носило миграционный характер, оно датируется не ранее второй половины III века. До этого времени на указанной территории катакомбный обряд не фиксируется. Однако катакомбы II типа и подбойные хорошо представлены в ареале культуры «алан-танаитов» в Волго-Донье и степном Предкавказье после середины III века. Именно во второй половине III в. на этой территории отмечается синхронное сосуществование катакомб II типа, ранее почти не встречавшихся у носителей позднесарматской культуры [Малашев, Кривошеев, 2023, с. 272–273], и подбойных могил, продолжавших использоваться кочевниками, генетически связанными с предшествующим позднесарматским населением и интегрированными позднее в культуру «алан-танаитов». К началу IV в. подбойные в Волго-Донском регионе практически полностью вытесняются катакомбами [Безуглов, 2008, с. 290].

Наряду с катакомбами типа I катакомбы типа II являются неотъемлемой чертой погребального обряда памятников степного Волго-Донья и Предкавказья середины III – IV в., составляя 16 % от всей выборки катакомб культуры «алан-танаитов». Они появились после середины III в. как результат адаптации престижного способа захоронения в катакомбе (типа I) к обрядовым традициям позднесарматской культуры в виде ориентировки погребенного в северный сектор [Малашев, Кривошеев, 2023, с. 271].

Появление в Буджаке синхронных подкурганых захоронений в подбоях и катакомбах, встречающихся в одних могильниках, находит соответствие в погребальном обряде этого же времени в ареале культуры «алан-танаитов», что позволяет более уверенно говорить о единстве исходной территории данной миграционной волны из степного Волго-Донья.

Аргументом в пользу связи ранней группы памятников второй половины III – второй четверти IV в. Днестро-Дунайского междуречья с погребальными комплексами культуры «алан-танаитов» является наличие в курганах могильников Кубей и Курчи кольцевых ровиков [Курчатов и др., 1995, с. 120]. Такие ровики известны в памятниках степного Волго-Донья и Предкавказья середины III – IV в. [Малашев, Кривошеев, 2023, с. 268], причем сопровождавшие как погребения в подбоях, так и катакомбы II типа.

К сожалению, нам недоступны данные антропологического анализа (подразумевается наличие деформации черепов) из днестро-дунайских катакомб, которые могли бы указать на связь группы буджакских погребений с носителями культуры «алан-танаитов», где процент деформации черепов доходит до 20 % в катакомбных могилах (16 % в катакомбах II типа).

Пока остается открытым вопрос о доминировании среди днестро-дунайских подкурганых памятников второй половины III – второй четверти IV в. подбойных могил, которые являются наследием традиций позднесарматской культуры, и катакомб II типа, появившихся как синтез позднесарматских и северокавказских традиций в культуре «алан-танаитов». Отсутствие в этой группе катакомб I типа, являвшихся основным типом погребальных сооружений в степном Волго-Донье и Предкавказье середины III – IV в. и уверенно связываемых с традициями мигрантов с территории Северного Кавказа, ставит вопрос об этносоциальном единстве культуры «алан-танаитов». Население, использовавшее катакомбы II типа и подбои, вероятно, было непосредственно связано с позднесарматским населением, включенным в новый культурный контекст, диктуемый северокавказскими мигрантами. Именно потомки носителей позднесарматских погребальных традиций представляли основу группы, переместившейся в междуречье Днестра и Дуная во второй половине III в. При этом население, практиковавшее обряд погребения в Т-образных катакомбах (тип I), в этой миграции не участвовало. Объяснить сейчас причины данной ситуации не представляется возможным.

Группа памятников Днестро-Дунайского междуречья в составе 6 катакомб II типа,

отнесенных А.А. Васильевым к варианту 2 (рис. 5, 4–6), по инвентарю датируется последней четвертью IV в. [Васильев, 2020], с чем мы согласны. Как уже упоминалось, от катакомб более раннего этапа их отличают камеры квадратной или прямоугольной формы, превышающие ширину входных ям (см. выше). Подбойные конструкции этого периода в рассматриваемой выборке не встречены.

Позднейшие катакомбы Буджака представляют собой обособленный массив, появление которого здесь, вероятно, связано с событиями после столкновения алан-танаитов с гуннами [Васильев, 2020, с. 426]. Из сообщений Аммиана Марцеллина нам известно, что часть алан-танаитов была присоединена к гуннам (Amm. Marc. XXXI,3), и в дальнейшем походе гуннов на запад именно выходцы из волго-донских степей могли оставить рассматриваемую группу катакомб. Стоит отметить, что отсутствие подбойных могил в этой группе выглядит естественно. В IV в. подбои уже были практически вытеснены из погребальных традиций культуры «алан-танаитов» [Безуглов, 2008, с. 290].

Катакомбы с квадратными и прямоугольными камерами, превышающими ширину входных ям, широко представлены в волго-донских степях во второй половине III – IV в. (Комаров II, кург. 7, 8; Новосадковский, кург. 18; Подгорненский IV, кург. 34; Новый, кург. 1, погр. 2; Барановка, кург. 3; Большая Дмитриевка, кург. 24; Кузнецовский I, кург. 4), в том числе среди нижнедонских катакомб развитого и позднего IV в. [Безуглов, 2008, рис. 2, 1].

Среди группы позднейших буджакских катакомб (Фрикацей, курганы 1 и 8) отмечается морфологическая особенность в виде смещения оси входной ямы под тупым углом (рис. 5, 6), которую А.А. Васильев склонен считать «конструктивной ошибкой при их создании» [Васильев, 2020, с. 422]¹³. Данная особенность отмечена и в катакомбах на Нижнем Дону (Кузнецовский I, кург. 4; Западнка, кург. 3; Маяк, кург. 4) [Безуглов, 2008, с. 286, рис. 2, 1, 5, 1, 3]. Возможно, это также может указывать на связь населения, оставившего катакомбы конца IV в. в Днестро-Дунайском междуречье, с ареалом культуры «алан-танаитов»: вероятно, речь может идти о едином

(общем для обеих групп) способе корректировки ориентировки камеры и погребенного вследствие не точно сориентированной входной ямы.

Группа позднейших катакомбных захоронений в Буджаке синхронизируется с подкурганскими катакомбами Левобережья Днепра и Среднего Дона, проанализированными выше. Они все относятся к финалу IV – началу V в., их появление на этих территориях связано с последствиями гуннского нашествия, а происхождение – с культурой «алан-танаитов».

Об этнокультурной принадлежности позднейших памятников Днестро-Дунайского междуречья второй половины III – IV в. неоднократно выдвигались предположения. А.В. Симоненко считает, что «подбойные могилы могли быть оставлены местными сарматами, в то время как катакомбы принадлежали пришельцам из Подонья и их потомкам». По его мнению, данный массив памятников можно отождествлять с «европейскими аланами» [Симоненко, 2001, с. 90; 2011, с. 180].

А.Н. Дзиговский и А.А. Васильев связали появление «сарматских», как они их называли, кочевых групп в Днестро-Дунайском междуречье, в результате одновременных и не слишком многочисленных проникновений военного характера в Буджак, который являлся «транзитной» территорией на пути в римские провинции через переправу на Дунае у современного с. Орловка. Позднейшую группу финала IV в. авторы интерпретировали как погребения алан-танаитов в составе гуннского объединения [Васильев, Дзиговский, 2001–2002, с. 332, 333; Дзиговский, 2003, с. 198–199, 208]. При этом исследователи не сочли возможным соотнести днестро-дунайские курганы второй половины III – IV в. с «европейскими аланами» Аммиана Марцеллина, поскольку в этом труде нет четких указаний на Северо-Западное Причерноморье как территорию их локализации [Васильев, Дзиговский, 2001–2002, с. 333; Дзиговский, 2003, с. 209].

Нам представляется, что с «европейскими аланами» можно связывать лишь позднюю группу катакомб Днестро-Дунайского междуречья последней четверти IV века.

Говоря о катакомбных памятниках Северного Причерноморья рассматриваемого времени, нельзя обойти вопрос о происхождении бес-

курганых катакомб, встречающихся в некрополях черняховской культуры. *Грунтовые катакомбы* известны в пяти могильниках черняховской культуры – Коблево (6 погр.), Фурмановка (1 погр.), Николаевка (3 погр.), Беленькое (более 50, что составляет примерно четверть от исследованной выборки)¹⁴ и Красный Маяк (1) [Симонович, 1969; 1971; 1979; Гудкова, 1987; Симоненко, Сикоза, 2020] (рис. 1, 17–21, 6). Территориально они распространены от Правобережья Нижнего Днепра (Николаевка, Красный Маяк) (рис. 1, 6, 5, 6) до Днестро-Дунайского междуречья (Беленькое, Фурмановка), где их зафиксировано наибольшее количество (рис. 1, 17–21, 6, 1, 2). Почти все погребальные сооружения представлены катакомбами типа II; исключения – катакомбы типа I (могила 195) в Николаевке и, возможно, в Красном Маяке (могила 117) [Симоненко, Сикоза, 2020, рис. 2, 2а, 4, 5]. Чаще встречаются катакомбы с меридионально ориентированными входными ямами и камерами, расположенными у северных стенок; ориентировка погребенных в ненарушенных комплексах – в северный сектор. В могильнике Беленькое присутствует значительная по количеству (около половины) группа погребений в широтно ориентированных катакомбах с камерой у западных стенок входных ям и ориентировкой погребенных в западный сектор. Датировка всей группы исследованных катакомб в могильниках черняховской культуры может оцениваться не ранее IV в. (преимущественно развитой и поздней частью столетия), не исключая для отдельных комплексов и начало V века [Гудкова, 1987; Обломский, 2002, с. 82; Симоненко, Сикоза, 2020, с. 293–294].

Несколько наблюдений, касающихся некрополя Беленькое. Как уже говорилось, среди черняховских могильников памятник выделяется наибольшим количеством погребений в катакомбах и подбоях; доля каждого типа погребального сооружения составляет порядка 25 % от общего числа. Как и в других могильниках черняховской культуры, здесь присутствуют как меридионально (погребенные уложены головами в северный сектор), так и широтно (погребенные уложены головами в западный сектор) ориентированные погребения, находящиеся достаточно изолировано на плане некрополя и составляющие примерно четверть выборки. Несколько преоб-

ладают меридионально ориентированные катакомбы с камерами, расположенными у северных стенок входных ям, над широтно ориентированными с камерами, находящимися у западных стенок. Обе группы катакомб фиксируются начиная практически с самого начала функционирования некрополя. При этом в финальной части существования могильника, видимо, чаще встречаются широтно ориентированные катакомбы. Подбойные погребения распространены с начальной фазы могильника с резким уменьшением их количества в финальной части; доминируют меридионально ориентированные захоронения. Во входных ямах катакомб отмечено присутствие захоронений коней [Росохацкий, 1994, с. 164; Васильев, 2008, с. 107].

Э.А. Сымонович связывал происхождение катакомбных захоронений в черняховских могильниках с обрядовыми традициями позднескифской культуры и искусственно «притягивал» финал последней к нижней дате черняховской культуры, считая, что ее носители заимствовали конструкцию погребального сооружения в виде катакомбы у позднескифского населения Нижнего Поднепровья [Сымонович, 1971, с. 73–74; 1979, с. 111]. При этом он отмечал достаточно существенные их различия: катакомбы в могильниках черняховской культуры, за двумя исключениями (см. выше – Николаевский могильник и Красный Маяк), относятся к типу II с камерой и положением погребенных вдоль длинной оси входной ямы, в отличие от катакомб типа I в позднескифских некрополях с погребенными, лежавшими перпендикулярно длинной оси входной ямы; черняховские катакомбы использовались только для одноактных захоронений, позднескифские – для многоактных; отмечались также и другие менее значимые отличия [Сымонович, 1971, с. 67–68]. А.В. Симоненко, Д.Н. Сикоза высказались достаточно осторожно, допуская связь захоронений в катакомбах позднескифской и черняховской культур [Симоненко, Сикоза, 2020, с. 295]. Ранее А.В. Симоненко занимал более определенную позицию, говоря об «этнокультурной интеграции» степного населения и носителей черняховской культуры, которую иллюстрируют катакомбы в черняховских могильниках [Симоненко, 2001, с. 90].

А.В. Гудкова отмечала конструктивную близость катакомб в могильниках черняховской культуры с аналогичными погребальными сооружениями в курганных захоронениях памятников Днестро-Дунайского междуречья (катакомбы типа II, меридиональная ориентировка) и ставила вопрос об их принадлежности группе степного населения [Гудкова, 1987, с. 65]. А.М. Обломский акцентировал внимание на сходстве катакомб из черняховских могильников с подкурганскими захоронениями восточноевропейской степи и отметил, что они территориально тяготеют к двум областям локализации последних (Днестро-Дунайскому междуречью и Левобережью Днепра), а также предположил возможность включения группы степного населения – носителей обряда погребения в катакомбах – в состав населения черняховской культуры [Обломский, 2002, с. 82–83].

Нам представляется, что позиция А.В. Гудковой и А.М. Обломского, касающаяся близости катакомб из могильников черняховской культуры и подкурганских катакомб, в первую очередь Днестро-Дунайского междуречья, основанная на типологическом сходстве, а также ориентировке погребальных сооружений и погребенных, является предпочтительной. Она может быть дополнена еще одним аргументом. Верхняя хронологическая граница ранней группы подкурганских захоронений в катакомбах типа II Днестро-Дунайского междуречья, по А.А. Васильеву и А.Н. Дзиговскому, рассматривается как начало IV в. [2001–2002, с. 331], исключая курган 5 могильника Чауш, датировка которого может оцениваться в рамках второй четверти данного столетия. Это совпадает по времени с началом массового распространения катакомб типа II в могильнике Беленькое на Правобережье Нижнего Днестра.

Таким образом, после исчезновения подкурганских захоронений в Днестро-Дунайском междуречье в начале (второй четверти?) IV в. и последовавшим за этим распространением памятников черняховской культуры фиксируется появление в грунтовых могильниках катакомб, аналогичных подкурганским. Это обстоятельство позволяет ставить вопрос о включении носителей обряда захоронения в подкурганских катакомбах в состав населения, оставившего памятники черняховской культуры на данной территории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В качестве незначительного по своему вкладу компонента можно предположить участие группы населения, оставившей такие памятники, как Львовские могильники, в которых широко практиковались захоронения в катакомбах типа IV с южной ориентировкой погребенных.

² Благодарим А.А. Васильева, И.О. Гавриухина, М.С. Гаджиева и О.А. Радюша за ценные консультации и помощь при написании данной работы.

³ У катакомбы периферийного погребения 2 кургана 2259, при формальном сходстве с типом I/IV, камера была преднамеренно смещена к востоку (вход находился в СВ углу), поскольку могла попасть на входную яму центрального погребения 1 [Малашев и др., 2015, рис. 143, 148], что дает основания атрибутировать ее как тип I.

⁴ Некоторые корректировки к типологии катакомб по М.Г. Мошковой, В.Ю. Малашеву [1999]: 1) типы III и VI-3 являются вариациями типа II; 2) типы V и VI-2 – вариациями типа IV (или подбоя); 3) тип I/IV, как следует из его номенклатуры, может считаться синтезом типов I и IV (иногда можно также допустить, что и типов II и IV). Таким образом, предложенную ранее типологию следует ограничить тремя основными типами I, II, IV, оставляя тип VI-1 (с которым, не исключено, связан и тип VI-2), возможно, являющийся редкой, но самостоятельной разновидностью камерных могил. Кроме этого, прежняя номенклатура дополнена новым типом VII (с 5 вариантами) двухкамерных катакомб [Малашев, 2021].

⁵ К сожалению, в нашей работе 2023 г., посвященной памятникам степного Волго-Донья и Предкавказья середины III – IV в. [Малашев, Кривошеев, 2023, с. 272], присутствует ошибка: на стр. 272 указано присутствие курильниц в 20 % катакомбных захоронений. Исправляем эту ошибку в данном тексте.

⁶ Сведения Приска Панийского, судя по последним разработкам [Фурасев, 2012, с. 461; Ярцев, Зубарев, 2020, с. 554], относятся к более поздним событиям.

⁷ Исходя из анализа археологических источников, полученных при обследовании акватории Дербента, уровень Каспийского моря в VI в. был ниже современного (–28,1 м) и может оцениваться как –31,5... –32 м относительно мирового океана [Кудрявцев, Гаджиев, 2003, с. 401–402]. Следует обратить внимание на информацию о раскопках Львовских курганных могильников (Северо-Западный Прикаспий, Терско-Сулакское междуречье) III–IV вв. (до начала V в.) [Малашев, 2016, с. 45–53]: отмечалось, что многие погребения во время проведения исследований находились ниже современного уровня грунтовых вод [Абрамова и др., 2000,

с. 5; 2001, с. 39; 2004, с. 3, 42]. Данные наблюдения косвенного характера дают основания полагать, что в III–VI вв. уровень Каспийского моря и связанный с ним уровень грунтовых вод был ниже современного, а с учетом очень пологого морского дна и малых глубин, перепад уровня воды вследствие регрессии моря в 3–4 м мог открыть дополнительно значительные по площади пространства суши в Западном Прикаспии.

⁸ Геральдические ременные гарнитуры из могильника Брут 2 синхронизируются с предметами из Беспанского могильника, датировка которых в настоящее время откорректирована И.О. Гавриухиным [2023, с. 152–153, 159].

⁹ Единичные комплексы второй половины III в. (впускное с восточной ориентировкой погребенного из Запорожья – могильник Балки, кург. 12, погр. 1 [Симоненко, 1993, с. 92–93]), не стоит однозначно рассматривать как системное явление в контексте кочевнических древностей этого времени.

¹⁰ Выражаем глубокую благодарность А.М. Обломскому за предоставленную информацию по могильнику Сторожевое (Чутовский район, Полтавская область).

¹¹ В кургане 8 могильника Кубей обнаружены две, вероятно, синхронные подбойные могилы (одна ориентирована широтно), относящиеся к гуннскому времени и датируемые первой половиной V в. н.э. [Субботин, Дзиговский, 1990, рис. 16–19]. Судя по находке шкуры лошади во входной яме погребения 2, оба захоронения не имеют прямой связи с погребальными традициями кочевников предшествующего времени.

¹² Мы солидарны с мнением о миграции носителей катакомбного обряда в Днестро-Дунайское междуречье с территории Нижнего Дона. Что касается «Предкавказья», то необходимо указать на ошибку, высказанную в этих работах [Гудкова, Редина, 1999, с. 190; Симоненко, 2011, с. 176, 180], о возможности происхождения катакомб Днестро-Дунайского междуречья с данной территории, под которой они, очевидно, понимают ареал аланской культуры, и где катакомбы II типа отсутствуют. Добавим, что самые южные катакомбы II типа фиксируются в степном Ставрополье и связаны с культурой «алан-танаитов», а не с «метрополией» аланской культуры [Малашев, Кривошеев, 2023, рис. 1].

¹³ Впрочем, такая особенность присутствует и в катакомбах предыдущей группы (Владычень кург. 10 и 11).

¹⁴ Выражаем глубокую благодарность автору раскопок большей части могильника А.А. Росохацкому за возможность учесть неопубликованные материалы и изучавшему многие вещи в оригинале И.О. Гавриухину за информацию и ценные консультации.

ПРИЛОЖЕНИЯ

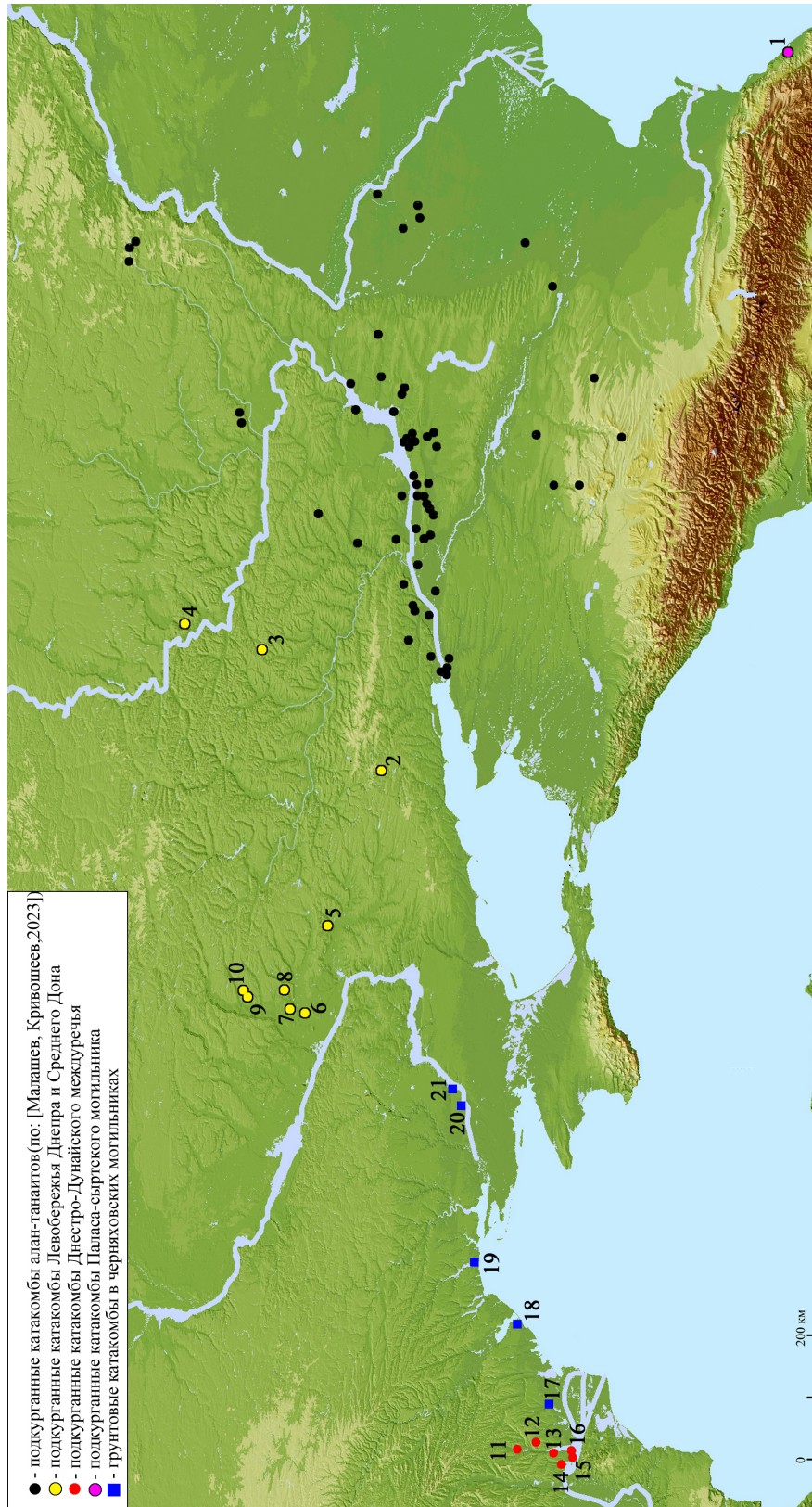

Рис. 1. Карта распространения катакомбных памятников середины III – начала V в. юга Восточной Европы и Северо-Восточного Кавказа:

1 – Паласа-сырт; 2 – Шахта Моспинская; 3 – Лимаревка; 4 – Лосево; 5 – Вербки; 6 – Прядовка; 7 – Дмухайловка; 8 – Колпаковка; 9 – Сторожевое; 10 – Кантемировка; 11 – Казаклия; 12 – Кубей; 13 – Владычченъ; 14 – Фрикацей; 15 – Градешка; 16 – Чауш; 17 – Фурмановка; 18 – Беленькое; 19 – Коблево; 20 – Николаевский; 21 – Красный Маяк

Fig. 1. Map of the catacomb burial distribution in the South of Eastern Europe and the North-Eastern Caucasus dating back to the late 3rd – early 5th centuries:

1 – Palasa-syrt; 2 – Shahta Mospinskaya; 3 – Limarevka; 4 – Losevo; 5 – Verbki; 6 – Pryadovka; 7 – Dmuhaylovka; 8 – Kolpakovka; 9 – Storozhevoe; 10 – Kantemirovka; 11 – Kazakliya; 12 – Kubey; 13 – Vladychchen'; 14 – Frikacey; 15 – Gradeshka; 16 – Chaush; 17 – Furmanovka; 18 – Belen'koe; 19 – Koblevo; 20 – Nikolaevskiy; 21 – Krasnyy Mayak

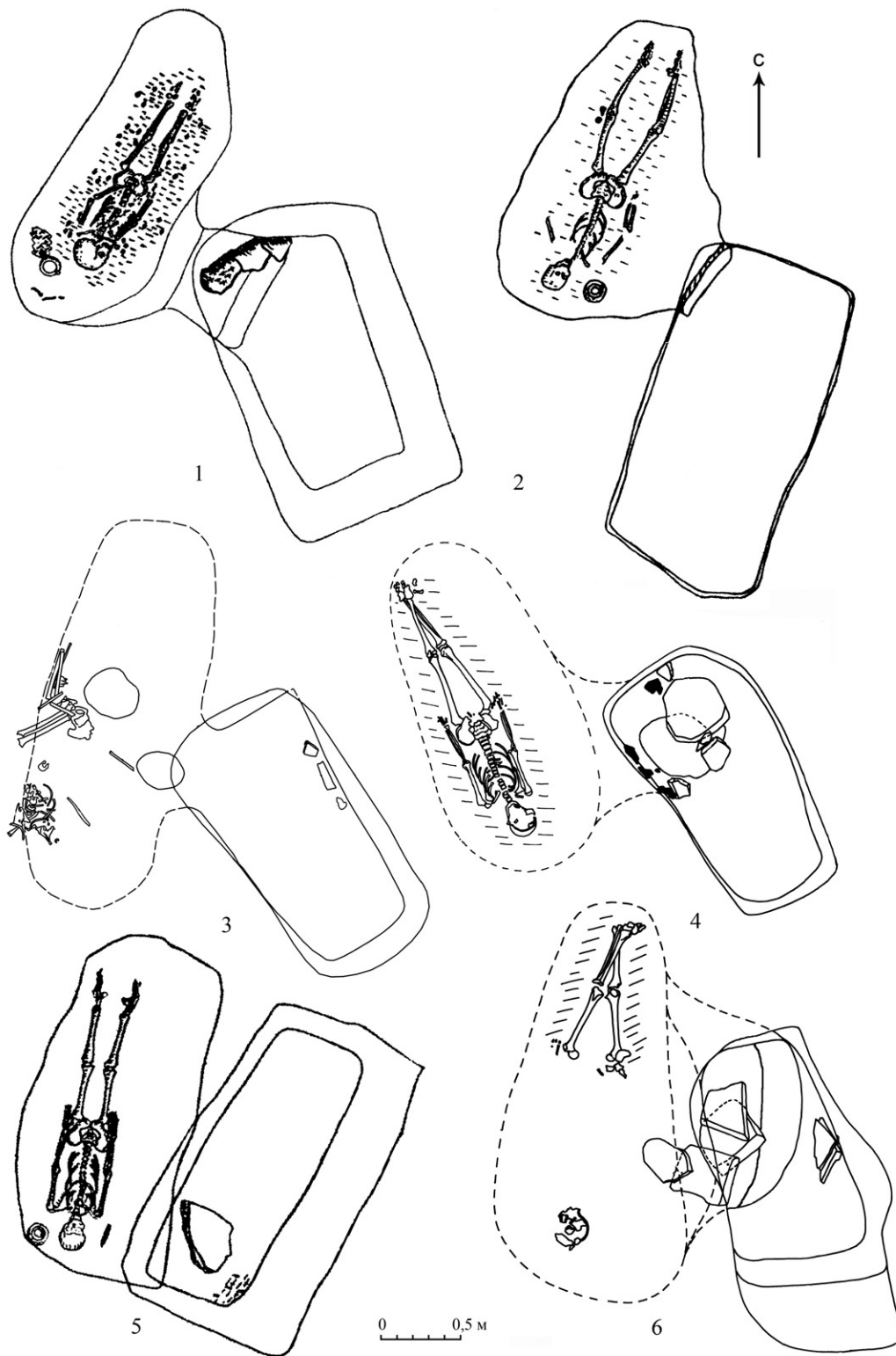

Рис. 2. Катакомбы типов I/IV (1–4) и V (5, 6) Паласа-сыртского могильника:

1 – курган 55; 2 – курган 9; 3 – курган 1572; 4 – курган 2290; 5 – курган 10; 6 – 2291 (1, 2, 5 – по: [Гмыря, 1993, рис. 27,2, 9,2, 10,2]; 3 – по: [Гмыря, 2015, рис. 5,1]; 4, 6 – по: [Малашев и др., 2015, рис. 13, 15])

Fig. 2. Types I/IV (1–4) and V (5, 6) Catacombs from the Palasa-Syrt burial ground:

1 – kurgan 55; 2 – kurgan 9; 3 – kurgan 1572; 4 – kurgan 2290; 5 – kurgan 10; 6 – 2291 (1, 2, 5 – after: [Gmyrya, 1993, fig. 27,2, 9.2, 10,2]; 3 – after: [Gmyrya, 2015, Fig. 5,1]; 4, 6 – after: [Malashev et al., 2015, fig. 13, 15])

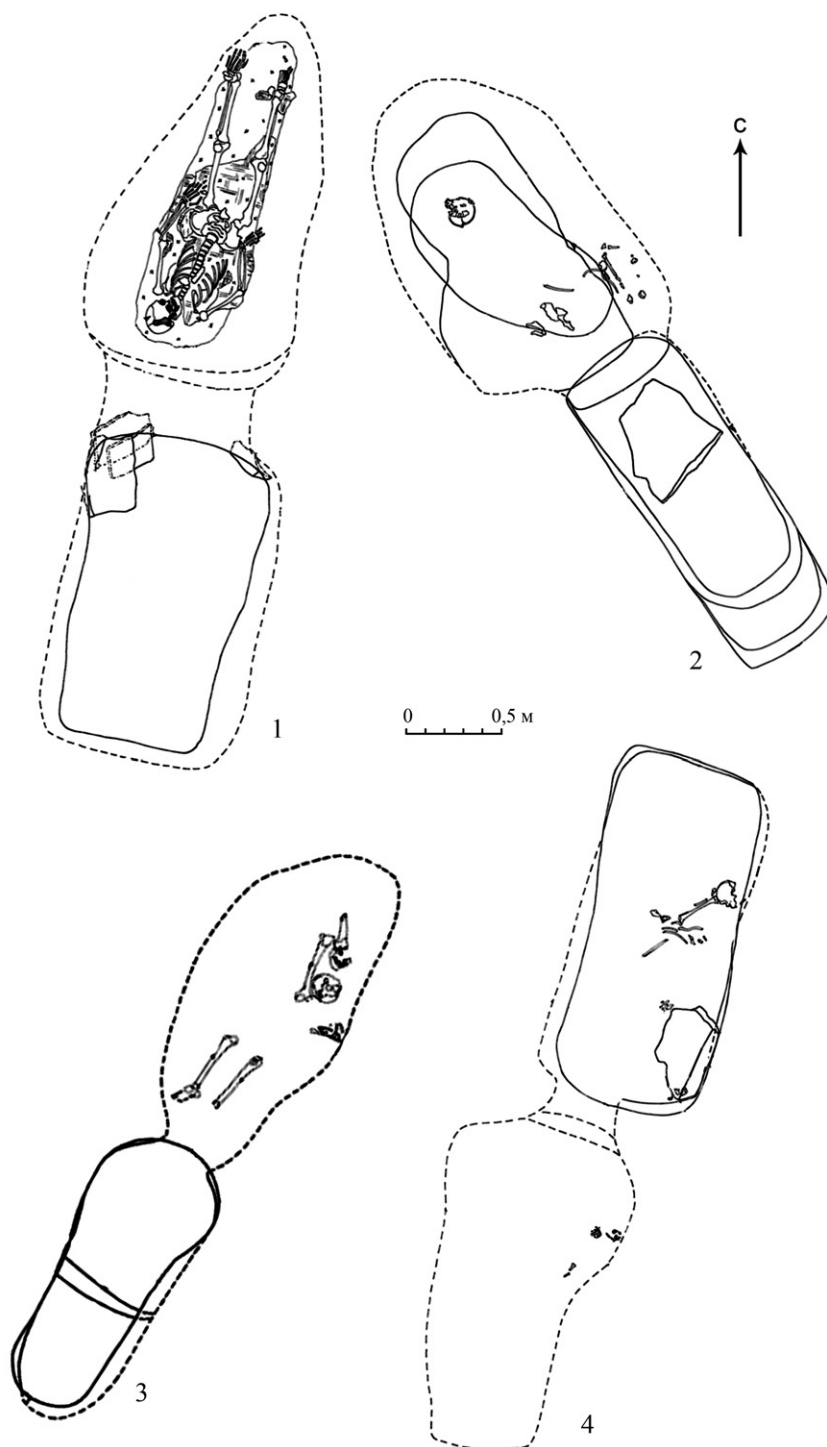

Рис. 3. Катакомбы типа II Паласа-сыртского могильника:

1 – курган 1499 (268); 2 – курган 2286 (262); 3 – курган 1501 (259); 4 – курган 1495 (264)
 (1, 2, 4 – по: [Гмыря, 2013]; 3 – по: [Гмыря, 2012]; нумерация – по: [Малашев и др., 2015],
 в скобках – нумерация по: [Гмыря, 2012; 2013]) (1–4 – по: [Малашев, 2016, рис. 85,1,2,3,4])

Fig. 3. Type II Catacombs from the Palasa-Syrt burial ground:

1 – kurgan 1499 (268); 2 – kurgan 2286 (262); 3 – kurgan 1501 (259); 4 – kurgan 1495 (264)
 (1, 2, 4 – after: [Gmyrya, 2013]; 3 – after: [Gmyrya, 2012]; numbering – after: [Malashev et al., 2015],
 in brackets – numbering after: [Gmyrya, 2012; 2013]) (1–4 – after: [Malashev, 2016, fig. 85,1,2,3,4])

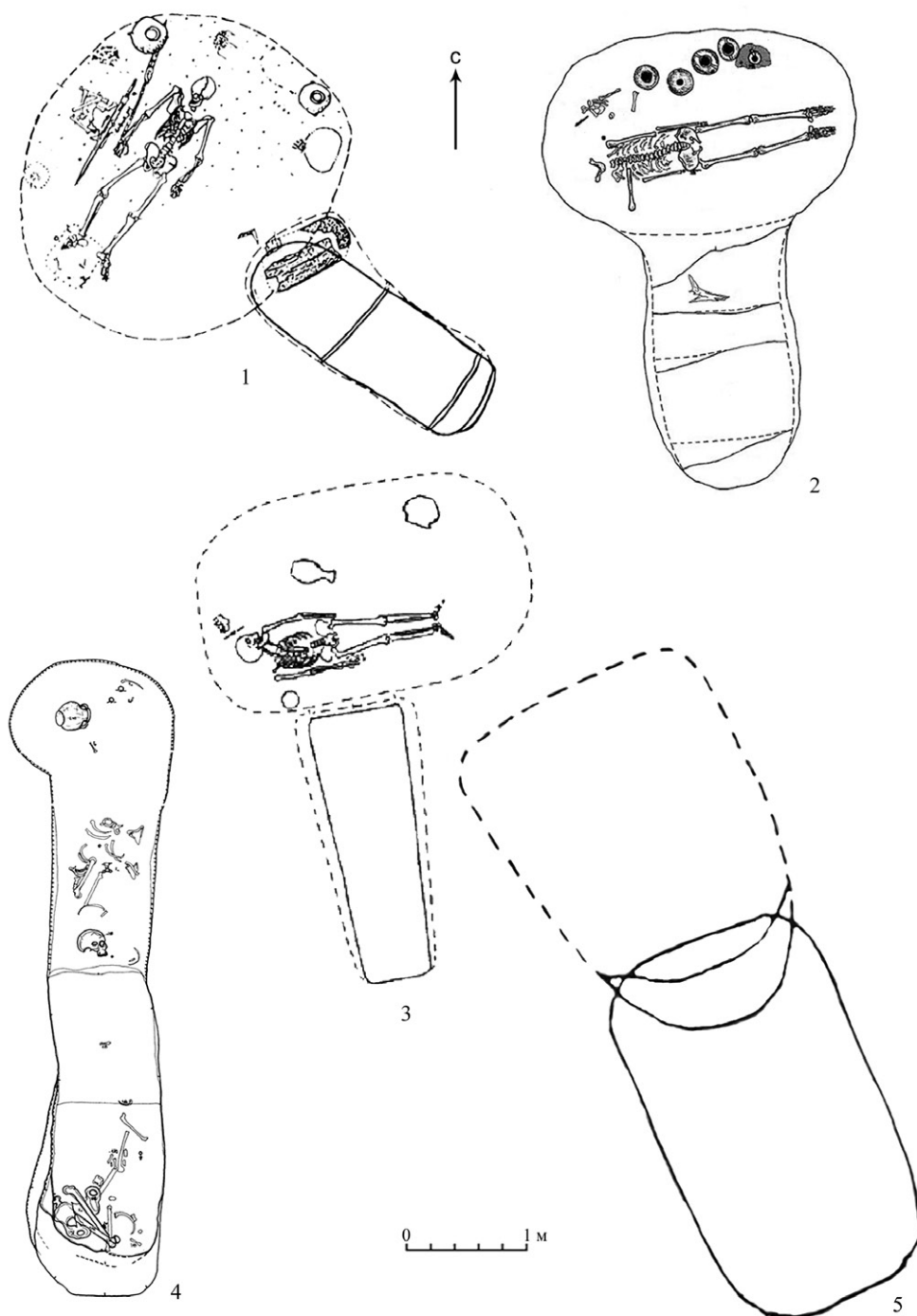

Рис. 4. Катакомбы типов I и II Левобережья Днепра и Среднего Дона:

- 1 – Лимаревка, кург. 1; 2 – Лосево, кург. 3; 3 – Дмухайловка, кург. 13; 4 – Сторожевое, кург. 2;
 5 – Кантемировка, кург. 3 (1 – по: [Выборный, Ключнева, 1998, табл. XXVIII, 1];
 2 – по: [Березуцкий, Медведев, 2015, рис. 3]; 3 – по: [Шалобудов и др., 1983, рис. 2, 11];
 4 – по: [Коваленко, Луговий, 2016, рис. 4]; 5 – по: [Simonenko, 1995, fig. 7, 6])

Fig. 4. Types I and II Catacombs from the Left Bank of the Dnieper and Middle Don:

- 1 – Limarevka, kurgan 1; 2 – Losevo, kurgan 3; 3 – Dmukhaylovka, kurgan 13; 4 – Storozhevoe, kurgan 2;
 5 – Kantemirovka, kurgan 3 (1 – after: [Vyborny, Klyuchneva, 1998, table XXVIII, 1];
 2 – after: [Berezutsky, Medvedev, 2015, fig. 3]; 3 – after: [Shalobudov et al., 1983, fig. 2, 11];
 4 – after: [Kovalenko, Lugoviy, 2016, fig. 4]; 5 – after: [Simonenko, 1995, fig. 7, 6])

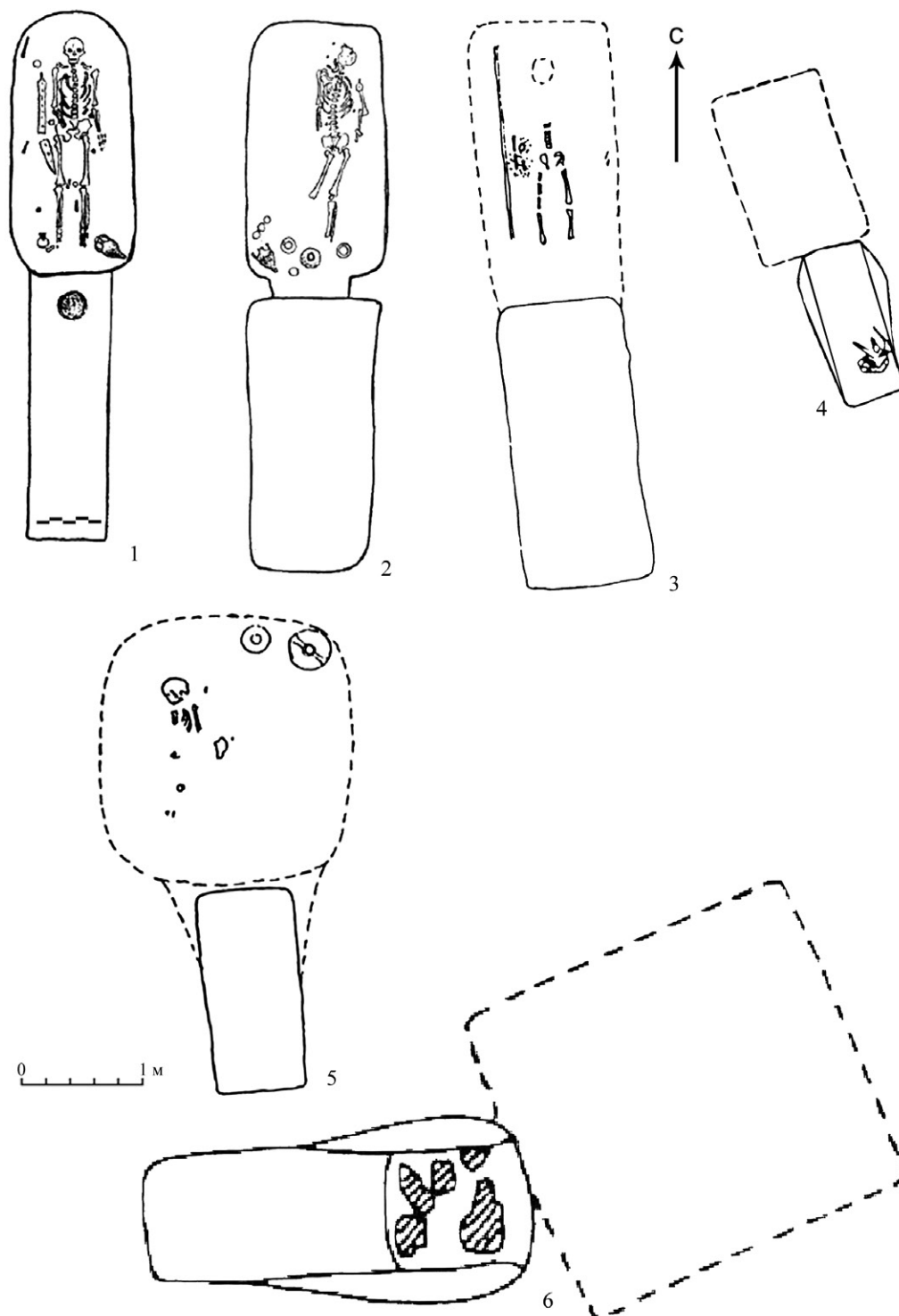

Рис. 5. Катакомбы типа II Днестро-Дунайского междуречья:

1 – Градешка, кург. 9 (по: [Гудкова, Редина, 1999, рис. 2,1]); 2 – Градешка, кург. 26 (по: [Гудкова, Редина, 1999, рис. 3,1]); 3 – Владычень, кург. 5 (по: [Simonenko, 1995, fig. 8,1]); 4 – Кубей, кург. 20 (по: [Simonenko, 1995, fig. 11,5]); 5 – Чауш, кург. 21 (по: [Simonenko, 1995, fig. 12]); 6 – Фрикацей, кург. 6 (по: [Simonenko, 1995, fig. 11,6])

Fig. 5. Type II Catacombs from the Dniester-Danube Interfluve:

1 – Gradeshka, kurgan 9 (after: [Gudkova, Redina, 1999, fig. 2,1]); 2 – Gradeshka, kurgan 26 (after: [Gudkova, Redina, 1999, fig. 3,1]); 3 – Vladychen', kurgan 5 (after: [Simonenko, 1995, fig. 8,1]); 4 – Kubey, kurgan 20 (after: [Simonenko, 1995, fig. 11,5]); 5 – Chaush, kurgan 21 (after: [Simonenko, 1995, fig. 12]); 6 – Frikacey, kurgan 6 (after: [Simonenko, 1995, fig. 11,6])

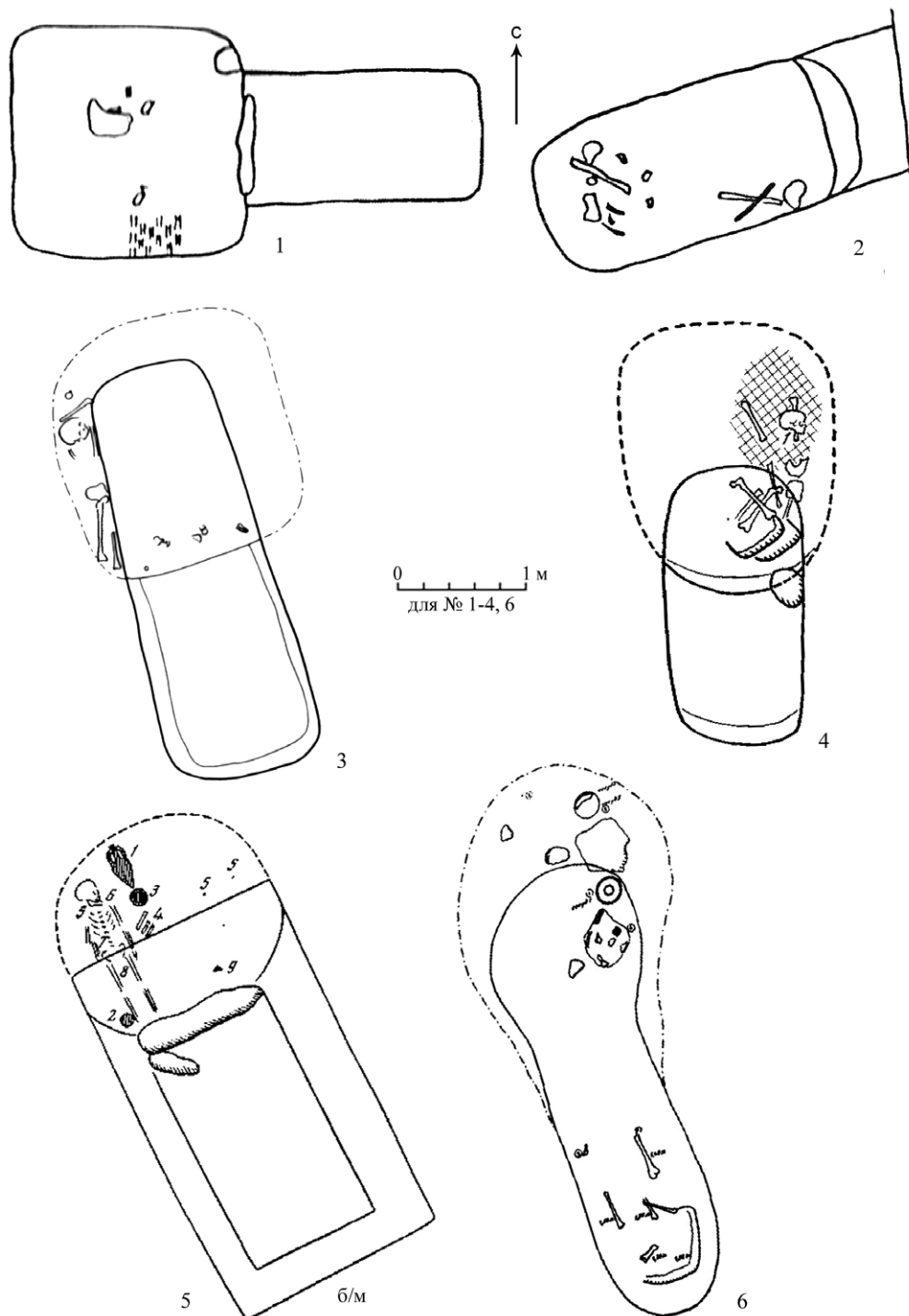

Рис. 6. Грунтовые катакомбы черняховской культуры:

- 1 – Беленькое, погр. 16 (по: [Гудкова, 1987, рис. 2,3]); 2 – Беленькое, погр. 4 (по: [Гудкова, 1987, рис. 2,2]);
 3 – Кobleво, погр. 46 (по: [Сымонович, 1979, рис. 15,IV]); 4 – Кobleво, мог. 12 (по: [Сымонович, 1971, рис. 1,IV]);
 5 – Николаевский, мог. М₁ (по: [Сымонович, 1971, рис. 3,VI]);
 6 – Николаевский мог. 110 (по: [Симоненко, Сикоза, 2020, рис. 3,1])

Fig. 6. Ground catacombs of the Chernyakhov culture:

- 1 – Belen'koe, burial 16 (after: [Gudkova, 1987, fig. 2,3]); 2 – Belen'koe, burial 4 (after: [Gudkova, 1987, fig. 2,2]);
 3 – Koblevo, burial 46 (after: [Symonovich, 1979, fig. 15,IV]); 4 – Koblevo, burial 12 (after: [Symonovich, 1971, fig. 1,IV]);
 5 – Nikolaevskiy, burial M₁ (after: [Symonovich, 1971, fig. 3,VI]);
 6 – Nikolaevsky burial 110 (after: [Simonenko, Sikoza, 2020, fig. 3,1])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М. П., Красильников К. И., Пятых Г. Г., 2000. Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый – 2. М. : ИА РАН. 140 с.
- Абрамова М. П., Красильников К. И., Пятых Г. Г., 2001. Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый – 4. М. : ИА РАН. 151 с.
- Абрамова М. П., Красильников К. И., Пятых Г. Г., 2004. Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Шестой. М. : Наука. 143 с.
- Безуглов С. И., 2008. Курганные катакомбные погребения позднеаримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии. М. : ИА РАН. С. 284–301.
- Березудский В. Д., Медведев А. П., 2015. Аланское погребение эпохи Великого переселения народов на Среднем Дону // Российская археология. № 1. С. 112–120.
- Васильев А. А., 2008. Сарматы и черняховское население Буджака во второй половине III – начале V вв. н.э. : дис. ... канд. ист. наук. Одесса. 257 с.
- Васильев А. А., 2020. Катакомбные погребения кочевников рубежа Римской эпохи и эпохи Великого переселения народов в низовьях Дуная // Germania – Sarmatia : сб. науч. ст. по археологии народов Центральной и Восточной Европы. Вып. III. М. : ИА РАН. С. 420–426.
- Васильев А. А., Дзиговский А. Н., 2001–2002. Еще раз к хронологии позднейших сарматских древностей Буджака // Stratum plus. № 4. С. 315–334.
- Выборный В. Ю., Ключева Н. И., 1998. Позднесарматский курган у с. Лимаревка Луганской области // Проблемы археологии юго-восточной Европы : тез. докл. VII Дон. археол. конф., 22–26 ноября 1988 г. Ростов н/Д : РГУ. С. 92–93.
- Габуев Т. А., 2014. Аланские княжеские курганы V в. н.э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ : ИИА РСО-Алании : ГМИНВ. 184 с.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М. : Таус. 468 с.
- Гавритухин И. О., 2023. Комплекс металлических изделий эпохи Первого Тюркского каганата из Бесланского могильника (Северная Осетия) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 139–202. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.10>
- Гавритухин И. О., Обломский А. М., 2007. Днепровское лесостепное Левобережье // Восточная Европа в середине 1 тыс. н.э. Раннеславянский мир. Вып. 9. М. : ИА РАН. С. 9–72.
- Гаджиев М. С., Семенов И. Г., 2009. Кавказ и Сасанидский Иран : очерк военно-политической истории (III–V вв.). Глава 2. Кавказская политика Сасанидов в IV в., Махачкала, 2009 г. // Научный архив Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. № 873. 360 с.
- Гмыря Л. Б., 1993. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала : ДНЦ РАН. 367 с.
- Гмыря Л. Б., 2012. Исследование обособленной курганной группы № 3 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 3. С. 143–189.
- Гмыря Л. Б., 2013. Исследование обособленной курганной группы № 4 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 4. С. 130–185.
- Гмыря Л. Б., 2015. Исследование обособленной курганной группы № 6 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 4. С. 105–141.
- Гороховский Е. Л., 1988. Кантемировские курганы на Полтавщине и проблема древностей раннегуннского периода на юге Восточной Европы // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины : тез. докл. и сообщ. Полтава. С. 18–19.
- Гудкова А. В., 1987. Могильник IV в. н.э. в с. Беленькое // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. Киев : Наукова думка. С. 56–66.
- Гудкова А. В., Редина Е. Ф., 1999. Сарматский могильник Градешка в низовьях Дуная // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Т. VII. Запоріжжя. С. 177–193.
- Дзиговский А. Н., 2003. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса : Гермес. 240 с.
- Зиливинская Э. Д., 1988. Отчет о работах на Зильгинском городище за полевой сезон 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13429.

- Казанский М. М., Мастыкова А. В., 1999. Аланы на Днепре в эпоху Великого переселения народов : свидетельство Маркиана и археол. данные // Российская археология. № 4. С. 119–130.
- Коваленко О. В., Луговий Р. С., 2008. Пізньосарматські поховання Сторожівського курганного могильника // Археологічний літопис Лівобережної України. Вып. 1–2. С. 34–44.
- Коваленко О. В., Луговий Р. С., 2009. Сторожівський курганний могильник // *Ostrogothica*. Археология Центральной и Восточной Европы поздне римского времени и Эпохи Великого переселения народов. Харьков : Тимченко. С. 174–179.
- Коваленко О. В., Луговий Р. С., 2016. Пізньосарматські поховання Сторожівського могильника (за матеріалами розкопок 2012 р.) // Старожитності Лівобережного Подніпров'я. Київ : Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК. С. 132–139.
- Коробов Д. С., Малашев В. Ю., 2023. Новые исследования Беспланского курганного катакомбного могильника // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 1. С. 258–288. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.13>
- Кривошеев М. В., Борисов А. В., 2019. Климатический оптимум как фактор кризиса экономики степных кочевников в IV в. н.э. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24, № 3. С. 47–57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.3.4>
- Кривошеев М. В., Борисов А. В., 2023. Палеоэкологические условия финала сарматской эпохи и их влияния на общества скотоводов и земледельцев Восточной Европы и Западной Сибири // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 112–125. DOI : <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.6>
- Кривошеев М. В., Малашев В. Ю., 2019. Проблема культурной атрибуции памятников кочевого населения поздне-сарматского времени Северного Причерноморья // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) : материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Т. V. Симферополь : ООО «Фирма «Салта» ЛТД». С. 147–153.
- Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., 2003. Подводные археологические исследования в акватории Дербента // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII. С. 396–414.
- Курчатов С. И., Симоненко О. В., Чирков А. Ю., 1995. Сарматський воїнський могильник на Середньому Пруті // Археологія. № 1. С. 112–123.
- Малашев В. Ю., 2008. О культурном единстве Паласа-сыртского и Львовских курганных могильников // Северный Кавказ в древности и в средние века. Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН. С. 152–170.
- Малашев В. Ю., 2009. Позднесарматская культура : верхняя хронологическая граница // Российская археология. № 1. С. 47–52.
- Малашев В. Ю., 2010. Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) : материалы семинара Центра изуч. истории и культуры сарматов. Вып. III. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 117–142.
- Малашев В. Ю., 2016. Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V вв. н.э. М. : ИА РАН. 208 с.
- Малашев В. Ю., 2019. Отчет об охранно-спасательных исследованиях курганных могильников «Октябрьский I» и «Киевский I» в зоне строительства магистрального газопровода «Моздок – Грозный» в Моздокском районе Республики Северная Осетия-Алания в 2019 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 69231–69240.
- Малашев В. Ю., 2021. Памятники типа «Подкумок-Хумара» // Эпоха всадников на Северном Кавказе : к 90-летию В. Б. Ковалевской. М. : ИА РАН. С. 125–142.
- Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Ильюков Л. С., 2015. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э. Махачкала : МавраевЪ. 452 с.
- Малашев В. Ю., Бакушев М. А., Фидаров Р. Ф., Караев Б. З., Леонтьева А. С., 2022. Змейский раннеаланский могильник // Российская археология. № 1. С. 74–92.
- Малашев В. Ю., Кривошеев М. В., 2022. Позднесарматские памятники Волго-Уралья // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань : Изд-во АНРТ. С. 18–37.
- Малашев В. Ю., Кривошеев М. В., 2023. Катакомбные памятники степного Волго-Донья и Предкавказья середины III–IV вв. // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур : материалы IX Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Проблемы сарматской архео-

- логии и истории», посвящ. памяти А. С. Скрипкина, г. Волгоград 15–19 мая 2023 г. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 265–281.
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., 1999. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железа и средневековья. Научные школы Волгоградского Государственного Университета. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 172–212.
- Обломский А. М., 2002. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеаримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.) // Раннеславянский мир. Вып. 5. М. : Наука. 255 с.
- Росохацкий А. А. 1994. Аланы и черняховская культура // Тезисы докладов Международной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 95-летию со дня рождения профессора Б. Н. Гракова. II. Запорожье. С. 163–164.
- Симоненко А. В., 1993. Сарматы Таврии. Киев : Наукова думка. 144 с.
- Симоненко А. В., 2001. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье // Российская археология. № 4. С. 77–91.
- Симоненко А. В., 2011. Заметки о погребальном обряде поздних сарматов Северного Причерноморья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 12. С. 169–182.
- Симоненко А. В., Сикоза Д. Н., 2020. Terminus ante quem позднескифской культуры Нижнего Днепра // Між Сходом та Заходом : Ювілейна збірка до 65-річчя з дня народження доктора Ердуште Шульце та 20-річчя Германно-Слов'янської археологічної експедиції. Т. 3. Харків : ХНУ ім. В. Н. Каразіна. С. 288–301.
- Смирнов К. Ф., 1972. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // Советская археология. № 1. С. 73–81.
- Субботин Л. В., Дзиговский А. Н., 1990. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Вып. 3. Курганские могильники Васильевский и Кубей. Киев : Наукова думка. 48 с.
- Сымонович Э. А., 1969. Раскопки Николаевского могильника на Нижнем Днестре // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 119. С. 74–80.
- Сымонович Э. А., 1971. Культура поздних скифов и черняховские памятники в Нижнем Поднепровье // Проблемы скифской археологии. МИА. № 177. М. : Наука. С. 63–75.
- Сымонович Э. А., 1979. Коблевский и Ранжевский могильники около г. Одессы // Могильники черняховской культуры. М. : Наука. С. 63–111.
- Фурасьев А. Г., 2012. Персидский поход гуннов в начале V в. по данным Приска Панийского // Золото, конь и человек : сб. ст. к 60-летию А. В. Симоненко. Киев : КНТ. С. 449–462.
- Чшиев В. Т., 2021. Зилгинское раннеаланское городище : древний мегаполис на трассе Великого Шелкового пути // Вестник Владикавказского Научного Центра. Вып. 1. С. 12–18.
- Шалобудов В. Н., Андросов В. А., Мухопад С. Е., 1983. Раскопки курганов у с. Дмухайловка // Древности степного Поднепровья. Днепропетровск : ДГУ. С. 19–27.
- Шепко Л. Г., 1987. Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // Советская археология. № 4. С. 158–173.
- Ярцев С. В., Зубарев В. Г., 2020. О причинах нападения гуннов Северного Причерноморья на Римскую империю в 395 г. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 12. С. 553–567. DOI : <https://doi.org/10.24411/2713-2021-2020-00015>
- Gorokhovskiy E., 1992. The Nomads of the South-East Europe at the Beginning of the Middle Ages // Medieval Europe. Vol. 4. Death and Burial. P. 145–150.
- Simonenko A.V., 1995. Catacomb Graves of the Sarmatians of the North Pontic Region // Studia Archaeologica. Vol. 1. Szeged : A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve. P. 345–369.

REFERENCES

- Abramova M.P., Krasilnikov K.I., Pyatykh G.G., 2000. *Kurgany Nizhnego Sulaka: mogil'nik L'vovskiy Pervyy-2* [Kurgans of Lower Sulak: Kurgan Cemetery L'vovskiy Pervyy-2]. Moscow, IARAS. 140 p.
- Abramova M.P., Krasilnikov K.I., Pyatykh G.G., 2001. *Kurgany Nizhnego Sulaka: mogil'nik L'vovskiy Pervyy-4* [Kurgans of Lower Sulak: Kurgan Cemetery L'vovskiy Pervyy-4]. Moscow, IARAS. 151 p.
- Abramova M.P., Krasilnikov K.I., Pyatykh G.G., 2004. *Kurgany Nizhnego Sulaka: mogil'nik L'vovskiy Shestoy* [Kurgans of Lower Sulak: Kurgan Cemetery L'vovskiy Shestoy]. Moscow, Nauka Publ. 143 p.

- Bezuglov S.I., 2008. Kurgannye katakombnye pogrebeniya pozdnerimskoy epokhi v nizhnedonskikh stepyakh [Barrow Catacomb Burials of the Late Roman Age in the Lower Don Steppes]. *Problemy sovremennoy arkheologii* [The Issues of Modern Archaeology]. Moscow, Taus Publ., pp. 284-301.
- Berezutsky V.D., Medvedev A.P., 2015. Alanskoe pogrebenie epohi Velikogo pereseleniya narodov na Srednem Donu [Alans Burial Of The Migration Period On Middle Don]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 1, pp. 112-120.
- Vasiliev A.A., 2008. *Sarmaty i chernyahovskoe naselenie Budzhaka vo vtoroy polovine III – nachale V vv. n.e.: dis. ... kand. ist. nauk* [The Sarmatians and the Chernyakhov Population of Budjak in the Second Half of the 3rd – Early 5th Centuries AD. Cand. hist. sci. diss.]. Odessa. 257 p.
- Vasiliev A.A., 2020. Katakombnye pogrebeniya kochevnikov rubezha Rimskoy epohi i epohi Velikogo pereseleniya narodov v nizov'yah Dunaya [Catacomb Burials of Nomads from the turn of the Roman Era and the Great Migration Period in the Lower Reaches of the Danube]. *Germania – Sarmatia: sb. nauch. st. po arheologii narodov Central'noy i Vostochnoy Evropy* [Germania – Sarmatia. Antiquities of Central and Eastern Europe During the Period of Roman Influence and Migration], iss. III. Moscow, IA RAS, pp. 420-426.
- Vasiliev A.A., Dzigovski A.N., 2001–2002. Eshche raz k khronologii pozdneysih sarmatskih drevnostey Budzhaka [Another Approach Towards Chronology of the Latest Sarmatian Antiquities of Budjak]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 315-334.
- Vybornyi V.Yu., Klyuchneva N.I., 1998. Pozdnesarmatskiy kurgan u s. Limarevka Luganskoj oblasti [Late Sarmatian Mound near the Village of Limarevka, Luhansk region]. *Problemy arheologii yugo-vostochnoy Evropy: tez. dokl. VII Donskoj arheologicheskoy konferentsii, 22–26 noyabrya 1988 g.* [Problems of Archaeology of South-Eastern Europe. Abstracts of the VII Don Archaeological Conference. November 22– 26, 1988]. Rostov-on-Don, RSU, pp. 92-93.
- Gabuev T.A., 2014. *Alanskie knyazheskie kurgany V v. n.e. u sela Brut v Severnoy Osetii* [Alan Princely Mounds of the 5th Century AD near the Village of Brut in North Ossetia]. Vladikavkaz, Institute of History and Archeology of North Ossetia-Alania; State Museum of Oriental Art. 184 p.
- Gabuev T.A., Malashev V.Yu., 2009 *Pamyatniki rannikh alan tsentralnykh rayonov Severnogo Kavkaza* [Monuments of Early Alans of Central Regions of the North Caucasus]. Moscow, Taus Publ. 468 p.
- Gavritukhin I.O., 2023. Kompleks metallicheskih izdeliy epohi Pervogo Tyurkskogo kaganata iz Beslanskogo mogil'nika (Severnaya Osetiya) [The Complex of Metal Objects from the First Turkic Khaganate Period from the Beslan Burial Ground (North Ossetia)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 139-202. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.10>
- Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M. 2007. Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e [Forest-Steppe Region of the Dnieper Left Bank]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tys. n.e. Ranneslavyanskiy mir* [Eastern Europe in the Middle of the 1st Millennium AD], iss. 9. Moscow, IA RAS, pp. 9-72.
- Gadzhiev M.S., Semenov I.G., 2009. Kavkaz i Sasanidskiy Iran. Ocherk voenno-politicheskoy istorii (III–V vv.). Glava 2. Kavkazskaya politika Sasanidov v IV v., Mahachkala, 2009 g. [The Caucasus and Sasanian Iran. An Essay on Military and Political History (3–5th Centuries). Chapter 2. The Caucasian Policy of the Sassanids in the 4th Century. Makhachkala, 2009]. *Nauchnyy arhiv Instituta istorii, arheologii i etnografii DFIC RAN*, f. 3, inv. 1, d. № 873. 360 p.
- Gmyrya L.B., 1993. *Prikaspiyskiy Dagestan v epohu Velikogo pereseleniya narodov* [Cis-Caspian Dagestan During Great Migration Period]. Mahachkala, DSC RAS. 367 p.
- Gmyrya L.B., 2012. Issledovanie obosoblennoy kurgannoy gruppy № 3 na yuzhnom uchastke Palasa-syrtskogo mogil'nika IV–V vv. [The Study of the Isolated Burial Mound Group no. 3 in the Southern Section of the Palasa-Syrt Kurgan Cemetery of the 4–5th Centuries]. *Vestnik Instituta istorii, arheologii i etnografii* [History, Archeology and Ethnography of the Caucasus], no. 3, pp. 143-189.
- Gmyrya L.B., 2013. Issledovanie obosoblennoy kurgannoy gruppy № 4 na yuzhnom uchastke Palasa-syrtskogo mogil'nika IV–V vv. [The Study of the Isolated Burial Mound Group no. 4 in the Southern Section of the Palasa-Syrt Kurgan Cemetery of the 4–5th Centuries]. *Vestnik Instituta istorii, arheologii i etnografii* [History, Archeology and Ethnography of the Caucasus], no. 4, pp. 130-185.
- Gmyrya L.B., 2015. Issledovanie obosoblennoy kurgannoy gruppy № 6 na yuzhnom uchastke Palasa-syrtskogo mogil'nika IV–V vv. [The Study of the Isolated Burial Mound Group no. 6 in the Southern Section of the Palasa-Syrt Kurgan Cemetery of the 4–5th Centuries.]. *Vestnik Instituta istorii, arheologii i etnografii* [History, Archeology and Ethnography of the Caucasus], no. 4, pp. 105-141.

- Gorohovskiy E.L., 1988. Kantemirovskie kurgany na Poltavshchine i problema drevnostey rannegunnskogo perioda na yuge Vostochnoy Evropy [Kantemirovka Kurgans in Poltava Region and the Problem of Antiquities of the Early Hunnic Period in the South of Eastern Europe]. *Ohrana i issledovanie pamyatnikov arheologii Poltavshchiny: tezisy докладов i soobshcheniy* [Protection and Research of Archaeological Monuments of Poltava region. Abstracts of Reports and Communications]. Poltava, pp. 18-19.
- Gudkova A.V., 1987. Mogil'nik IV v. n.e. v s. Belen'koe [The Burial Ground of the 4th Century AD in the Village Belenkoe]. *Novye issledovaniya po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya* [New Research in the Archaeology of the Northern Black Sea Region]. Kyiv, Naukova dumka Publ., pp. 56-66.
- Gudkova A.V., Redina E.F., 1999. Sarmatskiy mogil'nik Gradeshka v nizov'yah Dunaya [Sarmatian Burial Ground Gradeshka in the Lower Reaches of the Danube]. *Starozhytnosti Pivnichnogo Prychornomor'ya i Krymu* [Antiquities of the North Pontic Area and Crimea]. Vol. VII. Zaporozh'e, pp. 177-193.
- Dzигovskiy A.N., 2003. *Ocherki istorii sarmatov Karpato-Dneprovskih zemel'* [Essays on the History of the Sarmatians of the Carpathian-Dnieper Lands]. Odessa, Hermes Publ. 240 p.
- Zilivinskaya E.D., 1988. Otchet o rabotah na Zil'ginskom gorodishche za polevoy sezon 1988 g. [Report on the Excavations on the Zil'gi Settlement for the Field Season of 1988]. *Arkhiv IA RAS*, R-1, no. 13429.
- Kazansky M.M., Mastykova A.V., 1999. Alany na Dnepre v epohu Velikogo pereseleniya narodov: svidetel'stvo Markiana i arheologicheskie dannye [The Alans of the Dniepr during the Great Migration Period. Marcianus's Evidence and Archaeological Data]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 4, pp. 119-130.
- Kovalenko O.V., Lugoviy R.S., 2008. Pizn'osarmats'ki pohovannya Storozhivs'kogo kurgannogo mogyl'nyka [Late Sarmatian Burials of the Storozhevsky Kurgan Cemetery]. *Arheologichnyy litopys Livoberezhnoyi Ukrainy* [Archaeological Chronicle of Left-Bank Ukraine]. Iss. 1-2. Poltava, pp. 34-44.
- Kovalenko O.V., Lugoviy R.S., 2009. Storozhivs'kyy kurgannyy mogyl'nyk [Storozhevsky Kurgan Cemetery]. *Ostrogothica. Arheologiya Central'noy i Vostochnoy Evropy pozdnerimskogo vremeni i epohi Velikogo pereseleniya narodov* [Ostrogothica. Archaeology of Central and Eastern Europe of the Late Roman Period and of the Great Migration Period]. Har'kov, Timchenko, pp. 174-179.
- Kovalenko O.V., Lugoviy R.S., 2016. Pizn'osarmats'ki pohovannya Storozhivs'kogo mogyl'nyka (za materialamy rozkopok 2012 r.) [Late Sarmatian Burials of Storozhevsky Kurgan Cemetery (Based on the Materials of Excavations in 2012)]. *Starozhitnosti Livoberezhnogo Podniprova* [Antiquities Of The Left-Bank Dnieper Region]. Kyiv, Center for Linguistics of NASU and UOPIK, pp. 132-139.
- Korobov D.S., Malashev V.Yu., 2023. Novye issledovaniya Beslanskogo kurgannogo katakombnogo mogil'nika [New Research on the Beslan Kurgan Catacomb Burial Mound]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 1, pp. 258-288. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.1.13>
- Krivosheev M.V., Borisov A.V., 2019. Klimaticheskyy optimum kak faktor krizisa ekonomiki stepnykh nomadov v IV v. n.e. [Climatic Optimum as a Factor of the Economic Crisis of Steppe Nomads in the 4th Century AD]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 24, no. 3, pp. 47-57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.3.4>
- Krivosheev M.V., Borisov A.V., 2023. Paleoeologicheskie usloviya finala sarmatskoy epohi i ih vliyaniya na obshhestva skotovodov i zemledel'cev Vostochnoy Evropy i Zapadnoy Sibiri [Paleoecological Conditions at the End of the Sarmatian Period and Their Impact on Herder and Farmer Communities from Eastern Europe and Western Siberia]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 2, pp. 112-125. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.6>
- Krivosheev M.V., Malashev V.Yu., 2019. [The Problem of Cultural Identification of Nomadic Burials from the Late Sarmatian Period in the Northern Pontic Area]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.): materialy X Mezhdunar. nauch. konf. "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii"* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). Proceedings of the 10th International Research Conference "The Aspects of Sarmatian Archaeology and History"], vol. 5. Simferopol, Salta LTD, pp. 147-153.
- Kudryavtsev A.A., Gadzhiev M.S., 2003. Podvodnye arheologicheskie issledovaniya v akvatorii Derbenta [Underwater Archaeological Research in the Water Area of Derbent]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, Culture], iss. XII, pp. 396-414.
- Kurchatov S.I., Simonenko O.V., Chirkov A.Yu., 1995. Sarmat'skiy voyn'skiy mogil'nik na Sredn'omu Pruti [Sarmatian Military Burial Ground on the Middle Prut]. *Arheologiya* [Archeology], no. 1, pp. 112-123.

- Malashev V.Yu., 2008. O kul'turnom edinstve Palasa-syrtskogo i L'vovskikh kurgannykh mogil'nikov [About the Cultural Unity of the Kurgan Cemeteries Palasa-syrt and L'vovskie]. *Severnnyy Kavkaz v drevnosti i v srednie veka* [North Caucasus in Antiquity and in the Middle Ages]. Makhachkala, IHAЕ DSC RAS, pp. 152-170.
- Malashev V.Yu., 2009. Pozdnesarmatskaya kul'tura: verhnaya hronologicheskaya granitsa [Late Sarmatian Culture: Upper Chronological Boundary]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 1, pp. 47-52.
- Malashev V.Yu., 2010. Tsentralnye rayony Severnogo Kavkaza v pozdnesarmatskoe vremya [Central Regions of the North Caucasus in the Late Sarmatian Period]. *Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoy kultury (po arkheologicheskim i estestvennonauchnym dannym): materialy seminarov Tsentra izucheniya istorii i kultury sarmatov* [The Formation and Development of the Late Sarmatian Culture (Based on Archaeological and Natural Science Data). Materials of the Seminar of the Center for Studying History and Culture of the Sarmatians], iss. 3. Volgograd, VolSU, pp. 117-142.
- Malashev V.Yu., 2016. Pamyatniki srednesarmatskoy kultury severokavkazskikh stepey i ikh traditsii v kurgannykh mogilnikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II – serediny V v. n.e. [North Caucasus Steppes and their Traditions of the Burial Mounds of the North-East Caucasus of the Second Half of the 2nd – the middle of the 5th Century AD]. Moscow, IA RAS. 208 p.
- Malashev V.Yu., 2019. Otchet ob ohranno-spasatel'nykh issledovaniyakh kurgannykh mogil'nikov "Oktyabr'skiy I" i "Kievskiy I" v zone stroitel'stva magistral'nogo gazoprovoda "Mozdok–Groznyy" v Mozdokskom rayone Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya v 2019 g. [Report on Studies of the Oktyabrsky I and Kievsky I Kurgan Cemetery in the Construction Zone of the Mozdok-Grozny Main Gas Pipeline in the Mozdok District of the Republic of North Ossetia-Alania in 2019]. *Arkhiv IA RAS*. R-1, no. 69231-69240.
- Malashev V.Yu., 2021. Pamyatniki tipa "Podkumok-Humara" [Archaeological Sites the "Podkumok-Humara" Type]. *Epoha vsadnikov na Severnom Kavkaze: k 90-letiyu V.B. Kovalevskoy* [The Age of the Horsemen in the North Caucasus: To the 90th Anniversary of Vera Borisovna Kovalevskaya]. Moscow, IA RAS, pp. 125-142.
- Malashev V.Yu., Gadzhiev M.S., Ilyukov L.S., 2015. *Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannye mogilniki Prikaspiyskogo Dagestana III–V vv. n.e.* [Mascoutis Country in the Western Caspian Region. Kurgan cemeteries of the Cis-Caspian Dagestan in the 3rd–5th Centuries AD]. Makhachkala, Mavraev Publ. 452 p.
- Malashev V.Yu., Bakushev M.A., Fidarov R.F., Karasev B.Z., Leontieva A.S., 2022. Zmeyskiy rannealanskiy mogil'nik [The Early Alanian Cemetery Of Zmeyskaya]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 1, pp. 74-92.
- Malashev V.Yu., Krivosheev M.V., 2022. Pozdnesarmatskie pamyatniki Volgo-Ural'ya [Late Sarmatian archaeological sites of the Volga-Ural region]. *Arheologiya Volgo-Ural'ya. V 7 t. T. 4. Epoha Velikogo pereseleniya narodov* [Archaeology of the Volga-Urals. In 7 vols. Vol. 4. The Great Migration Period]. Kazan, AS RT, pp. 18-37.
- Malashev V.Yu., Krivosheev M.V., 2023. Katakombnye pamyatniki stepnogo Volgo-Don'ya i Predkavkaz'ya serediny III–IV vv. [Catacomb Burials of the Volga-Don Steppe and the Fore-Caucasus in the Middle of the III – IV Centuries]. *Regional'nye osobennosti hronologii i periodizatsii savromatskoy i sarmatskikh kul'tur: materialy IX Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Problemy sarmatskoy arheologii i istorii", posvyashchennoy pamyati A.S. Skripkina, g. Volgograd 15–19 maya 2023 g.* [Chronology and Periodization of the Sauromat and Sarmatian Cultures: Regional Features. Materials of the XI All-Russian Scientific Conference with International Participation "Problems of Sarmatian Archeology and History" Dedicated to the Memory of Prof. Anatoly S. Skripkin. May 15–19, 2023, Volgograd]. Volgograd, VolSU, pp. 265-281.
- Moshkova M.G., Malashev V.Yu., 1999. Hronologiya i tipologiya sarmatskikh katakombnykh pogrebal'nykh sooruzheniy [Chronology and Typology of the Sarmatian Catacomb Burial Structures]. *Arheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epohu rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya. Nauchnye shkoly Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Volga-Ural Region Archeology of the Early Iron Age and the Middle Ages. Scientific Schools of Volgograd State University]. Volgograd, VolSU, pp. 172-212.
- Oblomskiy A.M., 2002. Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v pozdnerimskoe i gunnskoe vremya (seredina III – pervaya polovina V v. n.e.) [Dnieper Forest-Steppe Left Bank in the Late Roman and Hunnic Times (Middle of the III – First Half of the V Century AD)]. *Rannelslavianskiy mir* [The Early Slavic World], iss. 5. Moscow, Nauka Publ. 255 p.
- Rosohatskiy A.A., 1994. Alany i chernyahovskaya kul'tura [Alans and Chernyakhov Culture]. *Tezisy dokladov Mezhdunarodnoy konferentsii "Problemy skifo-sarmatskoy arheologii Severnogo Prichernomor'ya" posvyashchennoy 95-letiyu so dnya rozhdeniya professora B.N. Grakova* [Abstracts of International Conference "Problems of Scythian-Sarmatian archaeology of the Northern Black Sea Region", Dedicated to the 95th Anniversary of the Birth of Professor B.N. Grakov], iss. II. Zaporozh'e, pp. 163-164.

- Simonenko A.V., 1993. *Sarmaty Tavrii* [Sarmatians of Tauria]. Kyiv, Naukova dumka Publ. 144 p.
- Simonenko A.V., 2001. Yevropeyskiye alany i alany-tanaity v Severnom Prichernomor'ye [European Alans and Alans-Tanaites in the Northern Black Sea Region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 77-91.
- Simonenko A.V., 2011. Zametki o pogrebal'nom obryade pozdnih sarmatov Severnogo Prichernomor'ya [Notes on the Burial Ritual of the Late Sarmatians in the North Pontic Area]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss 12, pp. 169-182.
- Simonenko A.V., Sikoza D.N., 2020. Terminus ante quem pozdneskifskoy kul'tury Nizhnego Dnepra [Terminus ante Quem der Spätskythischen Kultur am Untere Dnepr]. *Mizh Skhodom ta Zahodom: Yuvileyna zbirka do 65-richchya z dnya narodzhennya doktora Erdmute Shul'tse ta 20-richchya Germano-Slov'yans'koy arheologichnoy ekspeditsi* [Inter Orientem et Occidentem: Sammelband zum 65. Geburtstag von Dr. Erdmute Schultze und dem 20. Jubiläum der Germanisch-Slawischen archäologischen Expedition. Band 3]. Charkiw, KhNU named after W.N. Karasin, pp. 288-301.
- Smirnov K.F., 1972. Sarmatskie katakombnye pogrebeniya Yuzhnogo Priural'ya, Povolzh'ya i ih otnoshenie k katakombam Severnogo Kavkaza [Sarmatian Catacomb Burials of the Southern Urals, the Volga Region and their Relationship to the Catacombs of the North Caucasus]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 1, pp. 73-81.
- Subbotin L.V., Dzigovskiy A.N., 1990. *Sarmatskie drevnosti Dnestro-Dunayskogo mezhdurech'ya. Vyp. 3. Kurgannye mogil'niki Vasil'evskiy i Kubey* [Sarmatian Antiquities of the Dniester-Danube Interfluve. Iss. 3. Burial mounds Vasilevsky and Kubey]. Kyiv, Naukova dumka Publ. 48 p.
- Symonovich E.A., 1969. Raskopki Nikolaevskogo mogil'nika na Nizhnem Dnepre [Excavations of the Nikolaevsky Burial Ground on the Lower Dnieper]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 119, pp. 74-80.
- Symonovich E.A., 1971. Kul'tura pozdnih skifov i chernyahovskie pamyatniki v Nizhnem Podneprov'e [The Culture of the Late Scythians and Chernyakhov Monuments in the Lower Dnieper]. *Problemy skifskoy arheologii* [Problems of Scythian Archaeology]. Materialy i Issledovaniya po Arkheologii SSSR, no. 177. Moscow, Nauka Publ., pp. 63-75.
- Symonovich E.A., 1979. Koblevskiy i Ranzhevskiy mogil'niki okolo g. Odessy [Koblevsky and Rangevsky Burial Grounds near Odessa]. *Mogil'niki chernyahovskoy kul'tury* [Burial Grounds of Chernyakhov Culture]. Moscow, Nauka Publ., pp. 63-111.
- Furasyev A.G., 2012. Persidskiy pohod gunnov v nachale V v. po dannym Priska Paniyskogo [The Persian Campaign of the Huns at the Beginning of the 5th Century According to Priscus of Panium]. *Zoloto, kon' i chelovek: sbornik statey k 60-letiyu A.V. Simonenko* [Gold, Horse and Man. Collection of Articles Dedicated to the 60th Anniversary of A.V. Simonenko]. Kiev, KNT Publ., pp. 449-462.
- Chshiyev V.T., 2021. Zilginskoe rannealanskoe gorodishche: drevniy megapolis na trasse Velikogo Shelkovogo puti [Zilga Early Alan Settlement: Ancient Megapolis on the Great Silk Road]. *Vestnik Vladikavkazskogo Nauchnogo Centra* [Vestnik of Vladikavkaz Scientific Centre], iss. 1, pp. 12-18.
- Shalobudov V.N., Androsov V.A., Muhopad S.E., 1983. Raskopki kurganov u s. Dmuhaylovka [Excavations of Mounds near the Village of Dmukhailovka]. *Drevnosti stepnogo Podneprov'ya* [Antiquities of the Steppe Dnieper Region]. Dnepropetrovsk, DSU, pp. 19-27.
- Shepko L.G., 1987. Pozdnesarmatskie kurgany v Severnom Priazovye [The Late Sarmatian Mounds in the Northern Azov Area]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 4, pp. 158-173.
- Yartsev S.V., Zubarev V.G., 2020. O prichinah napadeniya gunnov Severnogo Prichernomor'ya na Rimskuyu imperiyu v 395 g. [On the Reasons for the Attack of the Huns of the Northern Black Sea Region on the Roman Empire in 395]. *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region], no. 12, pp. 553-567. DOI: <https://doi.org/10.24411/2713-2021-2020-00015>
- Gorokhovskiy E., 1992. The Nomads of the South-East Europe at the Beginning of the Middle Ages. *Medieval Europe*, vol. 4. Death and Burial, pp. 145-150.
- Simonenko A.V., 1995. Catacomb Graves of the Sarmatians of the North Pontic Region. *Studia Archaeologica*, vol. 1. Szeged, A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve, pp. 345-369.

Information About the Authors

Vladimir Yu. Malashev, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of Scythian and Sarmatian Archaeology, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, malashev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1276-7650>

Mikhail V. Krivosheev, Candidate of Sciences (History), Head of the Laboratory of Archaeological Research, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, arhlab@volsu.ru, tyaf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-8209>

Информация об авторах

Владимир Юрьевич Малашев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, malashev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1276-7650>

Михаил Васильевич Кривошеев, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археологических исследований им. А.С. Скрипкина, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, arhlab@volsu.ru, tyaf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-8209>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.5>

UDC 902.2(470.44)
LBC 63.48(2Рос-4Сар)

Submitted: 01.09.2023
Accepted: 20.05.2024

PRE-MONGOLIAN MEDIEVAL NOMADIC MONUMENTS FROM THE SARATOV REGION

Aleksey B. Malyshev

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Aleksey I. Rakushin

Scientific and Production Center for the Historical and Cultural Heritage of the Saratov Region,
Saratov, Russian Federation

Abstract. The purpose of the article is to compile an up-to-date summary of the medieval nomad monuments dating back to the pre-Mongol period on the territory of the Saratov region. The following tasks are solved: cultural and chronological attribution of the complexes; their mapping; generalization and analysis of the data obtained in the context of the history of the Eastern European nomads. Various methods were used in the work: diachronic (periodization of the nomads existence in the studied territory), historical-systemic (study of nomadic society as a system) and historical-comparative (identification of general developmental patterns of nomadic societies), typological (typology and classification of the archaeological materials and complexes), and chronological (study of gradual development of the nomadic culture in the Lower Volga region). The main source of the study is the materials and publications on the nomadic archaeological sites from the Saratov region, as well as previous generalizing works on this topic. Data on 74 monuments are analyzed and mapped. The complexes are grouped into three natural and geographical zones (the basin of the Khopyor and Medveditsa rivers; the Volga Upland; and the Steppe Trans-Volga region). The complexes are also classified according to the three conditional chronological horizons: Saltovo-Mayaki (8th – 9th centuries); Oghuz-Pechenegs (9th – 11th centuries); and Polovtsian (late 11th – early 13th centuries). An attempt is made to correlate the well-known complexes of the Saltovo-Mayaki culture with its separate ethno-cultural groups (the Bulgars, the Khazars, and the Alans) and among the materials of the 9th – 11th centuries to single out the Pecheneg and Oghuz components. The Polovtsian sculptures and the burials were correlated with written data on the groups of nomads from the Volga-Don steppes dating back to the middle of the 9th – early 13th centuries.

Key words: Saratov region, archaeological sites, pre-Mongol nomads, Saltovo-Mayaki culture, Khazars, Bulgars, Pechenegs, Oghuzes, Polovtsy, stone sculptures.

Citation. Malyshev A.B., Rakushin A.I., 2024. Srednevekovye kochevnicheskie pamyatniki Caratovskoy oblasti domongol'skogo vremeni [Pre-Mongolian Medieval Nomadic Monuments from the Saratov Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 3, pp. 79-129. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.5>

УДК 902.2(470.44)
ББК 63.48(2Рос-4Сар)

Дата поступления статьи: 01.09.2023
Дата принятия статьи: 20.05.2024

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОЧЕВНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ

Алексей Борисович Малышев

Саратовский государственный университет, г. Саратов, Российская Федерация

Алексей Иванович Ракушин

Научно производственный центр по историко-культурному наследию Саратовской области,
г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи стало создание актуальной сводки археологических памятников средневековых кочевников домонгольского времени на территории Саратовской области. Решались следующие задачи: культурная и хронологическая атрибуция комплексов; их картографирование; обобщение и анализ полученных данных в контексте истории кочевников Восточной Европы. В работе применялись различные методы: диахронный (построение периодизации бытования кочевников на исследуемой территории), историко-системный (изучение кочевого общества как целостной системы, во взаимосвязи ее элементов и процессов) и историко-сравнительный (выделение общих закономерностей и особенностей в развитии кочевых обществ), типологический (типология и классификация археологических материалов и комплексов с привлечением аналогий из других регионов) и хронологический (рассмотрение поэтапного развития кочевого мира Нижнего Поволжья). Основным источником послужили материалы и публикации исследований кочевнических археологических памятников в Саратовской области, а также предшествующие обобщающие работы по данной тематике. Были проанализированы и картографированы данные о 74 памятниках. Комплексы сгруппированы по трем природно-географическим зонам (бассейн рек Хопра и Медведицы; Приволжская возвышенность, Степное Заволжье) и трем условным хронологическим горизонтам: салтово-маяцкому (VIII–IX вв.); огузско-печенежскому (IX–XI вв.) и половецкому (вторая половина XI – начало XIII в.). Предпринята попытка соотнести известные комплексы салтово-маяцкой культуры с ее отдельными этнокультурными группами (булгарами, хазарами и аланами), а среди материалов IX–XI вв. выделить печенежский и огузский компоненты. Половецкие изваяния и погребения были соотнесены с письменными данными о группировках кочевников в Волго-Донских степях в середине XI – начале XIII века.

Ключевые слова: Саратовская область, археологические памятники, домонгольские кочевники, салтово-маяцкая культура, хазары, булгары, печенеги, огузы, половцы, каменные изваяния.

Цитирование. Мальшев А. Б., Ракушин А. И., 2024. Средневековые кочевнические памятники Саратовской области домонгольского времени // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 3. С. 79–129. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.5>

На территории Саратовской области известны археологические памятники средневековых кочевников, которые обычно рассматриваются в совокупности с материалами из смежных областей Поволжья – Волгоградской и Самарской, а также смежных регионов – Волго-Донского и Приуральского. Этот подход позволяет использовать широкий круг аналогий, датировать вещевые комплексы и выделить определенные характерные черты погребальной обрядности номадов, относящихся к так называемым поздним кочевникам, известным по письменным источникам как печенеги, огузы, половцы и монголы. Вопреки сложившейся традиции, в данной работе позднекочевнические памятники рассматриваются вместе с раннесредневековыми кочевническими памятниками, поскольку в Нижнем Поволжье хазары, печенеги и огузы долгое время тесно взаимодействовали между собой.

В 820–821 гг. огузы напали на кочевья печенегов в бассейне реки Сырдарья и вытеснили их в Заволжье на северо-восточную границу Хазарского каганата. В начале X в. огузы последовали за печенегами на запад и разгромили их, в результате чего те разделились на европейских, откочевавших к грани-

цам Киевской Руси, и заволжских, подчинившихся победителям. После того как князь Святослав захватил Саркел, огузы в 968–969 гг., в союзе с войском русов, разграбили Итиль – столицу каганата. В конце X в. огузы окончательно добивают Хазарский каганат, но какая-то часть его населения сохраняется в Нижнем Поволжье вплоть до монгольского нашествия, как один из компонентов этноса «саксин» [Федоров-Давыдов, 1969; Васильев, 2015].

Процесс смешения огузского и хазарского населения прослеживается по материалам средневековых могильников Нижнего Поволжья. Среди захоронений огузов известны погребения с чертами, свойственными алано-болгарскому населению Хазарского каганата, а среди носителей СМК фиксируются специфические предметы, отличающие огузов [Круглов, 2001, с. 415–420]. Подчинение заволжских печенегов и вхождение их в конфедерацию кочевых племен «державы огузских ябгу» происходит примерно в это же время (IX–X вв.) и подтверждается письменными источниками. Среди перечня «24 родов» огузов Махмуд Кашгарский указывает племя печенегов [Толстов, 1947, с. 79], Ибн-Фад-

лан называет их бедным народом в отличие от подчинивших их огузов [Ковалевский, 1956, с. 131], а Константин Багрянородный сообщает о заволжских печенегах: «...когда пачинакиты были изгнаны из своей страны, некоторые из них по собственному желанию и решению остались на месте, живут вместе с так называемыми узами и поныне находятся среди них, имея следующие особые признаки (чтобы отличаться от тех и чтобы показать, кем они были и как случилось, что они отторгнуты от своих): ведь одеяние свое они укоротили до колен, а рукава обрезали от самых плеч, стремясь этим как бы показать, что они отрезаны от своих и от соплеменников» [Константин Багрянородный, 1991, с. 159].

Нет оснований полагать, что проявившие лояльность к побежденным печенегам огузы поступили иначе с хазарами, поскольку очевидно, что победитель был заинтересован в первую очередь в захвате крепких мужчин для усиления своего войска, женщин репродуктивного возраста и детей для быстрого увеличения численности своих аилов, а также домашнего скота, как основного эквивалента степного богатства. До создания монгольской империи у проигравших в военном конфликте племен зачастую еще оставался выбор – откочевка на более безопасные земли со всем, что удалось спасти от врага, или подчинение более сильному соседу и вхождение на тех или иных условиях в конфедерацию племен и родов новой сильной орды. Захват пастбищ был важен, но не являлся приоритетом для выживания и не был основным трофеем в войне, поскольку главным ресурсом были сами кочевники с их стадами. К началу IX в. сложилась такая этнокультурная ситуация, когда печенеги доминировали в Причерноморье, хазары в Волго-Дона-Маньчском междуречье, а огузы в Северном Прикаспии. Следовательно, разделение на «хазарское» и «печенежно-огузское» время при определенных обстоятельствах может быть весьма условно, поэтому в общей сводке кочевнических памятников домонгольского периода с территории Саратовской области есть раннесредневековые погребения, которые можно датировать VIII–IX веками.

В работе приведены данные о 35 погребениях, 36 изваяниях, 2 случайных находках и

1 жертвеннике-тризне домонгольского времени¹. Для ранее не известных памятников дается полное описание, для уже введенных в научный оборот – краткое, со ссылкой на публикацию. Большинство каменных изваяний Саратовской области известно по публикациям из музейных фондов без конкретной привязки к месту находки, поэтому в данном обзоре уточняется это место со ссылкой на номер скульптуры в обобщающей коллективной монографии одного из авторов [Гарустович и др., 1998, с. 217–228], а также приводится соответствующий номер в книге записей поступления вещей музея Саратовской ученой архивной комиссии (далее – СУАК) и каталога С.А. Плетневой [Плетнева, 1974, с. 108–109]. Авторы, помимо ссылок на указанные работы, исходили из того, что на территории Саратовской области появление скульптур древнетюркской традиции маловероятно и поэтому антропоморфные стелы датируются не широко (VI – началом XIII в.), а узко (второй половиной XI – началом XIII в., то есть «половецким временем»). В процессе постепенного отказа от традиции почитания степных статуй в раннеордынский период некоторые из половецких изваяний прятались внутри курганных насыпей [Нарожный, 2003, с. 245–274; Березин, Нарожный, 2022, с. 33–46], однако на территории Саратовского Поволжья такие комплексы (святилища-ямы) пока не известны, что предопределило верхнюю границу их датировки. Описание изваяний дается в краткой форме, с учетом более ранних публикаций и иллюстраций, размерные показатели скульптур определены в иллюстрациях исходя из замеров сохранившихся в музейных фондах экземпляров или данных их последней инвентаризации.

Количество указанных памятников имеет определенную погрешность, поскольку часть погребений из этой выборки могла принадлежать к одному памятнику (курганному или грунтовому могильнику), другая часть отнесена к разряду погребальных памятников только предположительно, по описанию разрушенного захоронения и характерным вещам из него. Разнородность и малочисленность сводки о погребениях, изваяниях и отдельных находках домонгольского времени не позволяет провести ее суммарную харак-

теристику для полноценного сравнительного анализа. В предлагаемой сводке не рассматриваются опубликованные и неопубликованные материалы из фондов Саратовских музеев и архивов, не имеющие никаких данных о месте находки, а также погребения и артефакты более раннего гуннского и постгуннского времени.

Сведения о местонахождении памятников соотнесены с современным административным делением Саратовской области и картографированы, номер в описании соответствует номеру на карте. Характеристики памятников сгруппированы по трем природно-географическим зонам, в каждом описании предлагается датировка, по которой впоследствии происходит разделение памятников на условные хронологические периоды или горизонты: первый (VIII–IX вв.), второй (IX–XI вв.) и третий (вторая половина XI – начало XIII вв.). Горизонты соединены «внахлест», а не «встык», поскольку более точные датировки, базирующиеся на находках в кочевнических погребениях определенных типов украшений, гарнитуры, упряжи и оружия, не всегда уместны из-за бытования их на огромной территории евразийских степей, где хронология близких по облику артефактов могла отличаться. Материалы кочевнических погребений домонгольского времени с территории Саратовской области не имеют массового характера, поэтому, учитывая простую арифметическую погрешность, более строгие датировки не корректны. По этой же причине этнокультурная атрибуция также может быть достаточно условна, поскольку точная интерпретация погребений более вероятна в зонах значительной концентрации достоверно определяемых захоронений этого круга памятников.

Степная и лесостепная зона бассейна Хопра и Медведицы

Погребения

1. Балашовский район, с. Рассказань, бассейн р. Хопер. Раскопки А.А. Хрекова [Хреков, 2004, с. 138–139]. При раскопках на дюнном поселении Рассказань III (датировка: неолит, энеолит, бронзовый и ранний железный век) было обнаружено одиночное

грунтовое погр. 1, совершенное в прямоугольной могильной яме (катакомбе) с округлой входной ямой – дромосом. Костяк ориентирован головой на север. Справа от черепа находились два сосуда СМК: лепной горшок с косыми насечками по венчику и гончарный кувшин с округлым туловом, зауженным горлышком, орнаментированный горизонтальными и вертикальными полосами от дна до шейки. В погребении были зафиксированы: арочное стремя с выделенным путалищем и узкой подножкой с ребром жесткости, нож, три трехгранных наконечника стрел, овальная пряжка и удила с гвоздевидными псалиями. Рядом с могилой находился жертвенник с костями животных. Автор раскопок относит погребение к аланским или болгарским памятникам IX века. Нам представляется более уместной расширенная датировка: VIII–IX века.

2. Балашовский район, г. Балашов, бассейн р. Хопер. При земляных работах на ул. Советской были обнаружены случайные находки из разрушенных погребений (нож и четыре сосуда СМК), которые хранятся в фондах Балашовского краеведческого музея [Хреков, 2004, с. 139]. Датировка: VIII–IX века.

3. Балашовский район, с. Никольевка, бассейн р. Хопер. Раскопки А.А. Хрекова в 1978 г. [Цыбин, 1986, с. 257]. На территории городища Никольевка-1 (катакомбная культура среднего бронзового века, городищная культура раннего железного века, древнерусская славянская культура XII–XIII вв. н.э.) было найдено одиночное грунтовое погр. 1, перекрытое славянским слоем XII–XIII веков. Костяк человека находился в овальной яме со ступенькой, головой на ССЗ. К северо-востоку от погребенного на ступеньке находились череп и ноги коня, черепом на ССЗ, конечности отделены по третий сустав. В заполнении могилы присутствуют уголь и зола, под костяком войлочная подстилка. Вещи: двусоставные удила, 2 стремени плохой сохранности. Датировка: VIII–IX века.

4. Балашовский район, с. Лесное (Свиноуха), бассейн р. Хопер. Курганная группа Лесное-3, кург. 13. Раскопки Н.К. Арзютова 1931 г. [Гарустович и др., 1998, с. 199–200]. Погребение 1 совершено в прямоугольной могильной яме (2,2 × 0,75 м). На дне могилы,

вдоль южной стенки стояла долбленая колода, в которой находился костяк ребенка (?), ориентированный головой на ЮЗ. Вещи: 11 бараньих астрагалов, свинцовый конус, серебряная серьга в виде кольца с несомкнутыми концами; серебряные бляшки от поясного набора или конского оголовья; разделительная умбововидная бляха от узды, плоское серебряное колечко. К северу от колоды помещались череп и ноги лошади мордой на ЮЗ. В зубах зажаты двусоставные удила. Слева от черепа лежали хвостовые позвонки. Рядом с конским черепом расчищена железная подпружная пряжка. Датировка: IX–XI века.

5. Балашовский район, с. Лесное, бассейн р. Хопер. Курганная группа Лесное-3, кург. 1, погр. 1. Раскопки Воронежской лесостепной экспедиции 1967 г. [Цыбин, 1986, с. 259–261]. В насыпи обнаружена полукольцевая каменная выкладка. Могильная яма трапециевидной формы ориентирована по линии СВ–ЮЗ, стенки обложены камнем. Погребение ограблено. Вещи: 2 стремени. Датировка: вторая половина XI – начало XIII века.

6. Аткарский район, д. Ершовка, бассейн р. Большой Колышлей. Раскопки И.В. Синицина 1930 года. Курганная группа Ершовка-2, кург. 1, погр. 1 [Гарустович и др., 1998, с. 206]. Под насыпью обнаружена каменная наброска, наибольшая плотность отмечена в центре насыпи. На вершине наброски стояло каменное изваяние, прямо над могилой. Костяк взрослого человека лежал в прямоугольной могиле на левом боку, ориентированный головой на З. Правая рука согнута в локтевом суставе и уложена кистью на тазовые кости. Левая рука вытянута, ноги согнуты в коленях. Вещей нет. Датировка: вторая половина XI – начало XIII века.

7. Аткарский район, д. Ершовка, бассейн р. Большой Колышлей. Раскопки И.В. Синицина 1930 года. Курганная группа Ершовка-7, кург. 3, погр. 1 (впускное) [Гарустович и др., 1998, с. 206–207]. На дне могилы стояла долбленая колода с крышкой. Костяк женщины был уложен головой на СВ. Кисть левой руки уложена на тазовые кости. Вещи: слева от тазовых костей найден железный нож, в головах обнаружены две подвески в форме колокольчиков и две бусины. Датировка: вторая половина XI – начало XIII века.

Изваяния

8. Балашовский район, г. Балашов, бассейн р. Хопер. Каменное изваяние обнаружено в 1903 г. в 12,8 км от города [Зайковский, 1908, с. 21–22]. Эта женская статуя, с проработкой головы и столбовидным торсом, отправлена в Харьков. Материал – твердый серый камень. По списку Г.Н. Гарустовича – № 119 (15), по каталогу С.А. Плетневой № 1269 (в «высокой шляпе»). Не сохранилось. Датировка: вторая половина XI – начало XIII века.

9. Балашовский район, г. Балашов, бассейн р. Хопер. Каменное изваяние найдено к западу от города за р. Чечерой на кургане [Зайковский, 1908, с. 21–22]. Изваяние мужское, полнофигурное, с проработкой головы и округлым столбовидным торсом. Материал – твердый камень. По списку Г.Н. Гарустовича – № 120 (16), по каталогу С.А. Плетневой № 1268 (в «шлеме II», с вислыми усами). Поступило в музей СУАК в 1906 г., прислано из г. Балашова от торгового дома «Бр. Ф. и И. Арзамасцевы» (запись № 590). Не сохранилось. Датировка: вторая половина XI – начало XIII в. (рис. 7,4).

10. Балашовский район, г. Балашов, бассейн р. Хопер. Каменное изваяние найдено у впадения р. Чечеры в р. Хопер на кургане [Зайковский, 1908, с. 28]. Изваяние мужское, полнофигурное, с проработкой головы и четырехгранным столбовидным торсом. Материал – белый рыхлый известняк. По списку Г.Н. Гарустовича – № 121 (17), по каталогу С.А. Плетневой № 1252, тип VII («шлем II», брови, нос II, усы и рот I). Находится в экспозиции Саратовского областного музея краеведения (далее – СОМК) (СМК 57975/АРХ 25900). Датировка: вторая половина XI – начало XIII в. (рис. 8,5).

11. Аркадакский район, с. Чиганак (с. Чиганак Балашовского уезда), бассейн р. Хопер. На берегу реки найдено [Зайковский, 1908, с. 29] полнофигурное изваяние, с проработкой головы и четырехгранным столбовидным торсом. По списку Г.Н. Гарустовича – № 123 (19). Не сохранилось. Датировка: вторая половина XI – начало XIII в. (рис. 7,6).

12. Аркадакский район, с. Красный Полуостров (с. Завьяловка Балашовского уезда). Происходящее из данной местности изваяние,

позднее было перевезено в имение князей Волконских и Прозорово-Голицыных «Павловка»), бассейн р. Хопер [Зайковский, 1908, с. 22–23]. Поступило в музей СУАК в 1908 г. от управляющего имением А.О. Жеребцова (запись № 681). Изваяние в виде незаконченного барельефа с острроверхой головой. Проработана только лицевая часть изваяния, боковые и задняя поверхности имеют вид грубой заготовки. По списку Г.Н. Гарустовича – № 122 (18), по каталогу С.А. Плетневой № 1270. Находится в экспозиции Саратовского областного музея краеведения (СМК 57977 / АРХ 25901). Датировка: вторая половина XI – начало XIII в. (рис. 9,1).

13. Аркадакский район, с. Крутец, бассейн р. Хопер. Каменное изваяние найдено при раскопках кургана бронзового века в 3,2 км к юго-востоку от села (курганная группа Крутец-II, кург. 4, раскопки В.А. Лопатина 1994 года). От изваяния сохранилась верхняя часть – голова в острроверхой шапке, выполнена в технике барельефа на плоской плите. Черты лица, передающие индивидуальность модели, и форма головного убора близкая острроверхой шапке, говорят об определенном сходстве с изваяниями Приуралья [Чариков, 1986б, рис. 1,1,2, 2,2,4]. Находится в экспозиции Саратовского областного музея краеведения (СМК 59128 / АРХ 26763). Датировка: вторая половина XI – начало XIII в. (рис. 9,5).

14. Аркадакский район, с. Семеновка, бассейн р. Хопер. В 2018 г. К.Ю. Моржерин при проведении археологических разведок в Аркадакском районе была получена информация от учителя истории В.Я. Плеханова, что в 0,57 км на запад-северо-запад от южной окраины с. Семеновка между курганными насыпями могильника «Семеновка-I» в конце 1980-х гг. лежало каменное изваяние. Осмотр местности, прилегающей к курганам, изваяние не выявил [Моржерин, 2019, с. 13].

15. Ртищевский район, с. Малиновка (с. Малиновка Сердобского уезда), бассейн р. Хопер. Каменное изваяние найдено в 2,1 км к СВ от села на кургане «Каменная баба» [Зайковский, 1908, с. 24]. Изваяние полнофигурное, с проработкой рук и ног. Установленное в насыпи изваяние было обращено лицом на В, в насыпи прослеживались деревянные конструкции (святилище?). По списку

Г.Н. Гарустовича – № 129 (25), по каталогу С.А. Плетневой – № 1271а. Не сохранилось. Датировка: вторая половина XI – начало XIII века.

16. Ртищевский район, п. Таптулино, бассейн р. Хопер. Каменное изваяние найдено на поверхности задернованного кургана I–II веков. При раскопках бульдозером было полностью разрушено впускное позднекочевническое погребение [Максимов, 1969, с. 136–137]. Изваяние женское, поясное, с проработкой головы и троса в виде барельефа на каменной плите. Материал – темный сливной песчаник. По списку Г.Н. Гарустовича – № 128 (24), по каталогу С.А. Плетневой – № 1266, тип VII. Хранится в Ртищевском краеведческом музее. Датировка: вторая половина XI – начало XIII в. (рис. 9,2).

17. Аткарский район, д. Ершовка, бассейн р. Большой Кольшлей (приток р. Медведицы). Каменное изваяние найдено на вершине кургана с каменной наброской в насыпи [Гарустович и др., 1998, с. 227]. Изваяние столбовидное, лицо не проработано. По списку Г.Н. Гарустовича – № 150 (46). Материал – светло-серый песчаник. Не сохранилось. Датировка: вторая половина XI – начало XIII вв.

18. Аткарский район, район кургана (возвышенности) Большой Мар, бассейн р. Белгаза, притока р. Медведицы, на поверхности распаханного кургана было обнаружено каменное изваяние [Каргин, 2011]. Изваяние полнофигурное, округлое, рельефное, верхняя часть утрачена. Имеет детальную проработку кистей рук и находящихся в ней сосуда цилиндрической формы с выделенным в виде валика венчиком (по каталогу С.А. Плетневой – сосуд III типа). Материал – серый песчаник. При обнаружении, поблизости были найдены кости лошади. Хранится в Аткарском краеведческом музее. Датировка: вторая половина XI – начало XIII в. (рис. 9,4).

19. Лысогорский район, с. Ключи (д. Ключи Аткарского уезда), бассейн р. Карамыш, притока р. Медведицы, на кургане было обнаружено каменное изваяние [Зайковский, 1908, с. 22]. Столбовидное изваяние с антропоморфным абрисом и без проработанных деталей. По списку Г.Н. Гарустовича – № 127 (23). Не сохранилось. Датировка предположительно: вторая половина XI – начало XIII века.

Первый условный хронологический горизонт этой природно-географической зоны представлен двумя уцелевшими грунтовыми и еще несколькими разрушенным погребениями с характерным набором посуды. Погребальный комплекс у с. Рассказань, вероятно, относится к лесостепному варианту СМК, что позволяет проследить его связь с аланским населением Верхнего Подонья хазарского времени. Памятники СМК в этом районе маркируются серией городищ: Маяцкое, Павловское, Верхне-Ольшанское, Мухоудеровка, Колтуновское, Алексеевское, Красное [Цыбин, 2018, с. 496, рис. 1]. Погребальные памятники этого региона представлены катакомбными, подбойными и ямными комплексами могильников СМК Правобережья Дона [Плетнева, 1981а, с. 70–71].

Другое погребение горизонта – Никольевское, имеет неоднозначную этнокультурную атрибуцию и датировку. М.В. Цыбин в своей публикации изначально не дает конкретной атрибуции памятника, отмечая, что основания для датировки погребения только стратиграфические, поскольку оно перекрыто слоем XII–XIII вв., его можно отнести к X–XI вв. [Цыбин, 1986, с. 257]. Е.В. Круглов первоначально отнес погребение к огузским [Круглов, 2001, с. 435–436, табл. 5, 5а], позднее он признал это мнение ошибочным и предположил, что «отчленение скаковых конечностей по 3-й сустав говорит о его довольно поздней дате. Возможно, это памятник кочевников черноклобуцкого круга XI–XII вв.» [Круглов, 2003, с. 39, 64, 73, рис. 6, 13]. Через некоторое время он датировал погребение XII–XIII вв. [Круглов, 2006]. Поскольку датирующие вещи в погребении отсутствовали, исследователь, ссылаясь на работу А.Г. Атавина, в которой было предложено для таких случаев использовать способ членения ног при захоронении коня как датирующий признак в погребениях кочевников не ранее X в. [Атавин, 1984]. На наш взгляд, более убедительно выглядит аргументация В.В. Кравеца, который считает, что подобный погребальный обряд более характерен для памятников кочевников V–VIII вв. и «нет достаточных оснований грунтовыми погребения с северной и близкой к ней ориентировкой и частями коня причислять к кругу печенежско-торческих памятников» [Кравец, 2005,

с. 83]. Ближайшее к Никольевскому раннесредневековое кочевническое захоронение известно в междуречье Хопра и Вороны, на территории Грибановского района Воронежской области. Это предположительно раннеболгарское погр. 2 из кург. 15 Власовского I могильника. Недалеко от него расположено, возможно, синхронное ему подземное святилище-лабиринт [Синюк, Березуцкий, 1991].

Второй горизонт сводится к одному погребению (Свинуха, кург. 13) близкому к кругу огузо-печенежских памятников Среднего Подонья (Воробьево, Гаевская, Букановский, Высокая гора, кург. 4, погр. 2) [Кравец, 2005, с. 81–83]. Скудность археологических и письменных источников не позволят локализовать в этом районе даже очень «рыхлое» печенежское или огузское объединение. Территориально Среднее Подонье достаточно удалено как от массива огузо-печенежских погребений Заволжья, соотносимых с «Заволжской Печенегией» и владениями огузов, так и от образовавшейся в районе Приднепровья «Европейской Печенегии», поэтому пока приходится констатировать лишь эпизодическое присутствие здесь аналогичных памятников [Попов, 2012, с. 405].

Третий горизонт состоит из погребений и каменных изваяний половецкого времени. Курганные насыпи могильников Лесное и Ершовка были сооружены с использованием камня, что является этнокультурным маркером восточной части ряда кочевнических курганов XII–XIV вв. Южного Урала [Иванов, Кригер, 1988, с. 67], которые можно рассматривать как половецко-кипчакские с включением «каких-то центрально-азиатских (кимакских?) родоплеменных групп» [Иванов, 2013, с. 91]. Хотя позднее один из авторов этой концепции В.А. Иванов несколько пересмотрел свое мнение по этому вопросу [Иванов, 2019, с. 638], существует гипотеза, что для этого региона каменные кольца под земляной насыпью были связаны с кипчаками, а каменный панцирь сверху насыпи – с кимаками [Матюшко, 2013, с. 118]. В то же время надо отметить, что гораздо более близко расположенной аналогией курганов с каменными выкладками у Лесного и Ершовки является впускное погр. 4 кург. 5 у с. Вервековка Богучарского района Воронежской области [Кравец, 2005,

с. 84–86]. В более поздний период, в золотоордынское время, в бассейне р. Медведицы на территории Саратовской области известны три погребения кочевников в курганах, сооруженных с использованием камня: г. Аткарск, кург. 27 (раскопки В.Н. Глазова, 1909 г.), с. Большая Дмитриевка, кург. 1 (раскопки П.С. Рыкова, 1923 г.) и с. Лысье горы, кург. 1 (раскопки П.С. Рыкова, 1924 г.) [Гарустович и др., 1998, с. 94, 124–125].

Сочетание каменной наброски в курганной насыпи, столбовидного каменного изваяния и безынвентарного погребения в положении полускорченно на боку, наблюдавшееся в кург. 2 Ершовского могильника, позволяет предположить признаки половецкого святилища второго типа по М.Л. Швецову. Это сооружение в виде каменных покрытий вокруг изваяний, в центре каменных панцирей которых оставались овальные или круглые площадки, предназначенные для жертвоприношений (Астахово, кург. 4, Новоселовка, кург. 3, 5) [Швецов, 1979, с. 208]. Единственное «основное» погребение «кургана» в этом случае получает статус человеческого жертвоприношения, о возможности совершения которого можно судить по исследованным В.А. Городцовым захоронениям людей на половецких святилищах у д. Щегловой и в балке Средняя Аюла [Городцов, 1907, с. 249–253; Плетнева, 1974, с. 73]. Женское погребение на спине и мужское скорченно на боку на дне ямы в основании половецкого изваяния известны у с. Бешпагир в Ставропольском крае [Гугуев, Мирошина, 2002]. Кроме того, человеческая жертва «слуги-конюха» с пятью взнузданными и оседланными лошадьми сопровождала известное аристократическое захоронение половца в Чингульском кург. 5 [Отрощенко, Рассмакин, 1986].

Половецкие каменные изваяния не всегда фиксируются в местах их первоначальной установки, однако общая тенденция прослеживается вполне определенно – они устанавливались на возвышенностях, приуроченных к бассейнам рек Хопер и Медведица. Группу хоперских изваяний можно объединить с культовыми скульптурами, обнаруженными на водоразделах рек Дон, Воронеж, Битюг и Хопер: Тамбовская область (Политово, Мордвиновка, Мичуринский район, Волоотово, устье

р. Лебедянка), Воронежская область (Борисоглебск, Бурляевка, Старая Криуша, Нижний Кисляй, Марьевка) [Андреев, 2002, с. 186, рис. 1; Кравец, 2005, с. 86, рис. 66], группа медведицких изваяний территориально близка каменным бабам, найденным ниже по течению реки, уже в Волгоградской области, у истоков р. Караман (с. Алешники, бывш. с. Олешны), на реках Добринке (с. Добринка, раскопки М. Исхакова, 1956 г.) [Плетнева, 1974, с. 109] и Терсе (пос. Елань) [Зайковский, 1909, с. 234].

Л.С. Гераськова отнесла группу изваяний Поволжья (Волгоградская, Саратовская и Самарская области) к 12 композиционному типу, который имеет специфичный иконографический стиль с чертами, свойственными скорее древнетюркской, чем половецкой пластике. Его отличают: 1) отсутствие детального изображения головного убора; 2) изображение грудей в виде конических выпуклостей; 3) личиноподобный облик; 4) тип головного убора с небольшим островерхим выступом. В качестве одного из аргументов она приводит композиционно-иконографические особенности форм двух изваяний из Саратовской области (Гапулино и Старица), которые, по ее мнению, принадлежат торками. Никак не объясняя переселение торков в Поволжье, далее декларируется, что «...этническая группа торков, которая оставила статуи 12 типа, позднее была ассимилирована половцами, что хорошо видно на материалах статуй» [Гераськова, 1991, с. 94].

На наш взгляд, гораздо более аргументирована и логична позиция А.В. Ситникова и О.В. Антифеева, которые, придерживаясь более традиционного подхода, разделили повожские изваяния на три хронологические группы: 1) середина XI – начало XII в.; 2) XII в.; 3) конец XII – первая треть XIII века. На материалах графически зафиксированных и точно описанных 11 каменных изваяний Волгоградского и Астраханского региона они отнесли к первой группе плоскостные и слабо-рельефные антропоморфные статуи с проработкой головы и верхней части туловища: Волгоградская область (Нехаевский район, Новоаннинский район, южная окраина г. Волгограда), Астраханская область. Ко второй группе были отнесены сидящие круглые изваяния, выполненные в реалистичной манере: Волго-

радская область (ст. Нагавская, южная окраина г. Волгограда). К третьей группе относятся глубокорельефные статуи с детальной проработкой головы, лица, верхней части тела и округлым столбовидным торсом: Волгоградская область (ст. Слащевская, ст. Алексеевская, ст. Кременская, с. Захаровка, Урюпинский район) [Ситников, Антюфеев, 2000, с. 57–59; Ситников, 2009, с. 198]. Предложенную схему, видимо, несколько корректируют и дополняют наблюдения А.А. Чарикова о важности оценки изобразительных приемов передачи черт лица средневековых каменных статуй для их культурно-хронологической идентификации [Чариков, 1986а, с. 87, 101], а также выводы А.В. Евглевского, который, анализируя завершающий этап эволюции половецких изваяний, отметил в качестве ее отличительных черт тщательную проработку головы (особенно лица) в стиле развитой объемной скульптуры в сочетании с изображением торса в форме четырехгранного столба [Евглевский, 2014; Евглевский, Круглов, 2016].

Таким образом, оценивая многочисленные сохранившиеся и описанные саратовскими краеведами изваяния, их можно характеризовать не только как схематичные антропоморфные столбы конца XII – начала XIII вв., так называемые «поволжские стелы VII типа» по С.А. Плетневой. Очевидно, тенденция к постепенной трансформации статуарного дела, на которую обратил внимание ряд исследователей, нашла отражение в изваяниях Саратовского Правобережья, среди которых есть экземпляры с ранними чертами, свойственными древнетюркской иконографии (Красный Полуостров, Крутец, Таптулино), и с элементами рельефной проработки развитой половецкой скульптуры (Большой Мар), а также с поздними признаками ее заключительного этапа – оформление торса изваяния в виде четырехгранного столба (Балашов, Чиганак).

Использование обширного корпуса письменных источников по истории Юго-Восточной Руси позволяет соотнести группу памятников междуречья Дона и Хопра с определенным половецким родом, известным как орда Елтукове [Плетнева, 1975, с. 277; Цыбин, 1999, с. 135; Инков, 2006]. Кочевья рода, во главе которого был половецкий хан Елтук (сын Атрака, сын Шарукана) граничили с Рязанским

княжеством. Согласно древнерусскому летописанию, в 1146 г. именно к нему в орду бежал князь Ростислав Ярославич [ПСРЛ, 1908, стб. 339; 1949, с. 39]. Последний раз его имя упоминается в 1181 г., когда Елтук вместе с братом Кончаком участвует в битве у Долобского озера и погибает, потерпев поражение от князя Мстислава Владимировича [ПСРЛ, 1908, стб. 618–623]. Последний поход русских на половцев (по-видимому, половцев-Елтукове) относится к 1205–1206 гг.: «Того лета ходиша князи Рязаньскыя на Половцы и взяша веже ихъ...» [ПСРЛ, 1927, стб. 425; 1949, с. 104; 1989, с. 163]. Вероятно, род Елтукове входил в состав более крупного объединения половцев – союза племен, возглавляемых ханами династии Шаруканидов, кочевавших между Доном и Волгой и известных в русских летописях как Токсобичи. В восточных источниках они сопоставимы с крупным кипчакским племенем Токсоба, представляющим собой двухчастный этноним «токсан оба» (9 родов), образованный по тому же принципу как Етебичи – «иети оба» (7 родов) и Тертробичи – «дурут оба» (4 рода) [Ахинжанов, 1976, с. 93; Кумекоев, 2006, с. 478].

Степная и лесостепная зона Приволжской возвышенности

Погребения

20. Красноармейский район, с. Ахмат, правый берег р. Волги. Раскопки В.А. Лопатина 1993 г. [Лопатин, Малышев, 2010, с. 276–279]. На территории поселения «Мартышкино» найдено грунтовое погр. 1, ориентированное головой на запад. В районе черепа обнаружены: лепной сосуд протоболгарского типа и железный нож. Слева от скелета расчищены череп, кости крестца, позвоночника и ног мелкого рогатого скота. Датировка: VIII–IX века.

21. Саратовский район, г. Саратов, правый берег р. Волги. В 1936 г. в Саратовский областной музей краеведения поступил ряд вещей из разрушенного погребения, обнаруженного в результате прокладки водопроводной траншеи на одной из улиц г. Саратова [Ляхов, 1997, с. 231, 232]. Кроме костей человека рабочие обнаружили в яме череп лошади. Вещи: фрагмент железного стремени, фраг-

мент железных удил, две бронзовые позолоченные бляхи. Датировка: VIII–IX века.

22. Саратовский район, г. Саратов, правый берег р. Волги. Раскопки П.С. Рыковым в 1934 г. кургана близ г. Саратова [Рыков, 1936, с. 112]. Исследовано впускное погребение женщины, ориентированной головой на северо-восток. В изголовье были расчищены кости овцы. На тазовых костях находился пояс с серебряными круглыми и фестончатыми бляшками, а также проволочными обоями, на лучевых костях – бронзовый браслет. Автор раскопок отмечал сходство с «готскими» могильниками и датировал погребение VII–VIII веками.

23. Саратовский район, с. Усть-Курдюм, правый берег р. Волги. Погребение, разрушенное при земляных работах в 1941 г. [Максимов, 1981, с. 108]. В месте обнаружения вещей местные жители находили кости человека. Вещи: гончарный сероглиняный лощеный сосуд кубковидной формы с ручкой, орнаментированный линиями и полосами, фрагмент лепного сосуда, фрагменты деревянной чаши с бронзовыми обоями-оковками. Датировка: VIII–IX века.

24. Саратовский район, с. Усть-Курдюм, правый берег р. Волги. В процессе раскопок И.В. Синицина в 1961 г. было обнаружено частично разрушенное погребение [Максимов, 1981, с. 108–110]. На дне ямы лежал костяк взрослого мужчины, ориентированный головой на юго-запад. В северо-восточной части могилы были положены череп и кости ног овцы, а за ними череп и кости ног коня. При этом черепа животных лежали поперек ямы, а ноги коня вдоль длинных ее стен. В изголовье человека находились гончарный сероглиняный лощеный кувшин с ручкой, орнаментированный линиями, полосами, вертикальной штриховкой, косыми крестами, зигзагами, елочкой и лепной глиняный горшок плохой сохранности. Датировка: VIII–IX века.

25. Хвалынский район, пос. Алексеевка, правый берег р. Волги. Раскопки В.И. Пестриковой и С.А. Агапова в 1975 г. Алексеевского правобережного грунтового могильника фатьяновско-балановского времени [Лифанов, 2020]. Раскоп 1, погр. 3. Костяк взрослого человека был смещен к северо-западной стенке могильной ямы, и ориентирован головой на

северо-восток. Слева от черепа находились кости теленка: череп, шейные позвонки и кости ног. В южном углу могилы были зафиксированы: ориентированный на северо-восток череп быка, шейные позвонки, ребра, альчики и нога. В заполнении прослеживались: уголь, жженое дерево, стеклянная бусина. Вещи: нож, железные фрагментированные пластики с бронзовыми заклепками поясной и обувной гарнитуры. Автор публикации Н.А. Лифанов, отнес погребение к памятникам авиловского типа. Материалы погребения не дают оснований для столь узкой датировки, поэтому оно датировано по верхнему пределу существования авиловских памятников – рубежом VII–VIII веков.

Изваяния

26. Воскресенский район, с. Елшанка, правый берег р. Волги. Каменная баба находилась на кургане, из района находки она была перевезена в г. Саратов [Зайковский, 1908, с. 26–27]. Изваяние поясное, лицо широкое без проработки деталей. Материал – ракушечник. По списку Г.Н. Гарустовича – № 126 (22), по каталогу С.А. Плетневой – № 1263. Не сохранилось. Датировка: вторая половина XI – начало XIII в. (рис. 8,3).

27. Вольский район, (ориентировочно п. Шиханы), правый берег р. Волги. Изваяние найдено в 1877–1878 гг. во время раскопок горы для поисков камня на фундамент барского дома в имении графини Е.И. Шуваловой [Зайковский, 1908, с. 26]. Поступило в музей СУАК в 1913 г. от О.Б. Орловой-Денисовой, запись № 2369. Изваяние поясное, с проработкой головы и четырехгранным, столбовидным торсом. Материал – железняк. По списку Г.Н. Гарустовича – № 131 (27), по каталогу С.А. Плетневой № 1255, 1260, тип VII (в «шапке-ушанке»). Не сохранилось. Датировка: вторая половина XI – начало XIII в. (рис. 8,6).

28. Вольский район, с. Ключи (Мордовский ключ), бассейн р. Терешка [Спицин, 1896, с. 146]. Информация о половецкой бабе присутствует в сводке А.А. Спицина по Саратовской губернии. Не сохранилось. Датировка предположительна: вторая половина XI – начало XIII века.

29–30. Вольский район, с. Калмантай, бассейн р. Терешка [Зайковский, 1908, с. 24–25].

Информация о каменных изваяниях вблизи от села поступила от учителя Т.С. Терентьева. По списку Г.Н. Гарустовича – № 133 (29). Не сохранились. Датировка предположительна: вторая половина XI – начало XIII века.

31. Вольский район, г. Вольск, правый берег р. Волги [Фонд Е.К. Максимова, л. 53]. По сообщению Е.К. Максимова, в городской застройке у одного из домов по ул. Клочкова (ул. Малой Красной Авиации) долгое время стояло половецкое изваяние. Не сохранилось. Датировка предположительна: вторая половина XI – начало XIII века.

32. Базарно-Карабулакский район, с. Лесная Нееловка (дер. Креженцы, Нееловской волости, Саратовского уезда), бассейн р. Карабулак (приток р. Терешка). Изваяние найдено в поле во время пахоты близ деревни. Поступило в музей СУАК из Радищевского музея в 1912 г. (запись № 1862, дар А.А. Сперанского, № 3621). Не сохранилось. Датировка предположительна: вторая половина XI – начало XIII века.

33–34. Хвалынский район, с. Старая Яблонка, правый берег р. Волги [Зайковский, 1908, с. 24–25]. Изваяния найдены на курганах, а позднее одно из них было перевезено в село. Первое изваяние – мужское, с проработанной головой и столбовидным торсом. Второе – женское «подобного типа», стояло на соседнем кургане. Материал – железняк. По списку Г.Н. Гарустовича – № 132 (28), по каталогу С.А. Плетневой № 1264, 1265. Не сохранились. Датировка: вторая половина XI – начало XIII века.

35. Саратовский район, г. Саратов, правый берег р. Волги [Зайковский, 1908, с. 26]. Место находки неизвестно, а изваяние было перевезено в Спасо-Преображенский монастырь епископом Иннокентием II и располагалось у грота в саду Казанско-Никола-Тихвинского скита, находившегося в трех верстах от г. Саратова. Поступило в музей СУАК в 1909 г. (запись № 1022). Изваяние полнофигурное, с проработанной головой и четырехгранным столбовидным торсом. Материал – железняк. По каталогу С.А. Плетневой № 1261. Находится во внутреннем дворе Саратовского областного музея краеведения. Дата: конец XII – начало XIII в. (рис. 8,4).

36. Саратовский район, г. Саратов, правый берег р. Волги [Зайковский, 1908, с. 26]. Место находки неизвестно, а изваяние было перевезено в Спасо-Преображенский монастырь епископом Иннокентием II и находилось у грота в саду Казанско-Никола-Тихвинского скита, в трех верстах от г. Саратова. Поступило в музей СУАК в 1909 г. (запись № 1023). Изваяние поясное, с проработанной головой и четырехгранным столбовидным торсом. Материал – известняк. По списку Г.Н. Гарустовича – № 125 (21), по каталогу С.А. Плетневой № 1262. Находится во внутреннем дворе Саратовского областного музея краеведения. Датировка: конец XII – начало XIII в. (рис. 7,5).

Погребальные памятники этой природно-географической зоны представлены четырьмя грунтовыми и одним впускным курганным захоронением. Наиболее раннее в этой выборке Алексеевское погребение, отнесенное к авиловскому типу, который имеет сложную этнокультурную атрибуцию, близкую к «протовенгерскому населению Восточной Европы до появления их в Подунавье» [Круглов, 1990, с. 50]. Следует отметить, что погребения авиловской группы, несмотря на свою немногочисленность, датируются очень широко начиная с конца IV – первой половины V в. и заканчивая началом VIII в. (ранее – началом IX в.) [Лифанов, 2020, с. 226–227], поэтому не все кочевнические погребения с территории Саратовской области, вошедшие в эту группу, рассматриваются в данной работе (например, погребальные комплексы этого круга памятников: Ровное кург. 5 [Круглов, 1990, с. 47] и Покровск кург. 36 погр. 2 [Лифанов, 2020, с. 225, 226] значительно старше VIII в.).

Керамический материал и обрядность трех остальных грунтовых погребений (Мартышкино, Усть-Курдюм 1941 и 1961 гг.) позволяет отнести их к категории раннеболгарских памятников. Этническая интерпретация погребений, предложенная авторами публикаций, Е.К. Максимовым, В.А. Лопатиным, А.Б. Малышевым, обычно не вызывает возражений. По мнению Е.В. Круглова, усть-курдюмские погребения «практически безальтернативно атрибутируются в качестве праболгарских» [Круглов, 2006, с. 262], а Е.П. Казаков относил их к булгаро-буртаским [Казаков, 2007,

с. 118]. По классификации К.А. Руденко, систематизировавшего могильники Волжской Булгарии, указанные грунтовые погребения можно отнести к группе А – «языческих могильников населения раннебулгарского времени», отдела I – «некрополи тюрко-финно-угорского населения» (Большетарханский, Кайбельский, Танкеевский, Тетюшенский, Автозаводской могильники), насчитывающей свыше 2 000 погребений [Руденко, 2013, с. 74]. Относительно впускного курганного погребения близ г. Саратова, можно согласиться с мнением Е.В. Круглова, что оно оставлено раннехазарским населением Перещепинско-Вознесенского культурно-хронологического горизонта [Круглов, 1992а, с. 33–36], хотя и нельзя исключать возможности его связи с курганными могильниками новинковского типа, выявленными в районе Самарской Луки и представлявшими первую миграционную волну болгар [Багаутдинов и др., 1998, с. 170–171].

Находки половецкой культовой скульптуры локализуются в лесостепной зоне Правобережья Волги севернее современного г. Саратова, поскольку изваяния, обнаруженные в XIX – начале XX в. на территории города, были перемещены туда из других мест. К этому ареалу, вероятно, относится также изваяние из с. Шаховское Ульяновской области (рис. 7,2), позднее перевезенное помещиком Корпачевым в с. Духовницкое Новоузенского уезда и уже оттуда доставленное К.И. Журавлевым в фонды Пугачевского краеведческого музея [Тайна каменной бабы], а также половецкие скульптуры из северных районов Саратовского Левобережья, речь о которых пойдет позже. Изваяние из с. Шаховское, находящегося в 10 км от современных границ Саратовской области, имеет четырехгранный столбовидный торс, четко проработанную голову, черты лица, грудь, гривну и головной убор в виде шапочки-тюбетейки или шлема-шишака, близкой по оформлению головным уборам балашовских и саратовских изваяний. Головные уборы не сохранившихся шиханского и елшанского изваяний, выполнены в ином стиле и, возможно, изначально относились к категории «треухов-ушанок», очелий или «шляп», широко известных по материалам женских погребений и изваяний XII в. из при-

черноморских, приазовских и предкавказских степей (рис. 7,4,5).

Вероятно, эти изваяния были оставлены определенной половецкой «ордой», кочевавшей недалеко от южной границы Волжской Булгарии. В русских летописях есть несколько упоминаний XII в. (1117, 1140 и 1184 гг.) о политических событиях, которые могли иметь отношение к данной половецкой группировке. В то же время надо признать, что эти сообщения имеют неоднозначное толкование в историографии, кроме того, вызывает определенные сомнения и их достоверность.

Согласно летописным рассказам в 1117 г.: «...придоша Половци къ Болгаромъ и высла имъ князь Болгарьскыи пити съ отравою и пивъ Аепа и прочии князи вси помроша...» [Полное собрание..., 1908, стб. 285; 1949, с. 28]. Из источника не понятно, о какой Булгарии (Булгарии) идет речь – Волжской или Дунайской, поэтому возможно двойственное толкование истории об отравлении половецкого хана Аепы, факт смерти которого, возможно, и не был связан с Волжской Булгарией.

В летописях под 1140 г. сообщается: «...а Мьстиславъ моужи свои посла загна Половци за Донъ и за Волгоу за Гиикъ...» [Полное собрание..., 1908, стб. 303–304; 1949, с. 31]. Данное сообщение, на наш взгляд, имело декларативный характер и было результатом преувеличения последствий похода войска Мстислава в Половецкую Степь. Если заслуги Владимира Мономаха, являвшегося вдохновителем совместных походов русских князей на донских половцев в 1103, 1109 и 1111 гг., не вызывают сомнений у историков, то подвиги его сына князя Мстислава Владимировича, якобы в одиночку разбившего объединенные силы донских половцев и дошедшего рейдом до кочевий кипчаков Волги и Урала, маловероятны.

В летописи под 1184 г. описывается поход Всеволода Большое Гнездо на Биляр, когда к нему присоединяются половцы: «...кланяются княже Половци Емякове пришли есьмы со княземъ Болгарьскыи воевать Болгарь...» [Полное собрание..., 1927, стб. 389–390; 1908, стб. 625–626; 1949, с. 90]. Здесь участие половцев в набеge на Волжскую Булгарию обычно не вызывает сомнений у исследователей. Возникший союз летопись показывает не как

запланированные действия сторон, а как неожиданную встречу русского и половецкого войска на территории Волжской Булгарии. Так или иначе, половцы Емякове заключают договор с князем и вливаются в русское войско, высадившееся на левом берегу Волги, но при этом вполне очевидно возникает вопрос – откуда пришел этот отряд йемеков-кимаков – из Поволжья или Заволжья?

Низменно-равнинное степное Сыртовое Заволжье

Погребения

37. Духовницкий район, с. Новозахаркино, бассейн р. Малый Иргиз. Раскопки Н.В. Лебедевой 2015 г. [Лебедева, 2016, с. 26–28; 2017]. Курганная группа Новозахаркино-I, кург. 8, погр. 3 (впускное). Костяк мужчины, ориентированный на ЗЮЗ, был захоронен в прямоугольной узкой яме, лежал на слое коры, на груди находился колчан. Над скелетом человека на слое коры были расчищены останки лошади головой на ЗЮЗ (череп, ноги, отчлененные по пуговую кость, хвостовые позвонки). Вещи: берестяной колчан с железными клепками, костяные обкладки седла и костяная пластина донышка колчана, железная скоба, железные портупейные кольца, железные наконечники стрел, кресало, кремь, железные стержни, серединные костяные накладки лука, железный нож, бронзовая бляшка с железными клепками. Автор раскопок отнесла погребение в отчете к IX–XIII вв., в публикации к VII–IX вв., нам представляется, более обоснованной датировка комплекса огузо-печенежским временем IX–XI веков.

38. Перелюбский район, район с. Николаевка (бывший хут. Гришанкин или Гришанкин), бассейн р. Камелик, притока р. Большой Иргиз. В результате разведок К.И. Журавлева в 1923 г. [Гарустович и др., 1998, с. 113; Фонд Е.К. Максимова, д. 494] было обнаружено разрушенное погребение, вещи из которого поступили в Пугачевский музей краеведения. Вещи: 2 железных стремени яйцевидной формы с округлой петлей, фрагменты бронзовой копоушки, костяная орнаментированная пластинка, фрагменты ремня с бронзовой сер-

повидной пластинкой – лунницей, железный стержень. Датировка: IX–XI века.

39. Марковский район, с. Бородаевка (нем. колония Боаро), бассейн р. Малый Караман, урочище Рунталь. Раскопки И.В. Синицина [Синицин, 1947, с. 130–131; Максимов, 1965]. Курганная группа Рунталь (в настоящее время памятник отсутствует, так как застроен дачами), кург. 9, погр. 5 (впускное). В подбойной могиле находился костяк взрослого мужчины со слегка согнутыми коленями, ориентированный на северо-восток. Череп погребенного имеет прижизненную деформацию, правая нога согнута, под костями остатки кожи и ткани. Под черепом – берцовая кость ноги лошади. Во входной яме на ступеньке слева находилось захоронение шкуры коня: кости ног, отчлененные по пуговую кость и череп, ориентированный на ЮЗ. Кости ног коня были разложены с четырех сторон от черепа. Вещи: седло, фрагмент костяной подпружная пряжки с Т-образным вырезом, прямоугольнорамчатая бронзовая пряжка с металлическим язычком, прямоугольное деревянное блюдо или чаша, деревянная пластинка с четырьмя отверстиями. И.В. Синицин и Е.К. Максимов датировали погребение V–VIII вв., исходя из типичных, на их взгляд, признаков позднесарматской обрядности (северная ориентировка, подбой, деформация черепа). Конструкция неплохо сохранившегося седла из бородаевского погребения позволила датировать его разным исследователям в рамках последней трети VII – IX в. [Кызласов, 1979, с. 135, рис. 96,14; Амброз, 1981, с. 13, рис. 4а,43; Комар и др., 2006, с. 295–296, рис. 24–25]. Е.В. Круглов отнес комплекс к памятникам авиловской группы конца VII – начала IX в. [Круглов, 1990], при этом отмечая, что расположение костей коня в погребении находится не в анатомическом порядке, а характерно для сложенной шкуры животного. Учитывая отсутствие узкодатирующих или этномаркирующих вещей, на наш взгляд, погребение по характеру погребального обряда, скорее всего, относится к VII–VIII векам.

40. Советский район, с. Суслы (урочище Герцог), бассейн р. Большой Караман. Раскопки А. Вейсбекера, П. Вайнгеля и Г. Бераца 1912 г. [Гарустович и др., 1998, с. 98]. Исследован курган, описание раскопок отсутству-

ет. Вещи: железное стремя, железный трехгранный наконечник стрелы, четыре железных неопределенных предмета. Датировка: IX–XI века.

41, 42, 43, 44, 45. Энгельсский район, с. Шумейка, левый берег р. Волги. Охранные раскопки А.В. Волкова, А.Б. Малышева и П.Е. Тугушева 2008 г. [Волков и др., 2016, т. III, с. 36–47; т. XIV, рис. 3449, 3493, т. XV, рис. 3608–3622, 3624–3638, 3645–3690]. На поселении «Шумейка» при снятии культурного слоя золотоордынского времени, частично переотложенного и перемешанного со слоями более позднего времени (пласт 80–100 см), на материке были зафиксированы контуры четырех могильных ям и одного жертвенника (ямы № 137, 138, 139, 141, 142). Неоднородный характер культурного слоя, значительная часть которого была уничтожена землеройной техникой до начала раскопок, большое количество хозяйственных ям и поздних перекопов на поселении не позволили в полном объеме проследить конструкцию погребальных сооружений грунтового могильника, поэтому с определенной степенью вероятности часть из них можно определить как подбойно-катакомбные захоронения с входными ямами-дромосами. Первоначально входные ямы погребений были приняты за поздние хозяйственные ямы, а своды обрушившихся подбоев фиксировались, как слои плотного перемешанного с материком грунта. Позднее точка зрения на стратиграфию этих могильных сооружений была пересмотрена, и исследованные погребальные комплексы были интерпретированы как захоронения хазарского времени, при совершении которых использовались ступеньки и подбойные сооружения в стенках могильных ям.

41. Поселение Шумейка, погр. 1, модуль 48, яма 139 (рис. 1, А). Контур могильной ямы выделялся на материке светло-желтого цвета несколько более темным оттенком и состоял из двух слившихся пятен прямоугольной и округлой формы. Прямоугольное пятно представляло собой погребальную камеру, ориентированную по линии СЗ–ЮВ. Примыкающий к ней округлый вход в могильную яму имел ступеньку. Дно могилы было относительно ровное.

Погребение человека было перекрыто частично поврежденным скелетом лошади в анатомическом порядке, вытянутым вдоль

северо-восточного края могильной камеры по оси СЗ–ЮВ. На дне могилы лежал костяк взрослого человека вытянуто на спине, с ориентировкой головы на СЗ, а лицевой частью обращен на ССВ. Руки погребенного были слегка согнуты в локтях и располагались вдоль тела. Кисть правой руки была вплотную прижата к тазу. Кисть левой руки лежала на тазе. Ноги были уложены в виде ромба, что, вероятно, предполагало их согнутость в коленных суставах, коленями вверх. Ступни были вытянуты в сторону юго-восточной стенки могилы.

Погребальный инвентарь. Лепной профилированный горшок, по краю венчика покрытый пальцевыми защипами, с коричневым цветом внешней поверхности, черным цветом теста глины в изломе, располагался за головой погребенного в юго-западном углу могилы (рис. 1, А, а, 1, 2, 13). Кружальный приземистый сосуд в виде кубышки, покрытый по тулову лощением в вертикальной проекции, темно-серого цвета внешней поверхности, с плотным, черным на изломе тестом и равномерным обжигом располагался за головой погребенного в северо-западном углу могилы (рис. 1, А, б, 2, 2, 12). Железный кистень округлой формы был зафиксирован в лепном горшке (рис. 1, А, б, 3, 2, 8). Железный однолезвийный нож был выявлен под кистью правой руки (рис. 1, А, б, 4). Фрагмент железного четырехгранного в сечении наконечника копья или пики был обнаружен под лучевой и локтевой костями левой руки (рис. 1, А, б, 5, 2, 7). Бронзовая пронизь была зафиксирована под наконечником копья (рис. 1, А, б, 6, 2, 5). Поясная железная рамчатая пряжка прямоугольной формы, находилась в районе таза (рис. 1, А, б, 7, 2, 1). Железное кресало-фибула было выявлено в районе таза (рис. 1, А, б, 8, 2, 11). Там же были обнаружены два кресальных кремня (рис. 1, А, б, 9). Фигурная медная подвеска в виде шарнирного (чумбурного) блока располагалась в районе левой руки между тазом и ребрами (рис. 1, А, б, 10, 2, 3). Бронзовая коромыслообразная застежка с петлей располагалась в районе правой руки между тазом и ребрами (рис. 2, 2). Рядом находились: фрагмент железной фибулы (рис. 2, 4) и железная обкладка со следами дерева (рис. 2, 6). Железные кольчатые двусоставные удила с гвоз-

девидными псалями, находились между челюстями коня (рис. 1,А,а,1, 2,10). Также было обнаружено железное арочное стремя с выделенной в виде лопаточки петлей для путалища и укрепленной тремя жгутами подножкой (рис. 2,9).

Датировка погребения второй половиной VIII – IX в. определялась характерными категориями массового сопроводительного инвентаря СМК: сочетание лепного горшка высоких пропорций с отогнутой наружу шейкой с защипами на венчике и гончарного приземистого сосуда [Красильников, 2009, с. 145, рис. 17], стремени вытянутых пропорций с выделенным путалищем и удилом с гвоздевидными псалями [Плетнева, 1981а, с. 148, рис. 36], кресала-фибулы [Генинг, Халиков, 1964, табл. X,3–5; Казаков, 1971, табл. VIII,7; Плетнева, 1981б, с. 167, рис. 52,87,88; Дмитриев, 1982, с. 80, рис. 4,10,11], чумбурного блока [Владимиров, 2016, с. 223–226] и коромыслообразной застежки-пуговицы с петлей [Плетнева, 1981а, с. 150, рис. 37,8; Плетнева, 2003, с. 194, рис. 18; Тотев, Пелевина, 2009, с. 48, рис. 1].

42. Поселение Шумейка, жертвенник, модуль 48, яма 138 (рис. 1,Б). В 0,37 м к северо-западу от погр. 1 была выявлена яма грушевидной формы, ориентированная длинными сторонами по оси С–Ю. На дне ямы были расчищены скопление конечностей и черепа двух овец. Расположение жертвенника между погр. 1 и 2 позволяет предположить его принадлежность к единому погребально-поминальному комплексу.

43. Поселение Шумейка, погр. 2, модули 48, 49, яма 137 (рис. 1,В). В 2,1 м к западу от погр. 1 было зачищено могильное пятно. Контур могильной ямы выделялся немногим более темным цветом на материке светло-желтого цвета в виде вытянутого пятна по линии ССВ–ЮЮЗ. В юго-восточной части ямы прослеживалась ступенька. На дне могилы лежал скелет взрослого человека вытянуто на спине, с ориентировкой головы на север. Череп покоился на затылочной части, лицевой частью вверх. Руки погребенного были слегка согнуты в локтях и покоились вдоль тела. Кисти рук вытянуты. Ноги и ступни были вытянуты параллельно друг другу в сторону восточно-юго-восточной стенки мо-

гилы. Возле коленного сустава левой ноги погребенного были выявлены кости барана. Положение предметов в погребальной камере, а также их некоторая фрагментарность, не исключают частичного ритуального разграбления или разрушения могилы еще в средневековье.

Погребальный инвентарь. Был обнаружен фрагмент гончарного сосуда с отогнутым венчиком (рис. 1,В,10, 3,1). Два круглых в сечении кольца железных удили были зафиксированы с левой стороны от погребенного, возле черепа (рис. 1,В,4, 3,2,3). Фрагментированное железное арочное стремя с выделенной в виде лопаточки петлей для путалища обнаружено с левой стороны от погребенного возле височной кости (рис. 1,В,3, 3,10). Две железные рамчатые подпружные пряжки трапециевидной формы без приемника выявлены в северо-восточном углу погребения (рис. 1,В,5, 3,7,9). Два железных плоских портупейных кольца зафиксированы с левой стороны от погребенного, возле таза (рис. 1,В,6, 3,5,6). Железный однолезвийный нож (рис. 3,19), фрагмент лезвия с односторонней заточкой (рис. 3,15) и железный кистень округлой формы выявлены возле кисти правой руки погребенного (рис. 1,В,7, 3,18). Кресальный кремь находился с левой стороны, между тазом и ребрами погребенного (рис. 1,В,9, 3,8), там же были найдены четыре бронзовых обоймы, вероятно, обкладки ножен в виде колец овальной формы (рис. 3,11–14). Кроме того, в погребении находились: костяная рукоять из трубчатой кости животного (рис. 1,В,2, 3,4), две бронзовые пластины прямоугольной (рис. 1,В,8, 3,17) и серповидной формы (рис. 3,16), имеющие с оборотной стороны шпеньки и отдельные кости животных (рис. 1,В,1).

Датировка набора погребального инвентаря аналогична погр. 1, что соответствует второй половине VIII – IX веку. В эти рамки не совсем укладывается обнаруженная в погребении серповидная пластина-лунница с ушками, аналогии которой известны в печенего-огузских, кимакских и прогобашкирских комплексах, датируемых IX–XI вв. (хут. Гришанкин [Гарустович и др., 1998, с. 113]; Занзели погр. 1, [Гарустович и др., 1998, с. 203]; Журов могильник кург. 2, погр. 1 [Круглов, 1992б, с. 136,

рис. 1,3,4; Культура средневековых кочевников..., 2001, с. 24, кат. 12; Гарустович, Иванов, 2001, с. 135, рис. 6,22]; Успенка [Шнайдштейн, 1989, с. 270, рис. 1,11; Круглов, 2001, с. 413]; Бекешево I кург. 2, погр. 2 и 3 [Мажигов, 1981, с. 57, 61]), что в целом не противоречит общей датировке комплекса. Судя по расположению комплекса сооружений, жертвенник и оба погребения были взаимно сориентированы в пространстве, что подразумевает их синхронность или существование каких-то отметок на поверхности места первого захоронения.

Погребения 3 и 4 были расположены в 74 м к северо-западу от погребального комплекса с жертвенником и представляли собой парное захоронение. При зачистке материка были выявлены контуры аморфной ямы, имеющей в северо-восточной части нечто вроде ступеньки. При дальнейшей выборке грунта были расчищены два лошадиных черепа и кости ног, а под ними уже начали проступать очертания двух могильных ям. Между ними имелась небольшая перемычка, причем дно ямы погр. 4 располагалось несколько ниже дна ямы погр. 3.

44. Поселение Шумейка, погр. 3 (модуль 301, яма 141) (рис. 4). Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами была ориентирована более длинными сторонами по линии ССВ–ЮЮЗ. Пятно выделялось немногим более темным цветом на материке светло-желтого цвета. Дно могилы было относительно ровное. Заполнение ямы можно охарактеризовать как плотное – забутовка плотной материковой глиной, практически не отличающейся по консистенции от материка.

На дне могилы лежал скелет взрослого человека вытянуто на спине, по линии ЮЮЗ–ССВ, ориентирован черепом на С (череп немного наклонен к правому плечу) и лицевой частью на ЮВ. Скелет был несколько смещен от центра могильной ямы в сторону западно-северо-западной стенки. Руки и кисти погребенного были вытянуты вдоль тела и вплотную к нему прижаты. Ноги сведены вместе в коленях и вытянуты параллельно друг другу. Ступни также сведены вместе и вытянуты в сторону юго-юго-западной стенки могилы.

Умершего сопровождала «шкура» коня: череп (с удилами в зубах: рис. 4,1, 6,1), конеч-

ности, отделенные по скакательный (скаковой) сустав и хвост этого животного, положенные в анатомическом порядке. Кости коня покоились несколько ниже уровня материка, над уровнем погребенного, и были вытянуты параллельно могиле вдоль ее восточно-юго-восточной стенки.

Погребальный инвентарь. Железный нож выявлен в районе пояса погребенного, на кости предплечья левой руки ближе к локтевому изгибу (рис. 4,5, 6,5). Железные двусоставные удила с дополнительными трензельными кольцами зафиксированы в челюстях конского черепа (рис. 4,1, 6,1). Остатки сложносоставного лука располагались слева от погребенного между костями руки и восточно-юго-восточной стенкой могилы, двумя компактными группами, соответствующими верхней (более северной) и нижней (более южной) частям лука (рис. 4,7). Положение роговых накладок позволяет предположить, что лук был сломан, а набор накладок состоял предположительно из 9 предметов, представленных 12 фрагментами. Хорошо сохранились четыре концевые накладки с изгибом в нижней трети пластины, закругленным краем и насечкой по боковому срезу (рис. 5,1–4). Три фрагмента тыльных прямоугольных пластин с обломанными концами имели насечку по краям (рис. 5,10–12). Две массивных срединных накладок с сетчатой насечкой по поверхности были сломаны на пять составных частей, предположительно реконструируются как трапециевидные (рис. 5,5–9). Пучок железных трехгранных или трехлопастных черешковых наконечников стрел, сильно коррозированных и скипевшихся в единую массу, выявлен у северо-северо-восточной стенки погребальной камеры за головой умершего (рис. 4,4). Штампованная пряжка с прямоугольным щитком и рамкой зафиксирована на накладках лука в районе верхнего (северного) скопления (рис. 4,12, 6,19). Два бронзовых ременных наконечника-обоймы с закругленными концами с остатками кожи внутри, одна – на дне могилы между предплечьем и накладками на лук в их южном (нижнем) скоплении, вторая – на кости предплечья чуть выше железного ножа (рис. 4,9, 6,8,18). Бронзовая накладка геральдического типа с прорезным орнаментом в виде «галочки», боковыми вырезами и тремя

шпеньками крепления с шайбочками зафиксирована возле северного (верхнего) скопления лучных накладок (рис. 4,10, 6,7). Роговая подпружная пряжка с трапециевидным приемником и округлой рамкой выявлена к западу от конского черепа (рис. 4,2, 6,3). Костяной затыльник плети обнаружен к востоку от верхних конечностей лошади (рис. 4,3, 6,4). Фрагмент лезвия железного ножа располагался за черепом погребенного (рис. 4,6, 6,6). Железный пинцет расчищен на крестце (рис. 4,11, 6,2). Две бронзовые прямоугольные обоймы выявлены в районе северного (верхнего) скопления накладок на лук (рис. 4,13, 6,10,11). Бронзовая прямоугольная прорезная накладка со шпеньками крепления на ремennую основу выявлена в районе накладок на лук в их северной (верхней) части (рис. 4,8, 6,9). Фрагмент бронзового подковообразного фиксатора язычка со шпеньком крепления расчищен в районе северного (верхнего) скопления лучных накладок (рис. 4,14, 6,20). Там же были обнаружены шесть бронзовых круглых накладок со следами крепления на ремennую основу, пять из которых имели серебряные шляпки (рис. 6,12–17).

45. Поселение Шумейка, погр. 4 (модуль 301, яма 142) (рис. 4). Могильная яма овальной формы была ориентирована более длинными сторонами по линии ССВ–ЮЮЗ. Пятно выделялось более темным цветом на материке светло-желтого цвета. Дно могилы было относительно ровное. Заполнение ямы можно охарактеризовать как плотное – забутовка плотной материковой глиной, практически не отличающейся по консистенции от материка.

На дне могилы лежал костяк взрослого человека вытянуто на спине по линии ЮЮЗ–ССВ, ориентирован черепом на С (череп немного наклонен к правому плечу) и лицевой частью на ЮЗ. Скелет был несколько смещен от центра могильной ямы в сторону западно-северо-западной стенки. Руки и кисти погребенного были вытянуты вдоль тела и прижаты вплотную к нему. Ноги вплотную сведены вместе в коленях и вытянуты параллельно друг другу. Ступни также сведены вместе и вытянуты в сторону юго-юго-западной стенки могилы.

Умершего сопровождала «шкура» коня, то есть череп (с удилами в зубах: рис. 4,15,

6,21) и конечности, отделенные по скакательный (скаковой) сустав и хвост этого животного, положенные в анатомическом порядке. «Шкура» покоилась несколько ниже уровня материка, над уровнем погребенного, и была вытянута параллельно могиле вдоль ее восточно-юго-восточного края.

Погребальный инвентарь. Бронзовая гарнитура крепления обувных ремней: две прямоугольные плоские обоймы с заклепкой (рис. 4,21, 6,32,33), две прямоугольные обоймы (рис. 4,20, 6,35–36), пряжка с овальной рамкой и прямоугольным щитком (рис. 4,19, 6,29), пряжка с прямоугольной рамкой без щитка (рис. 4,19, 6,28), выявлены в нижней части берцовых костей. Бронзовая литая пряжка без язычка (рис. 4,18, 6,30) и бронзовая прямоугольная обойма (рис. 6,34), зафиксированы в районе затылочной кости конского черепа. Две железные пряжки, одна из которых целая, другая предположительно собирается из железных фрагментов, располагались в районе пояса (рис. 4,23, 6,22–24). Двухкомпонентные железные удила с остатком гвоздевидного псалия на трензельном кольце, покоились в челюстях конского черепа (рис. 4,15, 6,21). Кольцо из полированной кости со следами заглаживания от ремней отмечено в районе затылочной кости конского черепа (рис. 4,17, 6,27). Бронзовая пластинка (рис. 6,31) и застежка из клыка кабана (рис. 4,22) плохой сохранности найдены в районе таза. Две костяные подпружные пряжки трапециевидной формы со слабо сглаженными углами и железными язычками, первая имеет два I-образных выреза (выявлена к юго-востоку от конского черепа) (рис. 4,16, 6,26), а вторая с T- и I-образными вырезами (обнаружена к югу от конских копыт) (рис. 4,16, 6,25).

Схожесть ритуала захоронения в сочетании со стратиграфическими наблюдениями позволяют предположить синхронность погр. 3 и 4, поэтому датируются они по совокупности инвентаря двух погребений VII – началом VIII века. Форма концевых роговых накладок на лук погр. 3 конструктивно близка накладкам на луки тюрко-хазарского типа, которые появляются в Восточной Европе в середине VII в., трансформировавшись к началу VIII в. в хазарский тип [Круглов, 2005, с. 135]. Близкая по форме накладка была найдена в куль-

турном слое Хлопковского городища золотоордынского времени у с. Березняки Воскресенского района Саратовской области [Круглов, Малов, 2018].

Металлические детали ременной гарнитуры пояса и обуви кочевников, выполненные в геральдическом стиле и, вероятно, хронологически соответствующие зинovieвскому горизонту, не противоречат датировке накладок лука [Богачев, 1992, с. 154–155, рис. 27]. Больше того, бронзовые прямоугольно-рамчатые пряжки (рис. 6,19,28,30) и плоские обоймы гарнитуры обуви шумейских погребений (рис. 6,10,11,32–34) вполне могут быть синхронны аналогичным изделиям из кург. 1 у с. Зинovieвка (с. Садовка, Лопатинского района Пензенской области) [Рыков, 1929, с. 10; Максимов, 1965, с. 76, рис. 46,3]. Бронзовый наконечник ремня с прорезью в виде «галочки» из 3-го шумейского погребения относится к типу наконечников с боковыми вырезами и их аналогов с боковыми выступами [Гавриутхин, Обломский, 1996, с. 222, рис. 43]. Наиболее близкой найденной аналогией этому изделию является серебряный наконечник с боковыми вырезами, декорированный фигурной прорезью в виде «галочки» и отверстием, а также двумя горизонтальными прочерченными линиями в верхней части из погр. 12 кург. 1 с. Дмитровки в Южном Побужье, датируемого серединой VII в. [Комар, 2006, с. 378, рис. 3,8,9, с. 379, рис. 4,3,4]. Также наконечники этого типа известны в ряде других кочевнических погребений Северного Причерноморья (Богачевка, кург. 8, погр. 12; Рисовое, кург. 2, погр. 10; Сивашовка, кург. 3, погр. 2; Изобильное, кург. 1, погр. 4) [Комар, 2005, с. 164–170]. В Среднем Поволжье подобные наконечники замечены среди наиболее ранних праболгарских памятников новинковского типа, которые сопоставимы с погребениями, содержащими характерную «зинovieвскую» гарнитуру (Новинковский II могильник кург. 7, погр. 1) [Багаутдинов и др., 1998, с. 97, рис. 17,7], некоторые из них, возможно, могут быть датированы уже началом VIII в. [Комар, 2010, с. 206, рис. 6]. В Нижнем Поволжье аналогичные прорезные «геральдические» наконечники известны в кург. 1, погр. 7 юго-западной группы Бережновского могильника [Синицин, 1959, с. 109–110, рис. 34,1; Максимов,

1965, с. 78, рис. 47,3], где среди элементов поясной гарнитуры также наблюдались массивные «геральдические» бляшки-фиксаторы, близкие по форме подковообразной бляшке-фиксатору из 3-го шумейского погребения (рис. 6,20).

Подковообразные фиксаторы язычка пряжек широко известны как один из конструктивных элементов кочевнических поясов от Северной Азии [Добжанский, 1990, с. 39–40] до Подунавья [Тотев, Пелевина, 2011, с. 349]. Данное изделие несколько расширяет датировку погребального комплекса, если положить на утверждение А.К. Амброза, который относил появление наборных поясов «с подкововидными и сердцевидными окантовками отверстий на ремне» к рубежу VII–VIII вв. [Амброз, 1971, с. 123]. А.В. Комар считает, что пластинчатые прототипы подковообразных бляшек, ограничивающих отверстие ремня, входят в раннесалтовские поясные наборы крымско-византийской группы первой четверти VIII века. Кроме того, аналогичные литые бляшки известны в синхронных аварских поясных наборах [Комар, 2001, с. 106–107, рис. 1,4,6,25,30,32,47, 2,38, 3,10].

В пользу этого мнения могут свидетельствовать находки роговых подпружных пряжек из 3 и 4 погребений, которые широко представлены в курганах южносибирских тюрок. Достаточно подробную подборку подобных пряжек с территории Восточной Европы приводит Е.В. Круглов, датируя наиболее близкие по компоновке второй половиной VII – началом VIII в. [Круглов, 2007, с. 51–54, рис. 1, 2, 3]. Данная категория инвентаря часто имеет индивидуальное оформление, поэтому единой типологии подпружных пряжек пока не выработано, хотя определенные попытки предпринимались. По мнению А.А. Гавриловой, преимущественное бытование данных пряжек в Сибири падает на VIII–X вв. и связано с памятниками тюркского круга [Гаврилова, 1964, с. 167, рис. 3,6]. Согласно классификации С.В. Неверова и Б.Б. Овчинниковой, рассматриваемые пряжки относятся к так называемым выделеннорамчатым пряжкам-блокам, имеющим 2 прорези для концов ремня (двухавровые) и получившим наибольшее распространение в VIII–X вв. [Неверов, 1985, с. 202; Овчинникова, 1990, с. 114–119]. Кроме

того, обе пряжки из 4-го погребения имели подвижный железный язычок, что является достаточно характерным признаком для поздних алтайских [Могильников, 2002, с. 101; Кубарев, 2005, с. 135], а также южноуральских пряжек [Мажитов, 1977, с. 198, табл. 1,302; Боталов, Костюков, 1993, с. 44–45, рис. 1,28]. Классификация южноуральских подпружных пряжек, предложенная Е.В. Руслановым, позволяет датировать их в рамках VIII–IX вв. [Русланов, 2016, с. 288].

46. Энгельский район, с. Шумейка, левый берег Волги. В 2003 г. в ходе строительных работ было разрушено погребение. Содержавшиеся в погребении два сосуда СМК были переданы в Музей Института археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета (КП 237,238; Инв. Номер В 49,50). Датировка: VIII–IX века.

47. Энгельский район, бассейн р. Сухая Саратовка. Раскопки Л.Л. Галкина 1975 г. [Ляхов, 1997, с. 226–231]. Курганная группа Саратовка-II, кург. 1, погр. 5 (впускное). Костяк взрослого человека, ориентированный головой на З, лежал на деревянном настиле. Над погребенным, на деревянном перекрытии находилось чучело коня (череп и передние ноги, отчлененные по колено) уложенное головой на В. Обнаруженные вещи: ножницы, бронзовые зеркало, птицевидные нашивки, бубенчики, золотая бляха, остатки кожи с нашитыми серебряными бляшками в виде бараньих головок. Датировка: X–XI века.

48. Энгельский район, г. Энгельс (Покровск), левый берег р. Волги. Раскопки П.С. Рыкова 1924 г., Покровский курганный могильник, кург. 11, погр. 1 [Гарустович и др., 1998, с. 128–129]. Костяк мужчины, ориентированный на ЮЗ, лежал в гробу в виде ящика, скрепленного железными гвоздями. Над скелетом человека находились останки лошади, уложенные головой на ЮЗ. Обнаруженные вещи: удила, берестяной колчан, фрагменты чешуйчатого железного панциря и железного шишака, железные наконечники стрел, костяные колчаные петли. Датировка: вторая половина XI – начало XIII века.

49. Энгельский район, с. Квасниковка, левый берег р. Волги. В 1959 г. при размыве оврага у с. Квасниковки местными жителями были обнаружены случайные находки и остат-

ки погребения. Раскопки оставшейся части погребения были проведены Е.К. Максимовым [Максимов, 1960]. На глубине 1,3 м от современной поверхности была зафиксирована широкая прямоугольная могильная яма, ориентированная по линии В–З. В могиле находились перемешанные кости взрослого мужчины и части скелета коня: череп и кости ног. Вещи: шлем с позолоченной бронзовой розеткой, фрагмент кольчуги, стремя, удила, пряжка, костяные обкладки седла. Датировка: вторая половина XI – начало XIII века.

50. Энгельский район, между селами Терновка и Смеловка, левый берег р. Волги. В 2001 г. разведгруппа О.В. Сергеевой [Сергеева, 2006, с. 72–75] обнаружила случайные находки из разрушенного погребения, полностью выпавшего из обрыва берега (остатки Терновского грунтового могильника). На глубине 0,7 м от современной поверхности находилась могильная яма, ориентированная по линии В–З. Вещи: седло, удила, стремя, берестяной колчан, наконечник стрелы. Датировка: XII – вторая половина XIII века.

51. Озинский район, с. Светлое озеро, бассейн р. Чалыкла. Раскопки В.А. Лопатина 1989 г. [Ляхов, 1997, с. 217]. Курганная группа Светлое Озеро, кург. 2, погр. 1 (впускное). Костяк взрослого человека, ориентированный головой на З. Под костями ног – остатки дерева. Слева от погребенного – чучело коня головой на В (череп и два копыта). Вещей нет. Датировка: X–XI века.

52. Озинский район, с. Светлое озеро, бассейн р. Чалыкла. Раскопки В.А. Лопатина 1989 г. [Ляхов, 1997, с. 219–222]. Курганная группа Светлое Озеро, кург. 6, погр. 6 (впускное). Костяк взрослого человека, ориентированный на ССЗ. На груди лежал колчан, слева от погребенного – чучело коня (кости ног, отчлененные по голень). Вещи: берестяной колчан, железные наконечники стрел, нож, кольцо, пластинки, штифты. Датировка: X–XI века.

53. Ровенский район, с. Мирное (бывш. Фриденберг), бассейн р. Еруслан. Раскопки П.С. Рыкова 1925 г. [Гарустович и др., 1998, с. 134]. Курганная группа Мирный-5, кург. 7, погр. 1 (впускное). В засыпке могилы встречались угли. На дне стояла липовая колода, закрытая корой. Костяк мужчины, помещен-

ный в колоду, был ориентирован головой на СЗ. Рядом с колодой лежали кости ног лошади. Вещи: однолезвийный нож, кресало, кремь, бронзовая поясная пряжка, костяные срединные накладки лука, кожаные сапоги. Датировка: IX–XI века.

54. Ровенский район, с. Мирное, бассейн р. Еруслан. Раскопки В.А. Лопатина 1981 г. [Ляхов, 1997, с. 225–226]. Курганная группа Мирный-1, кург. 1, погр. 6 (впускное). Костяк подростка был ориентирован головой на З. На груди лежал колчан, а слева от погребенного – чучело коня (кости ног, отчлененные по голень). Обнаруженные вещи: пуговицы-бубенчики, птицевидная нашивка с подвесками в виде гусиных лапок, перламутровый медальон, костяная пряжка, костяная пронизь, стеклянные пронизь и бусы, серебряный перстень, костяные ковшик и ложка. Датировка: IX–XI века.

55. Ровенский район, с. Береговое, левый берег р. Волги. Раскопки И.В. Синицина 1957 г. [Синицин, 1966, с. 36–37]. Курганная группа Береговое-3, кург. 4, погр. 7 (впускное). На древнем горизонте, на кожаной подстилке лежал костяк мужчины, ориентированный головой на ЮЗ. Слева находились кости коня, уложенные головой на ЮЗ (череп и ноги, отчлененные по путовому суставу). Обнаруженные вещи: нож, лук с костяными срединными накладками, берестяной колчан, обтянутый кожей, бронзовая пластина, железные кольца, наконечники стрел, сапоги. Датировка: IX–XI века.

56. Ровенский район, с. Ровное, левый берег р. Волги. Раскопки И.В. Синицина 1957 г. [Синицин, 1966, с. 37–38]. Курганная группа Береговое-3, кург. 4, погр. 8 (впускное), находилось под погр. 7, в прямоугольной удлиненной яме. Костяк мужчины лежал на правом боку, ориентированный головой на ЮЗ. Сохранились следы кожаной подстилки. Вещей нет. Датировка: IX–XI века.

57. Ершовский район, с. Черная Падина, бассейн р. Малый Узень. В 1961 г. Е.К. Максимов [Максимов, 1969, с. 130–134] исследовал случайно обнаруженное грунтовое погребение в обрыве берега реки. Костяк располагался на левом боку и был ориентирован головой на З. В районе черепа обнаружено два аббасидских дирхема 782/783 гг. и 809/810 гг. Датировка: IX век.

58. Питерский район, с. Алексашкино, бассейн р. Малый Узень. Раскопки В.И. Мельника 1977 г. [Круглов, 2001, с. 418, рис. 13,6, с. 434, табл. 5]. Курганная группа Алексашкино-2, кург. 4, погр. 2 (впускное). Костяк мужчины был ориентирован на З. Несколько выше и слева располагались кости ног коня, отчлененные по путовым суставам. Конский череп не прослеживался. По расположению ног ориентировка растянутой «шкуры» была противоположна человеку. Датировка: IX–XI века.

59. Новоузенский район, ж/д ст. Новоузенск, бассейн р. Большой Узень. Раскопки М.Г. Кима 1977 г. у полустанка «Казарма 114 км» [Круглов, 2003, с. 37]. Курганная группа Новоузенск-9, кург. 2, погр. 1 (впускное). Поврежденный костяк взрослого человека, ориентированный головой на З, лицом на С. Обнаруженные вещи: фрагменты железных креплений и костяная крышка кармана колчана, стрелы. На крышке вырезано граффити. Датировка: IX–XI века.

Случайные находки

60. Энгельский район, г. Энгельс. Л.М. Гаврилина без указания источника упоминает в своей публикации о находке бляхи-решмы [Гаврилина, 1993, с. 83–85, рис. 2,9]. Датировка: X–XI века.

61. Энгельский район, с. Смеловка, левый берег р. Волги. Случайная находка из фондов Саратовского областного музея краеведения [Ляхов, 1997, с. 232]. Фрагмент лепного глиняного котла с внутренним ушком и венчиком, орнаментированным пальцевыми вдавлениями. Датировка: IX – первая половина X века.

Изваяния

62. Энгельский район, с. Воскресенка (бывш. Воскресенское Новоузенского уезда Самарской губернии), бассейн р. Тарлык, точное место находки неизвестно [Алабин, 1884, с. 3]. Женское изваяние с проработанной головой и руками, сложенными на животе и «как бы придерживающими какой-то сосуд», в «рогатом» головном уборе. По списку Г.Н. Гарустовича – № 142 (38). Не сохранилось. Датировка: вторая половина XI – начало XIII века.

63. Энгельсский район, с. Старицкое (бывш. Старица Новоузенского уезда Самарской губернии), бассейн р. Большой Караман [Спицин, 1914, с. 105]. Изваяние обнаружено при рытье фундамента для дома. Поступило в музей СУАК в 1913 г. от Ф.Д. Охлябина, запись № 2393. Изваяние поясное, с проработанной головой в островерхой шапке или башлыке, с плоским торсом, на котором различимы гривна и выпуклости в виде «девичьих грудей». Выполнено в виде барельефа на каменной плите. Материал – серый плотный песчаник. По списку Г.Н. Гарустовича – № 155 (51), по каталогу С.А. Плетневой № 1257, на табл. 73 № 1251, тип VII (брови и нос-тип II, рот – тип II). Находится в экспозиции Саратовского областного музея краеведения (СМК 57974 / АРХ 25899). Датировка: вторая половина XI – начало XIII в. (рис. 9,3).

64. Советский район, пгт. Пушкино (бывш. Урбах – ж/д ст. Нахой), бассейн р. Большой Караман [Зайковский, 1908, с. 25, 29]. Изваяние поступило в музей СУАК в 1908 г. от И.Т. Пшеничного, запись № 680. Было увезено прадедом жертвователя со степных курганов и установлено в сл. Покровской. Изваяние женское, полнофигурное, с проработанной головой и четырехгранным столбовидным торсом. Материал – железистый песчаник. По списку Г.Н. Гарустовича – № 134–139 (30–35), по каталогу С.А. Плетневой № 1253, тип VII (мужское с женской грудью, шлем II, косы III, Т-образные брови и нос, усы и рот I). Находится во внутреннем дворе Саратовского областного музея краеведения. Датировка: вторая половина XI – начало XIII в. (рис. 7,3).

65. Советский район, пгт. Пушкино (бывш. Урбах – ж/д ст. Нахой), бассейн р. Большой Караман [Зайковский, 1908, с. 25, 29]. Изваяние поступило в музей СУАК в 1908 г. от И.Т. Пшеничного, запись № 680. Было увезено прадедом жертвователя со степных курганов и установлено в сл. Покровской. Изваяние женское, полнофигурное, с проработанной головой и четырехгранным столбовидным торсом. Материал – известняк. По списку Г.Н. Гарустовича – № 134–139 (30–35), по каталогу С.А. Плетневой № 1254, тип VII (мужское с женской грудью, шлем II, косы III, на животе кружок). Находится во

внутреннем дворе Саратовского областного музея краеведения. Датировка: вторая половина XI – начало XIII в. (рис. 7,1).

66–69. Советский район, пгт. Пушкино (бывш. Урбах – ж/д ст. Нахой), бассейн р. Большой Караман [Зайковский, 1908, с. 25, 29]. В окрестностях колонии Урбах были найдены шесть изваяний, два из них (описаны выше под № 64–65) поступили в музей СУАК, остальные четыре не сохранились – два утонули при перевозке и два якобы отправлены в г. Самару. Датировка предположительна и относится в целом ко времени бытования половцев в Поволжье (вторая половина XI – начало XIII в.).

70–71. Балаковский район, с. Еланка, бассейн р. Большой Иргиз [Зайковский, 1908, с. 25]. Одно *изваяние* зафиксировано на окраине села, другое на кургане, на прилегающей к р. Волге степной полосе напротив г. Вольск. По списку Г.Н. Гарустовича – № 144–145 (40–41). Не сохранились. Датировка предположительна и относится в целом ко времени бытования половцев в Поволжье (вторая половина XI – начало XIII в.).

72. Балаковский район, х. Тупилкин (бывш. Тупиковские хутора), бассейн р. Большой Иргиз [Зайковский, 1908, с. 27, 28]. Изваяние найдено на кургане, позднее перенесено в низину близ с. Еланка, где использовалось как межевой знак на границе земель г. Вольска и с. Маянги. В 1950 г. И.В. Синициным доставлено в Вольский краеведческий музей [Синицин, 1952, с. 73]. Изваяние поясное, с проработанной головой, четырехгранным столбовидным торсом. Материал – сливной песчаник. В список Г.Н. Гарустовича – занесено дважды: № 143 (39) и № 146 (42), по каталогу С.А. Плетневой № 1258 (заметны черты лица, «шапочка», ухо, руки и сосуд в руках (?)). Хранится в Вольском краеведческом музее. Датировка: вторая половина XI – начало XIII в. (рис. 8,2).

73. Марксовский район, с. Зоркино (бывш. Цюрих или Эккерт), левый берег р. Волги [Зайковский, 1908, с. 28]. Согласно записи № 577 в книге поступлений музея СУАК, прежде это изваяние стояло на кургане в заволжской степи. Изваяние полнофигурное (позднее вероятно было расколото или вкопано в землю по пояс и возвышалось приблизительно на 1 м), с проработанной головой

и округлым торсом. Материал – темно-серый песчаник. По списку Г.Н. Гарустовича – № 116 (12), по каталогу С.А. Плетневой № 1259 (мужское, две гривны и грудь). Не сохранилось. Датировка: вторая половина XI – начало XIII в. (рис. 8, 1).

74. Пугачевский район, с. Березово, бассейн р. Большой Иргиз. Найдено в 1930 г. в фундаменте дома, утеряно в 1940-х гг. [Тайна каменной бабы, 2023]. Изваяние поясное, с проработанной головой и столбовидным торсом. Хранилось в Пугачевском краеведческом музее. Датировка: вторая половина XI – начало XIII века.

Первый условный хронологический горизонт этой природно-географической зоны можно условно разделить на грунтовые и курганные погребения. Курганный погребение у с. Бородаевка давно введено в научный оборот и фигурирует во множестве научных работ как один из реперных памятников для построения различных хронологических схем от постгунского до предсалтовского времени. По мнению Е.В. Круглова, оно относится к погребениям авиловского типа [Круглов, 1990, с. 46]. Погребения Шумейского грунтового могильника менее известны, хотя им были посвящены несколько публикаций саратовского археолога Р.В. Бабинцева, который первый предложил вариант их этнокультурной атрибуции. По его мнению, комплексы третьего и четвертого шумейского погребений также относятся к авиловскому типу памятников [Бабинцев, 2011а, с. 184]. На сегодняшний день для 11 авиловских памятников предлагается 10 характеризующих их признаков (6 основных и 4 факультативных) [Лифанов, 2020, с. 224–226], причем третье и четвертое шумейские погребения соответствуют только одному «безоговочному» признаку – северный сектор ориентировки, что, вероятно, недостаточно для расширения этой группы погребений еще на две единицы или требует дополнительного расширения перечня признаков авиловских памятников.

Первое и второе шумейские погребения Р.В. Бабинцев относит к зливкинскому типу памятников СМК, считая Саратовское Поволжье «транзитным регионом на пути движения раннеболгарских племен на территорию будущей Волжской Булгарии» [Бабинцев, 2011б,

с. 213–216]. На наш взгляд конкретное археолого-культурное определение этих комплексов затруднительно, поскольку среди погребального инвентаря нет артефактов с ярко выраженным этномаркирующим обликом, за исключением, может быть, серповидной пластины-лунницы из второго погребения, которая более характерна для заволжско-уральских памятников огузо-печенего-башкирского круга, чем для болгаро-хазарских украшений. В то же время неоднозначный характер конструкции могильной ямы, не исключая трактовок как подбой или катакомба, а также фиксация костей животных в виде «поминальной тризны» или «жертвенника» в комплексе с первым и вторым погребениями, вызывает прямые ассоциации с погребально-ритуальным комплексом у с. Рассказань в Прихопере, отнесенным нами к лесостепному аланскому варианту СМК.

Исследованные погребения Шумейского могильника, составляют две пары (первое-второе и третье-четвертое), отстоящие друг от друга как в хронологическом, так и в этнокультурном плане. Учитывая что в районе Шумейки в процессе строительства дачного массива происходили находки целых сосудов СМК, артефактов достаточно редких и не характерных для Саратовской области, можно предположить, что в этом районе был разрушен грунтовый могильник, а возможно, и сnivelированное курганный поле, оставленные как минимум двумя различными группами кочевников раннего средневековья.

Памятники второго условного горизонта представлены 12 курганными и 1 грунтовым погребением, а также 2 случайными находками, относящимися к огузо-печенежскому времени. Этнокультурная атрибуция грунтового погребения у Черной Падины хотя и неочевидна, но вполне возможно связана с влиянием мусульманской культурной традиции. Его датировка определяется по аббасидскому дирхему начала IX в., что не позволяет согласиться с отнесением его к категории памятников, охарактеризованных как «культурно неопределенные в рамках IX–XI вв.» [Круглов, 2003, с. 15]. Вероятно, также к категории раннемусульманских следует отнести безынвентарное с признаками кыблы погр. 8 кург. 4 Ровенского могильника, кото-

рое располагалось непосредственно под погр. 7 огузо-печенежского времени. Судя по наличию в обоих погребениях похожих следов кожаной подстилки, можно предположить их синхронность.

В целом же, на наш взгляд, хронологическое деление печенежских и огузских памятников Саратовского Заволжья не представляется возможным в силу состояния археологических источников, хотя эмпирически вполне логично выглядит схема Е.В. Круглова, предложившего датировать печенежские материалы IX в., а огузские X–XI вв. [Круглов, 1994, с. 38], тем более что разделение общего массива памятников на печенежские и огузские также возможно по этнографическим признакам обрядности и характерным предметам инвентаря. С большой долей вероятности к огузским погребениям можно отнести захоронения с амулетами, выполненные в ажурном стиле, близком к сrostкинской традиции металлопластики (птицевидные нашивки, копоушки) [Попов, 2012, с. 382–384, рис. 1]: Сухая Саратовка II, кург. 1, погр. 5; Мирное, кург. 1, погр. 1; Гришанкин. С меньшей долей вероятности к огузским относятся погребения с расположением захоронения коня исключительно над человеком (Новозахаркино I, кург. 8, погр. 3; Сухая Саратовка II, кург. 1, погр. 5), поскольку, во-первых, не всегда можно быть уверенным в изначальном положении «чучела» или «шкуры» коня, особенно при отсутствии его черепа (Алексашкино, кург. 4, погр. 2; Светлое озеро, кург. 6, погр. 6), во-вторых, в погребениях с костями коня, расположенными на одном уровне с погребенным, иногда находят огузские амулеты (Мирное, кург. 1, погр. 6). Еще один критерий, который трактуется как этнокультурный признак, это так называемый обряд обезвреживания (ООП) [Круглов, 2003, с. 58], напрямую связан со степенью сохранности погребения, и поэтому, на наш взгляд, он наиболее субъективен и наименее надежен для атрибуции огузских памятников. Опираясь на материалы курганных и грунтовых могильников, Е.В. Круглов определил район к югу от Саратовской области как ареал кочевий, где огузское присутствие вполне очевидно (Заволжье, Волго-Донье и Сарпинская низменность): Алешкин, Батаевка, Барун, Бахтияровка, Быково, Верх-

ний Балыклей, Верхнепогромное, Вертячий, Дюкер, Заканальный, Заплавное, Заяр, Зубовка, Калиновский, Кано, Кияляковка, Колобовка, Капитанский, Кривая Лука, Купцин Толга, Лапас, Ленинск, Маляевка, Никольское, Первомайск, Саркел, Старица, Степана Разина, Шульц, Цаган-Усн, Эвдык, Эльтон, Яшкуль [Круглов, 2001, с. 429].

По мнению Г.Н. Гарустовича и В.А. Иванова, печенежские захоронения, в отличие от огузских, характеризуются: расположением шкуры коня на дне могилы, слева от человека (Алексашкино, кург. 4, погр. 2; Светлое озеро, кург. 2, погр. 1, кург. 6, погр. 6; Мирное I, кург. 7, погр. 1; Ровное, кург. 4, погр. 7), в могилах часто встречаются кости барана, а среди погребального инвентаря – удила без перегиба, прорезные бубенчики, лепная посуда и пряжки особой формы [Гарустович, Иванов, 2001, с. 94]. Район распространения печенежских памятников дисперсно и чересполосно с огузскими прослеживается к северо-востоку от Саратовского Заволжья в Самарской области (Волчанка, Воскресенка, Гвардейский, Красный Октябрь, Кировский, Покровский, Утевский), к востоку – в Оренбургской области (Алебастрова гора, Колычевский, Мертецовский, Пчельник, Тамар-Уткуль, Ханская Могила, Яман) [Иванов, 2000, с. 275, 285, табл. 1], к юго-востоку – в Западно-Казахстанской области (Карасу, Кара Оба, Кос Оба, Мамай, Сары Айдин, Рубежка) [Бисембаев, 2003, с. 119].

Таким образом, Г.Н. Гарустович и В.А. Иванов выделяли в Заволжье в IX–XI вв. две группы памятников: огузскую, расположенную от Прикаспийской низменности до широты курганного могильника Быково в Волгоградской области, и печенежскую (печенего-башкирский этнополитический союз), расположенную севернее, в том числе и на территории Саратовской области. При этом отмечалось, что «соседствовавшие в урало-волжских степях огузы и печенеги не смешивались между собой и составляли две самостоятельные этнокультурные кочевые группы, памятники которых четко различаются между собой по их морфологическим показателям» [Гарустович, Иванов, 2001, с. 99, 102]. В то же время Е.В. Круглов по-иному оценил расклад сил в заволжских степях после рас-

пада Хазарского каганата и пришел к выводу, что со второй половины IX – по середину XI в. «огузы являлись основной доминирующей и определяющей военно-политической силой», а печенеги в это время уже вошли в состав их племенной конфедерации и постепенно ассимилировались ими [Круглов, 2001, с. 423].

Памятники третьего условного горизонта представлены 13 изваяниями и 3 погребениями, 2 из которых были разрушены. В разрушенных погребениях (Квасниковка, Смеловка) были найдены предметы конской упряжи и вооружения, позволяющие по ряду предметов датировать их половецким временем (сфероконический шлем типа ПА по А.Н. Кирпичникову, стремяна типа ГIV – ГV по Г.А. Федорову-Давыдову), что не исключает возможности их бытования и в более поздний период [Коровкин, 2011]. В единственном неповрежденном погребении (Покровск, кург. 11) неплохо сохранились костяные колчаные (путевые?) петли со сглаженными от использования отверстиями, близкие по конструкции петлям из половецких или кимакских погребений Волгоградского Заволжья (Бережновка I, кург. 4, погр. 4 [Синицин, 1959, с. 64, 67, рис. 16,3], Калиновский, кург. 54, погр. 1 [Шилов, 1959, с. 385, рис. 26, с. 517, рис. 71,15]). Аналогичные изделия известны в материалах Саркела – Белой Вежи, которые датируются второй половиной XI – началом XII в. [Флорова, 2001, с. 49–50, рис. 12]. Все три погребения расположены на расстоянии 10 километров в узкой береговой полосе Волги. Район распространения заволжских половецких изваяний заходит несколько далее на восток, вглубь в заволжской степи, и тяготеет к руслам левых притоков Волги – Тарлыка (Воскресенка), Бол. Карамана (Старицкое, Пушкино) и Бол. Иргиза (Зоркино, Еланка, Тупилкин, Березово). К северу от иргизских культовых скульптур известны половецкие изваяния в Богатовском и Большеглушицком районах Самарской области [Гарустович и др., 1998, с. 226, 227], которые, вероятно, имеют прямое отношение к трем кочевническим погребениям Самарского Заволжья XI – начала XIII в.: Александровка на Вязовке (со стремянами типа ГIV) [Васильева, 1979, с. 216–217; Гарустович, Иванов, 2014, с. 106, 271, рис. 26,1, 2,3], Белозерское (с целой тушей лошади, уди-

лами без перегиба типа VI, рогатым срезным типа BVIII, сегментовидной пряжкой типа АII) [Сташенков, 2000] и Ново-Троевка (с лазуритовыми подвесками-амулетами и золотыми серьгами с дутыми биконическими подвесками) [Васильева, 2000, с. 283–284, 292, табл. 5,5–13]. Вероятно, к этой же группе памятников половецко-кипчакского времени, относятся и изваяния с правого берега р. Волги, на территории Ульяновской области (Шаховское), а также из Хвалынского (Старая Яблонка), Вольского (Калмантай, Шиханы, Мордовские Ключи), Базарно-Карабулакского (Лесная Нееловка), Воскресенского (Елшанка) районов Саратовской области, речь о которых шла выше. Таким образом, на наш взгляд, в лесостепных и степных районах Поволжья прослеживаются следы какого-то половецко-кипчакского объединения, которое, судя по присутствию на его территории изваяний, существовало определенный промежуток времени и имело достаточно устойчивые границы.

Возможно, это объединение можно идентифицировать, поскольку в свое время Я.В. Филиппчук выдвигал гипотезу, что на территории Саратовской и Самарской области находились земли племени кипчаков, кочевавших у границ Волжской Булгарии и известных по сообщениям различных арабских хронистов как «джортан – шортан – чертан» [Иванов и др., 2014, с. 265–266]. Б.Е. Кумекон, проведя анализ происхождения 11 племен западной части Дешт-и-Кыпчак, предположил культовую семантику этнонима джортан, переведя его как «щука» [Кумекон, 2006, с. 481]. По оценке В.А. Иванова, во второй половине XI – начале XIII в. кочевое население Заволжья и Приуралья составляли племена кимаков, куманов-сары и кипчаков [Иванов, 2006, с. 503]. По мнению Е.В. Круглова, в XI–XII вв. на территории Северного Прикаспия выделяется группа погребений с характерным набором инвентаря (удила без перегиба, стремяна с треугольной верхней частью дужки и лопастями, костяные и роговые фигурные колчаные петли, фронтальные накладки лука и рукояти плетей, лазуритовые подвески, серьги с напускными шипастыми бусинами), которая связана с появлением «кочевников кимакского, а не половецко-кипчакского происхождения»: Александровка на Вязовке; Архара, кург. 12, погр. 2; Бережновка I,

кург. 4, погр. 4; Верхнерубежный I, кург. 10, погр. 1; Дорофеевский, кург. 1, погр. 5; Зензели; Гусевка; Калиновский, кург. 26, погр. 1, 2, кург. 54, погр. 1; Карасу I, кург. 10; Красная деревня, кург. 1, погр. 1; Купцын Толга, кург. 46, погр. 2; Ложки; Лола II, кург. 8, погр. 3, кург. 11, погр. 1; Ольховатка; Первомайский VIII, кург. 61, погр. 1; Три брата I, кург. 11, погр. 6; Челкар III, кург. 12 [Круглов, 2003, с. 19].

Часть указанных погребений (Александровка, Бережновский и Калиновский могильники) в совокупности с упомянутыми саратовскими, самарскими и ульяновскими памятниками, расположенными в береговой зоне Волги, вполне могла относиться к отдельной группировке так называемых поволжских половцев, одной из восьми союзов племен, зафиксированных С.А. Плетневой по материалам картографирования половецких изваяний. Еще одна половецкая группировка находилась в междуречье Дона и Волги. Волга была восточным рубежом Половецкой земли. Каменные статуи (а значит и основные места кочевков этой группы) встречаются в бассейне Дона – на Хопре и Медведице, однако были они и на Волге, и даже в Заволжье. Судя по тому, что статуй здесь сравнительно с западными районами немного, населенность этой территории в XI–XII вв. была незначительной... Тем не менее половцы на Волге, вернее в междуречье Волги и Дона, все же кочевали. Г.А. Федоров-Давыдов считает возможным называть это объединение “Саксин”» [Плетнева, 1974, с. 23].

Если принимать положение С.А. Плетневой о существовании отдельной «поволжской» группировки половцев, локализованной по ареалу распространения статуй, то, на наш взгляд, нет достаточных оснований относить к нему также изваяния верховьев Дона (хоперские и медведицкие). Письменные источники допускают существование в Волго-Донском междуречье как минимум двух половецких орд – Ельтукове и Емякове. Вывод С.А. Плетневой о «более позднем происхождении поволжских статуй, сравнительно с центральнополовецкими» [Плетнева, 1974, с. 65], на наш взгляд, не очевиден, поскольку даже небольшая выборка изваяний с территории Саратовской области крайне неоднородна. Например, старицкое изваяние вполне определенно

но обладает стилизованными признаками изображения девичьей груди и заостренного контура лица скульптур Южной Сибири, Восточного и Центрального Казахстана, откуда изначально происходили миграции кыпчаков в западном направлении.

С.А. Плетнева объясняла стилизованно-упрощенный характер круглых стеловидных статуй VII типа без проработки рук, ног и сосуда «периферийностью» скульптурной поволжской школы, которая не имела переходных типов и возникла в таком виде в конце XII – начале XIII в. [Плетнева, 1974, с. 63–65]. Периферийность поволжской школы относительно традиций изготовления скульптур Подонцовья и Приазовья не выглядит чужеродной для изобразительных приемов изваяний Приуралья и Казахстана, где и в половецко-кыпчакское время господствуют иконографические образы стеловидных композиций, близкие ранним азиатским прототипам. Простое наблюдение показывает, что среди описанных исследователями саратовских изваяний есть поясные и полноростовые фигуры, с округлым и четырехгранным торсом, с проработкой рук и сосуда, с различной техникой проработки контуров лица, груди и формой головных уборов. По описаниям в публикациях П.В. Алабина [Алабин, 1884, с. 3] и Б.В. Зайковского [Зайковский, 1908, с. 24] среди массива саратовских «каменных баб» существовали не сохранившиеся полнофигурные экземпляры с признаками развитой половецкой скульптуры XII в., имевшие детальную проработку рук и ног (Малиновка, Воскресенка). Подтверждением их сообщений могут быть последние находки в Аткарском районе Саратовской области (Большой Мар), а также изваяния из соседней Волгоградской области (ст. Нагавская и Сарепта на южной окраине г. Волгоград из фондов Саратовского областного музея краеведения: СМК 57976 / АРХ 25901).

Приведенные в работе данные о 36 каменных изваяниях с территории Саратовской области позволяют выделить эмпирическим путем среди наиболее хорошо сохранившихся и документированных экземпляров по крайней мере две стилистические группы. Первая, предположительно, более ранняя группа, включает скульптуры, тяготеющие к иконографии ранних тюркских поясных изваяний,

выполненные в технике плоского барельефа на каменных плитах, выделяющиеся островерхими головными уборами и симметрично заостренными подбородками личин (рис. 9, 1–3, 5). Вторая группа – полнофигурные изваяния с четким разделением на зоны проработки четырехгранного столбовидного торса и округлой головы в шлеме или головном уборе типа тибетейки (рис. 7, 1–6, 8, 4, 5). Характерно, что изваяния обеих групп зачастую не имеют такой определяющей «половецкой» черты, как изображение сосуда в обеих руках, опущенных к животу статуи.

Г.А. Федоров-Давыдов, а вслед за ним и С.А. Плетнева, полагали, что поволжских половцев или нижневолжских кипчаков можно называть саксинами [Федоров-Давыдов, 1966, с. 149–150; 1969, с. 253–261; Плетнева, 1990, с. 116–117; 2003, с. 157]. Сейчас эту точку зрения разделяют не все археологи-медиевисты. Так, Д.В. Васильев и Я.В. Пилипчук принципиально различают половцев и саксинов, относя последних к смешанной группе средневекового населения Нижнего Поволжья, состоящей из различных этнических подразделений потомков полукочевых огузов и оседлых хазар, булгар, сувар [Васильев, 2012, с. 13–20; Пилипчук, 2013, с. 152–157]. Одним из важных компонентов этноса саксин, проживающего в дельте Волги и Волго-Ахтубинской пойме, по их мнению, было мусульманское купечество, контролирующее речной путь, соединяющий богатые сельскохозяйственные и торгово-ремесленные районы Поволжья – область Саксин и Волжскую Булгарию. Если принимать эту точку зрения, то представляется, что безопасный транзит товаров по Волге был невозможен без лояльности половцев, занимавших степи между Средним и Нижним Поволжьем. «Саксин – это город, больше его нет города в Туркестане... Жителей его беспокоят племена кыпчаков и йемеков. В этой области нет реки, кроме Атила. Его (Саксина) обитатели живут в шатрах, все население этого города – мусульмане, как я слышал от некоторых купцов», – писал о состоянии волжского торгового пути в XII в. Наджип Хамадани [Агаджанов, 1969, с. 162]. Таким образом, можно допустить, что аристократическая верхушка поволжских половцев не только периодически «беспокоила» набегами бога-

тых соседей, но и извлекала постоянный доход от сопровождения по своей территории их торговых караванов, а также поставляла рабов на невольничьи рынки мусульманских стран. В 1229 г., в связи с известными событиями, поволжские половцы и саксины спешно покидают Нижнее Поволжье, о чем и сообщают русские летописи: «...того ле Саксини и Половци възбегоша из низу к Болгаро перед Татары и сторожеве Болгарьскийи прибегоша бьени от Татарь близь реки, еиже имя Яикъ...» [Полное собрание..., 1927, стб. 453].

На территории Саратовского Поволжья и Заволжья на фоне изменчивых климатических условий раннего средневековья, когда на протяжении нескольких веков происходило дискретное увлажнение степи, прерывавшееся засушливыми периодами и достигшее своего пика только к XIII в., наблюдается очень низкая плотность населения. В домонгольский период, несмотря на скудность археологических материалов, все же прослеживается определенная динамика роста населения. В хазарское время памятники кочевников локализируются почти исключительно в долинах крупных рек; в огузо-печенежское – распространяются в полынно-типчаково-ковыльные степи Заволжья; в половецкое – расширяются до лесостепных районов Среднего Поволжья. Предложенная в работе сводка известных погребений, изваяний и находок дает представление о периодизации и распространении 74 памятников средневековых кочевников домонгольского времени, которые делятся на три условных хронологических горизонта и имеют определенные районы локализации.

Первый горизонт (VIII–IX вв.) представлен 16 памятниками (21,6%), приуроченными к речным долинам Волги и Хопра (рис. 10, 1). Их культурно-археологическая атрибуция позволяет проследить признаки присутствия в этих ландшафтных районах угорского, аланского, болгарского и хазарского компонентов СМК. Основной ареал достоверно определяемых захоронений этого круга памятников расположен в смежных регионах, поэтому наличие прослеживается их неочевидный характер, отражающий смешанную структуру кочевого населения региона.

Второй горизонт (IX–XI вв.), состоящий из 16 памятников (21,6%), абсолютно преоб-

ладает в засушливых степях Заволжья, на северо-восточной окраине Хазарского каганата, где кочевали племена огузов и печенегов (рис. 10,II). Аморфность границ их владений и чересполосное расположение со временем привели к слиянию этнически близких кочевых племен в единый конгломерат. Постепенный переход к полукочевому хозяйству в XI в. определил их оседание на землю в районе зимних пастбищ, расположенных в сухих степях и полупустынях Нижней Волги.

Третий горизонт (вторая половина XI – начало XIII в.) хотя и имеет наибольшую долю – 42 памятника (56,8 %), представлен в основном половецким изваяниями, исследованными в лесостепной и степной зонах (рис. 10,III). Картографирование этих находок

позволяет предположить, что в этом районе прослеживаются следы половецких святилищ, с каменными изваяниями, принадлежащими двум половецким ордам. Первое объединение, расположенное в бассейнах Хопра и Медведицы, сопоставимо с ордой половцев Елтукове. Второе, кочующее по берегам Волги и контролирующее важный отрезок волжского торгового пути, известно как кипчаки рода джужан или орда половцев Емякове.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Авторы благодарят за помощь в сборе материалов для статьи К.Ю. Моржерина, Н.М. Малова, П.Е. Тугушева, А.В. Волкова.

ПРИЛОЖЕНИЯ

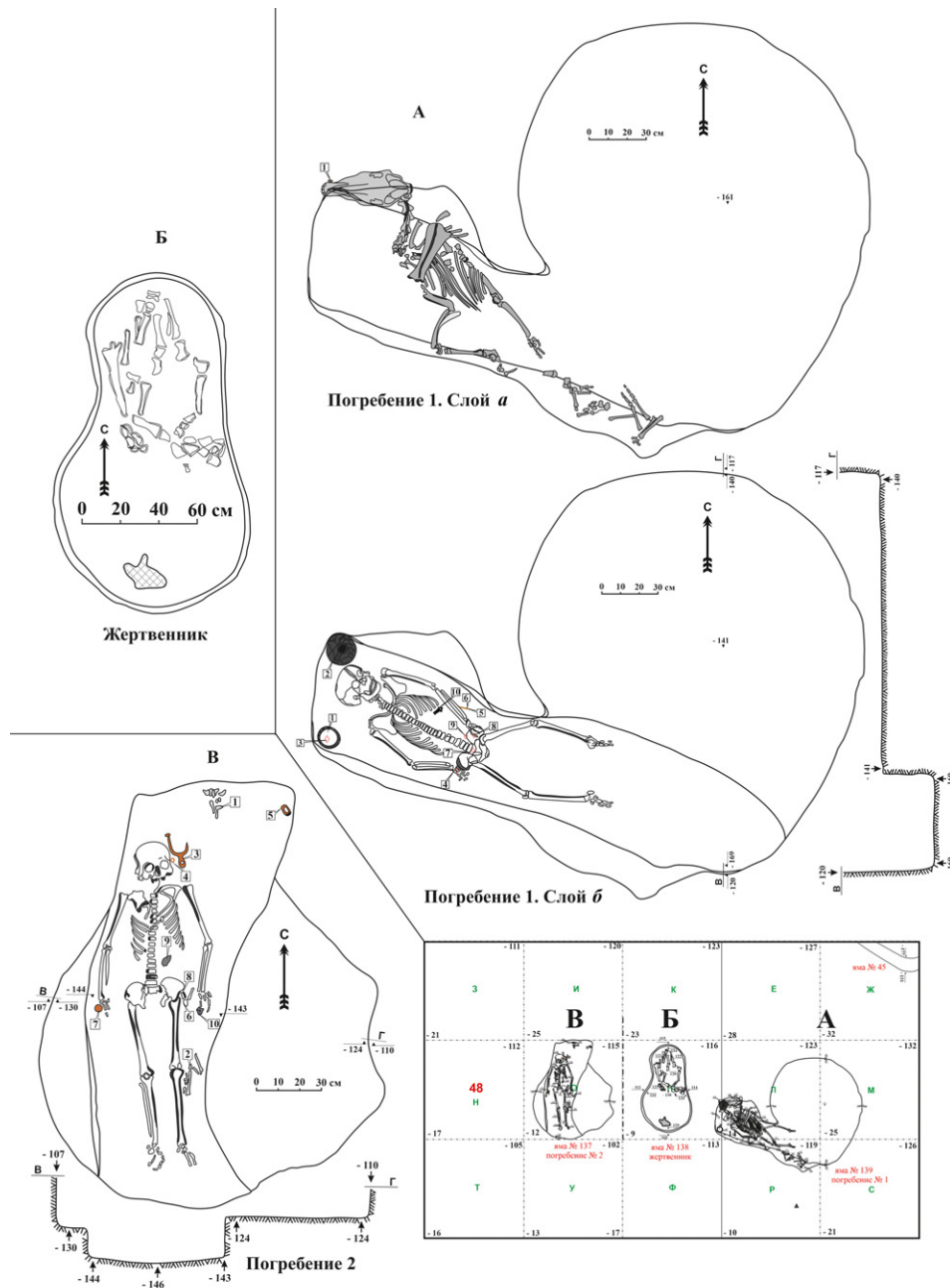

Рис. 1. Грунтовый могильник на поселении «Шумейка». Планы погребений 1, 2 и жертвенника (чертежи В.А. Волкова, А.Б. Малышева, П.Е. Тугушева):

А. Погребение 1. Слой 1: 1 – удила; А. Погребение 1. Слой 2: 1 – лепной сосуд; 2 – гончарный сосуд; 3 – кистень; 4 – нож; 5 – наконечник копья; 6 – пронизь; 7 – поясная пряжка; 8 – кресало; 9 – кресальный камень; 10 – подвеска (чумбурный блок). Б. Жертвенник. В. Погребение 2: 1 – кости животных; 2 – рукоятка; 3 – стремя; 4 – кольца от удил; 5 – подпружные пряжки; 6 – портупейные кольца; 7 – кистень; 8 – две бронзовые пластины; 9 – кресальный камень; 10 – гончарный сосуд (фрагмент)

Fig. 1. Soil cemetery at the settlement “Shumeyka”. Plans of the burials 1, 2 and the altar (drawings by V.A. Volkov, A.B. Malyshev, P.E. Tugushev):

А. Burial 1. Layer 1: 1 – bit; А. Burial 1. Layer 2: 1 – molded vessel; 2 – pottery vessel; 3 – flail; 4 – knife; 5 – spear tip; 6 – piercing; 7 – belt buckle; 8 – kresalo; 9 – kresal stone; 10 – pendant (chumburny block). Б. Altar. В. Burial 2: 1 – animal bones; 2 – handle; 3 – stirrup; 4 – bit rings; 5 – spring buckles; 6 – belt rings; 7 – flail; 8 – two bronze plates; 9 – kresalny stone; 10 – pottery vessel (fragment)

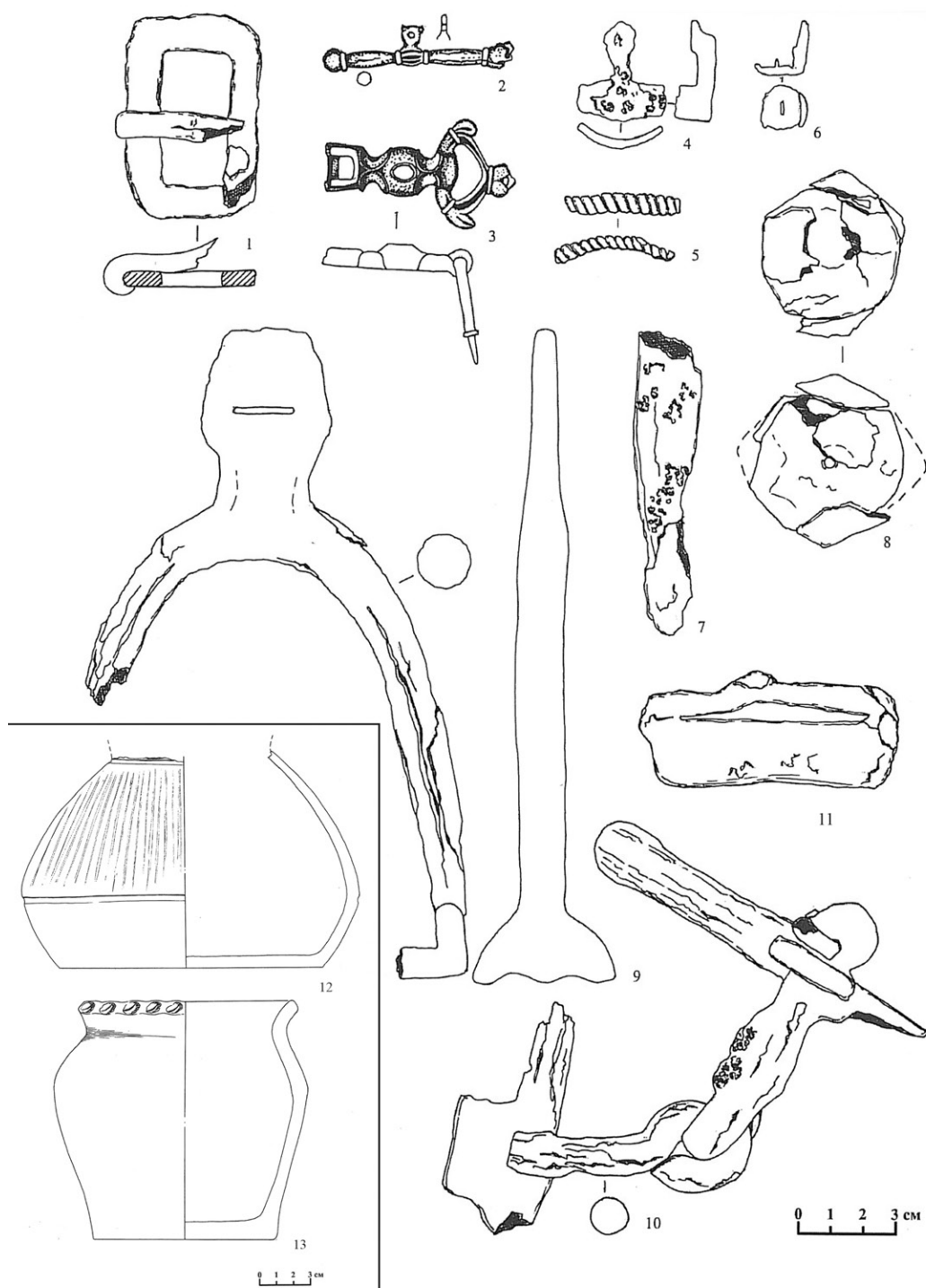

Рис. 2. Грунтовый могильник на поселении «Шумейка». Инвентарь погребения 1 (рисунки В.А. Волкова, А.Б. Малышева, П.Е. Тугушева, О.В. Сергеевой):

1 – поясная пряжка; 2 – застежка; 3 – подвеска (чумбурный блок); 4 – фибула; 5 – пронизь; 6 – обкладка; 7 – наконечник копья; 8 – кистень; 9 – стремя; 10 – удила; 11 – кресало; 12 – гончарный сосуд; 13 – лепной сосуд.
1, 4, 6–11 – железо; 2, 3, 5 – бронза; 12, 13 – керамика

Fig. 2. Soil cemetery at the settlement “Shumeyka”. Burial inventory 1 (drawings by V.A. Volkov, A.B. Malyshev, P.E. Tugushev, O.V. Sergeeva):

1 – belt buckle; 2 – clasp; 3 – pendant (chumbourg block); 4 – fibula; 5 – piercing; 6 – lining; 7 – spear tip; 8 – flail; 9 – stirrup; 10 – bit; 11 – kresalo; 12 – pottery vessel; 13 – molded vessel.
1, 4, 6–11 – iron; 2, 3, 5 – bronze; 12, 13 – ceramics

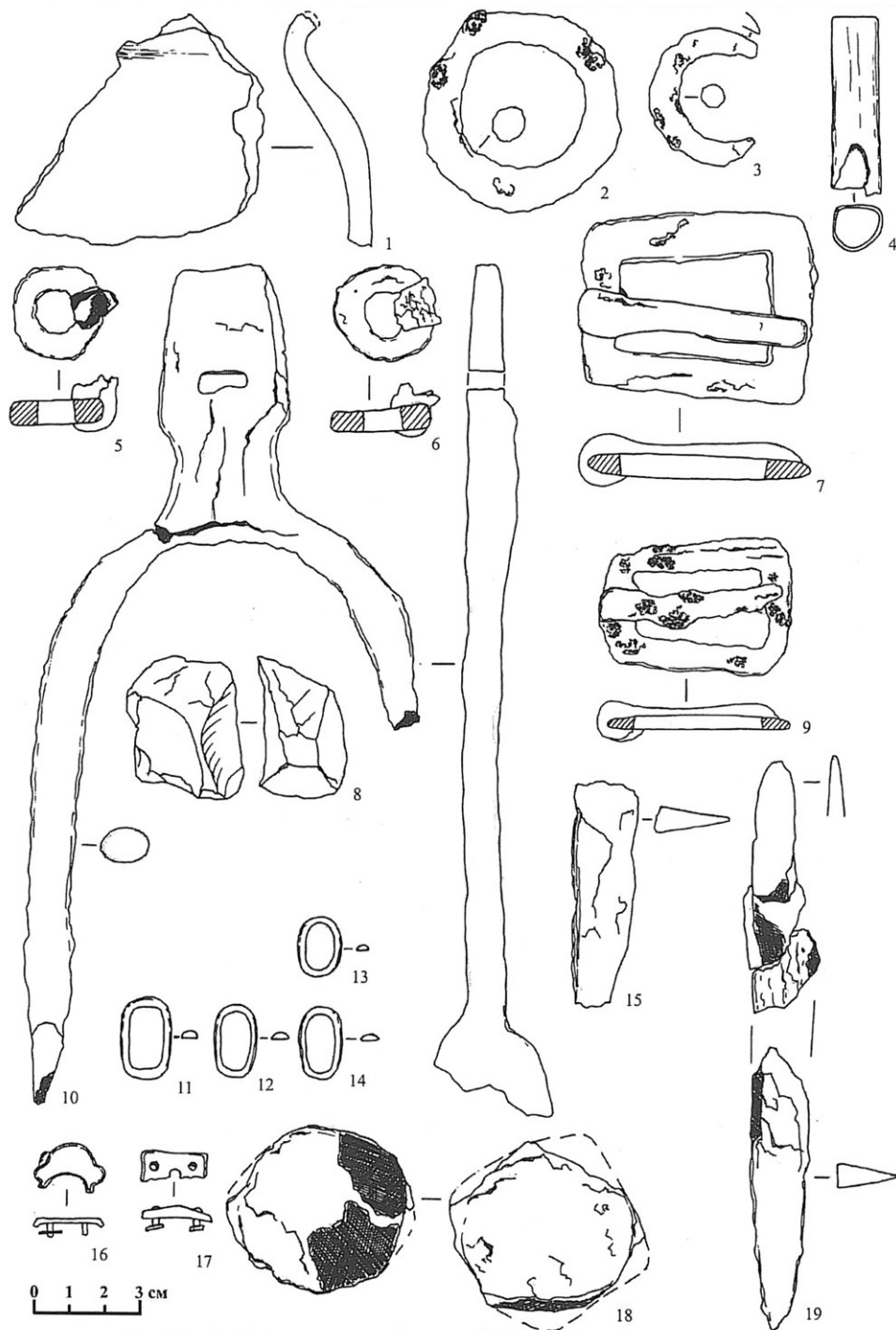

Рис. 3. Грунтовый могильник на поселении «Шумейка». Инвентарь погребения 2 (рисунки В.А. Волкова, А.Б. Малышева, П.Е. Тугушева, О.В. Сергеевой):

1 – гончарный сосуд (фрагмент); 2–3 – кольца от удил; 4 – рукоятка; 5–6 – португейные кольца; 7 – подпружная пряжка; 8 – кресальный камень; 9 – подпружная пряжка; 10 – стремя; 11–14 – обоймы; 15 – лезвие; 16–17 – бронзовые пластины; 18 – кистень; 19 – нож.
1 – керамика; 2, 3, 5–7, 9, 10, 15, 18, 19 – железо; 11–14, 16, 17 – бронза; 4 – кость; 8 – камень

Fig. 3. Soil cemetery at the settlement “Shumeyka”. Burial Inventory 2 (drawings by V.A. Volkov, A.B. Malyshev, P.E. Tugushev, O.V. Sergeeva):

1 – pottery vessel (fragment); 2–3 – bit rings; 4 – handle; 5–6 – belt rings; 7 – spring buckle; 8 – chair stone; 9 – spring buckle; 10 – stirrup; 11–14 – clips; 15 – blade; 16–17 – bronze plates; 18 – flail; 19 – knife.
1 – ceramic; 2, 3, 5–7, 9, 10, 15, 18, 19 – iron; 11–14, 16, 17 – bronze; 4 – bone; 8 – stone

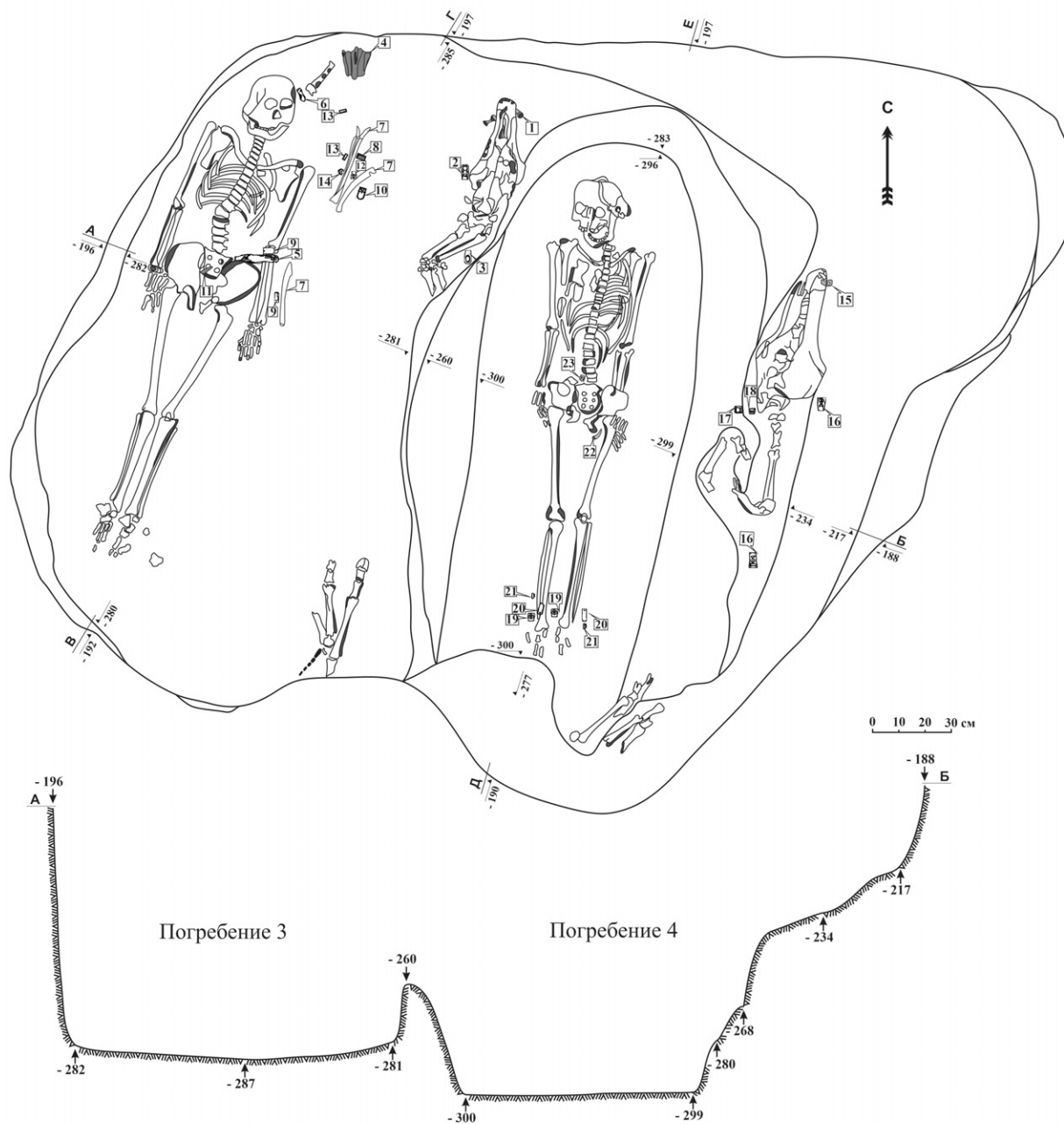

Рис. 4. Грунтовый могильник на поселении «Шумейка». Планы погребений 3 и 4 (чертежи В.А. Волкова, А.Б. Малышева, П.Е. Тугушева):

1 – удила; 2 – подпружная пряжка; 3 – затыльник плети; 4 – наконечники стрел; 5, 6 – ножи; 7 – накладки лука; 8 – ременная накладка; 9 – ременная обойма; 10 – геральдическая накладка; 11 – пинцет; 12 – пряжка; 13 – две обоймы; 14 – фиксатор-наконечник ремня; 15 – удила; 16 – две подпружные пряжки; 17 – кольцо; 18 – пряжка без язычка; 19 – пряжка со щитком; 20–21 – ременные обоймы; 22 – застежка (клык); 23 – две пряжки

Fig. 4. Soil cemetery at the settlement “Shumeyka”. Burial plans 3 and 4 (drawings by V.A. Volkov, A.B. Malyshev, P.E. Tugushev):

1 – bit; 2 – spring buckle; 3 – back of the whip; 4 – arrowheads; 5, 6 – knives; 7 – bow linings; 8 – belt clip; 9 – belt clip; 10 – heraldic pad; 11 – tweezers; 12 – buckle; 13 – two clips; 14 – retainer-belt tip; 15 – bits; 16 – two spring buckles; 17 – ring; 18 – buckle without tongue; 19 – buckle with flap; 20–21 – belt clips; 22 – clasp (fang); 23 – two buckles

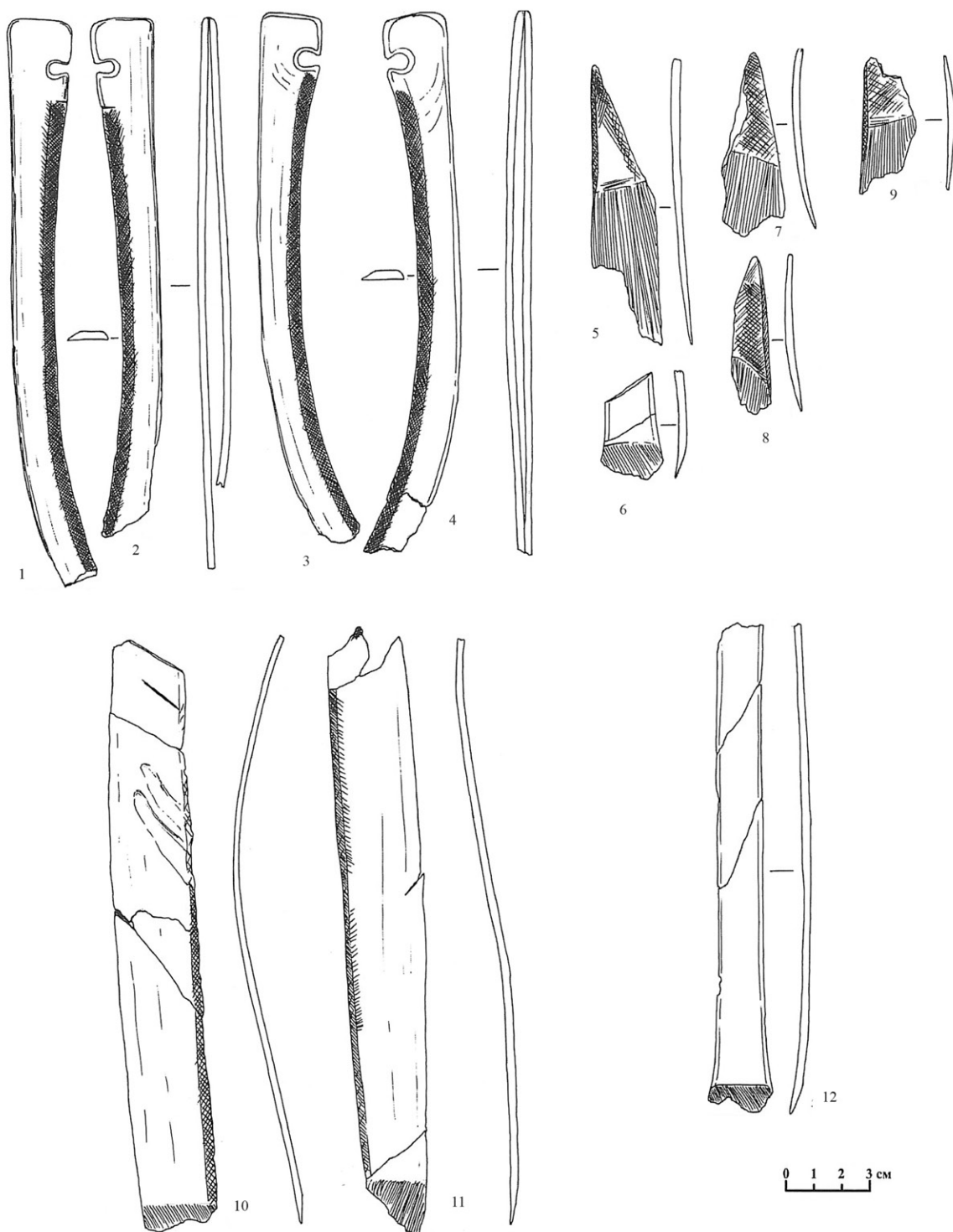

Рис. 5. Грунтовый могильник на поселении «Шумейка». Роговые накладки на лук из погребения 3
(рисунки В.А. Волкова, А.Б. Малышева, П.Е. Тугусева, О.В. Сергеевой)

Fig. 5. Soil cemetery at the settlement "Shumeyka". Horn pads on the bow from burial 3
(drawings by V.A. Volkov, A.B. Malyshev, P.E. Tugushev, O.V. Sergeeva)

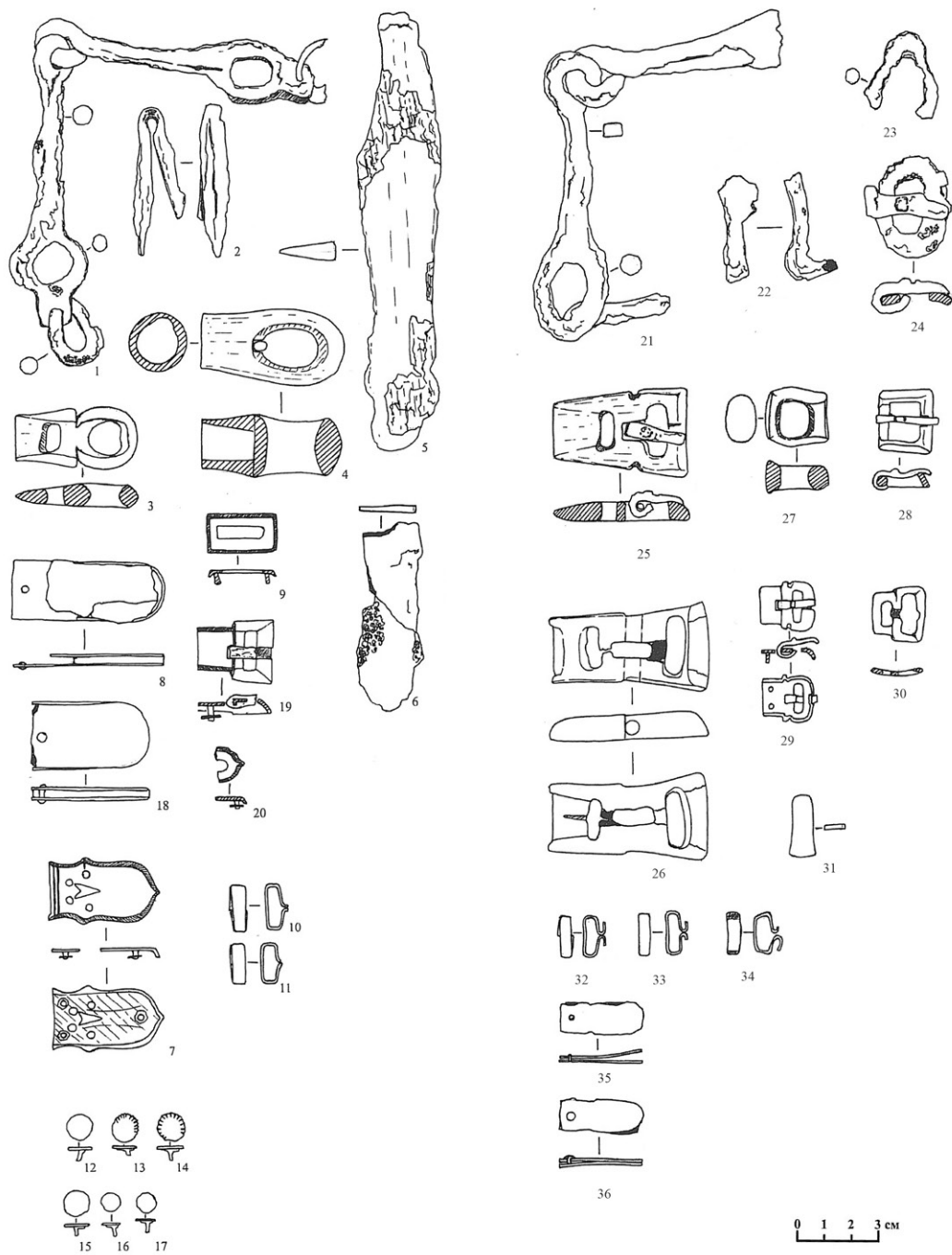

Рис. 6. Грунтовый могильник на поселении «Шумейка». Инвентарь погребений 3 и 4 (рисунки В.А. Волкова, А.Б. Малышева, П.Е. Тугушева, О.В. Сергеевой):

1 – удила; 2 – пинцет; 3 – подпружная пряжка; 4 – затыльник плети; 5, 6 – ножи; 7 – геральдическая накладка; 8 – обойма от ремня; 9 – ременная накладка; 10–11 – ременные обоймы; 12–17 – ременные накладки; 18 – обойма от ремня; 19 – пряжка; 20 – фиксатор-наконечник ремня; 21 – удила; 22–24 – две пряжки; 25, 26 – подпружные пряжки; 27 – кольцо; 28 – пряжка без щитка; 29 – пряжка со щитком; 30 – пряжка без язычка; 31 – пластина; 32–36 – ременные обоймы. 1, 2, 5, 6, 21–24 – железо; 3, 4, 25–27 – кость; 7–20, 28–36 – бронза

Fig. 6. Soil cemetery at the settlement “Shumeyka”. Inventory of burials 3 and 4 (drawings by V.A. Volkov, A.B. Malyshev, P.E. Tugushev, O.V. Sergeeva):

1 – bit; 2 – tweezers; 3 – spring buckle; 4 – back of the whip; 5, 6 – knives; 7 – heraldic pad; 8 – belt clip; 9 – belt pad; 10–11 – belt clips; 12–17 – belt pads; 18 – belt clip; 19 – buckle; 20 – retainer-belt tip; 21 – bits; 22–24 – two buckles; 25, 26 – spring buckles; 27 – ring; 28 – buckle without flap; 29 – buckle with flap; 30 – buckle without tongue; 31 – plate; 32–36 – belt clips. 1, 2, 5, 6, 21–24 – iron; 3, 4, 25–27 – bone; 7–20, 28–36 – bronze

Рис. 7. Половецкие изваяния Саратовской области (схема А.И. Ракушина):

1 – Советский район, пгт. Пушкино, № 65; 2 – Ульяновская область, с. Шаховское;
 3 – Советский район, пгт. Пушкино, № 64; 4 – Балашовский район, г. Балашов, № 9;
 5 – Саратовский район, г. Саратов, № 36; 6 – Аркадакский район, с. Чиганак, № 11

Fig. 7. Polovtsian sculptures from the Saratov region (scheme by A.I. Rakushin):

1 – Sovetskiy district, Pushkino, No. 65; 2 – Ul'yanovsk Region, Shaxovskoe;
 3 – Sovetskiy District, Pushkino, No. 64; 4 – Balashovskiy District, Balashov, No. 9;
 5 – Saratovskiy District, Saratov, No. 36; 6 – Arkadakskiy District, Chiganak, No. 11

Рис. 8. Половецкие изваяния Саратовской области (схема А.И. Ракушина):

- 1 – Марковский район, с. Зоркино, № 73; 2 – Балаковский район, х. Тупилкин, № 72;
 3 – Воскресенский район, с. Елшанка, № 26; 4 – Саратовский район, г. Саратов, № 35;
 5 – Балашовский район, г. Балашов, № 10; 6 – Вольский район, п. Шиханы, № 27

Fig. 8. Polovtsian sculptures from the Saratov region (scheme by A.I. Rakushin):

- 1 – Marksovskiy District, Zorkino, No. 73; 2 – Balakovskiy District, Tupilkin, No. 72;
 3 – Voskresenskiy District, Elshanka, No. 26; 4 – Saratov District, Saratov, No. 35;
 5 – Balashovskiy District, Balashov, No. 10; 6 – Vol'skiy District, Shikhany, No. 27

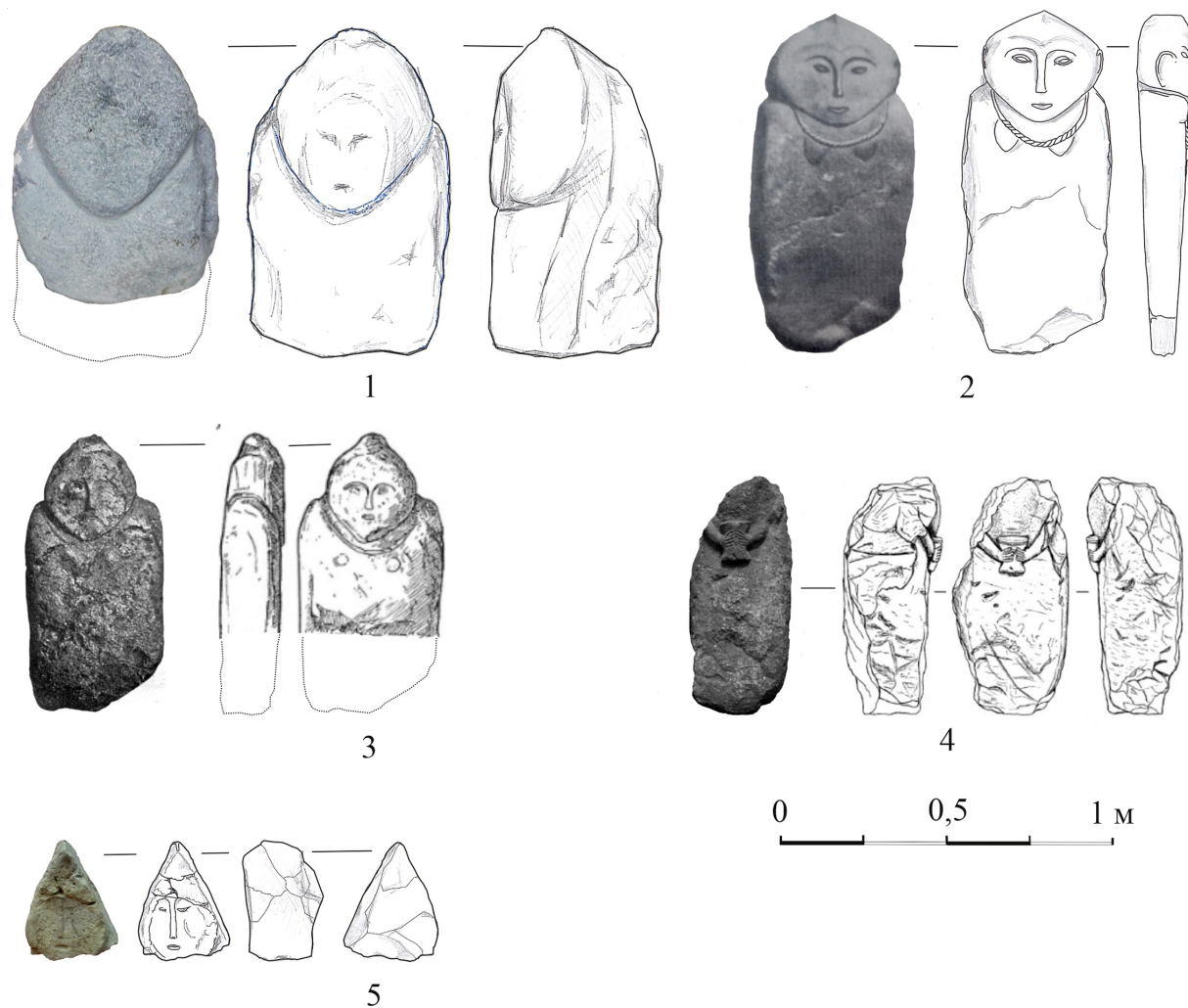

Рис. 9. Половецкие изваяния Саратовской области (схема А.И. Ракушина):

- 1 – Аркадакский район, с. Красный Полуостров, № 12; 2 – Ртищевский район, п. Таптулино, № 16;
 3 – Энгельсский район, с. Старицкое, № 63; 4 – Аткарский район, Большой Мар, № 18;
 5 – Аркадакский район, с. Крутец, № 13

Fig. 9. Polovtsian sculptures from the Saratov region (scheme by A.I. Rakushin):

- 1 – Arkadaskiy District, Krasnyy Poluostrov, No. 12; 2 – Rtischevskiy District, Taptulino, No. 16;
 3 – Engels District, Staritskoye, No. 63; 4 – Atkarskiy District, Bolshoy Mar, No. 18;
 5 – Arkadaskiy District, Krutets, No. 13

Рис. 10. Памятники средневековых кочевников домонгольского времени на территории Саратовской области (схема А.И. Ракушина)

Fig. 10. Medieval nomadic monuments from the Saratov region in the pre-Mongolian time (scheme by A.I. Rakushin)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агаджанов С. Г., 1969. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад : Ылым. 295 с.
- Алабин П. В., 1884. Нам известные остатки древности в Самарском крае // Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т. 1. Казань : Тип. Императ. ун-та. С. 1–7.
- Амброз А. К., 1971. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы. Ч. II // Советская Археология. № 3. С. 106–134.
- Амброз А. К., 1981. Восточноевропейские и азиатские степи V– первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. : Наука. С. 10–28.
- Андреев С. И., 2002. Половецкие каменные изваяния Тамбовщины // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж : Науч. кн. С. 193–198.
- Атавин А. Г., 1984. Некоторые особенности захоронения чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. // Советская Археология. № 1. С. 134–143.
- Ахинжанов С. М., 1976. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата : Наука. С. 81–93.
- Бабинцев Р. В., 2011а. К вопросу об этнокультурной ситуации на территории Саратовской области в хазарское время (в свете последних данных) // Народы Саратовского Поволжья : материалы рег. науч.-практ. конф. Труды Саратовского областного музея краеведения. Вып. 12. Саратов : СОМК. С. 177–187.
- Бабинцев Р. В., 2011б. Погребения зливкинского типа на территории Саратовского Поволжья // XLIII международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Оренбург, 1–3 февраля 2011 г. : материалы и тез. докл. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 213–216.
- Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э., 1998. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара : Полдень. XXII век. 286 с.
- Березин Я. Б., Нарожный Е. И., 2022. Новое «захоронение» половецкого каменного изваяния на Ставрополье (вторая пол. XIII–XIV вв.) // Золотоордынское обозрение. Т. 10, № 1. С. 32–46.
- Бисембаев А. А., 2003. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.). Уральск : Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии. 235 с.
- Богачев А. В., 1992. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). Самара : Артефакт. 208 с.
- Боталов С., Костюков В., 1993. Кыпчакские погребения на XI–XII вв. на Южном Урале // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара : Артефакт. С. 42–49.
- Васильев Д. В., 2012. Где находились город и область Саксин? (постановка проблемы) // Каспийский регион : политика, экономика, культура. № 4 (33). С. 13–20.
- Васильев Д. В., 2015. Город и область Саксин в свете новых данных археологии // Поволжская археология. № 2 (12). С. 189–267.
- Васильева И. Н., 1979. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Науч. тр. Куйбышевского гос. пед. ин-та им. В.В. Куйбышева. Т. 230. Куйбышев : КГПИ. С. 202–240.
- Васильева И. Н., 2000. Кипчаки (половцы) в Самарском Заволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М. : Изд-во СНЦ РАН. С. 281–292.
- Владимиров С. И., 2016. Фигурные подвески (чумбурные блоки) из погребений салтово-маяцкой культуры // Дивногорский сборник : труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 6. Воронеж : Науч. кн. С. 221–228.
- Волков В. А., Малышев А. Б., Тугушев П. Е., 2016. Отчет по археологическому исследованию поселения Шумейка к северо-востоку от с. Шумейка Энгельсского района Саратовской области (в зоне строительства) в 2008 году. (по открытым листам № 268, № 235, № 756). Т. III (текст), Т. XIV–XV (иллюстрации). Саратов // Архив Института археологии и культурного наследия СГУ.
- Гаврилина Л., 1993. Бляхи-решмы и украшения узды у кочевников Восточной Европы в X–XI вв. // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара : Артефакт. С. 77–87.

- Гаврилова А. А., 1964. Могилы древних кочевников у горы Суханихи на Енисее // Советская Археология. № 2. С. 164–170.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический аспект. М. : ИА РАН. 298 с.
- Гарустович Г. Н., Ракушин А. И., Яминов А. Ф., 1998. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа : Гилем. 336 с.
- Гарустович Г. Н., Иванов В. А., 2001. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа : Гилем. 216 с.
- Гарустович Г. Н., Иванов В. А., 2014. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX–XV вв. н.э.). Уфа : Изд-во БГПУ. 328 с.
- Генинг В. Ф., Халиков А. Х., 1964. Ранние болгары на Волге : Больше-Тарханский могильник. М. : Наука. 201 с.
- Гераськова Л. С., 1991. Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. Київ : Наукова думка. 132 с.
- Городцов В. А., 1907. Результаты археологических исследований Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г. // Труды XIII археологического съезда в Екатеринославе. Т. 1. М. С. 211–368.
- Гугуев Ю. К., Мирошина Т. В., 2002. Половецкое святилище-яма с каменной статуей и человеческими жертвоприношениями у села Бешпагир в Ставропольском крае // Донская археология. № 3–4. С. 53–66.
- Дмитриев А. В., 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов. М. : Наука. С. 69–107.
- Добжанский В. Н., 1990. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та. 164 с.
- Зайковский Б. В., 1908. Каменные бабы в Саратовском Поволжье // Труды СУАК. Вып. XXIV. Саратов. С. 20–33.
- Зайковский Б. В., 1909. Впечатления от поездки в Елань-Аткарскую // Труды СУАК. Вып. XXV. Саратов. С. 228–243.
- Евглевский А. В., 2014. Изваяния и корчага из кургана у станицы Кременская на Нижнем Дону : К проблеме завершающего этапа изготовления половецкой скульптуры // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 13. Золотоордынское время. Донецк : ДонНУ. С. 263–282.
- Евглевский А. В., Круглов Е. В., 2016. Изваяния и корчага из кургана у станицы Кременская на Нижнем Дону : к проблеме завершающего этапа изготовления половецкой скульптуры (II) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 15, № 1. С. 40–71.
- Иванов В. А., Кригер В. А., 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М. : Наука. 91 с.
- Иванов В. А., 2000. Заволжская Печенегия // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М. ; Самара : Изд-во СНЦ РАН. С. 272–280.
- Иванов В. А., 2006. Кипчаки в Восточной Европе // История татар. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань : РухИЛ. С. 492–503.
- Иванов В. А., 2013. «Кипчакизация» Урало-Поволжья по данным археологии // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы...). Казань : Ихлас. С. 77–100.
- Иванов В. А., Гарустович Г. Н., Пилипчук Я. В., 2014. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа : Изд-во БГПУ. 396 с.
- Иванов В. А., 2019. Монголы в составе кочевников улуса Джучи (Золотой Орды): по данным археологии // Золотоордынское обозрение. № 4. С. 636–651.
- Инков А. А., 2006. Рязанская земля и половцы в XII – начале XIII века // Историческое обозрение. Вып. 7. М. : ИПО. С. 29–41.
- Казаков Е. П., 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань : Татполиграф. С. 94–155.
- Казаков Е. П., 2007. Волжские Булгары и кочевое население Урало-Поволжья VIII–X вв. : проблемы взаимодействия // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. I. Казань : Институт истории АН РТ. С. 118–126.
- Каргин Ю. Ю., 2011. Новое половецкое изваяние из Аткарского района Саратовской области // Российская археология. № 2. С. 159–160.

- Ковалевский А. П., 1956. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков : ХГУ. 348 с.
- Комар А. В., 2001. Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма) : материалы III Междунар. археол. конф. Т. 2. Самара. С. 103–117.
- Комар А. В., 2005. Ранговая семантика наборных поясов кочевников Восточной Европы // Сугдейский сборник. Вып. 2. Киев-Судак : Академперіодика. С. 160–188.
- Комар А. В., 2006. Погребение номада середины VII в. у села Дмитровка в Южном Побужье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время. Донецк : ДонНУ. С. 375–386.
- Комар А. В., 2010. К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). Самара : Офорт. С. 169–206.
- Комар А. В., Кубышев А. И., Орлов Р. С., 2006. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время. Донецк : ДонНУ. С. 245–374.
- Константин Багрянородный, 1991. Об управлении империей. М. : Наука. 496 с.
- Коровкин Д. С., 2011. Снаряжение всадника из погребения из города Энгельса в Саратовском Заволжье (новые данные) // Военная археология : сб. материалов Проблемного Совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып. 2. М. : Рус. панорама. С. 179–188.
- Кравец В. В., 2005. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж : ВГПУ. 225 с.
- Красильников К. И., 2009. Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, технология, орнаментика, клеймы) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк : ДонНУ. С. 99–152.
- Круглов Е. В., 1990. Памятники авиловского типа и проблема их этнокультурной атрибуции // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Пенза : Пенз. гос. объедин. краевед. музей. С. 46–50.
- Круглов Е. В., 1992а. К проблеме формирования хазарской этносоциальной общности // Вопросы этнической истории Волго-Донья : материалы науч. конф. Пенза. С. 32–37.
- Круглов Е. В., 1992б. Печенежский кенотаф из Журова кургана // Исследования по археологии юга Восточной Европы : сб. науч. тр. Элиста : Изд-во КалмГУ. С. 135–139.
- Круглов Е. В., 1994. К вопросу о печенегах // Проблемы всеобщей истории. Материалы научной конференции, сентябрь 1993 г. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 35–41.
- Круглов Е. В., 2001. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й половины IX – 1-й половины XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк : ДонНУ. С. 395–448.
- Круглов Е. В., 2003. Печенеги и огузы: некоторые проблемы археологических источников // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк : ДонНУ. С. 13–82.
- Круглов Е. В., 2005. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время. Донецк : ДонНУ. С. 73–142.
- Круглов Е. В., 2006. Заметки на полях некоторых статей по антропологии в свете проблем археологии хазарского времени // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 8. С. 257–301.
- Круглов Е. В., 2007. «Захоронение коня» в Волго-Донском междуречье // Материалы и исследования по археологии Дона. Средневековые древности Дона. Вып. 2. М. ; Иерусалим : Мосты культуры : Гешарим. С. 49–72.
- Круглов Е. В., Малов Н. М., 2018. Некоторые материалы из раскопок Хлопковского городища // Проблемы археологии и музееведения : сб. ст., посвящ. памяти Н.В. Хабаровой (1955–2017). Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 222–227.
- Кубарев Г. В., 2005. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН. 400 с.
- Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды, 2001 : каталог. Волгоград : ИКП «Панорама». 32 с.
- Кумеков Б. Е., 2006. Кыпчаки : хозяйство, общественный строй, племенной состав // История татар. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань : РухИЛ. С. 472–481.

- Кызласов Л. Р., 1979. Древняя Тува. М. : МГУ. 208 с.
- Лебедева Н. В., 2016. Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок одиночного кургана Мавринка I и кургана 8 курганной группы Новозахаркино I на территории Саратовской области в 2015 году по Открытому листу № 164. Самара // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 49687. 190 с.
- Лебедева Н. В., 2017. Раскопки Кургана 8 группы Новозахаркино I // Археологические открытия. 2015 год. М. : ИА РАН. С. 343–344.
- Лифанов Н. А., 2020. Алексеевское погребение (к вопросу о памятниках авиловского типа на Нижней и Средней Волге) // Археология евразийских степей. № 6. С. 224–233.
- Лопатин В. А., Малышев А. Б., 2010. Культурно-хронологические комплексы поселения в урочище «Мартышкино» (материалы эпохи средневековья) // Археология Восточно-Европейских степей. Вып. 8. Саратов : ИЦ «Наука». С. 274–322.
- Ляхов С. В., 1997. Новые кочевнические погребения и отдельные находки X–XI вв. Нижнего Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов : ТОО «Орион». С. 217–232.
- Мажитов Н. А., 1977. Южный Урал в VIII–XII вв. М. : Наука. 240 с.
- Мажитов Н. А., 1981. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М. : Наука. 164 с.
- Максимов Е. К., 1960. Находка древнерусского шлема в Саратовском Заволжье // Советская археология. № 4. С. 190–193.
- Максимов Е. К., 1965. Позднейшие сармато-аланские погребения V–VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // Труды Саратовского музея краеведения. Вып. 1. Саратов : Коммунист. С. 65–85.
- Максимов Е. К., 1969. Позднекочевнические погребения Урало-Волжского района // Древности Восточной Европы. М. : Наука. С. 130–137.
- Максимов Е. К., 1981. Находка раннеболгарских погребений близ Саратова // Из истории ранних болгар. Казань : Ин-т языка, литературы и истории. С. 108–110.
- Матюшко И. В., 2013. Погребальный обряд кочевников XI–XIII вв. степного Приуралья // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы...). Казань : Ихлас. С. 101–121.
- Могильников В. А., 2002. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI в. М. : Наука. 362 с.
- Моржерин К. Ю., 2019. Отчет об археологических разведках в Аркадакском районе Саратовской области в 2018 году (по Открытому листу № 1565). Саратов // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 61122. 157 с.
- Нарожный Е. И., 2003. О половецких святилищах XIII–XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк : ДонНУ. С. 245–274.
- Неверов С. В., 1985. Костяные пряжки сротскинской культуры (VIII–X вв.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 192–206.
- Овчинникова Б. Б., 1990. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск : УрГУ. 223 с.
- Отрощенко В. В., Рассмакин Ю. Я., 1986. Половецкий комплекс Чингульского кургану // Археология. Вып. 53. С. 14–36.
- Пилипчук Я. В., 2013. Находился ли Саксин в составе Дешт-и-Кыпчак? // Гасырлар авазы. Эхо веков. № 3/4. С. 152–157.
- Плетнева С. А., 1974. Половецкие каменные изваяния. М. : Наука. 200 с.
- Плетнева С. А., 1975. Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М. : Наука. С. 260–300.
- Плетнева С. А., 1981а. Салтово-Маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. : Наука. С. 62–74.
- Плетнева С. А., 1981б. Ранние болгары на Волге // Степи Евразии в эпоху средневековья. М. : Наука. С. 77–79.
- Плетнева С. А., 1990. Половцы. М. : Наука. 208 с.
- Плетнева С. А., 2003. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья IV–XIII века. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та. 248 с.
- Полное собрание русских летописей, 1908. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб. : Тип. М.А. Александрова. 638 с.
- Полное собрание русских летописей, 1927. Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Л. : АН СССР. 104 с.
- Полное собрание русских летописей, 1949. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М. ; Л. : АН СССР. 464 с.

- Полное собрание русских летописей, 1989. Т. XXXVIII. Радзивилловская летопись. Л. : Наука. 177 с.
- Попов П. В., 2012. К вопросу об этнокультурных составляющих материальной культуры огузов и печенегов // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 9. Хазарское время. Донецк : ДонНУ. С. 381–408.
- Руденко К. А., 2013. Могильники Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орлы, как источник по изучению мировоззрения средневекового населения Волго-Камья : вопросы систематизации // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. VI. Барнаул : Изд-во АГУ. С. 72–101.
- Русланов Е. В., 2016. Роговые и костяные подпружные пряжки средневекового городища Уфа-II // Актуальные проблемы истории, археологии, этнологии и культуры Башкортостана. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной юбилею видного общественного и научного деятеля, профессора Марата Махмутовича Кульшарипова. Уфа : БашГУ. С. 282–288.
- Рыков П. С., 1929. Позднесарматское погребение в кургане близ с. Зиновьевка. Саратов : Сарполиграфпром. 12 с.
- Рыков П. С., 1936. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов : Саратовское краевое изд-во. 152 с.
- Сергеева О. В., 2006. Находки средневекового времени из разрушенного погребения у с. Смеловка // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 7. Саратов : Науч. кн. С. 72–75.
- Синицин И. В., 1947. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов : Полиграфиздат. 144 с.
- Синицин И. В., 1952. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 45. С. 62–73.
- Синицин И. В., 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // Древности Нижнего Поволжья. Т. 1. Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 60. М. : Изд-во АН СССР. С. 39–205.
- Синицин И. В., 1966. Древние памятники Саратовского Заволжья // Археологический сборник. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. С. 3–62.
- Синюк А. Т., Березуцкий В. Д., 1991. Раннесредневековое подземное святилище-лабиринт // Советская Археология. № 3. С. 250–261.
- Ситников А. В., Антюфеев О. В., 2000. Половецкие изваяния Волго-Донского междуречья и Нижнего Поволжья // Вопросы краеведения. Вып. 6. Материалы краеведческих чтений, посвященных 75-летию областного общества краеведов. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 484 с.
- Ситников А. В., 2009. Половецкие изваяния // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 198–199.
- Спицин А. А., 1896. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // Записки Императорского Русского археологического общества. Т. VIII. Новая серия. Вып. 1–2. СПб. С. 116–159.
- Спицин А. А., 1914. Некоторые новые приобретения Саратовского музея // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 53. СПб. С. 95–106.
- Сташенков Д. А., 2000. Белозерское погребение // Восточноевропейский археологический журнал. № 1 (2). С. 74–86.
- Тайна каменной бабы // МБУК «Пугачевский краеведческий музей им. К.И. Журавлева. URL: <http://muzey-pugachjov.ru/тайна-каменной-бабы.html>
- Толстов С. П., 1947. Города гузов // Советская этнография. № 3. С. 55–102.
- Тотев Б., Пелевина О., 2009. Археологические данные о контактах населения Хазарского каганата и дунайских болгар // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк : ДонНУ. С. 43–60.
- Тотев Б., Пелевина О., 2011. Клад из Врапа (Албания) и аристократические пояса дунайских болгар // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 9. Хазарское время. Донецк : ДонНУ. С. 339–360.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. : Изд-во Моск. ун-та. 276 с.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1969. Город и область Саксин XII–XIV вв. // Древности Восточной Европы. Материалы и исследования по археологии СССР. № 169. М. : Наука. С. 253–261.

- Флерова В. Е., 2001. Резная кость юго-востока Европы IX–XII вв.: искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции государственного Эрмитажа. СПб. : Алетей. 256 с.
- Фонд Е. К. Максимова. Картотека к археологической карте Правобережья Саратовской области : Аткарский, Базарно-Карабулакский, Вольский, Вязовский, Екатериновский районы. Ч. 1. Вольский район // Государственный архив Саратовской области. Ф. Р-3756, Оп. 1. Д. 179, 494.
- Хреков А. А., 2004. Древности Прихоперья. Балашов : Николаев. 200 с.
- Чариков А. А., 1986а. Изобразительные особенности каменных изваяний Казахстана // Советская археология. № 1. С. 87–102.
- Чариков А. А., 1986б. Две разновременные группы каменных статуй Приуралья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа : БФАН СССР. С. 138–145.
- Цыбин М. В., 1986. Погребения средневековых кочевников XI–XIV вв. в Среднем Подонье // Советская Археология. № 3. С. 257–268.
- Цыбин М. В., 1999. Половцы и Рязанская земля // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж : Изд-во ВГУ. С. 130–139.
- Цыбин М. В., 2018. К изучению закономерностей формирования русско-кочевнического пограничья в Среднем Подонье в IX–XVII вв. // Древности. Исследования. Проблемы : сб. ст. в честь 70-летия Н.П. Тельнова. Кишинев ; Тирасполь : Stratum plus. С. 495–503.
- Швецов М. Л., 1979. Половецкие святилища // Советская археология. № 1. С. 199–209.
- Шилов В. П., 1959. Калиновский курганный могильник // Древности Нижнего Поволжья. Т. 1. Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 60. М. : Изд-во АН СССР. С. 323–523.
- Шнайдштейн Е. В., 1989. Средневековое погребение на реке Ахтуба Астраханской области // Советская Археология. № 4. С. 269–271.

REFERENCES

- Agadzhanov S.G., 1969. *Ocherki istorii oguzov i turkmen Sredney Azii IX – XIII vv.* [Essays on the History of the Oguz and Turkmens of Central Asia of the 9th – 13th Centuries]. Ashkhabad, Ylym Publ. 295 p.
- Alabin P.V., 1884. Nam izvestnye ostatki drevnosti v Samarskom krae [Known to Us the Remains of Antiquity in the Samara Region]. *Trudy Chetvertogo Arheologicheskogo syezda v Rossii, byvshego v Kazani s 31 iyulya po 18 avgusta 1877 goda* [Proceedings of the Fourth Archaeological Congress in Russia, Which Was in Kazan from July 31 to August 18, 1877]. Vol. 1. Kazan', Imperator's University, pp. 1-7.
- Ambroz A.K., 1971. Problemy rannesrednevekovoy arheologii Vostochnoy Evropy. Ch. 2 [Problems of Early Medieval Archaeology of Eastern Europe. Part 2]. *Sovetskaya Arheologiya* [Soviet Archeology], no. 3, pp. 106-134.
- Ambroz A.K., 1981. Vostochnoevropayskie i aziatskie stepi V – pervoy poloviny VIII v. [Eastern European and Asian Steppes of the V – First Half of the VIII Century]. *Stepi Evrazii v epohu srednevekov'ya* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., pp. 10-28.
- Andreev S.I., 2002. Polovetskie kamennye izvayaniya Tambovshchiny [Polovtsian Stone Sculptures of Tambov Region]. *Arheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy* [Archaeological Sites of Eastern Europe]. Voronezh, Nauch. kn. Publ., pp. 193-198.
- Atavin A.G., 1984. Nekotorye osobennosti zahoroneniya chuchel koney v kochevnicheskikh pogrebeniyah X–XIV vv. [Some Peculiarities of Interments of Staffed Horses in Nomadic Burials of the 10th – 14th Centuries]. *Sovetskaya Arheologiya* [Soviet Archeology], no. 1, pp. 134-143.
- Ahinzhanov S.M., 1976. Ob etnicheskom sostave kipchakov srednevekovogo Kazakhstana [On the Ethnic Composition of the Kipchaks of Medieval Kazakhstan]. *Proshloe Kazakhstana po arheologicheskim istochnikam* [The Past of Kazakhstan According to Archaeological Sources]. Alma-Ata, Nauka Publ., pp. 81-93.
- Babintsev R.V., 2011a. K voprosu ob etnokul'turnoy situatsii na territorii Saratovskoy oblasti v hazarskoe vremya (v svete poslednih dannyh) [On the Question of the Ethnocultural Situation in the Saratov Region in the Khazar Period (in the Light of Recent Data)]. *Narody Saratovskogo Povolzh'ya: materialy regional'noy nauch.-prakt. konf.* [Peoples of the Saratov Volga Region: Materials of a Regional Scientific and Practical Conference]. Trudy Saratovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya, iss. 12. Saratov, SRMLL, pp. 177-187.

- Babintsev R.V., 2011b. Pogrebeniya zlivkinskogo tipa na territorii Saratovskogo Povolzh'ya [Burials of the Zlivkin Type on the Territory of the Saratov Volga Region]. *XLIII Mezhdunarodnaya Uralo-Povolzhskaya arheologicheskaya studencheskaya konferentsiya. Orenburg, 1-3 fevralya 2011 g.: materialy i tez. dokl.* [XLIII International Ural-Volga Archaeological Student Conference. Orenburg, February 1-3, 2011. Materials and Abstracts]. Orenburg, OSPU, pp. 213-216.
- Bagautdinov R.S., Bogachev A.V., Zubov S.E., 1998. *Prabolgary na Sredney Volge (u istokov istorii tatar Volgo-Kam'ya)* [Prabolgars on the Middle Volga (At the Origins of the History of the Volga-Kamya Tatars)]. Samara, Polden'. XXII vek Publ. 286 p.
- Berezin Ya.B., Narozhnyy E.I., 2022. Novoe «zahoronenie» polovetskogo kamennogo izvayaniya na Stavropol'e (vtoraya pol. XIII–XIV vv.) [A New Burial Find of a Polovtsian Stone Statue in the Stavropol Region (From the Second Half of Thirteenth to Fourteenth Century)]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], vol. 10, no. 1, pp. 32-46.
- Bisembaev A.A., 2003. *Arheologicheskie pamyatniki kochevnikov srednevekov'ya Zapadnogo Kazakhstana (VIII–XVIII vv.)* [Archaeological Monuments of Nomads of the Middle Ages of Western Kazakhstan (VIII–XVIII Centuries)]. Ural'sk, Western Kazakhstan Regional Center of History and Archaeology. 235 p.
- Bogachyov A.V. 1992. *Protsedurno-metodicheskie aspekty arheologicheskogo datirovaniya (na materialah poyasnyh naborov IV–VIII vv. Srednego Povolzh'ya)* [Procedural and Methodological Aspects of Archaeological Dating (Based on the Materials of Belt Sets of the IV–VIII Centuries. Middle Volga Region)]. Samara, Artefakt Publ. 208 p.
- Botalov S., Kostyukov V., 1993. Kypchakskie pogrebeniya na XI–XII vv. na Yuzhnom Urale [Kipchak Burials in the XI–XII Centuries in the Southern Urals]. *Novoe v srednevekovoy arheologii Evrazii* [New in Medieval Archeology of Eurasia]. Samara, Artefakt Publ., pp. 42-49.
- Vasil'ev D.V., 2012. Gde nahodilis' gorod i oblast' Saksin? (postanovka problemy) [Where Were the City and Region of Saksin? (Statement of the Problem)]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economy, Culture], no. 4 (33), pp. 13-20.
- Vasil'ev D.V., 2015. Gorod i oblast' Saksin v svete novykh dannykh arheologii [New Data on the City and the Domain of Saksin]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 2 (12), pp. 189-267.
- Vasil'eva I.N., 1979. Pogrebeniya srednevekovykh kochevnikov na territorii Kuybyshevskogo Povolzh'ya [Burials of Medieval Nomads on the Territory of the Kuibyshev Volga Region]. *Drevnyaya istoriya Povolzh'ya* [The Ancient History of the Volga Region]. Nauchnye trudy Kuybyshevskogo gos. ped. in-ta im. V.V. Kuybysheva, vol. 230. Kuybyshev, KSPI named after V.V. Kuybyshev, pp. 202-240.
- Vasil'eva I.N., 2000. Kipchaki (polovtsy) v Samarskom Zavolzh'e [Kipchaks (Polovtsy) in the Samara Volga Region]. *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshih vremen do nashih dney. Ranniy zheleznyy veku i srednevekov'e* [History of the Samara Volga Region from Ancient Times to the Present Day. The Early Iron Age and the Middle Ages]. Moscow, SSC RAS, pp. 281-292.
- Vladimirov S.I., 2016. Figurnye podveski (chumburnye bloki) iz pogrebeniy saltovo-mayatskoy kul'tury [Figured Pendants (Chumburny Blocks) from the Burials of the Saltovo-Mayak Culture]. *Divnogorskiy sbornik: trudy muzeya-zapovednika «Divnogor'e»* [Divnogorsky Collection: Proceedings of the Museum-Reserve "Divnogorye"], iss. 6. Voronezh, Nauch. kn. Publ., pp. 221-228.
- Volkov V.A., Malyshev A.B., Tugushev P.E., 2016. Otchet po arheologicheskomu issledovaniyu poseleniya Shumeyka k severo-vostoku ot s. Shumeyka Engel'sskogo rayona Saratovskoy oblasti (v zone stroitel'stva) v 2008 godu. (po otkrytym listam № 268, № 235, № 756) [Report on the Archaeological Study of the Settlement of Shumeyka to the Northeast of the Village of Shumeyka in the Engels District of the Saratov Region (In the Construction Zone) in 2008 (by open sheets № 268, № 235, № 756)]. Tom III (tekst), Toma XIV–XV (illyustratsii). *Arhiv Instituta arheologii i kul'turnogo naslediya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta*.
- Gavrilina L., 1993. Blyahi-reshmy i ukrasheniya uzdyu kochevnikov Vostochnoy Evropy v X–XI vv. [Badges-Reshma and Ornaments of the Bridle of the Nomads of Eastern Europe in the X–XI Centuries]. *Novoe v srednevekovoy arheologii Evrazii* [New in Medieval Archeology of Eurasia]. Samara, Artefakt Publ., pp. 77-87.
- Gavrilova A.A., 1964. Mogily drevnykh kochevnikov u gory Suhanihi na Enisee [Graves of Ancient Nomads at Mount Sukhanikhi on the Yenisei]. *Sovetskaya Arheologiya* [Soviet Archeology], no. 2, pp. 164-170.
- Gavrituhin I.O., Oblomskiy A.M., 1996. *Gaponovskiy klad i ego kul'turno-istoricheskiy aspekt* [The Gapon Treasure and its Cultural and Historical Aspect]. Moscow, IA RAS. 298 p.

- Garustovich G.N., Rakushin A.I., Yaminov A.F., 1998. *Srednevekovye kochevniki Povolzh'ya (kontsa IX – nachala XV veka)* [Medieval Nomads of the Volga Region (Late IX – Early XV Century)]. Ufa, Gilem Publ. 336 p.
- Garustovich G.N., Ivanov V.A., 2001. *Oguzy i pechenegi v evraziyskikh stepyakh* [Oguzes and Pechenegs in the Eurasian Steppes]. Ufa, Gilem Publ. 216 p.
- Garustovich G.N., Ivanov V.A., 2014. *Materialy po arheologii srednevekovykh kochevnikov Yuzhnogo Urala (IX–XV vv. n.e.)* [Materials on the Archeology of Medieval Nomads of the Southern Urals (IX–XV Centuries AD)]. Ufa, BSPU. 328 p.
- Gening V.F., Halikov A.H., 1964. *Rannie bolgary na Volge: Bol'she-Tarkhanskiy mogil'nik* [Early Bulgarians on the Volga: Bol'she-Tarkhanskiy Cemetery]. Moscow, Nauka Publ. 201 p.
- Geras'kova L.S., 1991. *Skul'ptura serednyovichnykh kochovyktiv stepiv Skhidnoyi Yevropy* [Sculpture of Medieval Nomads of the Steppes of Eastern Europe]. Kyiv, Naukova dumka Publ. 132 p.
- Gorodtsov V.A., 1907. Rezul'taty arheologicheskikh issledovaniy Bahmutskom uезде Ekaterinoslavskoy gubernii v 1903 g. [Results of Archaeological Research of the Bahmut Uyezd of the Ekaterinoslav Province in 1903]. *Trudy XIII arheologicheskogo syezda v Ekaterinoslave* [Proceedings of the XIII Archaeological Congress in Ekaterinoslav]. Vol. 1. Moscow, pp. 211-368.
- Guguev Yu.K., Miroshina T.V., 2002. Polovetskoe svyatilishche-yama s kamennoy statuyey i chelovecheskimi zhertvoprinosheniyami u sela Beshpagir v Stavropol'skom krae [Polovtsian Sanctuary-Pit with Stone Statues and Human Sacrifices near the Village of Beshpagir in the Stavropol Territory]. *Donskaya arheologiya* [Don Archeology], no. 3-4, pp. 53-66.
- Dmitriev A.V., 1982. Rannesrednevekovye fibuly iz mogil'nika na r. Dyurso [Early Medieval Fibulae from the Burial Ground on the Durso River]. *Drevnosti epohi velikogo pereseleniya narodov* [Antiquities of the Epoch of the Great Migration of Peoples]. Moscow, Nauka Publ., pp. 69-107.
- Dobzhanskiy V.N., 1990. *Nabornye poyasa kochevnikov Azii* [Typesetting Belts of Asian Nomads]. Novosibirsk, NSU. 164 p.
- Zaykovskiy B.V., 1908. Kamennye baby v Saratovskom Povolzh'e [Stone Women in the Saratov Volga Region]. *Trudy SUAK* [Proceedings of the Saratov Accounting and Archival Commission], iss. XXIV. Saratov, pp. 20-33.
- Zaykovskiy B.V., 1909. Vpechatleniya ot poezdki v Elan'-Atkarskuyu [Impressions from a Trip to Elan-Atkarskaya]. *Trudy SUAK* [Proceedings of the Saratov Accounting and Archival Commission], iss. XXV. Saratov, pp. 228-243.
- Evglevskiy A.V., 2014. Izvayaniya i korchaga iz kurgana u stanitsy Kremenskaya na Nizhnem Donu: K probleme zavershayushchego etapa izgotovleniya polovetskoy skul'ptury [Sculptures and a Korchaga from a Gound near the Village of Kremenskaya on the Lower Don: To the Problem of the Final Stage of Making Polovtsian Sculpture]. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. Zolotoordynskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Golden Horde time], vol. 13. Donetsk, DonNU, pp. 263-282.
- Evglevskiy A.V., Kruglov E.V., 2016. Izvayaniya i korchaga iz kurgana u stanitsy Kremenskaya na Nizhnem Donu: k probleme zavershayushchego etapa izgotovleniya polovetskoy skul'ptury [Statues and Large Earthenware Pot from Barrow Mound near Kremenskaya Village on Lower Don: On Concluding Stage of Making of Polovtsian Sculptures (II)]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 15, no. 1, pp. 40-71.
- Ivanov V.A., Kriger V.A., 1988. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII-XIV vv.)* [Kurgans of the Kipchak Period in the Southern Urals (XII–XIV Centuries)]. Moscow, Nauka Publ. 91 p.
- Ivanov V.A., 2000. Zavolzhsкая Pechenegiya [Zavolzhsкая Pechenegia]. *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneyshih vremen do nashih dney. Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e* [The History of the Samara Volga Region from Ancient Times to the Present Day. The Early Iron Age and the Middle Ages]. Moscow, SSC RAS, pp. 272-280.
- Ivanov V.A., 2006. Kipchaki v Vostochnoy Evrope [Kipchaks in Eastern Europe]. *Istoriya tatar. Volzhskaya Bulgariya i Velikaya step'* [History of the Tatars. Volga Bulgaria and the Great Steppe]. Vol. II. Kazan', RuhIL Publ., pp. 492-503.
- Ivanov V.A., 2013. «Kipchakizatsiya» Uralo-Povolzh'ya po dannym arheologii [“Kipchakization” of the Ural-Volga Region According to Archaeology]. *Tyurkskie kochevniki Evrazii (kimaki, kipchaki, polovtsy...)* [Turkic Nomads of Eurasia (Kimaks, Kipchaks, Polovtsians...)]. Kazan', Ihlas Publ., pp. 77-100.
- Ivanov V.A., Garustovich G.N., Pilipchuk YA.V., 2014. *Srednevekovye kochevniki na granitse Evropy i Azii* [Medieval Nomads on the Border of Europe and Asia]. Ufa, BSPU. 396 p.

- Ivanov V.A., 2019. Mongoly v sostave kochevnikov ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordyy): po dannym arheologii [Mongolian Nomads in the Ulus of Jochi (Golden Horde) According to Archaeological Materials]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], no. 4, pp. 636-651.
- Inkov A.A., 2006. Ryazanskaya zemlya i polovtsy v XII – nachale XIII veka [Ryazan land and Polovtsy in the 12th – Early 13th Century]. *Istoricheskoe obozrenie* [Historical Review], iss. 7. Moscow, IPO Publ., pp. 29-41.
- Kazakov E.P., 1971. Pogrebal'nyy inventar' Tankeevskogo mogil'nika [Funerary Inventory of the Tankeyevsky Burial Ground]. *Voprosy etnogeneza tyurkoyazychnykh narodov Srednego Povolzh'ya* [Issues of Ethnogenesis of the Turkic-Speaking Peoples of the Middle Volga Region]. Kazan', Tatpoligraf, pp. 94-155.
- Kazakov E.P., 2007. Volzhskie Bulgary i kochevoe naselenie Uralo-Povolzh'ya VIII–X vv.: problemy vzaimodeystviya [Volga Bulgars and the Nomadic Population of the Ural-Volga Region of the 8–10th Centuries: Problems of Interaction]. *Srednevekovaya arheologiya evraziyskikh stepey. Materialy Uchreditel'nogo syezda Mezhdunarodnogo kongressa* [Medieval Archaeology of the Eurasian Steppes. Materials of the Founding Congress of the International Congress], vol. I. Kazan', Institute of History AS RT, pp. 118-126.
- Kargin Yu.Yu., 2011. Novoe polovetskoe izvayanie iz Atkarskogo rayona Saratovskoy oblasti [New Polovtsian Sculptured Image from the Atkarsk Region of Saratov Oblast]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 2, pp. 159-160.
- Kovalevskiy A.P., 1956. *Kniga Ahmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.* [The Book of Ahmed Ibn-Fadlan About His Journey to the Volga in 921–922]. Har'kov, HSU. 348 p.
- Komar A.V., 2001. Proiskhozhdenie poyasnykh naborov rannesaltovskogo tipa [The Origin of Belt Sets of the Early Baltic Type]. *Kul'tury Evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. (iz istorii kostyuma). Materialy III Mezhdunarodnoy arheologicheskoy konferentsii. Samarskiy oblastnoy istoriko-kraevedcheskiy muzey im. P.V. Alabina* [Cultures of the Eurasian Steppes of the Second Half of the I Millennium AD (From the History of Costume). Materials of the III International Archaeological Conference. Samara Regional Museum of Local Lore named after P.V. Alabin]. Vol. 2. Samara, pp. 103-117.
- Komar A.V., 2005. Rangovaya semantika nabornykh poyasov kochevnikov Vostochnoy Evropy [Rank Semantics of Typesetting Belts of Nomads of Eastern Europe]. *Sugdeyskiy sbornik* [Sugdeya Collection], iss. 2. Kiev, Sudak, Akadempriodika Publ., pp. 160-188.
- Komar A.V., 2006. Pogrebenie nomada serediny VII v. u sela Dmitrovka v Yuzhnom Pobuzh'e [Burial of a Nomad in the Middle of the 7th Century near the Village of Dmitrovka in the Southern Pobuzhye]. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. Hazarskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Khazar Time], vol. 5. Donetsk, DonNU, pp. 375-386.
- Komar A.V., 2010. K diskussii o hronologii rannesrednevekovykh kochevnicheskikh pamyatnikov Srednego Povolzh'ya [To the Discussion on the Chronology of Early Medieval Nomadic Monuments of the Middle Volga Region]. *Kul'tury evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. (voprosy mezhetnicheskikh kontaktov i mezhkul'urnogo vzaimodeystviya)* [Cultures of the Eurasian Steppes of the Second Half of the I Millennium AD (Issues of Interethnic Contacts and Intercultural Interaction)]. Samara, Ofort Publ., pp. 169-206.
- Komar A.V., Kubyshev A.I., Orlov R.S., 2006. Pogrebeniya kochevnikov VI–VII vv. iz Severo-Zapadnogo Priazov'ya [Burials of Nomads of the 6th – 7th Centuries from the North-Western Azov Region]. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. Hazarskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Khazar Time]. Vol. 5. Donetsk, DonNU, pp. 245-374.
- Konstantin Bagryanorodnyy, 1991. *Ob upravlenii imperiy* [On the Governance of the Empire]. Moscow, Nauka Publ. 496 p.
- Korovkin D.S., 2011. Snaryazhenie vsadnika iz pogrebeniya iz goroda Engel'sa v Saratovskom Zavolzh'e (novye dannye) [Equipment of a Horseman from a Burial from the City of Engels in the Saratov Volga Region (New Data)]. *Voennaya arheologiya. Sbornik materialov Problemnogo Soveta «Voennaya arheologiya» pri Gosudarstvennom Istoricheskom muzee* [Military Archaeology. Collection of Materials of the Problematic Council “Military Archeology” at the State Historical Museum], iss. 2. Moscow, Russkaya panorama Publ., pp. 179-188.
- Kravets V.V., 2005. *Kochevniki Srednego Dona v epohu Zolotoy Ordyy* [Nomads of the Middle Don in the Era of the Golden Horde]. Voronezh, VSPU. 225 p.
- Krasil'nikov K.I., 2009. Loshchenaya keramika iz stepnogo massiva saltovo-mayatskoy kul'tury (tipologiya, tekhnologiya, ornamentika, kleymy) [Polished Ceramics from the Steppe Group of the Saltovo-Mayak Culture (Typology, Technology, Ornamentation, Stamps)]. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. Hazarskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Khazar Time], vol. 7. Donetsk, DonNU, pp. 99-152.

- Kruglov E.V., 1990. Pamyatniki avilovskogo tipa i problema ih etnokul'turnoy atributsii [Monuments of the Avilov Type and the Problem of Their Ethno-Cultural Attribution]. *Voprosy etnicheskoy istorii Volgo-Don'ya v epohu srednevekov'ya i problema burtasov* [Questions of the Ethnic History of the Volga-Don Region in the Middle Ages and the Problem of Burtas]. Penza, Penza State United Museum of Local Lore, pp. 46-50.
- Kruglov E.V., 1992a. K probleme formirovaniya hazarskoy etnosotsial'noy obshchnosti [To the Problem of the Formation of the Khazar Ethnosocial Community]. *Voprosy Etnicheskoy istorii Volgo-Don'ya. Materialy nauchnoy konferentsii* [Issues of the Ethnic History of the Volga-Don Region. Materials of the Scientific Conference]. Penza, pp. 32-37.
- Kruglov E.V., 1992b. Pechenezhskiy kenotaf iz Zhurova Kurgana [Pechenezhsky Cenotaph from Zhurov Kurgan]. *Issledovaniya po arheologii yuga Vostochnoy Evropy: sb. nauch. tr.* [Research on Archeology of the South of Eastern Europe. Collection of Scientific Papers]. Elista, KalmSU, pp. 135-139.
- Kruglov E.V., 1994. K voprosu o pechenegah [On the Question of the Pechenegs]. *Problemy vseobshchey istorii. Materialy nauchnoy konferentsii, sentyabr', 1993 g.* [Problems of General History. Materials of the Scientific Conference, September, 1993]. Volgograd, VolSU, pp. 35-41.
- Kruglov E.V., 2001. Pogrebal'nyy obryad oguzov Severnogo Prikaspiya 2-y poloviny IX – 1-y poloviny XI v. [Funeral Rite of the Oguzes of the Northern Caspian Region of the Second Half of the 9th – First Half of the 11th Century]. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. Hazarskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Khazar time]. Vol. 2. Donetsk, DonNU, pp. 395-448.
- Kruglov E.V., 2003. Pechenegi i oguzy: nekotorye problemy arheologicheskikh istochnikov [Pechenegs and Oguzes: Some Problems of Archaeological Sources]. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. Polovetsko-zolotoordynskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Polovtsian-Golden Horde Time], vol. 3. Donetsk, DonNU, pp. 13-82.
- Kruglov E.V., 2005. Slozhnosostavnye luki Vostochnoy Evropy rannego srednevekov'ya [Composite Bows of Eastern Europe of the Early Middle Ages]. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. Hazarskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Khazar Time]. Vol. 4. Donetsk, DonNU, pp. 73-142.
- Kruglov E.V., 2006. Zametki na polyah nekotorykh statey po antropologii v svete problem arheologii hazarskogo vremeni [Notes on the Margins of Some Articles on Anthropology in the Light of the Problems of Archaeology of the Khazar Time]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 8, pp. 257-301.
- Kruglov E.V., 2007. «Zahoronenie konya» v Volgo-Donskom mezhdurech'e [“Burial of a Horse” in the Volga-Don Interfluve]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Dona. Srednevekovyye drevnosti Dona* [Materials and Research on the Archaeology of the Don. Medieval Antiquities of the Don], iss. 2. Moscow, Jerusalem, Mosty kul'tury Publ., Gesharim Publ., pp. 49-72.
- Kruglov E.V., Malov N.M., 2018. Nekotorye materialy iz raskopok Hlopkovskogo gorodishcha [Some Materials from the Excavations of the Khlopkovsky Settlement]. *Problemy arheologii i muzevedeniya: sb. st., posvyashch. pamyati N.V. Habarovoy (1955–2017)* [Problems of Archaeology and Museology. Collection of Articles Dedicated to the Memory of N.V. Khabarovoy (1955–2017)]. Volgograd, VolSU, pp. 222-227.
- Kubarev G.V., 2005. *Kul'tura drevnih tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov)* [The Culture of the Ancient Turks of Altai (Based on the Materials of Funerary Monuments)]. Novosibirsk, IAE SB RAS. 400 p.
- Kul'tura srednevekovykh kochevnikov i gorodov Zolotoy Ordyy: katalog* [Culture of Medieval Nomads and Cities of the Golden Horde. The Culture of the Medieval Nomads and the Cities of the Golden Horde: Catalog], 2001. Volgograd, Panorama Publ. 32 p.
- Kumekov B.E., 2006. Kypchaki: hozyaystvo, obshchestvennyy stroy, plemennoy sostav [Kipchaks: Economy, Social System, Tribal Composition]. *Istoriya tatar. Volzhskaya Bulgariya i Velikaya step'* [History of the Tatars. Volga Bulgaria and the Great Steppe]. Vol. 2. Kazan', RuhIL Publ., pp. 472-481.
- Kyzlasov L.R., 1979. *Drevnyaya Tuva* [Ancient Tuva]. Moscow, MSU. 208 p.
- Lebedeva N.V., 2016. *Otchet o provedenii ohranno-spasatel'nykh raskopok odinochnogo kurgana Mavrinka I i kurgana 8 kurgannoy gruppy Novozakharkino I na territorii Saratovskoy oblasti v 2015 godu po Otkrytomu listu № 164. Samara* [Report on the Security and Rescue Excavations of a Single Mound of Mavrinka I and Kurgan 8 of the Kurgan Group of Novozakharkino I on the Territory of the Saratov Region in 2015 According to Excavation Permit No. 164]. Samara. *Arkhiv IA RAN, Ф-1, 3-1, no. 49687.* 190 p.

- Lebedeva N.V., 2017. Raskopki kurgana 8 gruppy Novozaharkino I [Excavations of the Kurgan of the 8th Group of Novozaharkino I]. *Arheologicheskie otkrytiya 2015 god* [Archaeological Discoveries. 2015]. Moscow IA RAS, pp. 343-344.
- Lifanov N.A., 2020. Alekseevskoe pogrebenie (k voprosu o pamyatnikah avilovskogo tipa na Nizhney i Sredney Volge) [Alexeyevka Burial (Concerning the Monuments of “Avilovo” Type on the Lower and Middle Volga)]. *Arheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 6, pp. 224-233.
- Lopatin V.A., Malyshev A.B., 2010. Kul’turno-hronologicheskie kompleksy poseleniya v urochishche «Martyshkino» (materialy epohi srednevekov’ya) [Cultural and Chronological Complexes of the Settlement in the Tract “Martyshkino” (Materials of the Middle Ages)]. *Arheologiya Vostochno-Evropeyskikh stepey* [Archaeology of the Eastern European Steppes], iss. 8. Saratov, Publishing Centre Nauka, pp. 274-322.
- Lyahov S.V., 1997. Novye kochevnicheskie pogrebeniya i otdel’nye nahodki X–XI vv. Nizhnego Povolzh’ya [New Nomadic Burials and Individual Finds of the 10–11th Centuries of the Lower Volga Region]. *Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya. Ohrana i issledovaniya v 1996 godu* [Archaeological Heritage of the Saratov Region. Protection and Research in 1996], iss. 2. Saratov, Orion Publ., pp. 217-232.
- Mazhitov N.A., 1977. *Yuzhnyy Ural v VIII–XII vv.* [The Southern Urals in the 8th – 12th Centuries]. Moscow, Nauka Publ. 240 p.
- Mazhitov N.A., 1981. *Kurgany Yuzhnogo Urala VIII – XII vv.* [Kurgans of the Southern Urals of the 8th – 12th Centuries]. Moscow, Nauka Publ. 164 p.
- Maksimov E.K., 1960. Nahodka drevnerusskogo shlema v Saratovskom Zavolzh’e [The Discovery of an Old Russian Helmet in the Saratov Volga Region]. *Sovetskaya Arheologiya* [Soviet Archeology], no. 4, pp. 190-193.
- Maksimov E.K., 1965. Pozdneyschie sarmato-alanskie pogrebeniya V–VIII vv. na territorii Nizhnego Povolzh’ya [The Late Sarmatian-Alan Burials of the 5th – 8th Centuries on the Territory of the Lower Volga Region]. *Trudy Saratovskogo muzeya kraevedeniya* [Proceedings of the Saratov Museum of Local Lore], iss. 1. Saratov, Kommunist Publ., pp. 65-85.
- Maksimov E.K., 1969. Pozdnekochevnicheskie pogrebeniya Uralo-Volzhskogo rayona [Late-Nomadic Burials of the Ural-Volga Region]. *Drevnosti Vostochnoy Evropy* [Antiquities of Eastern Europe]. Moscow, Nauka Publ., pp. 130-137.
- Maksimov E.K., 1981. Nahodka rannebolgarskih pogrebeniy bliz Saratova [The Discovery of Early Bulgarian Burials near Saratov]. *Iz istorii rannih bolgar* [From the History of the Early Bulgarians]. Kazan’, ILLH, pp. 108-110.
- Matyushko I.V., 2013. Pogrebal’nyy obryad kochevnikov XI–XIII vv. stepnogo Priural’ya [Funeral Rite of the Nomads of the 11–13th Centuries of Steppe Urals]. *Tyurkskie kochevniki Evrazii (kimaki, kipchaki, polovtsy...)* [Turkic Nomads of Eurasia (Kimaks, Kipchaks, Polovtsians...)], iss. 2. Kazan’, Ihtas Publ., pp. 101-121.
- Mogil’nikov V.A., 2002. *Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI v.* [Nomads of the North-Western Foothills of Altai in the 9th – 11th Centuries]. Moscow, Nauka Publ. 362 p.
- Morzherin K.Yu., 2019. Otchet ob arheologicheskikh razvedkakh v Arkadakskom rayone Saratovskoy oblasti v 2018 g. (po Otkrytomu listu № 1565) [Report on Archaeological Exploration in the Arkadaksky District of the Saratov Region in 2018 (According to Excavation Permit No. 1565)]. Saratov, *Arkhiv IA RAN*, Ф-1, P-1, no. 61122. 157 p.
- Narozhnyy E.I., 2003. O poloveckikh svyatilishchah XIII–XIV vv. Severnogo Kavkaza i Dona [About the Polovtsian Sanctuaries of the 13–14th Centuries. The North Caucasus and the Don]. *Stepi Evropy v epohu srednevekov’ya. Polovecko-zolotoordynskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Polovtsian-Golden Horde Time]. Vol. 3. Donetsk, DonNU, pp. 245-274.
- Neverov S.V., 1985. Kostyanye pryazhki srostkinskoy kul’tury (VIII – X vv.) [Bone Buckles of the Srostkin Culture (8th – 9th Centuries)]. *Altay v epohu kamnya i rannego metalla* [Altai in the Era of Stone and Early Metal]. Barnaul, ASU, pp. 192-206.
- Ovchinnikova B.B., 1990. *Tyurkskie drevnosti Sayano-Altaya v VI–X vekah* [Turkic Antiquities of Sayano-Altai in the 6th – 10th Centuries]. Sverdlovsk, USU. 223 p.
- Otroshchenko V.V., Rassamakin Yu. Ya., 1986. Polovets’kiy kompleks Chingul’s’kogo kurganu [Polovtsian Complex of Chingulsky Kurgan]. *Arheologiya* [Archeology], iss. 53, pp. 14-36.
- Pilipchuk Ya.V., 2013. Nahodilsya li Saksin v sostave Desht-i-Kypchak? [Was Saksin Part of Desht-i-Kipchak?]. *Gasyrlar avazy. Ekho vekov* [Gasyrlar Avaza. The Echo of Centuries], no. 3/4, pp. 152-157.
- Pletneva S.A., 1974. *Polovetskie kamennye izvayaniya* [Polovtsian Stone Sculptures]. Moscow, Nauka Publ. 200 p.

- Pletneva S.A., 1975. Polovetskaya zemlya [Polovtsian Land]. *Drevnerusskie knyazhestva X–XIII vv.* [Ancient Russian Principalities of the 9th – 13th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., pp. 260-300.
- Pletneva S.A., 1981a. Saltovo-Mayatskaya kul'tura [Saltovo-Mayak Culture]. *Stepi Evrazii v epohu srednevekov'ya* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., pp. 62-74.
- Pletnyova S.A., 1981b. Rannie bolgary na Volge [Early Bulgarians on the Volga]. *Stepi Evrazii v epohu Srednevekov'ya* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., pp. 77-79.
- Pletneva S.A., 1990. *Polovtsy* [Polovtsy]. Moscow, Nauka Publ. 208 p.
- Pletnyova S.A., 2003. *Kochevniki yuzhnorusskikh stepey v epohu srednevekov'ya IV–XIII veka* [Nomads of the South Russian Steppes in the Middle Ages of the 4th – 13th Centuries]. Voronezh, VSU. 248 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey*, 1908. *Ipat'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Hipatian Codex]. Vol. 2. Saint Petersburg, Typography of Aleksandrov. 638 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey*, 1927. *Lavrent'evskaya letopis'*. *Suzdal'skaya letopis' po Lavrent'evskomu spisku* [Complete Collection of Russian Chronicles. Laurentian Codex. Laurentian Text of the Suzdalian Chronicle], vol. 1, iss. 2. Leningrad, AS USSR. 104 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey*, 1949. *Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV veka* [Complete Collection of Russian Chronicles. Moscow Chronicle Collection of the End of the 15th Century]. Vol. XXV. Moscow, Leningrad, AS USSR. 464 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey*, 1989. *Radzivilovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Radziwili Chronicle]. Vol. XXXVIII. Leningrad, Nauka Publ. 177 p.
- Popov P.V., 2012. K voprosu ob etnokul'turnykh sostavlyayushchih material'noy kul'tury oguzov i pechenegov [On the Issue of the Ethnocultural Components of the Material Culture of the Oguz and Pechenegs]. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. Hazarskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Khazar Time], vol. 9. Donetsk, DonNU, pp. 381-408.
- Rudenko K.A., 2013. Mogil'niki Volzhskoy Bulgarii i Bulgarskogo ulusa Zolotoy Orly, kak istochnik po izucheniyu mirovozzreniya srednevekovogo naseleniya Volgo-Kam'ya: voprosy sistematizatsii [Cemeteries of the Volga Bulgaria and the Bulgar Ulus of the Golden Eagle, as a Source for the Study of the Worldview of the Medieval Population of the Volga-Kama Region: Issues of Systematization]. *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Central'noy Azii v istoricheskoy retrospektive* [Worldview of the Population of Southern Siberia and Central Asia in Historical Retrospect], iss. VI. Barnaul, ASU, pp. 72-101.
- Ruslanov E.V., 2016. Rogovye i kostyanye podpruzhnye pryazhki srednevekovogo gorodishcha Ufa-II [Horn and Bone Spring Buckles of the Medieval Settlement Ufa-II]. *Aktual'nye problemy istorii, arheologii, etnologii i kul'tury Bashkortostana: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvyashch. yubileyu vidnogo obshchestvennogo i nauchnogo deyatelya, professora Marata Mahmutovicha Kul'sharipova* [Actual Problems of History, Archeology, Ethnology and Culture of Bashkortostan. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation Dedicated to the Anniversary of a Prominent Public and Scientific Figure, Professor Marat Makhmutovich Kulsharipov]. Ufa, BashSU, pp. 282-288.
- Rykov P.S., 1929. *Pozdnesarmatskoe pogrebenie v kurgane bliz s. Zinov'evka* [Late Sarmatian Burial in a Kurgan near the Village Zinovievka]. Saratov, Sarpoligrafprom Publ. 12 p.
- Rykov P.S., 1936. *Ocherki po istorii Nizhnego Povolzh'ya po arheologicheskim materialam* [Essays on the History of the Lower Volga Region Based on Archaeological Materials]. Saratov, Sarat. kraevoe izd-vo Publ. 152 p.
- Sergeeva O.V., 2006. Nahodki srednevekovogo vremeni iz razrushennogo pogrebeniya u s. Smelovka [Finds of Medieval Times from a Ruined Burial near the Village of Smelovka]. *Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya* [Archaeological Heritage of the Saratov Region], iss. 7. Saratov, Nauch. kn. Publ., pp. 72-75.
- Sinitsin I.V., 1947. *Arheologicheskie raskopki na territorii Nizhnego Povolzh'ya* [Archaeological Excavations on the Territory of the Lower Volga Region]. Saratov, Poligrafizdat Publ. 144 p.
- Sinitsin I.V., 1952. *Arheologicheskie issledovaniya v Saratovskoy oblasti i Zapadnom Kazahstane* [Archaeological Research in the Saratov Region and Western Kazakhstan]. *Kratkie soobshchenie Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture], iss. 45. Moscow, Leningrad AS USSR, pp. 62-73.
- Sinitsin I.V., 1959. *Arheologicheskie issledovaniya Zavolzhskogo otryada (1951–1953 gg.)* [Archaeological Research of the Zavolzhsky Detachment (1951–1953)]. *Drevnoby drevnego Povolzh'ya* [Antiquities of Ancient Volga River Region]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, iss. 60. Moscow, AS USSR, pp. 39-205.

- Sinitin I.V., 1966. Drevnie pamyatniki Saratovskogo Zavolzh'ya [Ancient Monuments of the Saratov Volga Region]. *Arheologicheskii sbornik* [Archaeological Collection]. Saratov, SSU, pp. 3-62.
- Siniuk A.T., Berezutsky V.D., 1991. Rannesrednevekovoe podzemnoe svyatilishche-labirint [Underground Labyrinth Shrine of the Early Phase of the Middle Ages]. *Sovetskaya Arheologiya* [Soviet Archeology], no. 3, pp. 250-261.
- Sitnikov A.V., Antyufeev O.V., 2000. Polovetskie izvayaniya Volgo-Donskogo mezhdurech'ya i Nizhnego Povolzh'ya [Polovtsian Sculptures of the Volga-Don Interfluvium and the Lower Volga Region]. *Voprosy kraevedeniya. Materialy kraevedcheskikh chteniy, posvyashchennykh 75-letiyu oblastnogo obshchestva kraevedov* [Issues of Local History. Materials of Local History Readings Dedicated to the 75th Anniversary of the Regional Society of Local Historians]. Volgograd, VolSU. 484 p.
- Sitnikov A.V., 2009. Polovetskie izvayaniya [Polovtsian Sculptures]. *Arheologicheskaya entsiklopediya Volgogradskoy oblasti* [Archaeological Encyclopedia of the Volgograd Region]. Volgograd, VolSU, pp. 198-199.
- Spitsin A.A., 1896. Obozrenie nekotorykh guberniy i oblastey Rossii v arheologicheskom otnoshenii [Review of Some Provinces and Regions of Russia in the Archaeological Aspect]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo arheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Imperial Russian Archaeological Society]. Vol. VIII. Novaya seriya, iss. 1-2. Saint Petersburg, pp. 116-159.
- Spitsin A.A., 1914. Nekotorye novye priobreteniya Saratovskogo muzeya [Some New Acquisitions of the Saratov Museum]. *Izvestiya Imperatorskoy arheologicheskoy komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission], iss. 53. Saint Petersburg, pp. 95-106.
- Stashenkov D.A., 2000. Belozerskoe pogrebenie [Belozersk Burial]. *Vostochnoevropeyskiy arheologicheskii zhurnal* [East European Archaeological Journal], no. 1 (2), pp. 74-86.
- Tayna kamennoy baby [The Mystery of the Stone Woman]. *MBUK «Pugachyovskiy kraevedcheskiy muzey im. K.I. Zhuravlyova* [Pugachev Museum of Local Lore named after K.I. Zhuravlev]. URL: <http://muzey-pugachjov.ru/tajna-kamennoj-baby.html>
- Tolstov S.P., 1947. Goroda guzov [Cities of Ghuz]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], no. 3, pp. 55-102.
- Totev B., Pelevina O., 2009. Arheologicheskie dannye o kontaktakh naseleniya Hazarskogo kaganata i dunayskikh bolgar [Archaeological Data on the Contacts of the Population of the Khazar Khaganate and the Danube Bulgarians]. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. Hazarskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Khazar Time], vol. 7. Donetsk, DonNU, pp. 43-60.
- Totev B., Pelevina O., 2011. Klad iz Vrapa (Albaniya) i aristokraticheskie poyasa dunayskikh bolgar [Treasure from Vrap (Albania) and the Aristocratic Belts of the Danube Bulgarians]. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. Hazarskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Khazar Time], vol. 9. Donetsk, DonNU, pp. 339-360.
- Fedorov-Davydov G.A., 1966. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh hanov* [Nomads of Eastern Europe Under the Rule of the Golden Horde Khans]. Moscow, MSU. 276 p.
- Fedorov-Davydov G.A., 1969. Gorod i oblast' Saksin XII–XIV vv. [City and Region of Saksin 12–14th Centuries]. *Drevnosti Vostochnoy Evropy* [Antiquities of Eastern Europe]. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR, no. 169. Moscow, Nauka Publ., pp. 253-261.
- Flerova V.E., 2001. *Reznaya kost' yugo-vostoka Evropy IX–XII vv.: iskusstvo i remeslo. Po materialam Sarkela – Beloy Vezhi iz kolleksii gosudarstvennogo Ermitazha* [Carved Bone of the South-East of Europe 9th – 12th Centuries: Art and Craft. Based on the Materials of Sarkel – Belaya Vezha from the Collection of the State Hermitage Museum]. Saint Petersburg, Aleteya Publ. 256 p.
- Fond E.K. Maksimova. Kartoteka k arheologicheskoy karte Pravoberezh'ya Saratovskoy oblasti – Atkarskiy, Bazarno-Karabulakskiy, Vol'skiy, Vyazovskiy, Ekaterinovskiy rayony. Vol'skiy rayon [Card Index to the Archaeological Map of the Right Bank of the Saratov Region – Atkarsky, Bazarno-Karabulaksky, Volsky, Vyazovsky, Yekaterinovskiy Districts. Volsky District]. *Gosudarstvennyy arhiv Saratovskoy oblasti* [State Archive of the Saratov region], F. R-3756, Op. 1. D. 179, 494.
- Hrekov A.A., 2004. *Drevnosti Prihoper'ya* [Antiquities of the Hoper Region River]. Balashov, Nikolaev Publ. 200 p.
- Charikov A.A., 1986. Izobrazitel'nye osobennosti kamennykh izvayaniy Kazakhstana [Pictorial Features of Stone Statues of Kazakhstan]. *Sovetskaya Arheologiya* [Soviet Archeology], no. 1, pp. 87-102.
- Charikov A.A., 1986a. Dve raznovremennye gruppy kamennykh statuy Priural'ya [Two Groups of Stone Statues of the Urals at Different Times]. *Problemy srednevekovoy arheologii Urala i Povolzh'ya* [Problems of Medieval Archeology of the Urals and the Volga Region]. Ufa, BBAS USSR, pp. 138-145.

- Tsybin M.V., 1986. Pogrebeniya srednevekovykh kochevnikov XI–XIV vv. v Srednem Podon'e [Burials of Medieval Nomads of the 11th – 14th Centuries in the Middle Don Region]. *Sovetskaya Arheologiya* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 257-268.
- Tsybin M.V., 1999. Polovtsy i Ryazanskaya zemlya [Polovtsy and Ryazan land]. *Evraziyskaya lesostep' v epohu metalla* [The Eurasian Forest-Steppe in the Age of Metal]. Voronezh, VSU, pp. 130-139.
- Tsybin M.V., 2018. K izucheniyu zakonornostey formirovaniya russko-kochevnicheskogo pogranič'ya v Srednem Podon'e v IX–XVII vv. [To Study the Regularities of Formation of the Russian-Nomadic Frontier in the Middle Don Region in the 9th – 17th Centuries]. *Drevnosti. Issledovaniya. Problemy. Sbornik statey v chest' 70-letiya N.P. Tel'nova* [Antiquities. Studies and issues: Essays in Honour of Nicolai Telnov on the Occasion of His 70th Birthday]. Kishinev-Tiraspol', Stratum plus Publ., pp. 495-503.
- Shvetsov M.L., 1979. Polovetskie svyatilishcha [Polovtsian Sanctuaries]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], no. 1, pp. 199-209.
- Shilov V.P., 1959. Kalinovskiy kurgannyi mogil'nik [Kalinovsky Kurgan Cemetery]. *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya* [Antiquities of Lower Volga Region]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*, iss. 60. Moscow, AS USSR, pp. 323-523.
- Shnaydshteyn E.V., 1989. Srednevekovoe pogrebenie na reke Ahtuba Astrahanskoy oblasti [Medieval Burial on the Akhtuba River in the Astrakhan Region]. *Sovetskaya Arheologiya* [Soviet Archaeology], no. 4, pp. 269-271.

Information About the Authors

Aleksey B. Malyshev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, ordynez@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1077-0239>

Aleksey I. Rakushin, Candidate of Sciences (History), Archaeologist, Scientific and Production Center for the Historical and Cultural Heritage of the Saratov Region, I.V. Michurina St, 86, 410056 Saratov, Russian Federation, rakushinai@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1116-357X>

Информация об авторах

Алексей Борисович Малышев, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, ordynez@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1077-0239>

Алексей Иванович Ракушин, кандидат исторических наук, археолог, Научно-производственный центр по историко-культурному наследию Саратовской области, ул. им. И.В. Мичурина, 86, 410056 г. Саратов, Российская Федерация, rakushinai@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1116-357X>

www.volsu.ru

ПУБЛИКАЦИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.6>

UDC 902.01
LBC 63.4

Submitted: 30.03.2024
Accepted: 20.05.2024

MESOLITHIC BURIALS OF THE VOLGA-URALS¹

Aleksandr A. Vybornov

Samara State University of Social Science and Education, Samara, Russian Federation

Aleksandr A. Khokhlov

Samara State University of Social Science and Education, Samara, Russian Federation

Kirill I. Borodulin

Samara State University of Social Science and Education, Samara, Russian Federation

Abstract. For the Mesolithic era, experts have identified two zones of ritualism: the northern with an elongated posture of skeleton and the southern with a crouched posture. Until recently on the territory of the Volga-Urals, Mesolithic burials were almost unknown. Therefore, the purpose of the article is to analyze the complexes for their attribution to the Middle Stone Age. The paper relevance is due to the low degree of the Mesolithic burials study in the territory under consideration. Methods and materials. The objects of the study were the materials of the monuments Mayak I, Syezhe I, Chekalino IV and Davlekanovo. In order to achieve the goal, the archaeological context of each monument was analyzed. To identify several objects of study, planigraphic and stratigraphic methods were used. The typological analysis was applied when structuring the funeral rite and the inventory. Lack of inventory in some burials made cultural and chronological attribution difficult. The radiocarbon method was aimed at establishing the chronological framework of the burials. Anthropological analyses were aimed at identifying morphological characteristics of the buried. Outcomes. Based on the results of the study, two traditions of the burial rite were revealed. The Mayak I and Syezhe I monuments depict the pose of the buried stretched out on their backs, while the Chekalino IV and Davlekanovo monuments show a crouched position on the right side. Radiocarbon values record the chronological differences between these groups. Anthropological characteristics are included in a wide range of variants of the proto-Uraloid or the Old Ural type. These differences can be explained both by the territorial peculiarity of the Volga-Ural region and by the fact that the monuments belong to different periods of the Mesolithic.

Key words: Volga-Ural, Mesolithic, burials, chronology, anthropological type.

Citation. Vybornov A.A., Khokhlov A.A., Borodulin K.I., 2024. Mezoliticheskie pogrebeniya Volgo-Ural'ya [Mesolithic Burials of the Volga-Urals]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 3, pp. 130-142. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.6>

УДК 902.01
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 30.03.2024
Дата принятия статьи: 20.05.2024

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ¹

Александр Алексеевич Выборнов

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

Александр Александрович Хохлов

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

Кирилл Игоревич Бородулин

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. Для эпохи мезолита специалисты выделили две зоны обрядности: северная с вытянутой позой костяка и южная со скорченной. На территории Волго-Уралья вплоть до недавнего времени погребения мезолита были почти неизвестны. Поэтому целью статьи является анализ комплексов на предмет их отнесения к среднекаменному веку. Актуальность работы обусловливается слабой степенью изученности мезолитических захоронений на рассматриваемой территории. *Материалы.* В качестве объектов изучения выступили материалы памятников Маяк, Съезжее, Чекалино IV и Давлеканово. Для решения поставленной задачи был проанализирован археологический контекст каждого памятника. С целью выявления нескольких объектов изучения применялись планиграфический и стратиграфические методы. При структурировании погребального обряда и инвентаря использовался типологический анализ. Безынвентарность некоторых захоронений затрудняла культурно-хронологическую атрибуцию. Радиоуглеродный метод датирования был направлен на определение хронологических рамок погребений. Антропологические анализы имели целью выявление морфологических особенностей погребенных. *Результаты.* По итогам исследования установлены две традиции обряда захоронения. На памятниках Маяк I и Съезжее I представлена вытянутая на спине поза захороненных, а на Чекалино IV и Давлеканово – скорченное на правом боку положение. Радиоуглеродные значения фиксируют хронологические различия этих групп. Антропологические характеристики указывают на варианты протоуралоидного или древнеуральского типа. Эти различия могут быть объяснены как территориальным своеобразием Волго-Уралья, так и тем, что памятники относятся к разным периодам мезолита.

Ключевые слова: Волго-Уралье, мезолит, погребения, хронология, антропологический тип.

Цитирование. Выборнов А. А., Хохлов А. А., Бородулин К. И., 2024. Мезолитические погребения Волго-Уралья // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 3. С. 130–142. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.6>

Введение

Изучение мезолитической эпохи базируется преимущественно на анализе каменного инвентаря, жилищных сооружений, а при благоприятных условиях, и костяного инвентаря. Но трудно было бы представить характеристику среднекаменного века, если бы в распоряжении специалистов не было материалов таких некрополей, как Южный Оленеостровский и Васильевский могильники. Именно эти памятники представили информацию не только о социальных и духовных аспектах, но и об отличительных показателях погребального обряда мезолита в разных регионах. Опираясь на всю совокупность имевшихся на начало 70-х гг. XX в. данных, для неолитических захоронений ученые предположили наличие двух групп, которые отличаются по обрядности: северная и южная. Первая характеризуется вытянутой позой погребенного, а вторая – скорченной [Матюшин, 1970, с. 167]. Эта гипотеза в дальнейшем была развита и для памятников мезолитического периода [Телегин, 1991, с. 33–43]. И ес-

ли в лесных и степных территориях такое деление было достаточно четким, то для лесостепных пространств картина была не столь ясная. Ситуация осложнялась и тем, что в Среднем и Нижнем Поволжье, несмотря на интенсивные раскопки памятников каменного века, были хорошо известны лишь некрополи энеолита, типа Хвалыньских. Что касается неолита и тем более мезолита, источниковая база была весьма скудная. Еще одной причиной, которая тормозила изучение мезолитических захоронений, было обнаружение костяков на памятниках, содержащих несколько разнокультурных и разновременных комплексов. И, конечно, не способствовало разработке этой темы то обстоятельство, что почти все погребения были безынвентарные. Это приводит к тому, что одни и те же захоронения имеют различные научные трактовки. На территории Волго-Уралья вплоть до недавнего времени достоверные погребения мезолита были почти неизвестны. Исходя из этого, целью данной работы стал анализ имеющихся древних комплексов на возможность их отнесения к среднекаменному веку.

Материалы

До середины 90-х гг. XX в. у исследователей не было достаточных оснований для достоверного отнесения ряда погребений в Волго-Уралье к эпохе мезолита [Андреев, 2023]. В 1973–1974 гг. в Самарской области был исследован могильный комплекс – Съезжее I (рис. 1,2). Обобщение и сопоставление нового материала позволило исследователям выделить самарскую культуру, которая дала представление об эпохе энеолита на территории лесостепного Поволжья и Приуралья. Обнаруженные артефакты способствовали пониманию ее культурной специфики, которая выражалась в погребальном обряде, керамической посуде и орудийной индустрии [Васильев, Матвеева, 1979].

Могильник состоял из 11 погребений, из которых было 8 одиночных и одно тройное. Два костяка (8–9) были отнесены бронзовому веку, а остальные интерпретировались как энеолитические. Могильные ямы не прослеживались, а расположение основной массы костяков (2–7) было компактно сгруппировано. Более удаленное местоположение от скопления занимали погребения 10, 11. *Погребение 10* (рис. 2,III) находилось в 5 метрах к западу от основной части захоронений и принадлежало взрослому человеку. Иначе говоря, он планиграфически отделен от группы остальных костяков. Скелет лежал на спине в вытянутом положении с руками вдоль туловища. Кисти рук и ступни не сохранились. Голова была ориентирована на восток с незначительным отклонением на север. Скелет принадлежал зрелому мужчине. Опубликован череп, точнее, размеры его мозговой коробки [Шевченко, 1980]. Она крупная, мезокранная, с очень высоким сводом. Автор работы отнес ее к гиперморфному европеоидному типу, близкому к варианту из неолитических могильников Приазовья и Надпорожья. При расчистке погребения было обнаружено 2 орудия: костяной вкладышевый кинжал и еще одно изделие из кости, функцию которого установить трудно (рис. 2,6–8). Аналогичные артефакты широко представлены в культурах от мезолита [Жилин, 2019] до энеолита. Весомым доказательством принадлежности кинжала к основному погребальному комплексу

стало наличие схожих изделий в материалах энеолитических могильников Саратовского Поволжья [Васильев, 1985] и обнаружение вкладышей в I Хвалынском могильнике [Агапов и др., 1990, с. 122]. Однако точной привязки микролитов к погребениям в нем не прослежено, а во II Хвалынском могильнике такие артефакты не найдены. Это позволяет высказать суждение, что вкладышевая техника в энеолите Волго-Уралья требует дополнительной аргументации, а обнаруженные микролиты могли являться остатками мезолитической стоянки, разрушенной могильником.

Прояснить данный вопрос позволили радиоуглеродные даты по костяным орудиям могильника Съезжее I, полученные на AMS: 8031 ± 43 и 7825 ± 42 лет BP [Выборнов и др., 2023]. Датировка по костяным орудиям, одно из которых имеет сходства с материалами Старо-Токской стоянки [Моргунова, 1983], в совокупности с изолированным положением костяка и наличием в культурном слое памятника каменного инвентаря мезолитического облика (конические и призматические нуклеусы, скребки на пластинах, резцы, острия, наконечники стрел на пластинах) позволяет отнести погребение 10 к эпохе мезолита.

Погребение 11 (рис. 2,IV) также располагалось на достаточном удалении от остальных. Костяк взрослого человека лежал на спине в вытянутом положении головой на север. Какой-либо сопутствующий инвентарь отсутствовал [Васильев, Матвеева, 1979]. Хронологическая атрибуция погребения затруднительна, но в связи с обнаружением на памятнике материалов эпохи мезолита и аналогичной позы погребения 10, нельзя исключать его принадлежность к данному периоду. Скелет определен как мужской [Шевченко, 1980, с. 168]. Череп неполный. Мозговой отдел скорее средний по размерам, брахикранный, низкосводный. Лицевой скелет уплощен на верхнем уровне, грушевидное отверстие узкое. Автор отнес его, как и мужской из погребения 10, к гиперморфному европеоидному варианту. Однако, на наш взгляд, по комплексу черт он иной. Скорее, с учетом некоторой грацильности, данный череп ближе к вариантам, представляющим урало-лапоноидную группу восточноевропейского севера.

Еще одним погребальным памятником является Чекалино IV, расположенный в Самарской области на одноименной стоянке (рис. 1,3). Комплекс является одновременным от елшанской культуры раннего неолита до материалов позднего энеолита. В результате исследования памятника было обнаружено два захоронения [Мамонов, 1995]. У погребения 1 (рис. 3,Л) могильная яма читалась плохо. Возможно, это связано с неглубоким залеганием костных остатков в материке. В ней находился скелет женщины 50–55 лет, поза захоронения которой имеет сильно скорченное положение на правом боку, с подложенными под голову руками. Костяк ориентирован на северо-запад, а у основания головы была обнаружена небольшая ножевидная пластина. Керамика отсутствовала. Автор раскопок допускал возможность определить его хронологическую позицию временем формирования елшанского культурного слоя. Дата захоронения получена по радиоуглеродному анализу костной ткани погребенного и определена в 8970 ± 30 лет BP (PSUAMS-4211). Самые ранние даты по елшанской культуре были получены на Чекалино IV с раковин моллюсков, которые во всех случаях при датировании удревняют результат. Несколько ранних значений связано с датировкой керамики, но стоит обратить внимание, что они выбиваются из основного массива дат хронологии раннего неолита [Археология Волго-Уралья, 2021, с. 259–260]. Наконец, есть дата по кости с Ивановской стоянки. Она имеет значение, аналогичное датам по моллюскам. Но памятник, где был обнаружен костный материал, многослойный: от раннего неолита до поздней бронзы [Моргунова, 1980]. Наличие в каменном инвентаре стоянки большого количества ножевидных пластин, что является показателем мезолитической эпохи, позволяет предполагать, что дата по кости связана именно с этими артефактами, оставленными в более раннее время, прежде чем появились носители елшанской культуры. Технология, направленная на получение ножевидных пластин, не характерна для каменной индустрии раннего неолита елшанской культуры, в которой доминировала традиция отщеповой заготовки [Андреев, 2015, с. 206], но была распространена в эпоху мезолита. Что касается полученной

даты по скелету с Чекалино IV, то резервуарный эффект мог достигать до тысячи лет и более. Но и в этом случае возраст погребения будет древнее самых ранних дат елшанской культуры.

Череп женщины довольно крупный, долихокраний, с высоким сводом. Широкий и укороченный нос, а также отчетливый альвеолярный прогнатизм придают ему в сумме экваториальные черты [Хохлов, 1996]. Происхождение такого облика, возможно, является лишь следствием своеобразной индивидуальной изменчивости в популяции. Параллельно можно обратить внимание на ряд находок подобного типа среди материалов верхнего палеолита лесостепной и лесной зон Восточной Европы (Маркина Гора, Сунгирь) и более позднего времени (Гавриловская стоянка, Катергино-Бишево и др.). Для объективного суждения о проявлении таких специфических черт на черепках севера восточно-европейской равнины этих находок еще недостаточно. Здесь необходимо также проведение специального, как можно более глубокого генетического анализа. Таким образом, погребение 1 стоянки Чекалино IV, возможно, относится к мезолитическому периоду.

Еще одно скорченное погребение было обнаружено на территории Республики Башкортостан близ г. Давлеканово на р. Дема (рис. 1,4). На территории поселения было выявлено несколько горизонтов с культурными остатками разных эпох от мезолита до РЖВ. На уровне неолитического слоя была обнаружена жилищная западина, внутри которой прослеживались остатки следов от четырех очагов. Вокруг кострищ концентрировалась основная масса находок: развалы сосудов, кости животных, двусторонне обработанные орудия. Под неолитическим слоем была обнаружена концентрация мезолитических артефактов [Матюшин, 1970]. В результате расчистки очага был выявлен костяк взрослого мужчины, присыпанный охрой (рис. 3,И). Следы могильной ямы не читались, а прослойка между погребением и очагом составляла всего лишь несколько сантиметров. Погребенный ориентирован на северо-запад и имеет скорченное положение на правом боку. Тазовые кости подверглись термическому воздействию от вышерасположенного очага неолитического периода.

тического времени и были сожжены. Сопровождающий инвентарь состоял из двух скребков, расположенных в районе груди и головы, и двух обломков небольших ножевидных пластин у колен (рис. 3, 1–4) [Матюшин, 1976, с. 76–92].

Размеры черепа были опубликованы [Шевченко, 1986, с. 156]. Краниум имеет широкую и низкую, брахикраную мозговую коробку, широкий и наклонный лоб. Лицевой отдел среднеширокий и очень высокий, умеренно профилированный на верхнем уровне и резко на нижнем. Нос сильно выступает в профиль. В целом череп европеоидный, но специфический по сочетанию признаков. Ввиду этого очевидно, что он не может представлять какой-либо конкретный краниологический вариант древности.

Обстоятельство залегания костяка под неолитическими очагами позволяет датировать его не позднее неолита. Однако наличие между ними хоть и незначительной земельной прослойки не исключает возможность его мезолитического возраста. Более того, судя по стратиграфическому разрезу памятника, погребение четко расположено в мезолитическом слое [Матюшин, 1970, с. 162, рис. 2]. В антропологической литературе избегают интерпретировать этот скелет до установления хронологической позиции захоронения.

В ходе раскопок могильника у горы Маяк в Самарской области [Сташенков, 1996; Кузнецова и др., 2004] были обнаружены погребения, которые вследствие дальнейшего изучения, включая результаты радиоуглеродного датирования, получили хронологическую привязку к эпохе каменного века (рис. 1, 1).

Раскоп 1, погребение 2. В ходе финальной зачистки раскопа на уровне материка были обнаружены останки скелета. Контуры могильной ямы не читались на поверхности, а заполнение не отличалось от материка [Сташенков, 1996]. Скелет неполный и расположен не в анатомическом порядке. Сохранились лишь части черепной коробки, нижняя челюсть, фрагменты таза, рук и ног, которые были компактно уложены. Возможно, такая укладка была осуществлена преднамеренно при совершении погребального обряда еще в древности. Костяк, судя по расположению черепа, был, предположительно, ориентирован

на СВ. Сопутствующий погребальный инвентарь отсутствовал. Скелет принадлежал мужчине 35–45 лет. Согласно результатам радиоуглеродного анализа, возраст костного образца из погребения составил 9810 ± 45 BP (RICH-25916.1.1) [Васильев и др., 2021, с. 24–25].

Раскоп 1, погребение 3. Выявлено в слое материковой глины, в 0,8 м к ЮВ от погребения 2. Очертания могильной ямы не прослеживались, заполнение ямы не фиксировалось. Погребение было разрушено в древности. От скелета сохранились крупные фрагменты черепной крышки, находившиеся в двух скоплениях на расстоянии 0,25 м друг от друга, отдельные фрагменты ребер и длинные кости рук, сложенные рядом. Погребальный инвентарь отсутствовал [Васильев и др., 2021, с. 22–23].

Раскоп 3, погребение 1 (рис. 2, 1). В захоронении находился неполный скелет, верхняя половина которого, включая череп, в основном была уничтожена вследствие современных карьерных работ. Сохранились фрагментированные кости поясничного отдела позвоночника, нижних ребер, отдельные тазовые, кости предплечий и нижних конечностей. Голени человека были отчленены и уложены параллельно бедром. Положение имевшейся части скелета указывало на то, что позвоночным столбом погребенный был ориентирован на Ю-ЮЗ. В могильной яме были обнаружены: ножевидная пластина, резец лося и три клыка соболя или куницы (рис. 2, 1–5). Скелет принадлежал молодому мужчине возраста 20–29 лет. Он характеризуется некоторой грацильностью костей, среднеразвитым мышечным рельефом, удлинненными голеньями относительно бедер [Кузнецова и др., 2004]. На основе радиоуглеродного анализа костных остатков из погребения в лаборатории ГИН РАН была получена дата 10030 ± 50 BP (GIN-11528), а в Университете Брок – 9708 ± 60 BP [Кузнецова и др., 2004]. Даже с учетом резервуарного эффекта мезолитический возраст этих захоронений не вызывает сомнений.

Раскоп 3, погребение 2 (рис. 2, 1). Могильная яма была ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Она была нарушена позднее впущенным захоронением 1. Сохранился неполный череп и отдельные фрагменты костей верхних конечностей. Они принадлежа-

ли ребенку возраста 6–8 лет [Васильев и др., 2019, с. 282].

Раскоп 3, погребение 3 (рис. 2, II). В захоронении находился неполный скелет, кости нижних конечностей отсутствовали вследствие проведенных ранее карьерных работ. Его верхняя часть располагалась на спине, а кости рук были вытянуты вдоль позвоночника. Левая плечевая кость отсутствовала, на ее месте находился плохо сохранившийся костяк новорожденного ребенка. Череп основного скелета был расположен на правой стороне. Вследствие положения скелета можно говорить о том, что человек был погребен на спине и ориентирован по линии Ю-С. Скелет принадлежал молодой женщине возраста 20–29 лет. Череп был реставрирован. По размерам он довольно крупный, высокосводный, долихокранный. Лицевой отдел имеет низкие орбиты, широкий нос с очень низким переносьем, несильно выступающим в профиль. Его горизонтальная профилировка весьма умеренная на верхнем уровне и резкая на нижнем. В вертикальной норме лицевой отдел мезогнатный, а альвеолярная часть умеренно прогнатная [Кузнецова и др., 2004, с. 135]. По комплексу черт он близок нео-энеолитическим черепам лесостепного Поволжья и Приуралья и являет собой пока хронологически самого раннего представителя группы, получившей, в том числе по ее географической локализации, наименование протоуралоидный или древнеуральский тип [Хохлов, 1996; Хохлов, 2003; Яблонский, 1998].

Изучение всех скелетов памятника Маяк I показало их морфологическую близость. В целом они представляют высокорослое население с удлиненными голеньями, короткими предплечьями, саблевидными большеберцовыми костями, средне массивным сложением. К характеристикам нужно добавить долихокранию и высокий свод черепов (раскоп 3, погр. 2 и 3) специфический комплекс признаков с гетеропрозопным лицом и несильно выступающим носом. Доминирование в зубной системе черепа из погр. 3 раскопа 3 признаков западного одонтологического комплекса говорит о связи с более западными палеопопуляциями. Но это не отрицает обособления и самостоятельного развития данной мезолитической группы, что прослеживается на краниологических

материалах, в том числе последующего нео-энеолитического времени Волго-Уралья. Нужно также отметить, что, по результатам последних генетических исследований [Posth et al., 2023], гаплогруппы мезолитических погребений Маяк I представлены фоновым кодом «R». Их представителей относят к кластеру северных охотников-собирателей Восточной Европы (Караваиха, Южный Олений Остров, Минино, Языково и др.). Вместе с тем отмечается специфика генетических образцов из памятника Маяк I и допускается, что эта группа, вероятно, имеет существенную примесь со стороны сибирских палеопопуляций (Мальта 1, Афонтова Гора 3, Афонтова Гора 2).

Полученные даты по двум погребениям (раскоп 1 погр. 2; раскоп 3, погр. 1) из могильника на горе Маяк показывают их принадлежность к эпохе раннего мезолита. На основе результатов антропологического исследования было высказано предположение, что все захоронения из раскопов 1 и 3 могли являться генетически родственными [Васильев и др., 2021, с. 29]. Исходя из этого, высока вероятность того, что погребения были оставлены одним населением в мезолитическое время.

Результаты

Таким образом, стратиграфические и планиграфические анализы показали, что среди некоторых памятников Волго-Уралья вполне возможно выделять погребения, которые не относятся к энеолитическим комплексам или неолитическим слоям. Из этого следует предположение об их возможном мезолитическом возрасте. Он подтверждается радиоуглеродными датами, полученными для памятников Маяк I, Съезжее I, Чекалино IV. Их значения (от 9000 до 7800 лет ВР) соответствуют среднекаменному веку. Мезолитические погребения Волго-Уралья можно разделить на два типа – в одних случаях погребенные укладывались вытянутыми на спине, а в других поза была скорченной на боку. К первому типу можно отнести погребения 10, 11 из Съезженского могильника и захоронения из могильника у горы Маяк. Второму типу характерны погребения со стоянок Чекалино IV и Давлеканово. Особенности погребальных обрядов этих групп можно трактовать их хро-

нологическими различиями. Кроме того, своеобразие лесостепной зоны позволяло проникать на данную территорию отдельным группам населения из южных регионов. В пользу этих двух факторов свидетельствует и определенная специфика антропологических типов выделенных групп.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья публикуется при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-

00194) «Эпохальная трансформация культурного и физического облика населения юга Среднего Поволжья и Приуралья в период неолит – ранний железный век по источникам археологии, антропологии, генетики».

The article is published with the support of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00194) «Epochal transformation of the cultural and physical appearance of the population of the south of the Middle Volga region and the Urals during the Neolithic – Early Iron Age according to sources of archaeology, anthropology, genetics».

ПРИЛОЖЕНИЯ

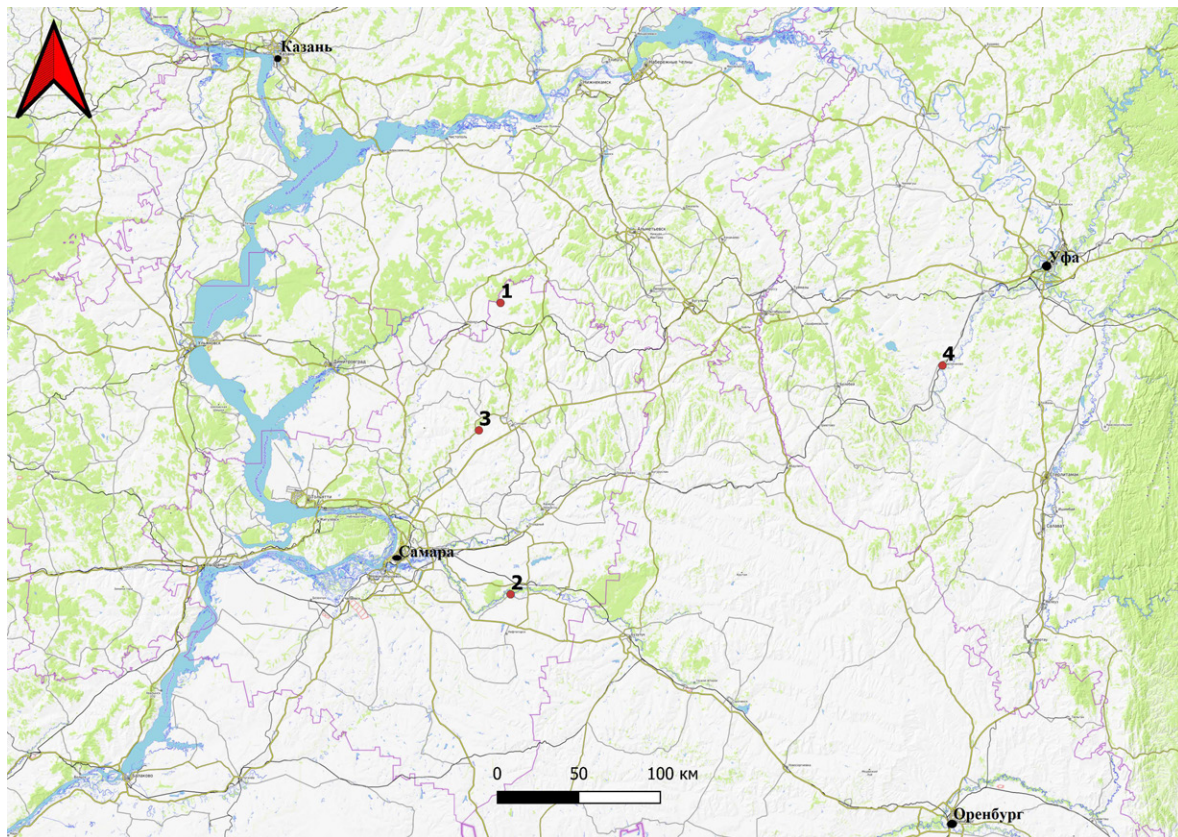

Рис. 1. Расположение мезолитических погребений:

1 – могильник Маяк I; 2 – могильник Съеззее I; 3 – стоянка Чекалино IV; 4 – поселение Давлеканово

Fig. 1. Location of Mesolithic burials:

1 – cemetery Mayak I; 2 – cemetery Syezzhee I; 3 – site Chekalino IV; 4 – site Davlekanovo

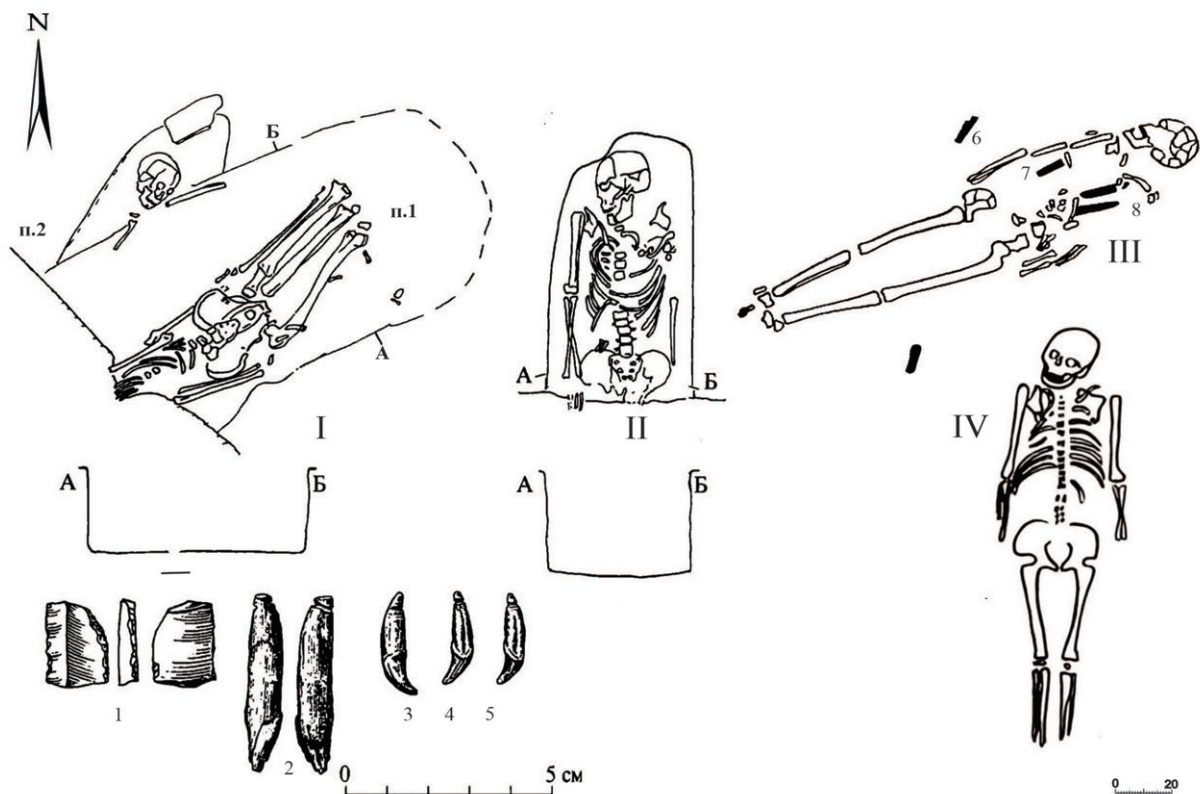

Рис. 2. Планы погребений Маяк I, раскоп 3 и Съезжее I:

I – план погребений 1–2, могильник Маяк I, раскоп 3 (инвентарь из погребения 1: *1* – кремь; *2–5* – кость); *II* – план погребения 3, могильник Маяк I, раскоп 3 (по: [Кузнецова и др., 2004, рис. 6]); *III* – погребение 10, могильник Съезжее I (*6–7* – обломки вкладышевого костяного ножа; *8* – орудие из трубчатой кости); *IV* – погребение 11, могильник Съезжее I (по: [Васильев, Матвеева, 1979, рис. 2])

Fig. 2. Burial plans of Mayak I, excavation 3 and Syezzhee I:

I – plan of burials 1–2, Mayak I cemetery, excavation 3 (inventory from burial 1: *1* – flint; *2–5* – bone); *II* – plan of burial 3, Mayak I cemetery, excavation 3 (after: [Kuznetsova et al., 2004, fig. 6]); *III* – burial 10, Syezzhee I cemetery (*6–7* – fragments of a bone knife for inserts from plates; *8* – tubular bone object); *IV* – burial 11 Syezzhee I cemetery (after: [Vasil'ev, Matveeva, 1979, fig. 2])

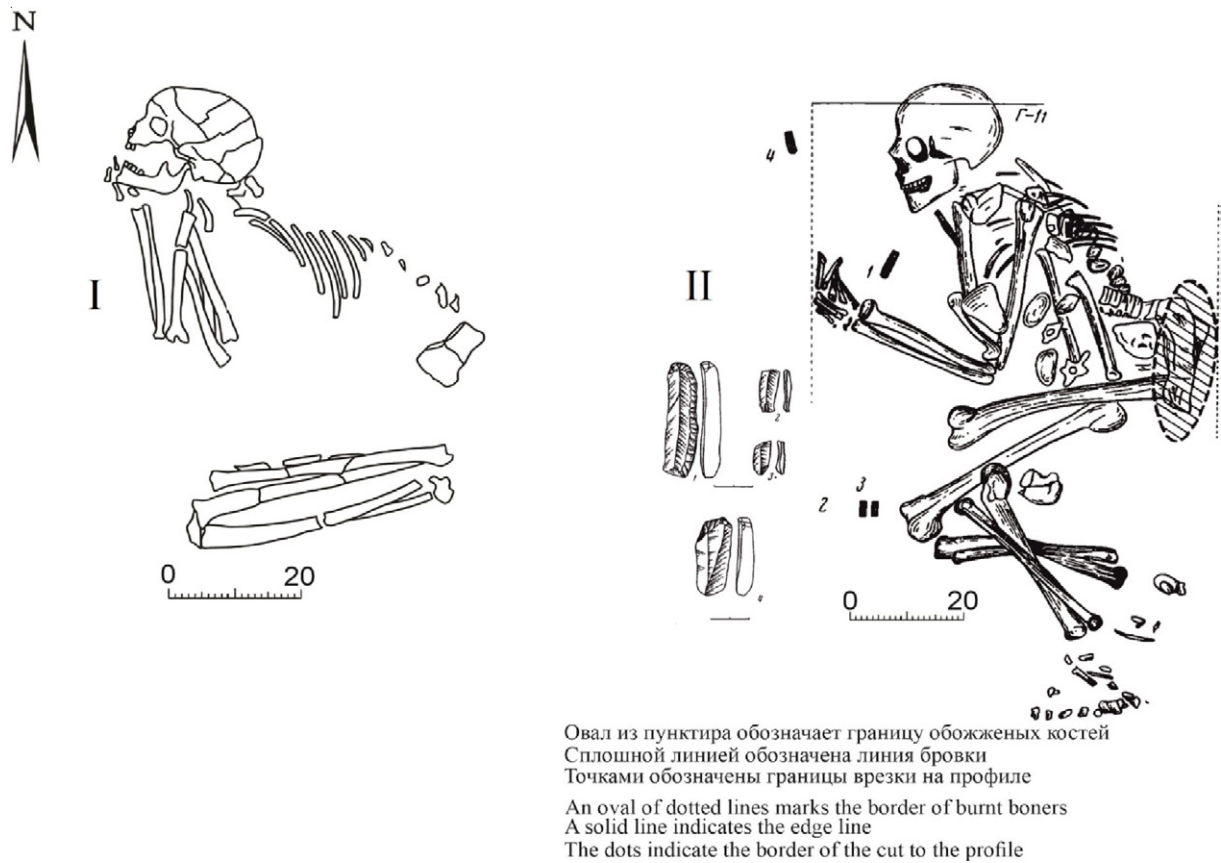

Рис. 3. План погребений Чекалино IV и Давлеканово:

I – погребение 1 стоянки Чекалино IV (по: [Мамонов, 1995, рис. 3]);

II – план погребения Давлеканово (I, 4 – скребки; 2, 3 – ножевидные пластины) (по: [Матюшин, 1970, рис. 5])

Fig. 3. Burial plan of Chekalino IV and Davlekanovo:

I – burial 1, site Chekalino II (after: [Mamonov, 1995, fig. 3]);

II – burial, site Davlekanovo (I, 4 – scrapers; 2, 3 – flint plates) (after: [Matyushin, 1970, fig. 5])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И., 1990. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов : Изд-во СГУ. 159 с.
- Андреев К. М., 2015. Характеристика раннеолитической кремниевой индустрии елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17, № 3. С. 198–211.
- Андреев К. М., 2023. Мезо-неолитические погребения в лесостепном Поволжье (проблемы интерпретации) // Искусство и погребальный обряд позднекаменного века. Самара ; СПб : ИИМК РАН. С. 25–26.
- Археология Волго-Уралья : в 7 т. Каменный век. 2021. Казань : Изд-во АН РТ. Т. 1. 444 с.
- Васильев И. Б., 1985. Могильник мариупольского времени в Липовом овраге на севере Саратовской области // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев : КГУ. С. 3–19.
- Васильев И. Б., Матвеева Г. И., 1979. Могильник у с. Съезжее на р. Самара // Советская археология. № 4. С. 147–166.
- Васильев С. В., Боруцкая С. Б., Сташенков Д. А., Кочкина А. Ф., Кузьмин Я. В., Боуден М., 2021. Археолого-антропологический анализ новых материалов из могильника Маяк I // Поволжская археология. № 3 (37). С. 22–31.
- Васильев С. В., Боруцкая С. Б., Халдеева Н. И., Харламова Н. В., Герасимова М. М., 2019. Мезолитическое население Среднего Поволжья по данным могильника Маяк // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 11. Липецк : ЛГПУ. С. 279–293.
- Выборнов А. А., Лебедева (Овчинникова) Н. В., Овчинников А. Ю., Хохлов А. А., 2023. Обзор погребальных памятников неолита и энеолита лесостепного Волго-Уралья в контексте радиоуглеродных дат // Прочнее меди : сб. ст. к 80-летию В. А. Дергачева. Кишинэу : Stratum Plus. С. 243–258.
- Жилин М. Г., 2019. Вкладышевые кинжалы и охотничьи ножи в мезолите Восточной Европы // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 255. С. 50–70.
- Кузнецова Л. В., Ластовский А. А., Сташенков Д. А., Хохлов А. А., 2004. Комплекс памятников каменного века на горе Маяк в Самарском Заволжье // Российская археология. № 1. С. 126–139.
- Мамонов А. Е., 1995. Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара : СГПУ. С. 3–25.
- Матюшин Г. Н., 1970. Неолитическое поселение и погребение у г. Давлеканово на Южном Урале // Советская археология. № 4. С. 160–168.
- Матюшин Г. Н., 1976. Мезолит Южного Урала. М. : Наука. 368 с.
- Моргунова Н. Л., 1980. Ивановская стоянка эпохи неолита-энеолита в Оренбургской области // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург : ОГПИ. С. 106–122.
- Моргунова Н. Л., 1983. Старо-Токская мезолитическая стоянка // Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж : ВГПИ. С. 28–40.
- Сташенков Д. А., 1996. Памятники эпохи раннего средневековья у с. Сидельниково // Краеведческие записки. Вып. VIII. Самара : СОИКМ. С. 223–236.
- Телегин Д. Я., 1991. Неолитические могильники мариупольского типа. Киев : Наукова думка. 91 с.
- Хохлов А. А., 1996. Новые краниологические материалы эпохи неолита с территории лесостепного Поволжья в связи с проблемой происхождения уральской расы // Вестник антропологии. Вып. 1. С. 121–141.
- Хохлов А. А., Яблонский Л. Т., 2003. Древнейшие антропологические материалы из Среднего Поволжья (предварительное сообщение) // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара : СГСПУ. С. 25–28.
- Шевченко А. В., 1980. Антропологическая характеристика населения черкаскульской культуры и вопросы его расогенеза // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л. : Наука. С. 136–183.
- Шевченко А. В., 1986. Антропология южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л. : Наука. С. 121–215.
- Яблонский Л. Т., 1998. Ареал «протоуралоидов» (к постановке вопросов) // 1-ая Международная конференция «Раса: Миф или Реальность» : тезисы. М. : Старый Сад. С. 95–96.
- Posth C., Yu H., Ghalichi A. et al., 2023. Palaeogenomics of Upper Palaeolithic to Neolithic European hunter-gatherers // Nature. Vol. 615. P. 117–126. DOI : <https://doi.org/10.1038/s41586-023-05726-0>

REFERENCES

- Agapov S.A., Vasil'ev I.B., Pestrikova V.I., 1990. *Hvalynskiy Eneoliticheskiy mogil'nik* [Khvalynskiy Eneolithic Cemetery]. Saratov, SSU. 159 p.
- Andreev K.M., 2015. Harakteristika ranneneoliticheskoy kremnievoy industrii elshanskoj kul'tury lesostepnogo Povolzh'ya [Characteristics of the Early Neolithic Silicon Industry of the Elshan Culture of the Forest-Steppe Volga Region]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo Tsentra Rossijskoj akademii nauk* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 17, no. 3, pp. 198-211.
- Andreev K.M., 2023. Mezo-neoliticheskie pogrebeniya v lesostepnom Povolzh'e (problemy interpretatsii) [Meso-Neolithic Burials in the Forest-Steppe Volga Region (Problems of Interpretation)]. *Iskusstvo i pogrebal'nyy obryad pozdnekamennogo veka* [Art and Funerary Rite of the Late Stone Age]. Samara, Saint Petersburg, IHMC, pp. 25-26.
- Arheologiya Volgo-Ural'ya: v 7 t. Kamennyj vek* [Archeology of Volga-Ural Region. In 7 vols. The Stone Age], 2021. Kazan, AS RT. Vol. 1. 444 p.
- Vasil'ev I.B., 1985. Mogil'nik mariupol'skogo vremeni v Lipovom ovrage na severe Saratovskoj oblasti [A Cemetery of the Mariupol Period in the Lipovy Ravine in the North of the Saratov Region]. *Drevnosti Srednego Povolzh'ya* [Antiquities of the Middle Volga Region]. Kuybyshev, KSU, pp. 3-19.
- Vasil'ev I.B., Matveeva G.I., 1979. Mogil'nik u sela Syezzhee na r. Samare [Cemetery near the Village of Syezzhe on the Samara River]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology], no. 4, pp. 147-166.
- Vasil'ev S.V., Borutskaya S.B., Stashenkov D.A., Kochkina A.F., Kuz'min Ya.V., Bowden M., 2021. Arheologo-antropologicheskij analiz novyh materialov iz mogil'nika Mayak I [Archaeological and Anthropological Analysis of New Materials from the Mayak Burial Ground in the Samara Region]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 3 (37), pp. 22-31.
- Vasil'ev S.V., Borutskaya S.B., Haldeeva N.I., Harlamova N.V., Gerasimova M.M., 2019. Mezoliticheskoe naselenie Srednego Povolzh'ya po dannym mogil'nika Mayak [Mesolithic Population of the Middle Volga Region According to the Mayak Burial Ground]. *Verhnedonskoj arheologicheskij sbornik* [Upper Don Archaeological Collection], iss. 11. Lipetsk, LSPU, pp. 279-293.
- Vybornov A.A., Lebedeva (Ovchinnikova) N.V., Ovchinnikov A.Yu., Khohlov A.A., 2023. *Obzor pogrebal'nyh pamyatnikov neolita i eneolita lesostepnogo Volgo-Ural'ya v kontekste radiouglerodnyh dat* [Review of Neolithic and Eneolithic Funerary Monuments of the Volga-Ural Forest-Steppe Region in the Context of Radiocarbon Dates]. Kishineu, Stratum Plus, pp. 243-258.
- Zhilin M.G., 2019. Vkladyshyve kinzhaly i ohotnich'i nozhi v mezolite Vostochnoy Evropy [Daggers Insert and Hunting Knives in the Mesolithic of Eastern Europe]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 255, pp. 50-70.
- Kuznetsova L.V., Lastovskiy A.A., Stashenkov D.A., Khohlov A.A., 2004. Kompleks pamyatnikov kamennogo veka na gore Mayak v Samarskom Zavolzh'e [The Cluster of the Stone Age Sites on the Mountain Mayak in Samara Region on the Volga Left Bank]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 126-139.
- Mamonov A.E., 1995. Elshanskiy kompleks stoyanki Chekalino IV [Elshansky Complex Chekalino IV]. *Drevnie kul'tury lesostepnogo Povolzh'ya* [Ancient Cultures of the Forest-Steppe Volga Region]. Samara, SSPU, pp. 3-25.
- Matyushin G.N., 1970. Neoliticheskoe poselenie i pogrebenie u g. Davlekanovo na Yuzhnom Urale [Neolithic Settlement and Burial near the Davlekanovo in the Southern Urals]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology], no. 4, pp. 160-168.
- Matyushin G.N., 1976. *Mezolit Yuzhnogo Urala* [Mesolithic of the Southern Urals]. Moscow, Nauka Publ. 367 p.
- Morgunova N.L., 1980. Ivanovskaya stoyanka epohi neolita-eneolita v Orenburgskoj oblasti [Ivanovo Site of the Neolithic-Eneolithic Era in the Orenburg Region]. *Problemy epohi eneolita stepnoy i lesostepnoy polosy Vostochnoy Evropy* [Problems of the Eneolithic Epoch of the Steppe and Forest-Steppe Belt of Eastern Europe]. Orenburg, OSPI, pp. 106-122.
- Morgunova N.L., 1983. Staro-Tokskaya mezoliticheskaya stoyanka [Staro-Tok Mesolithic site]. *Drevnie pamyatniki na territorii Vostochnoy Evropy* [Ancient Monuments in Eastern Europe]. Voronezh, VSPI, pp. 28-40.
- Stashenkov D.A., 1996. Pamyatniki epohi rannego srednevekov'ya u s. Sidel'nikovo [Monuments of the Early Middle Ages near the village of Sidelnikovo]. *Kraevedcheskie zapiski* [Local History Notes], iss. VIII. Samara, SOHM, pp. 223-236.

- Telegin D.Ya., 1991. *Neoliticheskie mogil'niki mariupol'skogo tipa* [Neolithic Burial Grounds of Mariupol Type]. Kiev, Naukova Dumka Publ. 91 p.
- Khokhlov A.A., 1996. Novye kraniologicheskie materialy epohi neolita s territorii lesostepnogo Povolzh'ya v svyazi s problemoy proiskhozhdeniya ural'skoy rasy [New Craniological Materials of the Neolithic Age from the Territory of the Forest-Steppe Volga Region in Connection with the Problem of the Origin of the Ural Race]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], iss. 1, pp. 121-141.
- Khokhlov A.A., Yablonskiy L.T., 2003. Drevneyshie antropologicheskie materialy iz Srednego Povolzh'ya (predvaritel'noe soobshchenie) [The Most Ancient Anthropological Materials from the Middle Volga Region (Preliminary Report)]. *Kontaktnye zony Evrazii na rubezhe epoh* [Eurasian Contact Zones at the Turn of Epochs]. Samara, SSSPU, pp. 25-28.
- Shevchenko A.V., 1980. Antropologicheskaya harakteristika naseleniya cherkaskul'skoy kul'tury i voprosy ego rasogeneza [Anthropological Characteristics of the Population of the Cherkaskul Culture and Issues of Its Racial Genesis]. *Sovremennye problemy i novye metody v antropologii* [Modern Problems and New Methods in Anthropology]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 136-183.
- Shevchenko A.V., 1986. Antropologiya yuzhnorusskikh stepey v epohu bronzy [Anthropology of the South Russian Steppes in the Bronze Age]. *Antropologiya sovremennogo i drevnego naseleniya evropeyskoy chasti SSSR* [Anthropology of the Modern and Ancient Population of the European Part of the USSR]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 121-215.
- Yablonskiy L.T., 1998. Areal "protouraloidov" (k postanovke voprosov) [Area of "Proto-Uraloids" (to the Formulation of Questions)]. *I-aya Mezhdunarodnaya konferentsiya "Rasa: Mif ili Real'nost": tezisy* [1st International Conference "Race: Myth or Reality". Abstracts]. Moscow, Staryy Sad Publ., pp. 95-96.
- Posth C., Yu H., Ghalichi A. et al., 2023. Palaeogenomics of Upper Palaeolithic to Neolithic European Hunter-Gatherers. *Nature*, vol. 615, pp. 117-126. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41586-023-05726-0>

Information About the Authors

Aleksandr A. Vybornov, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of National History and Archeology, Samara State University of Social Sciences and Education, M. Gorkogo St, 65/67, 443099 Samara, Russian Federation, vibornov_kin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3893-2933>

Aleksandr A. Khokhlov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Biology, Ecology and Training Methods, Samara State University of Social Sciences and Education, M. Gorkogo St, 65/67, 443099 Samara, Russian Federation, khokhlov_aa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0442-9616>

Kirill I. Borodulin, Master's Student, Department of History and Archaeology, Samara State University of Social Sciences and Education, M. Gorkogo St, 65/67, 443099 Samara, Russian Federation, kborodulin@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6883-4538>

Информация об авторах

Александр Алексеевич Выборнов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. М. Горького, 65/67, 443099 г. Самара, Российская Федерация, vibornov_kin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3893-2933>

Александр Александрович Хохлов, доктор исторических наук, профессор кафедры биологии, экологии и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. М. Горького, 65/67, 443099 г. Самара, Российская Федерация, khokhlov_aa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0442-9616>

Кирилл Игоревич Бородулин, магистрант кафедры истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. М. Горького, 65/67, 443099 г. Самара, Российская Федерация, kborodulin@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6883-4538>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.7>

UDC 902.3
LBC 63.4(2)

Submitted: 16.05.2024
Accepted: 01.07.2024

A HIGH-STATUS MIDDLE SARMATIAN BURIAL FROM THE KOVALEVKA BURIAL COMPLEX IN THE VOLGOGRAD REGION

Valeriy M. Klepikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the archaeological materials publication from the kurgan 25 excavations of the Kovalevka burial complex. The accompanying inventory, marking a high status of the buried, was found in an individual burial made in the tradition of the Middle Sarmatian funeral rite. The bronze cauldron broken in antiquity and placed upside down was found in the cache. Cauldrons of this type existed in the first century AD. Iron bits with two-hole psalms, widespread among the nomads of the steppe zone starting from the turn of the eras and silver-plated iron plaques from the horse bridle jewelry lay nearby. The set of three phalars, which can be functionally defined as breast and shoulder plates of a horse harness, was found on the other side of the cauldron. The phalars made of forged silver sheet traces of gilding on the surface. The multi-figure compositions of animals, birds and floral ornaments were depicted on the obverse, in low relief. Such phalars in Sarmatian monuments were widespread since the turn of the era and exist within the first half of the first century AD. On both sides of the cauldron there were two gray-clay pottery jugs made in Kuban pottery centers. They became widespread in the burial grounds of the Kuban and the Lower Don starting from the turn of the eras, although they were occasionally encountered at the end of the Early Sarmatian time. Two paired long militant knives were placed along the right leg; these finds are well known in the Sarmatian burials of the turn of the first centuries AD, and are found, as a rule, in high status complexes along with horse harness, bronze cauldrons and other prestigious items. All of the above allows us to assert that the buried individual belonged to the nomadic elite, whose burials during that period were concentrated in the Volga-Don interfluve.

Key words: Middle Sarmatian culture, Volga-Don interfluve, phalars, bronze cauldron, paired militant knives, Kuban ceramics.

Citation. Klepikov V.M., 2024. Statusnoe srednesarmatskoe pogrebenie iz mogil'nika Kovalevka v Volgogradskoy oblasti [A High-Status Middle Sarmatian Burial from the Kovalevka Burial Complex in the Volgograd Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 3, pp. 143-156. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.7>

УДК 902.3
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 16.05.2024
Дата принятия статьи: 01.07.2024

СТАТУСНОЕ СРЕДНЕСАРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ МОГИЛЬНИКА КОВАЛЕВКА В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Валерий Михайлович Клепиков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена публикации материалов раскопок кургана 25 могильника Ковалевка. В индивидуальном захоронении, совершенном в традиции среднесарматского погребального обряда, обнаружен сопутствующий инвентарь, маркирующий высокий статус погребенного. В тайнике был найден бронзовый котел, разбитый в древности и поставленный вверх дном. Котлы этого типа бытовали в I в. н.э. Рядом лежали железные удила с двухпетельчатыми псалями, получившие распространение у кочевников степной зоны начиная с рубежа эр. Вместе с ними были обнаружены посеребренные железные бляшки от украшений конской узды. С другой стороны котла найден комплект из трех фаларов, которые функционально можно определить как нагрудную и наплечные бляхи конской сбруи. Фалары сделаны из кованого серебряного листа со следами золочения на поверхности. На лицевой стороне в низком рельефе изображены многофи-

гурные композиции зверей, птиц и растительный орнамент. Такие фалары в сарматских памятниках получают распространение с рубежа эр и бытуют в пределах первой половины I в. н.э. По обе стороны котла стояли два сероглиняных гончарных кувшина, изготовленных в кубанских гончарных центрах. Они получили распространение в могильниках Кубани и Нижнего Дона начиная с рубежа эр, хотя изредка фиксируются уже в финале раннесарматского времени. Вдоль правой ноги были положены парные длинные боевые ножи, которые хорошо известны в сарматских погребениях рубежа – первых веков н.э., причем встречаются они, как правило, в статусных комплексах с конской сбруей, бронзовыми котлами и другими престижными предметами. Все перечисленное позволяет утверждать, что погребенный принадлежал к кочевой элите, захоронения которой именно в этот период концентрируются в Волго-Донском междуречье.

Ключевые слова: среднесарматская культура, Волго-Донское междуречье, фалары, бронзовый котел, парные боевые ножи, кубанская керамика.

Цитирование. Клепиков В. М., 2024. Статусное среднесарматское погребение из могильника Ковалевка в Волгоградской области // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 3. С. 143–156. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.7>

В процессе раскопок курганного могильника Ковалевка, расположенного на левой береговой террасе реки Есауловский Аксай, притока Дона, в 2022 г. был исследован курган 25. В кратком обзоре погребение из этого кургана было опубликовано в статье, посвященной теме ритуальных осквернений среднесарматских статусных погребений в Волго-Донском междуречье [Клепиков, 2023, с. 40–41]. Однако подробно сопутствующий инвентарь не анализировался, поскольку ряд вещей находился на реставрации, и было дано обещание восполнить этот пробел позже. Теперь такая возможность появилась.

Высота кургана по нивелировке – 0,19 м, диаметр – 14 м. Курганная насыпь сильно распахана, выделялась в рельефе едва заметным всхолмлением. Насыпь кургана в результате многолетней глубокой пропашки оказалась полностью переработанной, практически до погребенной почвы, к тому же сильно промыта внешними и грунтовыми водами. Находки в насыпи представлены многочисленными фрагментами костей средних и крупных копытных животных, среди которых более точно определяются обломки черепа полувзрослой лошади с фрагментами зубов и плечевая кость КРС¹. В насыпи встречены и мелкие фрагменты сероглиняной и красной глиняной круговой керамики. Единственное погребение было зафиксировано в ЮВ секторе, на расстоянии 2,3 м на юг от центрального репера (рис. 1,1).

Могильная яма имела подпрямоугольную форму, длинной осью ориентированную по линии ССЗ-ЮЮВ. Длина могильной ямы –

2,55 м, ширина в центральной части – 1,3. Северная часть ямы заужена, ширина северной стенки – 1 м. Глубина могильного сооружения в разных частях – 1,41–1,44 м.

Погребение носило следы ограбления, возможно, ритуального осквернения. Правая сторона костяка взрослого человека была смещена с первоначального положения к южной стенке. Здесь в могильном заполнении, на глубине 1,18–1,31 м от 0 находилась бедренная кость правой ноги, сросшаяся с крылом таза в результате патологических изменений, рядом – кости предплечья правой руки, нижняя челюсть, несколько ребер, вдоль южной стенки – плечевая кость правой руки, а также несколько позвонков, фрагмент левого крыла таза и обломок крестца.

На дне ямы *in situ* была обнаружена часть костяка взрослого мужчины. Непотревоженной осталась левая часть костяка и обе берцовые кости. Отсюда можно сделать вывод, что погребенный лежал на спине, вытянуто, головой и позвоночником ориентирован к ЮЮВ. Левая рука вытянута вдоль туловища. Сохранившаяся правая берцовая кость позволяет предположить, что правая нога была слабо согнута в колене. Пяточные кости располагались рядом друг с другом. Остальная часть костяка была срезана грабительским перекопом и была сложена в юго-восточном углу погребения, включая крестец, лопатку, ребра правой стороны, правую плечевую кость, над которыми и были зафиксированы в засыпи ямы перечисленные ранее кости человека. Под костяком фрагментарно прослеживались следы органической подстилки (рис. 1,2).

Сопутствующий инвентарь:

1. Мелкие фрагменты железных предметов обнаружены в могильном заполнении около перемещенной бедренной кости правой ноги.

2. В ЮВ части ямы около перемещенного правого крыла таза человека найден железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы. Черешок обломан, длина головки – 2 см. Пучок аналогичных наконечников стрел зачищен на левом бедре погребенного, головки острием направлены в южную сторону. Длина наконечников – 4–5 см, длина головок – 2,5–3 см (рис. 4,7). Стрелы, вероятно, находились в колчане. На некоторых черешках наконечников отмечены следы голубой краски. Рядом со стрелами, а также вдоль левого бедра погребенного зафиксированы мелкие фракции красной краски, которой, видимо, был окрашен колчан.

3. Рядом с бедренной костью правой ноги в ЮВ части ямы обнаружена округлая стеклянная бусина темно-синего цвета, покрытая белесой патиной. Диаметр – 0,9 см (рис. 4,2).

4. Коррозированный фрагмент железного предмета уплощенной прямоугольной формы обнаружен на дне ямы в области правой стороны грудной клетки. Длина – 9,4 см, ширина – 2 см, толщина – 1 см. Назначение не ясно.

5. Вдоль правой голени погребенного лежали одинаковые однолезвийные боевые ножи, прикипевшие друг к другу. Ножи имели короткие рукоятки прямоугольного сечения с выделенными пятками у оснований лезвий, лезвиями направлены к стопам. Лезвия слегка вогнуты. Изделия сильно коррозированы, на рукоятках отмечен деревянный тлен. Длина ножей – 41,5 и 39 см; длина рукоятей – около 6 см; ширина лезвий у основания – 2,7 и 2,4 см; толщина сечения лезвий – 0,5–1,1 см (рис. 4,8).

6. На костях правой голени обнаружена серебряная восьмеркообразная пряжка с подвижным язычком и калачевидными окончани-ями округлых частей пряжки. Три завитка окончаний были заполнены какой-то пастообразной массой. Размеры пряжки 4,5 × 2,8 см. В средней части язычка имелось ромбовидное расширение. Сечение рамок пряжки округлое, диаметр сечения – 0,3 см. Сечение язычка прямоугольное, толщина сечения – 0,2 см. Длина язычка – 4,8 см (рис. 4,6).

7. В СВ части ямы, у стенки найдено коррозированное железное кольцо диаметром 5,6 см. Диаметр сечения – 0,8–0,9 см (рис. 3,2).

8. В ногах погребенного, около ножей найдены кусочки какого-то минерального вещества темно-серого цвета.

9. Около голени левой ноги обнаружен уголек.

10. У южной стенки ямы, под скоплением костей человека обнаружено железное кольцо. Диаметр кольца – 5 см, толщина сечения – 0,8–0,9 см (рис. 3,3).

11. В средней части восточной стенки обнаружена ниша-тайник, дно которой было ниже дна входной ямы на 7–8 см. На дне ниши, в центральной ее части вверх дном стоял бронзовый котел со следами преднамеренной порчи. Котел имеет полусферическое тулово с сужающимися к устью стенками и горизонтальным венчиком, отогнутым наружу, две вертикальные петлевидные ручки и две ручки-петельки под венчиком. На одной из вертикальных ручек заметен окисел, напоминающий выступ, однако сохранность материала настолько плоха, что при отсутствии других выступов на этой и другой ручках можно оценить его как результат коррозии. По тулову – опоясывающий орнамент в виде «веревочки». Под ним частично фиксируется формовочный шов. Под основанием вертикальных петлевидных ручек расположены тамгообразные знаки в виде расходящихся в разные стороны валиков с загнутыми наружу концами. На внешней стороне дна сохранились остатки литника, а на внутренней – «заклепка» от прилитого поддона. Диаметр литника – 4,5 см, «заклепки» – 0,9 см. Сам поддон отсутствует. Котел был разбит в древности, поэтому размеры определены предположительно. Диаметр по венчику – около 32 см, диаметр тулова – около 38 см, высота без поддона – 28 см, диаметр сечения петлевидных ручек – 1,6 см, ручек-петелек – 1,1 см, толщина стенки – 0,4–0,5 см (рис. 3,1).

12. Поверх котла лежали в сочленении кости левой тазовой, бедренной, берцовой, пяточной и астрагала полувзрослой овцы. На всех костях фрагментарно фиксируются бронзовые окислы.

13. В 5 см севернее котла на дне ямы обнаружены сильно коррозированные желез-

ные двусоставные кольчатые удила. Здесь же находились железные кованые уплощенные псалии с трапециевидными выступами в средней части и овальными отверстиями под ремни. Концы псалиев имели квадратное сечение. Стержни удил цилиндрические, сечение стержней и колец круглое. Длина звена удил – около 9 см, диаметр колец – 2–2,2 см, толщина сечения стержней – 0,8–0,9 см. Длина псалиев – 16,5 и 17 см, ширина прямоугольных окончаний – 1,3 см, толщина – 0,4 см (рис. 4,1).

14. Рядом с удилами найден железный однолезвийный нож с коротким уплощенным черенком. Длина ножа – 9 см, длина черенка – 2,5 см, ширина лезвия – 1,2 см, толщина сечения лезвия – 0,3 см (рис. 4,9).

15. Между удилами и котлом лежал железный, полый внутри конусовидный предмет с загнутым в виде крючка концом. Крючок обломан. Длина конуса – 9,8 см, длина внутренней втулки – 6,8 см, наибольший диаметр втулки – 1,2 см, толщина сечения окончания – 0,6–0,4 см (рис. 4,4).

16. В северо-восточной части ниши, около удил лежали 5 круглых коррозированных железных полусферических бляшек диаметром 1,7–1,8 см. Изделия реставрированы. На внешней поверхности сохранились мельчайшие фрагменты тонкой серебряной фольги, которой бляшки изначально были обернуты. Изнутри сохранились коррозированные остатки железных петелек, с помощью которых бляшки прикреплялись к кожаной ременной основе (рис. 4,5).

17. В северной части ниши, рядом с котлом, стоял сероглиняный гончарный кувшин с вертикальной широкой ручкой. Тулово округлое с выделенным круговым поддоном и высоким горлом. Венчик резко отогнут наружу. Сосуд неоднократно ремонтировался. На тулове и под венчиком зафиксированы сквозные отверстия диаметром 0,4 см для стяжки разбитых частей (всего 12 отверстий). В верхней части тулова и на горле отмечены круговые неглубокие каннелюры. Изнутри на стенках горловины также располагались круговые желобки, оставленные, вероятно, зубчатым шпателем. На ручке также отмечено вертикальное рифление. Тесто в изломе плотное, хорошо отмученное, без видимых примесей. Высота сосуда – 30,8 см, диаметр тулова –

24 см, диаметр устья – 12,4 см, диаметр дна – 12 см, высота ручки – 13 см, ширина ручки – 4 см, толщина стенки – 0,5 см (рис. 3,6).

18. В южной части ниши стоял второй сероглиняный гончарный кувшин, имеющий биконическое тулово, воронкообразное горло и небольшую петлевидную ручку. В верхней части тулова отмечен горизонтальный желобок, нанесенный концом узкого шпателя. На внутренних стенках горловины отмечены следы горизонтального сглаживания. Тесто в изломе плотное, хорошо отмученное, с мелкими вкраплениями слюды. Высота сосуда – 27,6 см, диаметр тулова – 24 см, диаметр устья – 12,4 см, диаметр дна – 9 см, ширина ручки – 2,5 см, высота ручки – 5 см, толщина стенки – 0,6 см (рис. 3,5).

19. Около кувшина в земляном заполнении найден мелкий осколок бронзового предмета, возможно, зеркала.

20. Рядом с котлом обнаружены три фалара, стоявших вертикально плотно друг к другу. Фалары в виде круглых дисков, сделанные из кованого серебряного листа, с частично сохранившимся золочением на лицевой части и следами намеренной порчи. Два фалара диаметром 13,8 см, один – 16,4 см. Вероятно, правильно их будет определить как центральный и два боковых. Края всех фаларов оформлены круговыми валиками, более широким по внешнему краю и узким за ним. В канавке между ними проделаны отверстия для крепления, по 7 отверстий на боковых бляхах, и 8 – на центральной. В нескольких отверстиях сохранились миниатюрные гвоздики (рис. 2).

Медальон центрального крупного фалара обрамлен валиком полусферического сечения, украшенным орнаментом «веревочка». Внешнее поле вокруг медальона заполнено семью расположенными последовательно по кругу рельефными веточками папоротника (?) с листьями, оформленными в виде сегментов вдоль продольной оси, ограниченными поперечным валиком в основании, который отделяет два округлых выступа. Центральная часть фалара пробита, на сохранившемся поле видны две кошачьи лапы, часть тулова в холке и голова животного в профиль с миндалевидным глазом. Вокруг животного внутри окантовки медальона сохранились три релье-

ефных изображения фаллической формы, два – сходящиеся у морды животного, один – за спиной (рис. 2,1).

Два боковых фалара близки по сюжету и оформлению, однако не дублируют друг друга. На одном изображена многофигурная композиция из пяти хищных животных разных размеров. Центральная фигура лежит на брюхе, головой на лапе, вторая лапа вытянута, когтями рядом с мордой. Задняя когтистая лапа изображена в профиль. Шерсть на спине и хвост оформлены сегментами, расположенными последовательно вдоль продольной оси. За этим животным по кругу изображено такое же животное, но в профиль, передней лапой упирающееся в основание хвоста предыдущего зверя. С другой стороны – аналогичный зверь меньшего размера, упирающийся лапой в подмышку передней ноги центральной фигуры. Морды и миндалевидные уши изображены в единой манере, однако шерсть обозначена только по верхней части тулова. Под центральной фигурой изображены в профиль еще два зверя меньших размеров, размещенные один под другим, головами в противоположные стороны. Над центральной фигурой изображена птица в профиль, головой обращенная в обратную сторону по отношению к центральной фигуре. Шея, крылья и хвостовое оперение также оформлено сегментами. Перед головой птицы изображен листок сердцевидной формы (плющ?) (рис. 2,3).

На втором боковом фаларе центральная фигура изображена в той же позе, что и на первом, но головой в противоположном направлении. Аналогично и в тех же позах расположены и два меньших животных ниже центральной фигуры, верхнее – головой к голове центрального хищника, нижнее – в противоположном направлении. Под нижним видны сегменты, видимо, обозначающие шерсть и миндалевидный глаз. Фигура не читается. Сзади центрального животного, за его хвостом, опять же в профиль, изображено еще одно животное, однако, в отличие от первого бокового фалара, головой в противоположном направлении. К тому же в этой композиции отсутствует еще один зверь – перед центральным хищником. В то же время над центральным хищником также расположена птица в профиль, но головой в ту же сторону, что и цент-

ральная фигура. Перед головой птицы изображены два листка сердцевидной формы, как и на предыдущем фаларе, за ее хвостом – третий листок (рис. 2,2).

21. Около фаларов обнаружена небольшая бронзовая обойма $2 \times 1,6$ см со сквозным отверстием посередине. На поверхности отмечены остатки кожаной подложки (рис. 3,4).

22. Внутри котла находился каменный оселок вытянутой овальной формы. Поверхность хорошо заглажена. Материал – мелкозернистый песчаник (?). Размер – $18,5 \times 4,7 \times 2,2$ см (рис. 4,3).

Единственное погребение под небольшой насыпью в яме прямоугольной формы с положением вытянутого на спине покойного головой в южный сектор, с тайником в боковой стенке, традиционно для среднесарматской археологической культуры. У погребенного мужчины 40–45 лет в области тазобедренного сустава обнаружено срастание правой бедренной и правой тазовой кости, в связи с чем передвижение человека было сильно затруднено. Вероятнее всего, сращение произошло в результате ранения стрелой, которая попала в переднюю поверхность верхней части шейки бедренной кости. Стрела полностью покрыта новообразованной костной тканью. Ранение имело благоприятный исход, хотя человек после него был ограничен в движении и, вероятно, стал инвалидом. К тому же проксимальные и дистальные концы верхних и нижних конечностей отмечены деформирующим артрозом, а позвоночный столб поражен спондилезом, спондилоартрозом и остеохондрозом во всех отделах. Из особенностей, выявленных при исследовании позвоночника, следует также отметить срастание пятого, шестого и седьмого шейных позвонков².

Из вещей статусного характера в первую очередь следует отметить бронзовый котел, преднамеренно разбитый в древности. Бронзовый литой котел с двумя вертикальными ручками без выступов и тамгообразными знаками под ними, двумя ручками-петельками и опоясывающим орнаментом в виде «веревочки» наиболее близок котлам типа VI,3.А по классификации С.В. Демиденко, датированным I в. н.э. [Демиденко, 2008, с. 18, рис. 100].

Двусоставные кольчатые удила со стержневыми уплощенными псалиями, двумя вы-

ступающими трапецевидными петлями и разными завершениями окончаний стержней встречаются в комплексах среднесарматского времени начиная с рубежа эр [Глухов, 2005, с. 57–58]. Отметим, что прямоугольные зауженные концы псалиев вполне могли быть предназначены для насадки каких-то украшений. Удила с аналогичными псалиями уже встречались в синхронном погребении кургана 13 из могильника Ковалевка, были опубликованы и проанализированы, что избавляет нас от необходимости поисков аналогий [Клепиков, Кривошеев, 2020]. Найденные рядом с удилами полусферические бляшки, ранее покрытые серебряной фольгой, вероятно, входили в гарнитуру конской упряжи и крепились на ремнях.

Рядом с предметами уздечного набора обнаружен комплект из трех фаларов, которые функционально можно определить как нагрудную и наплечные бляхи конской сбруи. Не будучи специалистом в области стилистических приемов сарматского звериного стиля, я позволю себе лишь отметить явные особенности, которые могут определить хронологические позиции анализируемых изделий. Во-первых, перед нами монохромные изображения, которые традиционно определяются как более ранние по сравнению со стилистической группой полихромного звериного стиля сармато-аланской эпохи I в. н.э. [Засецкая, 2012, с. 132], во-вторых, это многофигурные композиции с расположением вокруг центра, явно сделанные как комплект одним мастером и в единой манере, где в качестве признаков стиля можно назвать низкий рельеф, рельефный бордюр в виде «веревочки», хвосты и шерсть животных, разработанные в виде «елочки». Эти признаки были отмечены В.И. Мордвинцевой как специфическая особенность изделий, найденных исключительно в погребениях Северного Причерноморья, Прикубанья и Поволжья, что, по ее мнению, свидетельствует о продукции местных мастерских, продолжающих традицию эллинистического времени [Мордвинцева, 2003, с. 80].

Серебряная пряжка с подвижным язычком и рамкой в виде двух волют близка пряжке из разрушенного сарматского погребения у с. Цветна, датированного I – началом II в. н.э. [Симоненко, Лобай, 1991, рис. 27,5, с. 52] и

аналогична золотой пряжке из богатого сарматского погребения кургана 1 могильника Октябрьский-V, расположенного всего в 12 км к северо-западу от мог. Ковалевка. М.Ю. Трейстер датировал ее в пределах I в. н.э., но дату всего комплекса ограничил первой половиной I в. н.э. [Трейстер, 2019, с. 398, 407].

Сероглиняные круговые кувшины, изготовленные с использованием тонкоотмученного теста и сформованные на быстром круге, представляют собой продукцию кубанских гончарных центров и распространены в могильниках Кубани и Нижнего Дона начиная с рубежа эр, хотя спорадически фиксируются уже в финале раннесарматского времени [Глебов, 2005, с. 179; Косяненко, 1988, с. 50–56].

Парные длинные ножи до 40 см хорошо известны в сарматских погребениях рубежа – первых веков н.э., причем встречаются они, как правило, в статусных комплексах с конской сбруей, бронзовыми котлами и другими престижными предметами [Скрипкин, 1989, с. 173, рис. 1, 16, 17; Гущина, Засецкая, 1989, табл. V, 45; Симоненко, Лобай, 1991, с. 42]. По мнению А.С. Скрипкина, эти ножи ближе к боевым ножам Дальнего Востока, Центральной Азии и Южной Сибири, что позволяет связать их появление с очередным миграционным импульсом [Мыськов и др., 1999, с. 155].

Остальной инвентарь, как-то: железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, оселок, ножик рядом с костями овцы, стеклянная бусина – имеет достаточно широкие хронологические границы.

Публикуемые материалы погребения из кургана 25 могильника Ковалевка позволяют определить его как среднесарматское погребение, датированное в пределах рубежа – первой половины I в. н.э. и дополняющее известный ряд статусных погребений, появившихся в это время в Волго-Донском междуречье.

При этом следует заметить, что на рубеже эр здесь появляется целая страта воинов-всадников, о чем свидетельствует специфика сопутствующего инвентаря: наличие в насыпи и в погребениях костей лошади, предметов вооружения, в том числе наконечников копий и боевых ножей, уздечных наборов с богатым оформлением, не характерных для предыдущего населения [Клепиков, 2019; Клепиков, Кривошеев, 2020]. Погребения такого

рода сосредоточены от низовьев Дона и Волги до лесостепи к северу [Клепиков, Кривошеев, 2020, рис. 5]. При этом в сопутствующем инвентаре преобладает нижнедонская и кубанская керамика, что позволяет предположить наличие постоянных контактов с этими территориями. М.Ю. Трейстер, анализируя импорты, происходящие из богатых среднесарматских комплексов Есауловского Аксая и Нижнего Дона, пришел к выводу, что первая группа (Октябрьский, Аксай, Жутово) может быть датирована концом I в. до н.э. – первой половиной I в. н.э., в отличие от элитных нижнедонских захоронений (Ново-Александровка, Высочино, Садовый курган), определенных в хронологических рамках второй половины I – начала II в. н.э., и предложил погребения высшей кочевой знати в бассейне р. Есауловский Аксай выделить в отдельную, раннюю группу могил высшей элиты среднесарматского времени [Трейстер, 2019, с. 407]. Вполне вероятно, и рассматриваемые нами погребения воинов-всадников можно отнести к этому времени. В то же время наличие немногих престижных вещей в этих погребениях, в том числе бронзовых котлов, не создает впечатления погребального комплекса высшей знати. Анализируя сарматские погребения с тайниками с конца II до н.э. до середины – третьей четверти II в. н.э., Б.А. Раев заметил, что они не отличаются особым богатством инвентаря и

вряд ли их можно определять как «элиту», скорее как «средний класс», страту сарматских «бедных князей» с набором статусных, но не дорогих предметов [Раев, 2020, с. 203]. Полагаю, эта оценка вполне приложима и к большинству анализируемых погребений воинов-всадников первой половины I в. н.э. Добавим, что, в отличие от больших элитных курганов, насыпи над этими воинами так же невыразительны и не отличаются размерами от насыпей над могилами рядового населения. Рискну предположить, что в данном случае мы имеем дело с дружинниками, приближенными к родовой знати. Они первыми занимают новую территорию и контролируют ее, подавляя любое сопротивление. Неудивительно, что местное население могло воспринимать их как нежелательный элемент и, стараясь не допустить закрепления новой власти, оскверняло одиночные захоронения, пока они не стали превращаться в родовые могильники [Клепиков, 2023].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Археозоологические определения выполнены кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником ИА РАН Л.В. Яворской.

² Антропологические и палеопатологические определения выполнены кандидатом исторических наук, доцентом кафедры истории и международных отношений ВолГУ Е.В. Перервой.

ПРИЛОЖЕНИЯ

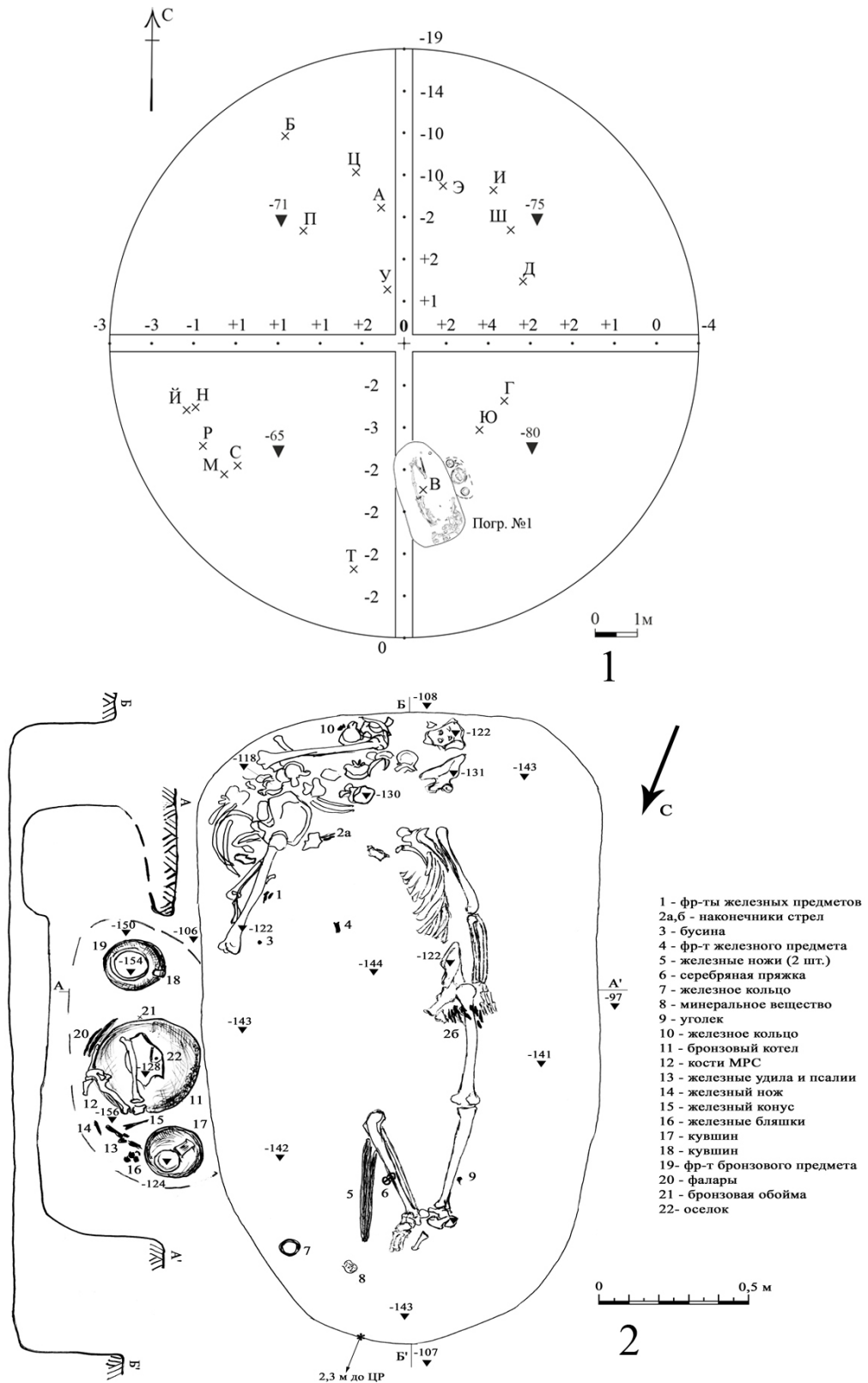

Рис. 1. Могильник Ковалевка, курган 25:

1 – план кургана; 2 – план погребения 1 (чертежи автора)

Fig. 1. Kovalevka cemetery, kurgan 25:

1 – kurgan plan; 2 – burial plan 1 (drawings by the author)

Рис. 2. Серебряные фалары (прорисовка А.Ф. Летучего):

1 – центральный фалар; 2–3 – боковые фалары

Fig. 2. Silver phalars (drawings by A.F. Letuchiy):

1 – central phalar; 2–3 – lateral phalars

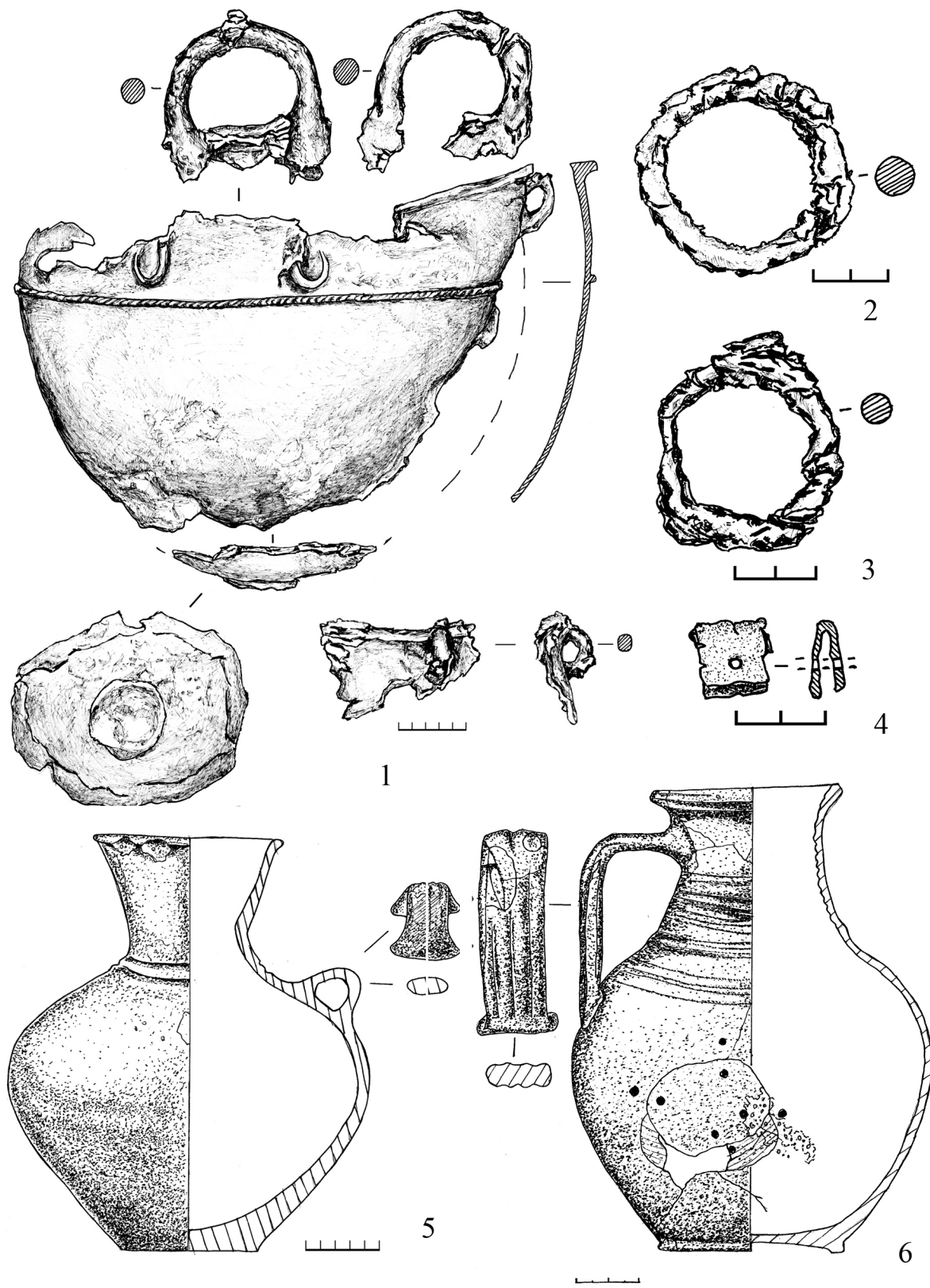

Рис. 3. Вещи из погребения 1:

1 – бронзовый котел; 2–3 – железные кольца; 4 – бронзовая обойма; 5–6 – сероглиняные кувшины (прорисовки автора)

Fig. 3. Items from burial 1:

1 – bronze cauldron; 2–3 – iron rings; 4 – bronze holder; 5–6 – gray clay jugs (drawings by the author)

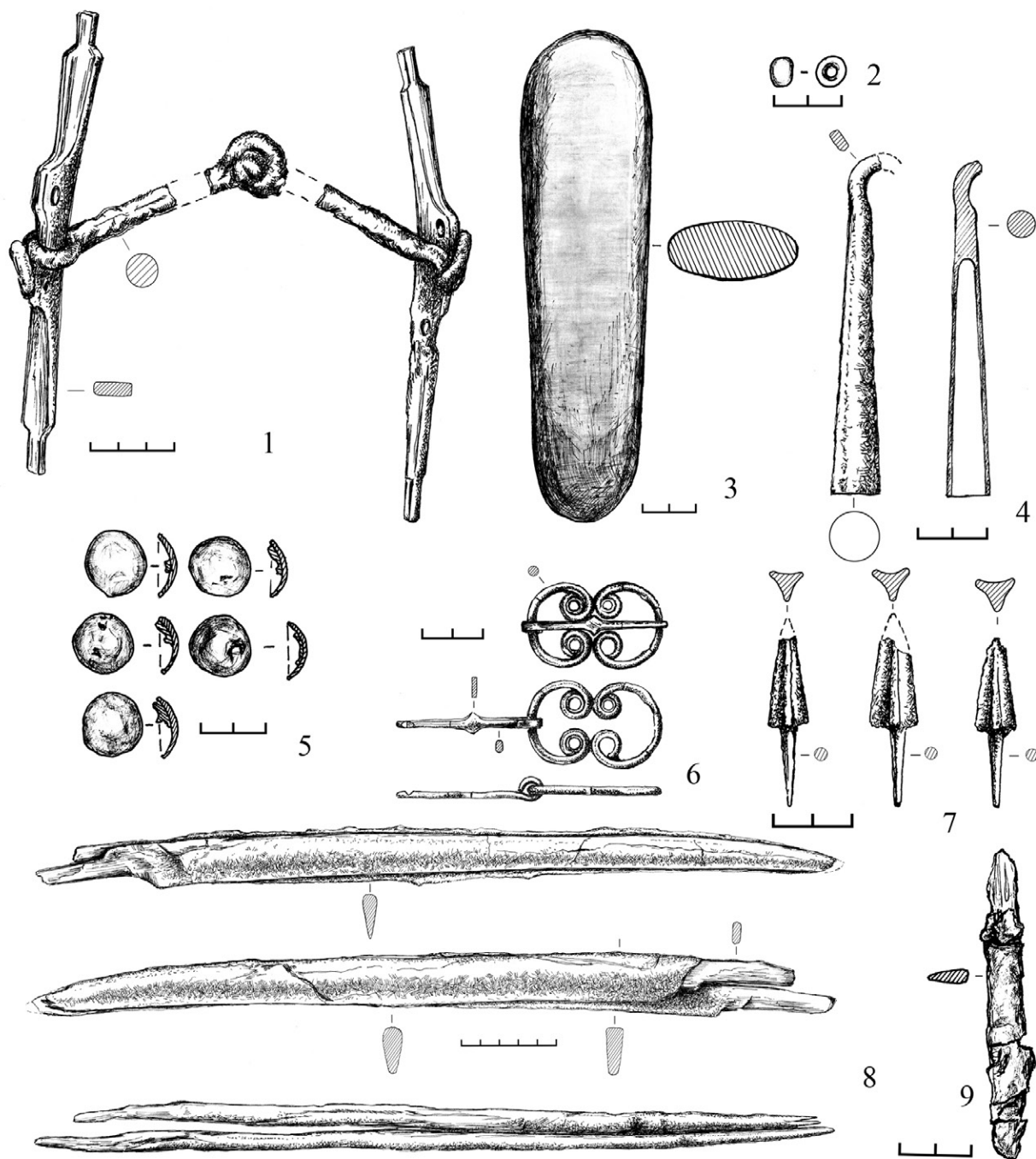

Рис. 4. Вещи из погребения 1:

1 – железные удила и псалии; 2 – стеклянная бусина; 3 – оселок; 4 – железный конус; 5 – железные бляшки;
6 – серебряная пряжка; 7 – железные наконечники стрел; 8 – длинные железные ножи;
9 – железный нож (прорисовки автора)

Fig. 4. Items from burial 1:

1 – iron bits and cheekpieces; 2 – glass bead; 3 – whetstone; 4 – iron cone; 5 – iron plaques;
6 – silver plaques;
7 – iron arrowheads; 8 – long iron knives; 9 – iron knife (drawings by the author)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глебов В. П., 2005. Сарматские погребения могильника Отрадный II // Труды археологического научно-исследовательского бюро. Т. II. Ростов н/Д : АНИБ. С. 161–198.
- Глухов А. А., 2005. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н.э. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. 240 с.
- Гущина И. И., Засецкая И. П., 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – начало II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 70. М. : ГИМ. С. 71–141.
- Демиденко С. В., 2008. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. – III в. н.э.). М. : ЛКИ. 328 с.
- Засецкая И. П., 2012. Украшения конской сбруи из сарматских погребений I века н.э. // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. 2. М. : Собрание. С. 102–132.
- Клепиков В. М., 2019. Сарматские погребения могильника Ковалевка: чужие среди своих? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24, № 1. С. 35–46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.3>
- Клепиков В. М., 2023. Частично разрушенные сарматские погребения Есауловского Аксая (ограбление или ритуальное осквернение?) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 28, № 4. С. 38–46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.3>
- Клепиков В. М., Кривошеев М. В., 2020. Детали конской узды из погребения сарматского всадника из могильника Ковалевка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25, № 4. С. 181–199. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.12>
- Косьяненко В. М., 1988. Сероглиняная гончарная керамика Крепинского могильника // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5. Ростов н/Д. С. 50–57.
- Мордвинцева В. И., 2003. Полихромный звериный стиль. Симферополь : Универсум. 114 с.
- Мыськов А. В., Кияшко А. В., Скрипкин А. С., 1999. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. С. 149–167.
- Раев Б. А., 2020. Сарматские погребения с тайниками в дне ямы в могильниках Нижнего Поволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25, № 4. С. 200–213. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.13>
- Симоненко А. В., Лобай Б. И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (погребения знати у с. Пороги). Киев : Наукова Думка. 110 с.
- Скрипкин А. С., 1989. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // Советская археология. № 4. С. 172–181.
- Трейстер М. Ю., 2019. Таз(-ы) из кургана № 1 могильника Октябрьский-V (к вопросу о времени и историческом контексте формирования центра погребальных памятников кочевой элиты в междуречье Дона и Волги) // Вестник древней истории. № 2. С. 379–415. DOI: <https://doi.org/10.31857/S032103910006756-4>

REFERENCES

- Glebov V.P., 2005. Sarmatskie pogrebeniya mogilnika Otradnyy II [Sarmatian Burials of the Otradny II Cemetery]. *Trudy arheologicheskogo nauchno-issledovatel'skogo byuro* [Proceedings of the Archaeological Research Bureau], vol. 2. Rostov-na-Donu, ARB, pp. 161-198.
- Glukhov A.A., 2005. *Sarmaty mezhdurechya Volgi i Dona v I – pervoy polovine II v. n.e.* [The Sarmatians of the Interfluvium of Volga and Don in the 1st – First Half of the 2nd Century AD]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo. 240 p.
- Gushchina I.I., Zasetzkaya I.P., 1989. Pogrebeniya zubovsko-vozdvizhenskogo tipa iz raskopok N.I. Veselovskogo v Prikubanye (I v. do n.e. – nachalo II v. n.e.) [Burials of the Zubovsko-Vozdvizhensk Type from the Excavations of N.I. Veselovsky in the Kuban Region (1st c. BC – Beginning of 2nd c. AD)]. *Arkheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoy Evropy* [Archaeological Research in the South of Eastern Europe]. Trydy GIM, iss. 70. Moscow, SHM, pp. 71-141.

- Demidenko S.V., 2008. *Bronzovye kotly drevnih plemen Nizhnego Povolzhya i Yuzhnogo Priuralya (V v. do n.e. – III v. n.e.)* [Bronze Cauldrons of Ancient Tribes of the Lower Volga and Southern Urals (5th Century BC – 3rd Century AD)]. Moscow, LKI. 328 p.
- Zasetskaya I.P., 2012. Ukrasheniya konskoy sbrui iz sarmatskih pogrebeniy I veka n.e. [Decorations of the Horse Harness from the Sarmatian Burials of the 1st Cent. AD] *Scripta antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury* [Scripta Antiqua. Ancient History, Philology, Arts and Material Culture], vol. 2. Moscow, Sobranie Publ., pp. 102-132.
- Klepikov V.M., 2019. Sarmatskie pogrebeniya mogil'nika Kovalevka: chuzhie sredi svoih? [Sarmatian Burials of the Kovalevka Burial Mound: Strangers Among Friends?]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 24, no. 1, pp. 35-46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.3>
- Klepikov V.M., 2023. Chastichno razrushennyye sarmatskie pogrebeniya Esaulovskogo Akaya (ograblenie ili ritual'noe oskvernenie?) [The Partial Destruction of the Sarmatians Burials of the Esaulovsky Aksai (Is It a Robbery or a Ritual Desecration?)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 28, no. 4, pp. 38-46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.3>
- Klepikov V.M., Krivosheev M.V., 2020. Detali konskoy uzdy iz pogrebeniya sarmatskogo vsadnika iz mogil'nika Kovalevka [Details of the Horse Bridle from the Burial of the Sarmatian Horseman from Kovalevka Kurgan Cemetery]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 25, no. 4, pp. 181-199. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.12>
- Kosyanenko V.M., 1988. Seroglinyanaya goncharnaya keramika Krepinskogo mogil'nika [Gray-Clay Pottery of the Krepinsky Burial Ground]. *Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya* [Proceedings of the Rostov Regional Museum of Local Lore], iss. 5. Rostov-on-Don, pp. 50-57.
- Mordvintseva V.I., 2003. *Polikhromnyy zverinyy stil* [The Polychrome Animal Style]. Simferopol, Universum Publ. 216 p.
- Myskov E.P., Kiyashko A.V., Skripkin A.S., 1999. Pogrebenie sarmatskoy znati s Esaulovskogo Aksaya [The Burial of Sarmatian from the Yesaulovsky Aksaj River]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 2, pp. 149-167.
- Raev B.A., 2020. Sarmatskie pogrebeniya s taynikami v dne yamy v mogil'nikah Nizhnego Povolzh'ya [Sarmatian Graves with Hiding-Holes in the Bottom of Pits in Kurgan Cemeteries of the Lower Volga Region]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 25, no. 4, pp. 200-213. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.13>
- Simonenko A.V., Lobay B.I., 1991. *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v I v. n.e.* [The Sarmatians of the North-Western Pontic Area in the 1st Century AD]. Kiev, Naukova dumka Publ. 108 p.
- Skripkin A.S., 1989. Pogrebal'nyy kompleks s uzdechnym naborom iz Kotlubani i nekotorye voprosy etnicheskoy istorii sarmatov [A Burial Complex with a Bridle Set from Kotluban and Some Problems of the Sarmatae's Ethnic History]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology], no. 4, pp. 172-181.
- Treister M.Yu., 2019. Taz(-y) iz kurgana №1 mogil'nika Oktyabrskiy-V (k voprosu o vremeni i istoricheskom kontekste formirovaniya tsentra pogrebal'nykh pamyatnikov kochevoy elity v mezhdurechye Dona i Volgi) [Basin(s) from the Burial-Mound No. 1 of the Oktyabrskiy-V Necropolis (On the Center of Nomadic Elite Burials in the Don-Volga Interfluve)]. *Vestnik drevney istorii* [Herald of Ancient History], no. 2, pp. 379-415. DOI: <https://doi.org/10.31857/S032103910006756-4>

Information About the Author

Valeriy M. Klepikov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, Volgograd, 400062 Russian Federation, klepikov.azi@volsu.ru, valery.klepikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2891-7366>

Информация об авторе

Валерий Михайлович Клепиков, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, klepikov.azi@volsu.ru, valery.klepikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2891-7366>

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.8>

UDC 903.5

LBC 63.48(2)

Submitted: 04.12.2023

Accepted: 29.03.2024

KURGANLESS CEMETERY OF THE SARMATIAN TIMES ON THE MALOE STOROZHEVOE HILLFORT IN THE MIDDLE DON BASIN¹

Yuriy D. Razuvaev

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation

Aleksandr N. Merkulov

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation

Sergey A. Nelyubov

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Yuliya A. Neretina

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russian Federation

Abstract. The paper publishes research results on five burials discovered at the smaller of the two hillforts of the Scythian era located near the village Storozhevoye 1st on the river Don. The results of their comprehensive archaeological and anthropological study characterize the little-studied kurganless tradition of the Sarmatian period in the forest-steppe Don region. Ethnical, cultural and chronological attribution of the complexes is based on the ritual and material analogies. The study of anthropological materials was carried out using standard methods. Reconstruction of the buried individuals diet was carried out based on the results of the ratio of stable isotopes of nitrogen and carbon ($\delta^{13}\text{C}$ and $\delta^{15}\text{N}$) in bone tissue collagen. The burials were located in the embankment of a shaft and contained the remains of four men (25–30, 25–35, 40–44 and 60+ years old), a teenager (14–19 years old) and a child (5–10 years old). Based on the ritual and a small inventory, they are identified as Sarmatian and dated within the 1st – early 2nd centuries. As a rule, the dead were placed in relatively shallow graves (about 0.4 m) on their backs in an extended position with their heads facing southeast. The two graves destroyed the earlier burials of the teenager and the child, whose skeletal remains were displaced. The burial of an older man stands out buried in a deeper grave (0.7 m) and with a set of objects (an iron dagger, a clay bowl with an iron knife and animal bones). A silver earring and a bone bead were buried with the two individuals. Traces of trauma and pathology on the bones were either absent or few in number (caries, abrasion and loss of teeth). The plant component (apparently millet) dominated the diet of the individuals, but meat and dairy foods occupied an important place as well. The burials apparently belonged to the inhabitants of a hillfort Bol'shoe Storozhevoe located nearby, the layers of which also contain materials from the Sarmatian era. They constituted a small burial ground associated with the lifestyle transformation of one of the semi-nomadic societies in the region.

Key words: Forest-steppe Don region, Sarmatian era, hillfort, kurganless cemetery, funeral rite, diet of individuals.

Citation. Razuvaev Yu.D., Merkulov A.N., Nelyubov S.A., Neretina Yu.A., 2024. Beskurgannyi mogil'nik sarmatskogo vremeni na Malom Storozhevom gorodishche v Srednem Podon'e [Kurganless Cemetery of the Sarmatian Times on the Maloe Storozhevoe Hillfort in the Middle Don Basin]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 3, pp. 157-171. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.8>

**БЕСКУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ
НА МАЛОМ СТОРОЖЕВОМ ГОРОДИЩЕ В СРЕДНЕМ ПОДОНЬЕ¹****Юрий Дмитриевич Разуваев**

Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Российская Федерация

Александр Николаевич Меркулов

Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Российская Федерация

Сергей Алексеевич Нелюбов

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Юлия Александровна Неретина

Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Российская Федерация

Аннотация. Публикуются пять погребений, открытых на меньшем из двух городищ скифской эпохи, расположенных у с. Сторожевое 1-е на р. Дон. Результаты их комплексного археолого-антропологического исследования характеризуют малоизученную в лесостепном Подонье бескурганную похоронную традицию сарматского времени. Этнокультурная и хронологическая атрибуция комплексов основана на обрядовых и вещевых аналогиях. Исследование антропологических материалов проведено по стандартным методикам. Реконструкция пищевого рациона индивидов осуществлена по результатам соотношения стабильных изотопов азота и углерода ($\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$) в коллагене костных тканей. Погребения размещались в насыпи вала и содержали останки четырех мужчин (25–30, 25–35, 40–44 и 60+ лет), подростка (14–19 лет) и ребенка (5–10 лет). По обряду и немногочисленному инвентарю они предположительно определены как сарматские и датированы в рамках I – начала II века. Как правило, умершие размещались в относительно неглубоких могилах (около 0,4 м), на спине в вытянутом положении, головой обращены на юго-восток. Две могилы разрушили более ранние погребения подростка и ребенка, чьи скелетированные останки оказались смещенными. Выделяется погребение старшего мужчины, похороненного в более глубокой могиле (0,7 м) и с набором предметов (железный кинжал, глиняная миска с железным ножом и костями животных). При двух индивидах находились серебряная серьга и костяная пронизь. Следы травм и патологий на костях либо отсутствовали, либо были немногочисленны (кариес, стертость и утрата зубов). В пищевом рационе индивидов преобладал растительный компонент (видимо, просо), но важное место занимала мясомолочная пища. Погребения, очевидно, принадлежали обитателям расположенного по соседству городища Большое Сторожевое, слои которого содержат и материалы сарматской эпохи. Они составляли небольшой могильник, появление которого, возможно, следует связывать с трансформацией образа жизни одного из полукочевых социумов региона.

Ключевые слова: Лесостепное Подонье, сарматская эпоха, городище, бескурганый могильник, похоронный обряд, пищевой рацион индивидов.

Цитирование. Разуваев Ю. Д., Меркулов А. Н., Нелюбов С. А., Неретина Ю. А., 2024. Бескурганый могильник сарматского времени на Малом Сторожевом городище в Среднем Подонье // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 3. С. 157–171. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.8>

Из двух городищ скифской эпохи, располагающихся на правом берегу Дона неподалеку от восточной окраины с. Сторожевое 1-е Острогожского р-на Воронежской обл., доминирует так называемое Большое. Оно имеет площадь около 70 000 кв. м и возвышается над рекой на 80 м. Севернее находится Малое городище, занимающее соседний мыс высотой

30 м (рис. 1, 1, 2). Его овальную площадку (9600 кв. м) с береговым плато соединяет узкий перешеек, со стороны которого располагается оборонительная линия длиной около 20 м и шириной 12 м, состоящая из едва заметных рва и вала. Малое городище изучалось экспедицией Воронежского государственного педагогического университета в

2019–2021 гг. (раскопано 348 кв. м). Судя по находкам, оно функционировало довольно не продолжительное время в рамках второй половины VI – начала V в. до н.э. и было уничтожено пожаром [Разуваев и др., 2021].

В насыпи городищенского вала в площади раскопов 1–3 обнаружены пять погребений более позднего – сарматского – времени. Их открытие само по себе примечательно. Погребальные древности начала нашей эры в донской лесостепи были представлены почти исключительно курганами, грунтовые захоронения единичны [Медведев, 2008]. Могильник, раскопанный недавно в г. Липецке, лишь предположительно считается бескуранным [Бирюков и др., 2022]. Поэтому комплексное археолого-антропологическое исследование серии не отмеченных курганными насыпями погребений позволяет охарактеризовать новый аспект культуры и оценить условия жизни одной из групп населения сарматского времени.

Погребения располагались вдоль гребня вала, в современном состоянии имевшего ширину около 6 м, высоту порядка 0,3 м (рис. 1,3,4). Насыпь, толщина которой от уровня материка превышала 0,7 м, была сложена преимущественно из темно-серого суглинка, включавшего комки красной глины и обожженной почвы.

Погребение 1 (рис. 2,1) размещалось на глубине 0,36–0,40 м от поверхности вала в яме, очертания которой не зафиксированы. Содержало останки двух человек.

Индивид 1 представлен почти полным скелетом (левая ступня отсутствовала, многие кости были раздавлены и смещены). Это мужчина 25–30 лет, захороненный вытянуто на спине и ориентированный головой на юго-восток. Руки располагались вдоль туловища.

На первом правом нижнем моляре зафиксирован кариес, на левой бедренной кости имелись погрызы землеройных животных.

Под черепом с правой стороны лежала серьга кольцевидной формы, изготовленная из перевитой металлической проволоки белого цвета (возможно, серебряной), к которой припаяны городок из зерни и отдельная горошинка (рис. 2,а).

Поверх костяка, слева, размещались разрозненные части скелета ребенка 5–10 лет: над грудной клеткой – фрагментированный

череп, а над тазом – кости таза и конечностей, большинство – в обломках. Несколько ребер и позвонков индивида 2 лежали возле правой кисти мужчины, а часть трубчатой кости – в районе его ступней.

Все наблюдаемые черепные швы открыты, эпифизы не приросли, как и все кости таза. Травм и патологий не обнаружено.

Погребение 2 (рис. 2,2) размещалось на уровне материка (немногим ниже 0,7 м от дневной поверхности), не углубляясь в него. Контуры могилы в плане не удалось проследить, но в профиле раскопа просматривались очертания узкой ямы, ширина которой составляла около 0,6 м. Заполнение составлял мешаный грунт, в целом аналогичный насыпи вала, но чуть более гумусированный.

Погребение содержало почти полный скелет мужчины возрастом старше 60 лет (реконструированная длина тела составляет 167–169 см), который лежал вытянуто на спине и был ориентирован головой на юго-восток. Руки располагались вдоль туловища, левая кисть находилась в паховой области. Ноги были скрещены в районе щиколоток. Относительно таза они оказались заметно смещены, очевидно, немного сползли по склону.

На костях зафиксированы возрастные изменения (повышенная пористость и краевые разрастания). Прослежены прижизненная утрата обоих третьих и левого первого моляра нижней челюсти, правого второго и третьего моляров верхней челюсти, кариес первого правого моляра нижней челюсти, а также второго и третьего левых моляров верхней челюсти. На лингвальной поверхности имелись незначительные отложения зубного камня.

У правого бедра погребенного лежал железный кинжал (рис. 2,2з). К сожалению, его форму определить не удалось, так как предмет сильно окислился и распался на множество фрагментов. Возле ступней стояла глиняная лепная миска, развалившаяся на несколько частей (рис. 2,в, 2,2в). В миске размещались железный нож (рис. 2,б, 2,2б) и две обломанные кости животного (рис. 2,2д).

Погребение 3 (рис. 3,1) находилось в могиле, имевшей ширину и глубину в 0,4 м, определенные по профилю раскопа.

Оно содержало скелет мужчины (?) возрастом 25–35 лет, который лежал вытянуто

на спине и был ориентирован головой на юго-восток. Руки захороненного лежали вдоль туловища, левая размещалась кистью на тазе. Кости сохранились не все и в большинстве своем оказались раздроблены вследствие вибраций грунта под вышерасположенной грунтовой дорогой.

Следов травм и болезней на сохранившихся костях не обнаружено. Первые моляры, резцы и клыки индивида были стерты до дентина.

Сопутствовавший инвентарь составляла костяная пронизь усечено-пирамидальной формы, найденная под правой тазовой костью (рис. 3,а, 3,1а).

Погребение 4 (рис. 3,2) размещалось встык с третьим на одном уровне. Принадлежало подростку неясного пола в возрасте от 14 до 19 лет, скелет которого сохранился не полностью. Практически все кости этого индивида были сдвинуты при совершении более позднего захоронения взрослого человека в погребении 3. Тем не менее, по костям определяется юго-восточная ориентировка подростка.

Следов травм и патологий на сохранившихся костях не обнаружено. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 5 (рис. 3,3) располагалось на глубине до 0,4 м от поверхности вала. Хорошо сохранившийся скелет мужчины 40–44 лет (реконструированная длина тела составляет 170–174 см) лежал вытянуто на спине, головой направлен на юго-восток. Руки располагались вдоль туловища, левая кисть была помещена на низ живота.

Кости обладали развитым мышечным рельефом. У индивида отмечена прижизненная утрата левых нижних премоляров и моляров, кариес на первом правом нижнем моляре. На верхней части диафиза левого бедра имеется выемка, свидетельствующая о зажившей травме (возможно, боевого характера).

Сопровождающих предметов не найдено.

Публикуемые погребения, содержавшие останки четырех мужчин, подростка и ребенка, составляли, несомненно, единую группу. Они располагались в две линии, примерно равноудалены друг от друга (на 1–1,5 м) и, очевидно, сооружались по определенной схеме. Похоже, что двое мужчин были целенаправ-

ленно похоронены в местах упокоения молодых сородичей, чьи скелетированные останки оказались перемещенными. Последнее обстоятельство, кстати сказать, показывает, что могильник функционировал достаточно продолжительное время. Надо полагать, других погребений на городище не было, поскольку вал раскопан практически полностью.

В целом обряд захоронений однороден. Четыре из пяти могил в современном состоянии имели глубину порядка 0,4 м, одна – около 0,7 м. Покойники укладывались на спину вытянуто, головой направлялись на юго-восток. У трех взрослых кисть левой руки размещалась в области паха. Самый пожилой мужчина был похоронен со скрещенными в голенях (связанными?) ногами. Именно его могила выделялась наибольшей глубиной, а еще наличием полноценного сопровождающего инвентаря: кинжала, миски с ножом и мясной пищей. При двух других индивидах находились лишь предметы личного убора: серьга и пронизь.

Для рассматриваемой группы из шести индивидов удалось выполнить биоархеологическую реконструкцию системы питания, основанную на результатах анализа соотношения стабильных изотопов азота и углерода $\delta^{15}\text{N}$ и $\delta^{13}\text{C}$ в образцах зубов и костной ткани.

Выделение коллагена из костной ткани проводилось в Лаборатории контекстуальной антропологии ИА РАН в несколько этапов. Изначально фрагменты костной ткани промывались дистиллятом, затем высушивались. Далее образцы выдерживались в 1М растворе соляной кислоты (HCL) при температуре +3 С° до полной деминерализации, после промывались дистиллированной водой до нейтральных значений рН. Затем на протяжении 24 часов органический остаток переводился в растворимую форму при рН 2,5 (0,1М HCL) и температуре +65 С°. На следующем этапе полученный раствор отделялся от загрязнений путем центрифугирования. Очищенный коллаген был помещен в лиофильную сушку.

Аналитическая работа была выполнена на базе Центра коллективного пользования «Масс-спектрометрические исследования» Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН. Для определения показателей $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ был использован

масс-спектрометр Thermo-Finnigan Delta V Plus IRMS.

Результаты исследования представлены в таблице 1. Атомное соотношение углерода и азота (atom C/N) находится выше трех, что свидетельствует о хорошей сохранности коллагена. Значения $\delta^{15}\text{N}$ находятся в диапазоне от 9,51 до 12,09 ‰; значения $\delta^{13}\text{C}$ варьируют от -11,44 до -14,75 ‰ (рис. 4).

Следует отметить, что, хотя «разброс» около трех промилле является довольно значительным, полученные показатели все же следует считать однородными. Так, значения углерода более -18 ‰ свидетельствуют о преобладании в рационе исследуемой группы индивидов растений C-4 пути фотосинтеза (цикл Хэтча-Слэка) [Тукот, 2004]. В данном случае предполагается, что основным растительным компонентом диеты изучаемых людей было просо. Эта зерновая культура, будучи неприязательной к условиям выращивания, в древности получила широкое распространение [Пашкевич, 2000]. Значения более 10 ‰ принято связывать с высокобелковой диетой. Следовательно, мясомолочная пища также занимала важное место в рационе.

Благодаря хорошей сохранности костей черепа одному из авторов совместно с А.В. Расказовой (Институт этнологии и антропологии РАН) удалось реконструировать внешность мужчины из погребения 2 (рис. 5).

Этнокультурная атрибуция публикуемого небольшого могильника пока может быть предположительной. Обрядовые характеристики погребений, прежде всего второго из них, типичны для сарматских курганов лесостепного Подонья. Это и вытянутое положение, и юго-восточная ориентировка, и скрещенные (связанные?) в голенях ноги покойников [Медведев, 2008, с. 54–55]. По вещевым находкам, хотя и скудным, комплексы уверенно датируются тем же, что и курганы, временем: I – началом II в. н.э.

Серьга и миска имеют близкие аналогии в I Чертовицком могильнике этого времени, расположенном в низовьях р. Воронеж [Медведев, 2008, рис. 37,1, 48,6]. Похожая серьга происходит из крымского позднескифского могильника у с. Заветное [Дашевская, 1991, табл. 67,16]. Пронизь относится к I в. н.э. [Алексеева, 1982, с. 31, табл. 46,16].

Еще раз отметим, что в донской лесостепи известны только сарматские погребальные памятники начала н.э. В регионе, прежде всего в северной его части, распространены городища и селища этого времени [Медведев, 2008, с. 64–81]. Однако заведомо относящихся к ним захоронений до сих пор не найдено.

Местоположение неподалеку от края высокого речного берега характерно для сарматских могильников донской лесостепи. В случае с публикуемыми погребениями выглядит не вполне обычным использование насыпи древнего вала. Впрочем, и ранее части человеческого скелета были найдены в оборонительной насыпи начала н.э. на III Чертовицком городище [Медведев, 1998, с. 49]. На Подгоренском городище II–III вв. в одном из валов обнаружена сгоревшая деревянная конструкция с несколькими кальцинированными костями [Медведев, 1996, с. 118]. Наконец, на городище у с. Верхнее Казачье в насыпи вала скифской эпохи, наряду с более древними останками, было открыто захоронение, датированное по радиоуглероду второй половиной II в. до н.э. – первой половиной I в. н.э. [Разуваев, Решетова, 2019, с. 56, 59].

Надо полагать, что выделяющееся на местности всхолмление отчасти заменяло надмогильную насыпь. Тем не менее, налицо отклонение от стандартной обрядности. Переход кочевников к бескурганному способу погребения связывают с процессом седентаризации [Федоров-Давыдов, 1966, с. 200]. В нашем случае есть основания видеть в похороненных людях обитателей расположенного рядом Большого Сторожевого городища. Дело в том, что культурные напластования этого хорошо укрепленного поселения, в основном относящиеся к скифоидной культуре и датирующиеся V–III вв. до н.э., также содержат керамику и отдельные вещи сарматского времени [Белая, Недиков, 2023, с. 17, 20; Медведев, 1990, с. 168–169]. Помимо того, на городищенской площадке открыты слабоуглубленные округлые постройки с характерной для начала н.э. сероглиняной посудой [Погорелов, 1988].

Следы пребывания сарматов отмечены и на ряде других городищ донской лесостепи [Медведев, 2000]. По меньшей мере, они могут отмечать места зимников – сезонных сто-

янок, которые являются неотъемлемым элементом любого кочевого хозяйства [Иванов, 2021, с. 285–286]. Здесь уместно отметить, что, исходя из доминирования юго-восточной ориентировки погребенных, именно к зимнему времени А.П. Медведев отнес появление большинства курганов I Чертовицкого могильника [Медведев, 2008, с. 55].

Исходя из сказанного, логично предположить, что во всхолмлении на возвышенном берегу Дона нашли упокоение представители сарматского этноса, видимо, какое-то время обитавшие либо на Большом Сторожевом городище, либо по соседству с ним. Нельзя исключать их проживания в оседло-земледельческой среде. Как сказано, рацион питания индивидов из могильника был основан на растительном компоненте, то есть включал продукты земледелия,

надо полагать, практиковавшегося на городище. Известно, что появление этой отрасли у кочевников приводит к существенному видоизменению скотоводческого хозяйства, ограничивая его подвижность [Симаков, 1978]. Трансформация жизненного уклада, несомненно, воздействовала и на мировоззренческие установки. Возможно, этому процессу и обязаны своим появлением публикуемые погребения.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10087, <https://rscf.ru/project/23-78-10087/>.

The study was carried out by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-78-10087, <https://rscf.ru/project/23-78-10087/>.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Индивидуальные значения $\Delta \delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ в образцах из погребений на Малом Сторожевом городище

Table 1. Individual values $\Delta \delta^{13}\text{C}$ and $\delta^{15}\text{N}$ in samples from burials on the Maloe Storozevoe hillfort

Погребение	Индивид	Кость	$\delta^{13}\text{C}$ vpdb	$\delta^{15}\text{N}$ air	%C	%N	mass C/N	atom C/N
1	1. Мужчина 25–30 лет	Верхний клык	–14,69	10,25	45,3	15,7	2,9	3,4
1	2. Ребенок 5–10 лет	Фрагмент свода черепа	–13,06	10,21	35,3	13,0	2,7	3,2
2	Мужчина старше 60 лет	Верхний правый резец 2	–14,28	10,94	43,7	15,7	2,8	3,3
3	Мужчина (?) 25–35 лет	Верхний резец 2	–14,75	12,09	36,9	13,2	2,8	3,3
4	Пол – ? 14–19 лет	Нижний правый премоляр 2	–11,44	9,51	30,0	11,0	2,7	3,2
5	Мужчина 40–44 лет	Верхний M2	–13,61	10,31	43,5	15,6	2,8	3,3

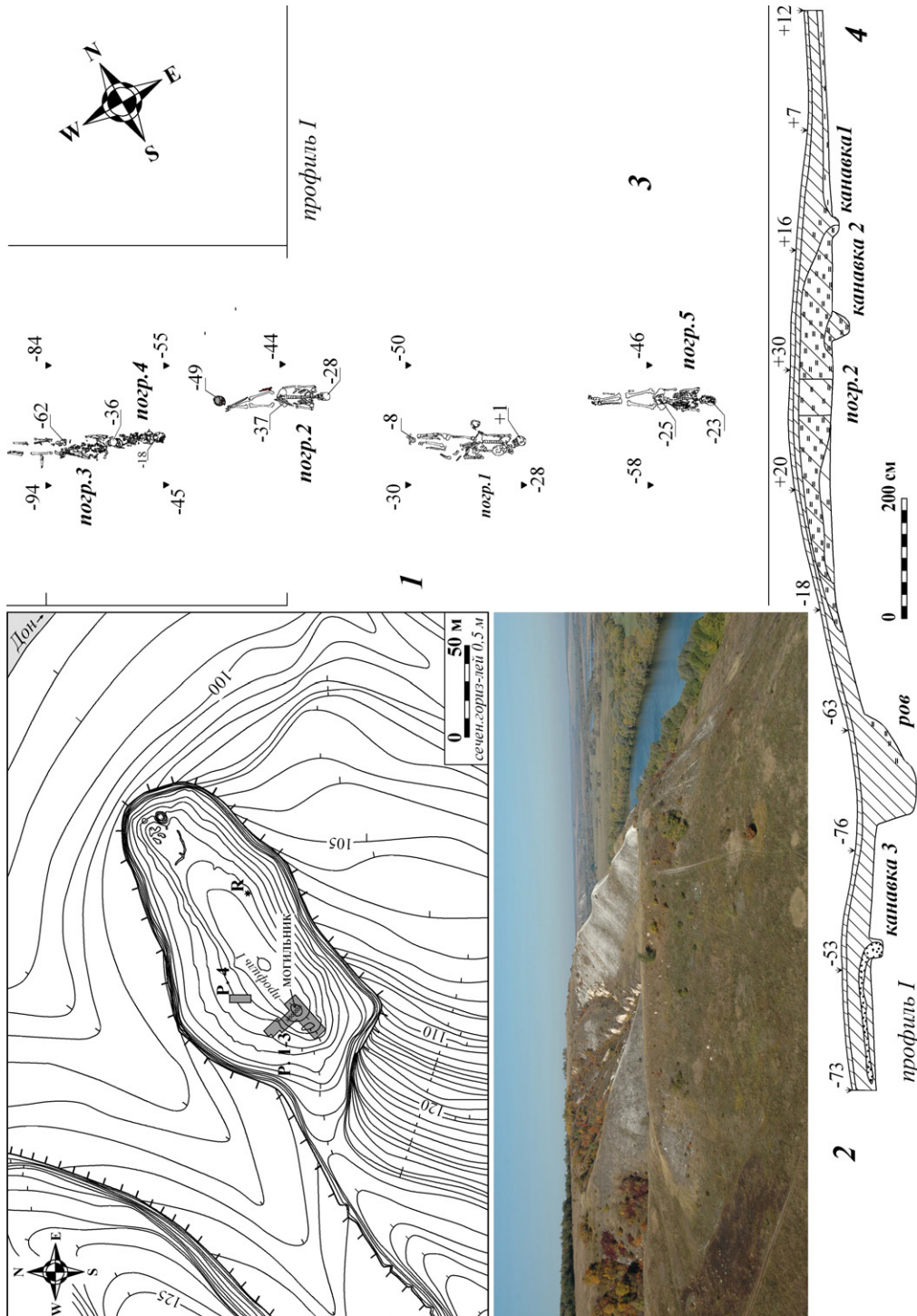

Рис. 1. Могильник на Малом Сторожевом городище:

1 – план городища; 2 – общий вид памятника с юго-востока; 3 – план могильника; 4 – профиль оборонительных сооружений

Fig. 1. Cemetery at the Maloe Storozhevoe hillfort:

1 – plan of the hillfort; 2 – general view of the monument from the southeast; 3 – plan of the cemetery; 4 – profile of defensive structures

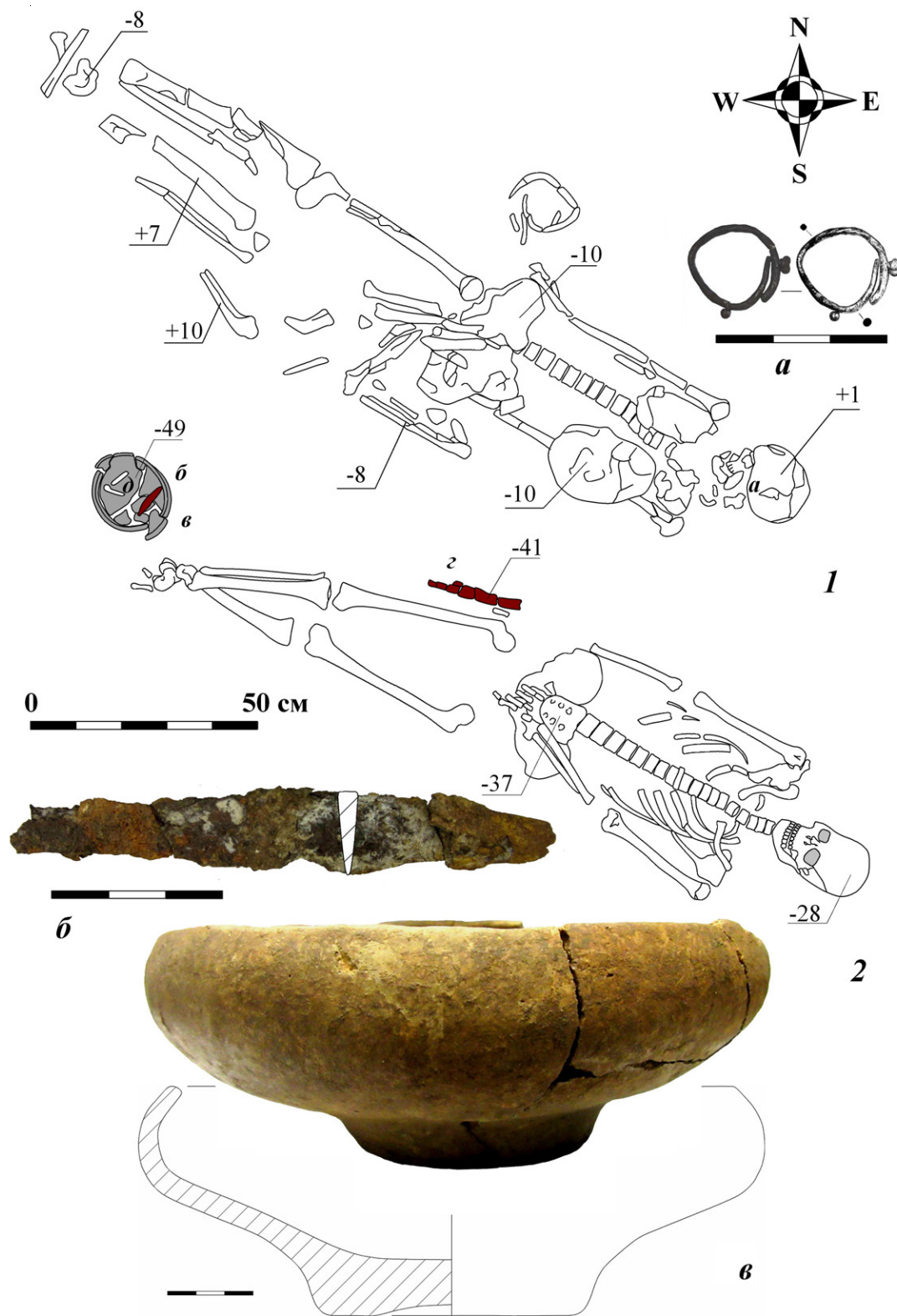

Рис. 2. Погребения 1 и 2:

1 – план и инвентарь погребения 1: а – серебряная серьга; 2 – план и инвентарь погребения 2: б – железный нож, в – глиняная миска, з – железный кинжал, д – кости животного

Fig. 2. Burials 1 and 2:

1 – plan and inventory of the burial 1: a – silver earring; 2 – plan and inventory of burial 2: б – iron knife, в – clay bowl, з – iron dagger, д – animal bones

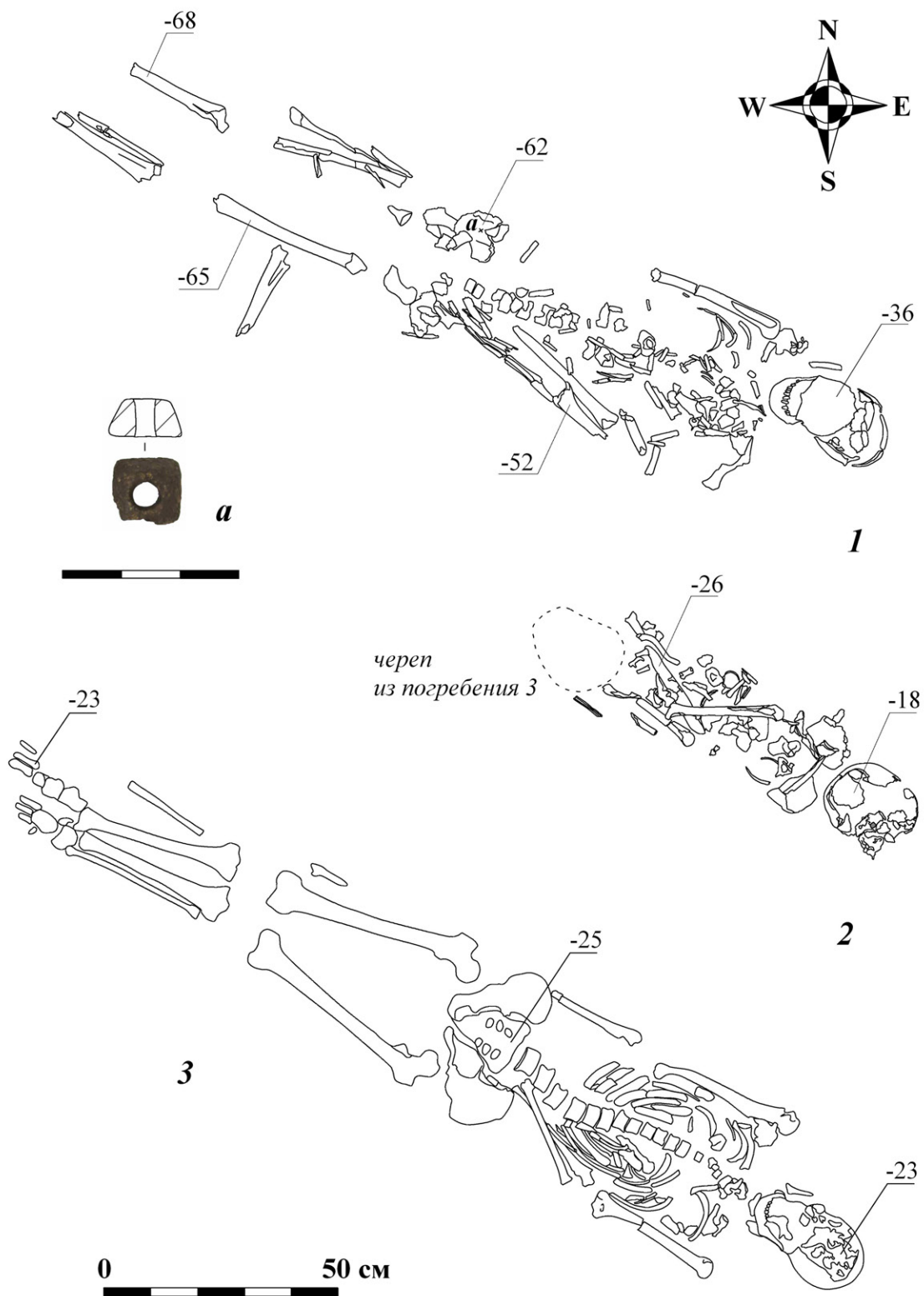

Рис. 3. Погребения 3, 4 и 5:

1 – план и инвентарь погребения 3: а – костяная пронизь; 2 – план погребения 4; 3 – план погребения 5

Fig. 3. Burials 3, 4 and 5:

1 – plan and inventory of the burial 1: a – bone bead; 2 – plan of burial 4; 3 – plan of burial 5

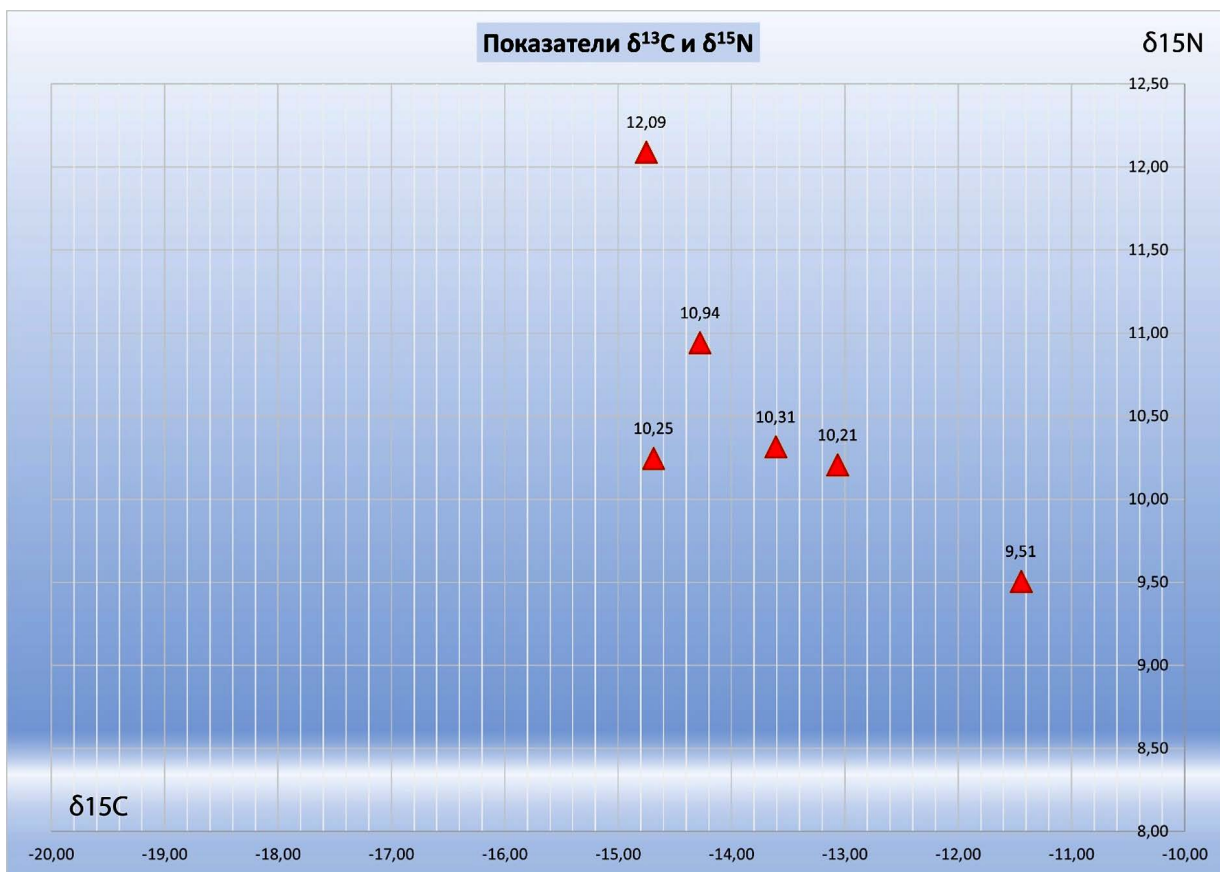

Рис. 4. Значения $\Delta \delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ в образцах из погребений 1–5

Fig. 4. Values of $\Delta \delta^{13}\text{C}$ and $\delta^{15}\text{N}$ in samples from burials 1–5

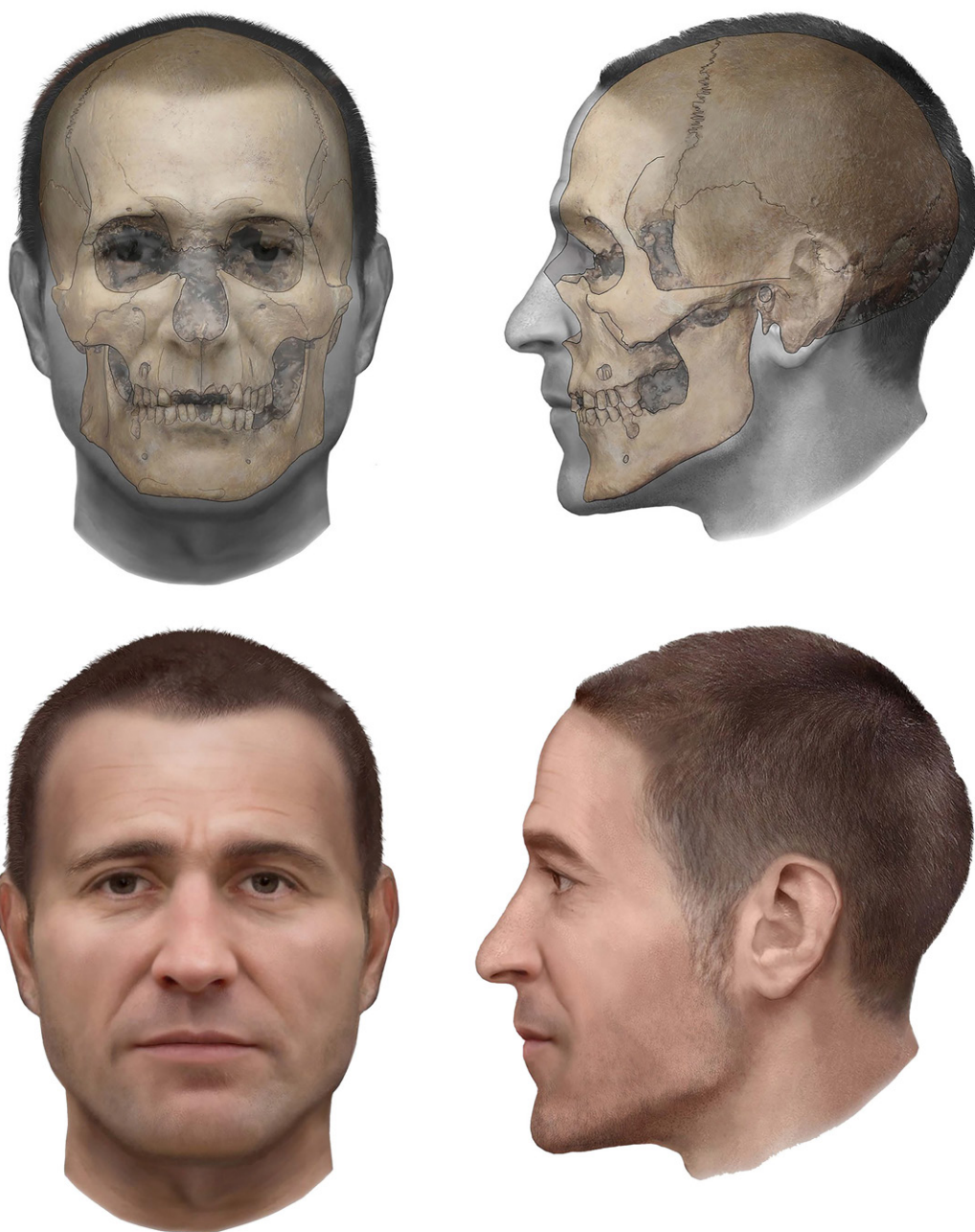

Рис. 5. Реконструкция внешнего облика индивида из погребения 2
Fig. 5. Reconstruction of the appearance of the individual from burial 2

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Е. М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. Вып. Г1–12. М. : Наука. 105 с.
- Белая Н. Н., Недиков В. Н., 2023. Некоторые итоги исследования городища Большое Сторожевое // Полвека в поисках древностей : материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию археол. экспедиции Воронеж. гос. пед. ун-та. Воронеж : Изд-во ВГПУ. С. 12–21.
- Бирюков И. Е., Голышкин А. О., Ключко А. А., 2022. Сарматский могильник «Петровский проезд» в г. Липецке // Археологическое наследие. № 1 (5). С. 8–33.
- Дашевская О. Д., 1991. Поздние скифы в Крыму. САИ. Вып. Д1-07. М. : Наука. 144 с.
- Иванов В. А., 2021. Седентаризация средневековых кочевников Восточной Европы : понимание и проявление // Золотоордынское обозрение. Т. 9, № 2. С. 272–295. DOI: <http://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-2.272-295>
- Медведев А. П., 1990. Сарматы и лесостепь. Воронеж : Изд-во ВГУ. 220 с.
- Медведев А. П., 1996. Подгоренское городище на р. Воронеж // Археологические памятники лесостепного Придонья. Вып. 1. Липецк : ЛГПИ. С. 111–121.
- Медведев А. П., 1998. III Чертовицкое городище (материалы 1-ой половины I тыс. н.э.) // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12. Воронеж : ВГУ. С. 42–84.
- Медведев А. П., 2000. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи на Дону. Вып. 1. Ростов-н/Д : Терра. С. 233–255.
- Медведев А. П., 2008. Сарматы в верховьях Танаиса. М. : Таус. 252 с.
- Пашкевич Г. А., 2000. Земледелие в степи и лесостепи восточной Европы в неолите – бронзовом веке (палеоэтноботанические свидетельства) // Stratum plus. № 2. С. 404–418.
- Погорелов В. И., 1988. Отчет об археологических разведках и раскопках в Острогжском, Бутурлиновском и Павловском районах Воронежской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р1. № 12750.
- Разуваев Ю. Д., Меркулов А. Н., Неретина Ю. А., 2021. Результаты исследований Малого Сторожевого городища скифской эпохи // История : факты и символы. № 3 (28). С. 45–51. DOI: <http://doi.org/10.24888/2410-4205-2021-28-3-45-51>
- Разуваев Ю. Д., Решетова И. К., 2019. Погребения на многослойном городище у с. Верхнее Казачье близ г. Задонска // История : факты и символы. № 4 (21). С. 55–67. DOI: <http://doi.org/10.24888/2410-4205-2019-21-4-18-55-67>
- Симаков Г. Н., 1978. Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов (конец XIX – начало XX в.) // Советская этнография. № 6. С. 19–26.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. : Изд-во Моск. ун-та. 274 с.
- Tykot R. H., 2004. Stable isotopes and diet : you are what you eat // Proceedings of the International School of Physics «Enrico Fermi». Course CLIV. Amsterdam : IOS Press. P. 433–444.

REFERENCES

- Alekseeva E.M., 1982. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [Antique Beads from the Northern Black Sea Region]. Svod Arheologicheskikh Istochnikov, iss. Г1–12. Moscow, Nauka Publ. 105 p.
- Belaya N.N., Nedikov V.N., 2023. Nekotorye itogi issledovaniya gorodishcha Bol'shoe Storozhevoe [Some Results of the Research of the Hillfort of Bol'shoe Storozhevoe]. *Polveka v poiskah drevnostey: materialy mezhregion. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 50-letiyu arheol. ekspeditsii Voronezh. gos. ped. un-ta* [Half a Century in Search of Antiquities. Materials of the Interregional Scientific and Practical Conference Dedicated to the 50th Anniversary of the Archaeological Expedition of the Voronezh State Pedagogical University]. Voronezh, VSPU, pp. 12-21.
- Biryukov I.E., Golyshkin A.O., Klyukoyt A.A., 2022. Sarmatskiy mogil'nik «Petrovskiy proyezd» v g. Lipetske [The Sarmatian burial ground “Petrovsky passage” in Lipetsk]. *Arkheologicheskoye naslediyе* [Archaeological Heritage], no.1 (5), pp. 8-33.

- Dashevskaya O.D., 1991. *Pozdnie skify v Krymu* [Late Scythians in Crimea]. Svod Arheologicheskikh Istochnikov, iss. 41-07. Moscow, Nauka Publ. 144 p.
- Ivanov V.A., 2021. Sedentarizatsiya srednevekovykh kochevnikov Vostochnoy Evropy: ponimanie i proyavlenie [Sedentarization of the Medieval Nomads of Eastern Europe: Understandings and Manifestations]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], vol. 9, no. 2, pp. 272-295. DOI: <http://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-2.272-295>
- Medvedev A.P., 1990. *Sarmaty i lesostep'* [Sarmatians and Forest-Steppe]. Voronezh, VSU. 220 p.
- Medvedev A.P., 1996. Podgorenskoye gorodishche na r. Voronezh [Podgorenskoye Hillfort on the River Voronezh]. *Arkheologicheskiye pamyatniki lesostepnogo Pridon'ya* [Archaeological Monuments of the Forest-Steppe Don River Region], iss. 1. Lipetsk, LSPU, pp. 111-121.
- Medvedev A.P., 1998. III Chertovitskoe gorodishche (materialy 1-oy poloviny I tys. n.e.) [III Chertovitskoe Hillfort (Materials of the 1st Half of the 1st Millennium AD)]. *Arheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi* [Archaeology of the Eastern European Forest-Steppe], iss. 12. Voronezh, VSU, pp. 42-84.
- Medvedev A.P., 2000. Arheologicheskie materialy o prisutstvii sarmatov na lesostepnykh gorodishchakh [Archaeological Materials on the Presence of Sarmatians in Forest-Steppe Hillforts]. *Sarmaty i ih sosedi na Donu* [Sarmatians and their Neighbors on the Don], iss. 1. Rostov-on-Don, Terra Publ., pp. 233-255.
- Medvedev A.P., 2008. *Sarmaty v verhov'yah Tanaisa* [Sarmatians in the Upper Reaches of the Tanais]. Moscow, Taus. 252 p.
- Pashkevich G.A., 2000. Zemledelie v stepi i lesostepi vostochnoy Evropy v neolite – bronzovom veke (paleoetnobotanicheskie svidetel'stva) [Agriculture in the Steppe and Forest-Steppe of Eastern Europe in the Neolithic – Bronze Age (Paleoethnobotanical Evidence)]. *Stratum plus*, no. 2, pp. 404-418.
- Pogorelov V.I., 1988. Otchyot ob arheologicheskikh razvedkakh i raskopkakh v Ostrogozhskom, Buturlinovskom i Pavlovskom rayonah Voronezhskoy oblasti v 1988 g. [Report on Archaeological Exploration and Excavations in the Ostrogozhsky, Buturlinovsky and Pavlovsky Districts of the Voronezh Region in 1988]. *Arhiv IA RAN*, R-1, no. 12750.
- Razuvaev Yu.D., Merkulov A.N., Neretina Yu.A., 2021. Rezul'taty issledovaniy Malogo Storozhevogo gorodishcha skifskoy epohi [Results of the Exploration of a Small Watch Fortress of the Scythian Era]. *Istoriya: fakty i simvoly* [History: Facts and Symbols], no. 3 (28), pp. 45-51. DOI: <http://doi.org/10.24888/2410-4205-2021-28-3-45-51>
- Razuvaev Yu.D., Reshetova I.K., 2019. Pogrebeniya na mnogosloynnom gorodishche u s. Verhnee Kazach'e bliz g. Zadonska [Mortgages on Multilayered Ancient City Site near the Village Verhnee Kozachie near Zadonsk]. *Istoriya: fakty i simvoly* [History: Facts and Symbols], no. 4 (21), pp. 55-67. DOI: <http://doi.org/10.24888/2410-4205-2019-21-4-18-55-67>
- Simakov G.N., 1978. Opyt tipologizatsii skotovodcheskogo hozyaystva u kirgizov (konets XIX – nachalo XX v.) [Experience of Typology of Cattle Breeding among the Kyrgyz (Late 19th – Early 20th Centuries)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], no. 6, pp. 19-26.
- Fedorov-Davydov G.A., 1966. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh hanov* [Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde Khans]. Moscow, MSU. 274 p.
- Tykot R.H., 2004. Stable Isotopes and Diet: You are What You Eat. *Proceedings of the International School of Physics «Enrico Fermi». Course CLIV*. Amsterdam, IOS Press, pp. 433-444.

Information About the Authors

Yuriy D. Razuvaev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian History, Voronezh State Pedagogical University, Lenina St, 86, 394043 Voronezh, Russian Federation, razuvaevyd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4865-3206>

Aleksandr N. Merkulov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian History, Voronezh State Pedagogical University, Lenina St, 86, 394043 Voronezh, Russian Federation, aleksandrmerkulov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9957-3065>

Sergey A. Nelyubov, Senior Laboratory Assistant, Laboratory of Contextual Anthropology, Institute of Archeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117036 Moscow, Russian Federation, ser.nelubov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1533-2409>

Yuliya A. Neretina, Head of the Archaeological Museum named after Professor A. T. Sinyuk, Voronezh State Pedagogical University, Lenina St, 86, 394043 Voronezh, Russian Federation, virra_08@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4011-489X>

Информация об авторах

Юрий Дмитриевич Разуваев, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина, 86, 394043 г. Воронеж, Российская Федерация, razuvaevyd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4865-3206>

Александр Николаевич Меркулов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина, 86, 394043 г. Воронеж, Российская Федерация, aleksandrmerkulov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9957-3065>

Сергей Алексеевич Нелюбов, старший лаборант лаборатории контекстуальной антропологии, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация, ser.nelubov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1533-2409>

Юлия Александровна Неретина, заведующий археологическим музеем им. проф. А.Т. Синюка, Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина, 86, 394043 г. Воронеж, Российская Федерация, virra_08@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4011-489X>

Миссия журнала «Нижеволжский археологический вестник» – создание благоприятных условий для научного общения, популяризации и обмена новейшими достижениями в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; обогащение науки новыми археологическими источниками; ознакомление широкого круга исследователей с новациями и достижениями в области теории и практики современной археологии.

Редакционная политика журнала направлена на популяризацию исторических знаний и оперативный обмен новейшими разработками в евразийской степной археологии между отечественными и зарубежными учеными и заинтересованными читателями. Степи Евразии являются важнейшим регионом, история которого непосредственно влияла на процессы культурогенеза и этногенеза как в древности, так и в средневековье, связывая цивилизации Востока и Запада. Археологические исследования на данной территории остаются ценным источником реконструкции многих исторических процессов и важным фактором для понимания современных процессов мировой интеграции в Евразийском регионе.

Журнал приветствует естественнонаучные исследования в области археологии и исторических реконструкций.

С целью обеспечения высокого качества публикуемых материалов рецензентами выступают ведущие российские и зарубежные специалисты в различных областях знаний и периодах истории. Публикация полевых исследований допускается при наличии в статье глубокого анализа материалов с учетом достижений мировой науки.

Цели журнала – освещение и обсуждение актуальных теоретических и практических проблем археологии, использование естественнонаучных методов в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; информирование научной общественности о достижениях в области полевой и теоретической археологии в древности и средневековье.

Задачи журнала:

- публикация аналитических научных статей, рецензий и критических обзоров;
- оперативное введение в научный оборот результатов полевых археологических исследований;
- организация дискуссий по наиболее актуальным проблемам археологии евразийских степей и сопредельных территорий;
- развитие научных контактов между специалистами в области археологии и естественнонаучных дисциплин;
- обзор прошедших и анонс предстоящих научных мероприятий по археологии и междисциплинарным исследованиям;
- поддержание высокого уровня научных публикаций.

The mission of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* is to create favorable conditions for scientific communication, promoting and exchanging the latest achievements in the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to enrich the science with new archaeological sources; to present the most recent advances and innovations in the contemporary Archaeology to a wide range of researchers.

The aim of the journal is to cover and discuss current research issues related to Archaeology and scientific methods applied to the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to inform the scientific community on the achievements of field and theoretical Archaeology in ancient times and the Middle Ages.

The editorial policy of the journal is aimed at the historical knowledge popularization and rapid exchange of the latest developments in the Eurasian steppe Archaeology between Russian and foreign scholars. The Eurasian steppes are a very important region. Its history had a direct impact on the processes of culture-genesis and ethnogenesis both in ancient times and in the Middle Ages and connected Eastern and Western civilizations. Archaeological research in this territory remains a valuable source of reconstructing many historical processes and a key factor for understanding modern world integration processes in the Eurasian region.

The journal welcomes natural scientific research applied to Archaeology and historical reconstructions.

To ensure the high quality of published materials the international team of leading experts in various disciplines, fields and historical periods provide their reviews. We publish field studies only if the article contains the in-depth analysis of materials and takes into account the achievements of world science.

The objectives of the journal are to:

- publish research papers, reviews and critical notes;
- present research findings to end users in the most useful way;
- create a platform for discussing challenges related to the Archaeology of the Eurasian steppes and adjacent territories;
- develop scientific contacts between experts in Archaeology and Natural Sciences;
- review the past scientific events in Archaeology and interdisciplinary studies and announce the future ones;
- maintain the high level of academic publications.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (nav@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции nav@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Нижеволжский археологический вестник».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://nav.jvolsu.com> («Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not have been previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the research.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail nav@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail nav@volsu.ru, the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *The Lower Volga Archaeological Bulletin* print periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://nav.jvolsu.com/index.php/en> (section "For Author").